

Содержание

ОТ РЕДАКТОРА

В поисках верного пути. «Кажется, что все-таки то новое, что происходит в мире, что влияет на умы людей – не находит отклика. Либо отклик этот – симптоматичный, не учитывающий глубины изменений. Вопрос – в том, как свести новое и традиционное и найти верный путь – в политике как государственной, так и редакционной», – пишет помощник главного редактора *Индекса Безопасности* **Ирина Миронова**.

Ключевые слова: *Индекс Безопасности iSi, Россия–США, новый ДСНВ, Россия–АТР.*

В ДЕСЯТКУ

Об истории

ИНТЕРВЬЮ

Анатолий Антонов: «**В ближайшее время ситуация в области ПРО будет той лакмусовой бумажкой, которая покажет реальную готовность сторон к эффективному взаимодействию**» – Если считать, что *перезагрузка* в российско-американских отношениях закончилась – значит ли это, что раздражители и противоречия в военно-политических связях исчезли? Ответ состоит в том, что расхождения – остаются.

Ключевые слова: *новый Договор о СНВ, ядерное разоружение, высокоточное оружие, ПРО в Европе, Россия–НАТО.*

Роуз Геттемюллер: «**Новый Договор СНВ – продолжение успешной истории и победа для обеих сторон**» – Новый ДСНВ является новым этапом в развитии отношений между США и Россией. Заместитель госсекретаря США Роуз Геттемюллер рассказала редакции о принципиальных отличиях нового Договора от предшествующих и особенностях процесса ратификации.

Ключевые слова: *ратификация нового ДСНВ, история переговоров России и США по СНВ.*

АНАЛИЗ

Анатолий Анин, Родион Аюмов. **ДОВСЕ – вчера, сегодня... завтра?..** – В 2010 г. обозначилась активизация переговорного процесса по поиску путей вывода ДОВСЕ из кризиса. Новый режим контроля над обычными вооружениями нужен и Европе, и России в равной степени. В статье рассмотрены подходы России и НАТО к режиму и сделаны выводы о его перспективах.

Ключевые слова: *история переговоров по ДОВСЕ, подходы России по ключевым проблемам.*

Виктор Сумский. **Почему нас не было в ВАС и почему нас теперь туда зовут** – Почему, вопреки противопоказаниям, нас все-таки зовут в

Восточноазиатский Саммит, да еще на пару с США, до последнего времени вообще не выражавшими желания участвовать в этом саммите?

Ключевые слова: восточноазиатский регионализм, АСЕАН, Китай, США, Россия и регион Восточной Азии.

Юлия Никитина. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности – Многие государства придерживаются стратегии участия в схожих по составу и функциям региональных организациях и форматах сотрудничества, что позволяет проводить многовекторную политику балансирования между интересами различных региональных держав.

Ключевые слова: региональная безопасность, потенциал сотрудничества ОДКБ и ШОС.

Светлана Ключанская. Перспективы сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в стратегических областях – Сотрудничество России со странами Юго-Восточной Азии в областях военно-технического сотрудничества, атомной энергетики, космоса и нанотехнологий играет крайне важную роль. При выработке комплексной стратегии действий в рамках региона можно добиться того, что в перспективе сотрудничество со странами ЮВА будет служить не только финансовым целям, но также станет стимулом для развития российской науки и техники.

Ключевые слова: Страны Юго-Восточной Азии, Россия, военно-техническое сотрудничество, атомная энергетика, космос, нанотехнологии.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

К. Барский, А. Бородавкин, А. Воронцов, М. Галузин, А. Лукин, В. Никонов, А. Оганесян, В. Орлов, А. Панов, В. Пестов, В. Сумский, Г. Толорая. Тихоокеанский вектор внешней политики России – Каковы итоги российского внедрения в Азиатско-Тихоокеанский регион в 2010 г.? Что препятствует встраиванию России в региональный контекст, и какие задачи необходимо решить для полноценного взаимодействия со странами АТР? Эти и другие вопросы обсуждались на круглом столе ПИР-Центра, проведенном совместно с журналом *Международная Жизнь* при поддержке МИД РФ.

Ключевые слова: роль России в АТР, региональные проблемы АТР.

КОММЕНТАРИЙ

Александр Никитин. Участие России в международном миротворчестве и перспективы его реформирования – К настоящему времени сложились несколько все дальше расходящихся друг с другом моделей международного вмешательства в конфликты, и это оказывает влияние на участие России в миротворческих операциях.

Ключевые слова: коллективные операции, вмешательство региональных организаций, миротворчество в узком и широком смысле.

Вадим Козюлин, Галия Ибрагимова. Афганистан: что его ждет и что это значит для России – США и Евросоюз увязли в Ираке и Афганистане. Две страны поглощают гигантские ресурсы, множат примеры бездумного

расточительства и оставляют минимум надежд на возможность новых конструктивных проектов. Барак Обама назвал срок начала вывода коалиционных войск из Афганистана – июль 2011 г.

Ключевые слова: вывод коалиционных сил, Аль-Каида, Талибан,

ОБЗОРЫ

Галия Ибрагимова. Индекс iSi за январь-март 2011 г.: зима перемен – Снижение Индекса – результат бурных политических событий в арабских государствах Ближнего Востока и Северной Африки, которые негативно повлияли на состояние региональной и глобальной безопасности. Растет число терактов в Пакистане, Ираке и Афганистане. Землетрясения в Новой Зеландии и Японии, ситуация на японской АЭС Фукусима-1 также привели к резкому снижению Индекса.

Ключевые слова: природные катастрофы и техногенные аварии, Ближний Восток, Корейский полуостров, стратегическая стабильность и ядерная безопасность.

Юрий Федоров. Глазами либерала: на круги своя – Полтора-два года назад казалось, что мир стоит на пороге далеко идущих перемен, природа и последствия которых с трудом поддаются анализу и прогнозированию. Однако ничего драматического в мире не случилось. Мировая политика в очередной раз вернулась на круги своя.

Ключевые слова: Стратегическая концепция НАТО, новый ДСНВ, ПРО.

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: хроника объявленных смертей – Итак, началось. Теперь уже вряд ли кто-то будет спорить, что наконец-то начался обещанный новый мировой беспорядок. Начался, как обычно начинаются наши исторические эпохи, внезапно. Просто пружина, годами накапливавшая напряжение, внезапно распрямилась.

Ключевые слова: Wikileaks, Ближний Восток, новый ДСНВ, Центральная Азия, новый мировой порядок.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Алексей Обухов. Секреты дипломата-переговорщика – В Москве и в Вашингтоне советско-американским переговорам по ОСВ придавалось особое значение. Степень ответственности, ложившаяся на плечи делегации СССР, была весьма высокой. Особая роль в направлении и организации работы делегации принадлежала ее первому руководителю – Владимиру Семеновичу Семенову.

Ключевые слова: В.С. Семенов, история переговоров по ОСВ, работа советской делегации.

БИБЛИОТЕКА

Максим Братерский. Откровенно о политике? – В отличие от американцев и европейцев, Россия останется соседом Ирана навсегда. В случае неудачи силовой акции против Ирана, если она будет, американцы сядут на свои

корабли и уйдут домой. У России такой возможности не будет, поэтому она действует с гораздо большей оглядкой на возможные последствия.

Ключевые слова: Иранский кризис, политика США в Иране, политика России в Иране

Екатерина Степанова. Асимметричный конфликт как нематематическая категория – Кто основные участники асимметричного конфликта и как их состав менялся во времени? Какие критерии, помимо военно-силового и статусного, характеризуют и определяют асимметрию в конфликте? Какие характеристики и условия позволяют вооруженным акторам, не имеющим массовой поддержки населения, бесконечно долго вести асимметричное вооруженное противостояние? Любая современная концепция асимметричного конфликта должна внятно ответить на эти базовые вопросы.

Ключевые слова: теория асимметричного конфликта.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Галия Ибрагимова, Александр Колбин, Маргарита Колесниченко, Юлия Крячкина, Иван Трушкин – сотрудники и стажеры ПИР-Центра готовят обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ

Юрий Гусев. Наркотики – угроза безопасности России.

SUMMARY

ОБ АВТОРАХ

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

КОНЕЦ. ЦИТАТЫ

О свойствах ума

В ПОИСКАХ ВЕРНОГО ПУТИ

События последних нескольких месяцев заставляют задуматься о том, как наш мир непостоянен, и о том, насколько адекватно мы себе можем представить его будущее. Подумать только – с помощью *Facebook* и *Twitter* люди организуются на восстания против прявящих режимов. Европу накрывает волна беженцев из северной Африки, и лучшего способа, чем выдать временный вид на жительство тем, кто согласен ехать в другую страну *Шенгена*, видимо, пока не придумали. В Азии государство, которое представляется одним из самых *безопасных* в мире, страдает от *ядерного кризиса* с плачевными последствиями для национальной и региональной экономик (благо, богатые страны нашего мира решили поддержать иену). Индекс безопасности *iSi* упал так низко, что график элементарно не помещается в традиционно отведенном ему пространстве на обложке. И все это – на фоне впечатления *затишья* начала 2011 г.

С последствиями бури, которая, вероятно, еще не закончилась, борются лидеры стран – поездками, переговорами, решениями. С последствиями борются специалисты – в защитных костюмах, с дозиметрами. С последствиями борются обыватели – обменом билетов (сколько рейсов с трансфером в Триполи было отменено?), отправкой записки «Поможем Японии!» друзьям *В контакте*, голосованием за фото недели в блоге *BesT-Today*... Мир не сошел с ума. Меняются вызовы, меняются способы достижения целей, но основы и традиционные аспекты безопасности – остаются.

Из отпуска вернулись наши постоянные обозреватели Юрий **Федоров** и Дмитрий **Евстафьев**, которые со своей – либеральной или консервативной – позиции позволили заглянуть за *кулисы* мировой политики и расставили все по полочкам.

В номере журнала, который Вы держите в руках, лейтмотивом проходят несколько тем.

Во-первых, это тема **российско-американских отношений**, которая получила новый импульс после ратификации обеими странами нового Договора СНВ. Проблема сокращения стратегических наступательных вооружений неразрывно связана с вопросами стратегических оборонительных вооружений, а также обычных вооруженных сил. Однако очевидно, что именно СНВ на данном этапе стали ключевым двигающим фактором дальнейшего развития российско-американских отношений в сфере контроля над вооружениями. Здесь стоит отметить, что члены Совета по устойчивому партнерству с Россией (СУПР) на заседании, состоявшемся в феврале 2011 г., пришли к выводу, что позитивную динамику необходимо сохранить, так как есть опасность, что она вскоре сойдет *на нет*.

Несмотря на важность конкретных цифр *потолков* вооружений, прописанных в договоре, ничуть не менее значимый вопрос заключается в том, в какой степени Договор послужит стимулом к концептуальным изменениям в понимании проблемы ядерного оружия. Если

говорить упрощенно, то концепция сдерживания – это схема, направленная на снижение *вероятности* ядерного удара посредством увеличения *возможности* ядерного удара. Это выливается в представление о линейной зависимости между количеством ядерных боезарядов и степенью безопасности страны. (Ю.Е. Федоров отмечает: «Российские военные стратеги исходят из того, что главная угроза для страны – это возможный ядерный удар со стороны США. Отсюда – сохраняющаяся ставка на безусловный паритет с американцами в оружии массового поражения. Мышление российского генералитета не изменилось со времен холодной войны»). Работа на концептуальном уровне (попытка поменять представление) началась вовсе не вчера¹. Прослеживается ли движение на пути поиска новой концептуальной основы, которая заменит принцип сдерживания? Старт дискуссии, которая непременно будет продолжена и в последующих номерах журнала, дают интервью с Анатолием **Антоновым** и Роуз **Готтемюллер**, главами делегаций на переговорах по подготовке нового Договора СНВ.

Вторая тема, получившая пристальное внимание в номере – это тема **присутствия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе**. Тема важна по крайней мере в силу трех причин. Это все возрастающая роль стран региона в мировой экономике, о чем свидетельствует неуклонный рост доли азиатских государств в мировом ВВП и усиление местных валют, а также увеличение веса на международных форумах. Это качественные перемены в российском внешнеполитическом курсе, результатом которых стало заметное усиление азиатского вектора в 2010 г. И, наконец, это наличие перспектив и, что не менее важно, планов качественного развития экономического присутствия России в Восточной Азии и регионе АТР в целом.

Виктор **Сумский** в своей статье «Почему нас не было в ВАС и почему нас теперь туда зовут» дает емкую характеристику основных событий: «Всем, кто заинтересованно следит за внешней политикой России в Восточной Азии, 2010 г. запомнится надолго. Дипломатическая активность на этом направлении была, пожалуй, как никогда высока. Ее пик пришелся на конец года, отмеченный не только визитами президента РФ в Китай, Вьетнам, Южную Корею и Индию, но также его участием во втором саммите Россия–АСЕАН (Ханой), в сеульском саммите G-20 и состоявшейся следом в Йокогаме встрече лидеров стран, входящих в форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). А были ведь еще и такие знаковые события, как прием России в форум «Азия–Европа» (АСЕМ), как первая конференция министров обороны стран-участниц АСЕАН и восьми диалоговых партнеров этой Ассоциации. Было, наконец, и официальное приглашение присоединиться к Восточноазиатскому саммиту (ВАС), одновременно полученное Россией и США». Исследователь не останавливается на простом перечислении *достижений*; о мотивации азиатских стран принять Россию в *свои ряды* читайте в его статье.

Теме политики России в АТР (и успехам, и *подводным камням*) был посвящен круглый стол с участием ведущих экспертов – представителей экспертных, академических, дипломатических кругов. В ходе дискуссии участники обратились к вопросам о стратегии России в регионе, о восприятии России странами АТР, об опыте и возможностях участия России в решении региональных проблем, и о балансе интересов США и Китая в АТР. «Можно говорить о стратегии интеграции, или о стратегии неприсоединения – но ключевым является факт наличия видения и понимания нами *сверхзадачи* по отношению к региону АТР», – отметил в заключение дискуссии Владимир **Орлов**. Действительно, дальнейшая концептуальная разработка принципов участия России в региональных делах необходима.

О перспективах сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в стратегических областях в своей аналитической статье пишет молодая исследовательница из Томского Государственного Университета Светлана **Ключанская**. Планы и перспективы именно в таких областях, как военно-техническое сотрудничество, космические разработки, нанотехнологии и атомная энергетика (проекты *Росатома* в последней области, несмотря на *кризис доверия* к атомной энергетике во всем мире в связи с ситуацией на АЭС *Фукусима-1*, не сворачиваются) помогут обеспечить базу для перехода на *инновационный путь* развития экономики, о котором так много говорят в последний год-полтора.

Глядя на два *внешнеполитических* эпизода, кажется, что все верно – делаются правильные шаги в правильном направлении, надо только не упустить тенденцию. Но все-таки то новое, что происходит в мире, что влияет на умы людей – не находит отклика. Либо отклик этот – симптоматический, не учитывающий глубины изменений (реализация откровенно бредовой идеи о запрете некоторых *онлайн-сервисов* вряд ли повлияет на сознание, уже измененное этими сервисами). Вопрос – в том, как свести новое и традиционное и найти верный путь – в политике как государственной, так и редакционной.

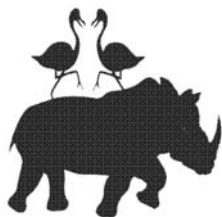
Примечания

¹ Очень ярко и эмоционально *процесс преодоления* мышления эпохи холодной войны на переговорах Горбачева и Рейгана в Рейкьявике обрисовал Дэвид Хоффман в книге *The Dead Hand: The Untold Story of the Cold War Arms Race and its Dangerous Legacy*, глава из которой была опубликована в *Индексе Безопасности* №2 (93), Лето 2010. С. 153–166.

Ирина Миронова
Помощник главного редактора

О
Т
Р
Е
Д
А
К
Т
О
Р
А

Анатолий Антонов:

«В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ СИТУАЦИЯ В ОБЛАСТИ ПРО БУДЕТ ТОЙ ЛАКМУСОВОЙ БУМАЖКОЙ, КОТОРАЯ ПОКАЖЕТ РЕАЛЬНУЮ ГОТОВНОСТЬ СТОРОН К ЭФФЕКТИВНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ»

Каковы перспективы российско-американских отношений в военно-политической сфере? Какие существуют проблемы в процессе сокращения стратегических наступательных вооружений? Какие оценки получило российское предложение по построению единой системы ПРО?

Заместитель министра обороны по вопросам международного военного сотрудничества Анатолий Антонов отвечает на вопросы редакции журнала Индекс Безопасности¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что означает *перезагрузка* в российско-американских отношениях для сферы разоружения? Как можно сегодня оценить значение нового российско-американского договора по СНВ?

АНТОНОВ: Имеется несколько вариантов ответов на этот вопрос. В *перезагрузку* отношений России и США можно включать только российско-американский договор СНВ. Можно, кроме договора СНВ-3, включить туда Соглашение 123. Можно добавить еще и транзит в Афганистан через российскую территорию. Мне кажется, что *перезагрузка* включает также наше взаимодействие по Ирану и по ВТО. Примечательно, что некоторые коллеги говорят, будто *перезагрузка* закончилась и теперь главное – удержать российско-американские отношения на том уровне, на котором они находятся сегодня. Встает достаточно интересный вопрос: если считать, что *перезагрузка* закончилась – значит ли это, что раздражители и противоречия в российско-американских военно-политических связях исчезли? Я думаю, что правильный ответ состоит в том, что расхождения остаются и стороны работают сегодня над тем, как их устранить или, по крайней мере, как снизить негативный эффект этих раздражителей на российско-американские отношения.

Мне, как участнику переговоров СНВ, самому трудно оценить значение этого договора. Но обратите внимание на выступления политического руководства Российской Федерации – говоря о российско-американских отношениях, президент Д.А. Медведев везде на первое место ставит проблему СНВ. Это действительно крупное достижение. В ходе российско-американских переговоров по СНВ мы создали, как образно сказал министр иностранных дел России С.В. Лавров, *золотой стандарт* ведения переговоров и достижения договоренностей по достаточно сложным и противоречивым вопросам.

Об этом договоре уже много было сказано, тем не менее, нашим экспертам еще предстоит понять всю значимость тех или иных положений договора, и придет время, когда можно будет спокойно говорить о деталях, нюансах самих переговоров и том, что стоит порой между строк.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие проблемы остались нерешенными в ходе переговоров по СНВ?

Ю
Р
В
Р
Е
Н
И

АНТОНОВ: Переговоры по СНВ обнажили ряд принципиальных вопросов, без решения которых идти вперед будет очень трудно. Эти проблемы вышли из недр переговоров, и необходимость их решения была подтверждена двумя сторонами.

Первая из них, разумеется, – это взаимосвязь стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений. Эта проблема очень детально обсуждалась в ходе переговоров, порой из-за этой проблемы мы были на грани остановки нашей работы. Тем не менее, мы нашли компромисс. Временное разрешение этой проблемы позволило продолжить ход переговоров по СНВ.

Вторая проблема – это будущее оружия в космосе. Думаю, никто не хотел бы, чтобы над столицей его государства висело космическое оружие. Мы тоже этого не хотим.

Третья проблема – это существующий дисбаланс в обычных вооружениях. Мы знаем, что прошло несколько волн расширения НАТО. Произошло изменение баланса в обычных вооружениях в Европе. Мы знаем, что на сегодняшний день имеется огромный перевес в обычных вооружениях стран НАТО над Российской Федерацией. Все, чего бы хотела Российская Федерация, – это жить спокойно с тем, чтобы никаких военных опасностей или угроз не существовало на ее границах. Возьмем для примера так называемые *substantial combat forces* – *существенные боевые силы*. В 1997 г. между НАТО и Россией была достигнута договоренность о том, что, условно говоря, вблизи российских границ не должно появляться *существенных боевых сил* стран НАТО. За 14 лет определения *существенных боевых сил* не выработали. Почему же наши коллеги из НАТО не хотят разговаривать с Россией 14 лет и не хотят определиться и успокоить Россию, решив элементарный вопрос о дефиниции *субстантивных или существенных боевых сил*? Одновременно они хотят знать все, что происходит в российских вооруженных силах, с тем чтобы мы давали информацию, может быть, вплоть до батальона.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как обстоят дела с перспективами перевооружения высоко-технологического оружия в России? Можно ли утверждать, что Россия не готова к разговору о радикальных ядерных сокращениях, именно в силу слабости систем высоко-точного оружия? Видите ли вы перспективы такого перевооружения?

АНТОНОВ: Говорят, Россия не готова к радикальному ядерному разоружению. А кто сегодня готов к радикальному ядерному разоружению? Почему мы говорим только о России? Разве Франция, Великобритания, Китай заявляли о готовности к радикальному, я подчеркиваю, радикальному ядерному разоружению? Я уже не говорю о других участниках международного процесса в этой области.

Даже неядерные страны согласились на Обзорных конференциях ДНЯО 2000 г. и 2010 г., что ядерное разоружение должно осуществляться без подрыва безопасности (*undiminished security*) *каждого* участника Договора.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В интервью журналу постоянный представитель России при НАТО Д.О. Рогозин отметил, что ЕвроПРО будет существовать не как самостоятельный элемент, а как часть американской системы, что «кнопка находится в Вашингтоне». Согласитесь ли Вы, что в такой постановке логичнее обсуждать эти проблемы не в формате Россия–НАТО, а в формате Россия–США?

АНТОНОВ: Я думаю, в принципе, дело не в *кнопке*. Система управления ПРО – более изощренная, более сложная, чем просто нажатие кнопки, после которого все начнет работать. Я думаю, что Дмитрий Олегович говорил в более широком контексте – о том, что предлагает Россия в рамках Совета Россия–НАТО (СРН). Речь ведь идет о том, чтобы просто сесть вместе и поговорить о проблемах. В рамках СРН каждый имеет право голоса, мы там не работаем по принципу НАТО против России или Россия против НАТО.

Однако проблема в работе с НАТО все-таки есть. На мой взгляд, наши натовские коллеги работают чрезмерно быстро. Мы говорим: «Не надо торопиться! Не спешите! Давайте вместе сядем и поговорим. Какие последствия будут от развертывания европейского сегмента американской ПРО на европейском континенте?» Но, к сожалению, наши натовские друзья нас не слышат. Наоборот, очень быстро принимается решение в рамках

НАТО по реализации американского четырехфазного плана по адаптированной системе ПРО.

Не нужно торопиться. Мы предлагаем сесть и поговорить о проблемах, которые существуют в этой области. Мы говорим о том, что без понимания архитектуры системы ПРО не стоит строить какую-то систему *непонятно против кого*. Это все равно, что предлагать начинать строительство здания, не понимая, какой должен быть фундамент. Абсолютно не понимая, какой будет климат. Будет жаркий влажный климат или будет резко-континентальный климат. Стоит ли нам построить это здание из цемента, или нам будет достаточно обойтись бамбуком? Все что мы хотим – вместе с европейскими странами за одним столом переговоров обсудить эти проблемы и наметить, нарисовать чертеж этого здания. Нам пока говорят: «Нет, мы не готовы! Мы сами будем делать это без России. Хотите присоединиться к нам – присоединяйтесь. Но если вы не присоединитесь, значит, ваша политика неконструктивная, агрессивная, вы не хотите жить в одном доме с европейскими государствами». Мы готовы. Только к серьезному разговору, не разговору о лозунгах, а о том, что делают Россия, НАТО, чтоб защитить наш дом общеевропейский от какой-то потенциальной ракетной угрозы.

Не дай Бог, если то, что сейчас творится на Ближнем Востоке, скажется на Пакистане. Не дай Бог и там произойдут события, в которых никто не заинтересован! И вот тогда будет очень большая проблема и для России, и для стран НАТО, с учетом того потенциала, который есть в этой стране. Вот это серьезная проблема! Вот эти проблемы давайте обсуждать вместе, только серьезные проблемы, не иллюзорные.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как продвигается совместная работа групп экспертов по военно-политическим вопросам? Всегда ли им удается прийти к общему решению задач? Какие возможности существуют для расширения военного сотрудничества США и России в областях, не связанных с ПРО?

АНТОНОВ: В России существует несколько групп, которые работают по этой теме. Это группа по линии Министерства иностранных дел, по линии Министерства обороны. Они координируют свою работу со всеми ведомствами. В группе Министерства иностранных дел, к примеру, есть представители Министерства обороны. А в группе по линии Министерства обороны, по крайней мере, в будущем будут представители всех других ведомств, которые отвечают за национальную безопасность.

По результатам визита А.Э. Сердюкова в Вашингтон были созданы рабочие группы в военной области. Есть первые успехи, но необходимы дополнительные указания, для того чтобы группы активизировали свою деятельность. Хорошо начала действовать группа по военно-политическим вопросам. Хотелось бы сделать разговор специалистов более насыщенным и более сфокусированным на поиске решения по конкретным проблемам.

Очень перспективным является вопрос обмена военнослужащими, когда мы можем, например, послать в Аннаполис наших военнослужащих и так же принять курсантов в наших академиях. В группе по военно-техническому сотрудничеству мы должны сделать шаг навстречу друг другу и в ближайшее время завершить работу по соглашению по оборонным технологиям.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как развивается диалог России и стран НАТО, России и США по ПРО и вопросу о взаимосвязи стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений?

АНТОНОВ: Многие эксперты сейчас занимаются этими вопросами как в министерствах, которые отвечают за безопасность, так и в академических кругах. И вопрос этот, конечно, очень и очень серьезный. Американцы признавали, когда заключали с нами договор, значимость влияния стратегических оборонительных вооружений на стратегические наступательные вооружения. Американцы признали эту взаимосвязь, и сегодня это четко и ясно зафиксировано в преамбуле договора. Можно до бесконечности спорить – преамбула договора является юридически обязывающей или политически обязывающей. Но важно то, что *весь* договор был поддержан Соединенными Штатами Америки, а президент Обама поставил свою подпись под текстом *всего* договора. И сегодня понятно,

О
Б
В
Р
Е
Г
Н

С материалами по вопросам разоружения вы можете ознакомиться в разделе «Пути ядерного разоружения» на сайте ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/disarmament>

что чем больше будут развиваться противоракетные планы Соединенных Штатов Америки, тем больше проблем будет возникать у Российской Федерации в плане обеспечения национальной безопасности.

Если говорить о сотрудничестве России и стран НАТО по вопросу ПРО, то в этой постановке вопро-

са содержится смысл, что Россия и страны НАТО договорятся о необходимости такого взаимодействия, сотрудничества. Я не готов так однозначно сказать. Для любого сотрудничества нужна какая-то основа, нужны какие-то условия. Мы настаиваем на том, чтобы развитие любой системы ПРО не создавало проблем друг для друга.

На сегодняшний день есть планы по американской системе ПРО и есть европейский сегмент американской ПРО. Впрочем, американцы *подарили* или *предлагают подарить* европейским союзникам свою систему защиты. Говорят, что это будет стоить всего 200 млн евро для всех стран НАТО, но, по оценкам профессионалов в этой области, подобные цифры несерьезны. Наши европейские коллеги часто говорят, что будут сотрудничать с США только в том случае, если обеспокоенности Российской Федерации будут сняты. Но в большинстве случаев они предпочитают это говорить в кулуарах.

Сегодня в рамках НАТО мы ставим вопрос о снятии российских озабоченностей, а нас похлопывают по плечу и говорят, что все разрешится по ходу сотрудничества. Так не получится. Если мы оказываем кому-то помощь в создании оружия, мы хотим понимать, что это оружие не будет использовано против нас. И так по каждой проблеме, по которой Российская Федерация имеет свою точку зрения в плане обеспечения своей национальной безопасности.

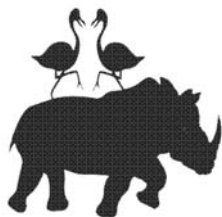
Несмотря на эти сложности, мы делаем все возможное для того, чтобы не упустить существующий шанс для действительно реального равноправного диалога с западными государствами, со странами НАТО. В Лиссабоне президент Медведев предложил сделать единую систему противоракетной обороны. Что может быть лучше? Если мы стратегические партнеры, если мы друзья, то давайте вместе защищать друг друга, давайте не создавать вместе или друг другу проблемы в области обороны. И вдруг оказалось, что страны НАТО не готовы к столь далеко идущему взаимодействию в области ПРО. В средствах массовой информации было очень много критики российского предложения. В статьях ставились вопросы, как можно представить себе, что балтийские страны позволят русским защищать их безопасность; как можно представить, что восточно-европейские страны позволят российским системам противоракетной обороны защищать их. Так мы друзья, партнеры, союзники, мы кто? Или по-прежнему мы друг другу улыбаемся и держим нож за спиной? Наверное, в этом надо нам определиться и решить, готовы ли мы все к реальному равноправному сотрудничеству.

Понятно, что Соединенные Штаты Америки играют лидирующую роль в определении оборонительной концепции Альянса. Соответственно российско-американские отношения в военно-политической области, разумеется, затрагивают и отношения России со странами НАТО.

Если мы хотим на практике реализовать согласованный со всеми принцип неделимой безопасности – давайте делать это. И я думаю, что в ближайшее время ситуация в области ПРО будет той лакмусовой бумажкой, которая покажет реальную готовность каждой страны к эффективному равноправному взаимодействию друг с другом.

Примечания

¹ Текст интервью подготовлен на основе выступления А.И. Антонова на заседании Международного клуба *Триалог* «Перспективы российско-американских отношений в военно-политической области», прошедшем 30 марта 2011 г. в Москве.

Роуз Готтемюллер:

«НОВЫЙ ДОГОВОР СНВ – ПРОДОЛЖЕНИЕ УСПЕШНОЙ ИСТОРИИ И ПОБЕДА ДЛЯ ОБЕИХ СТОРОН»

Новый Договор СНВ, несомненно, является новым этапом в развитии отношений между США и Россией, его значимость в укреплении режима ограничения вооружений сложно переоценить. Как проходил процесс ратификации? В чем состоят основные отличия нового Договора от предшествующих? Каковы будут реальные итоги вступления Договора в силу?

Заместитель госсекретаря США, Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра Роуз Готтемюллер ответила на вопросы редакции журнала Индекс Безопасности.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вступление в силу нового Договора СНВ является несомненным достижением для обеих сторон, однако процесс ратификации был длительным и вызвал дискуссии. В чем состояли основные сложности в процессе ратификации?

ГОТТЕМЮЛЛЕР: Подписание этого документа не просто ознаменовало завершение переговорного процесса между двумя делегациями, на который ушло чуть менее года. Подписание позволило нам вступить в решающую стадию – стадию ратификации.

Пакет документов для ратификации был подготовлен весьма оперативно, и уже в середине мая Белый дом представил его на рассмотрение Сената США.

Комитет Сената по международным отношениям, во главе со своим председателем, сенатором Джоном Керри, и старейшим членом, сенатором Ричардом Лугаром, составил плотный график слушаний, который обеспечил своевременное и тщательное рассмотрение договора. Дополнительные слушания были проведены в Комитете по делам вооруженных сил и в Комитете по разведке. Показания относительно Договора дали многие представители нынешней администрации, неправительственных организаций и бывшие ведущие представители правительства и вооруженных сил.

Слушания с самого начала отличались высокой интенсивностью обсуждения. Госсекретарь США Хиллари Клинтон, министр обороны Роберт Гейтс, председатель Объединенного комитета начальников штабов адмирал Маллен и министр энергетики Стивен Чу представили указанным комитетам убедительные аргументы в поддержку нового Договора СНВ, подчеркивая его значение для национальной безопасности США. Мы с доктором Тедом Уорнером из Министерства обороны, который являлся одним из двух заместителей главы делегации США на переговорах, четыре раза выступили перед сенатскими комитетами.

Комитет также заслушал доктора Джима Миллера, главного заместителя помощника министра обороны США по политическим вопросам, генерал-лейтенанта Пэтрика О'Райли, директора Агентства по противоракетной обороне, и генерала Кевина Чилтона, возглавляющего Стратегическое командование Вооруженных сил США.

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

Помимо сотрудников нынешней администрации, перед комитетами выступили бывшие члены правительства – как республиканцы, так и демократы – и представители военного командования, выступившие в поддержку Договора, в том числе бывшие министры обороны Билл Перри и Джим Шлесинджер, бывшие госсекретари США Джеймс Бейкер и Генри Киссинджер, а также бывший советник по национальной безопасности Brent Скоукрофт.

Слушания и дискуссии в Сенате по поводу Договора были весьма интенсивными, так как сенаторы проявляли интерес как к этому вопросу, так и к результатам деятельности по ратификации. После передачи Президентом Договора в Сенат его текст внимательно изучался сенаторами в ходе 18 слушаний и десятков брифингов, причем администрация дала ответы более чем на 1000 вопросов с целью занесения их в официальный протокол обсуждений. Такой уровень интереса не был неожиданным. Вопрос ядерного разоружения критически важен для национальной безопасности Соединенных Штатов, а значительные договоры о сокращении ядерного оружия не рассматривались в Сенате США уже много лет.

Президент высоко оценил проявление поддержки по адресу нового Договора СНВ со стороны обеих партий. Эта общность подхода подчеркнула тот факт, что и демократы, и республиканцы могут сотрудничать по вопросам национальной безопасности.

Новый Договор СНВ является самым существенным соглашением в области контроля над вооружениями за последние без малого двадцать лет. Этот Договор обеспечит предсказуемость и взаимное доверие в отношениях между странами с двумя крупнейшими в мире ядерными арсеналами. Он представляет собой важный элемент национальной безопасности как США, так и Российской Федерации.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как был использован предыдущий опыт совместной работы американской и российской делегаций при подписании нового Договора СНВ?

ГОТТЕМЮЛЛЕР: В 2009 г. начались переговоры, цель которых заключалась в замене СНВ-1 новым соглашением, которое предусматривало бы дальнейшее сокращение стратегических наступательных вооружений. Кроме того, мы были решительно настроены на преодоление менталитета времен холодной войны и на то, чтобы провести *перезагрузку* наших отношений с Россией.

В ходе переговоров мы сумели оптимальным образом применить свой многолетний опыт реализации Договора о РСМД, СНВ-1 и Московского договора 2002 г. По обе стороны стола было много талантливых специалистов, в том числе инспекторов, успевших поработать над реализацией предыдущих договоров. В ходе переговоров мы сполна воспользовались их опытом.

Новый договор СНВ представляет собой гибрид СНВ-1 и Московского договора – его концептуальные корни кроются в обоих соглашениях. Также как это было предусмотрено СНВ-1, в новом Договоре предусматривается всесторонний режим проверок для обеспечения предсказуемости, а вместе с тем признается, что у нас больше нет отношений холодной войны. Таким образом, договор дает каждой стороне гибкость в плане определения состава и структуры своих стратегических наступательных вооружений, а также порядка их сокращения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В чем состоят особенности новых допустимых уровней ядерных вооружений, характера их подсчета в рамках нового ДСНВ?

ГОТТЕМЮЛЛЕР: Новый договор предусматривает существенное снижение допустимого уровня ядерных вооружений США и России по сравнению с предшествующим договором СНВ и Московским договором.

Необходимо отметить, что в каждом из этих соглашений устанавливается свой порядок зачета вооружений.

В СНВ-1 при подсчете боезарядов на носителях мы полагались главным образом на правила зачисления. В новом договоре ведется подсчет фактического числа боеголовок, установленных на каждой развернутой МБР и БРПЛ.

В отношении тяжелых ядерных бомбардировщиков, способных нести ядерное оружие, стороны договорились использовать правило зачисления «один бомбардировщик – один боезаряд». Напомню, что иначе число боезарядов на таких бомбардировщиках считалось бы равным нулю, поскольку на эти бомбардировщики ядерное вооружение обычно не устанавливается.

Новый Договор ограничивает общее число развернутых стратегических боезарядов 1550 единицами для каждой стороны; это почти на 30% ниже предела в 2200 боезарядов, предусмотренного Московским договором. Предельный уровень развернутых МБР, развернутых БРПЛ и развернутых тяжелых бомбардировщиков был установлен в 700 единиц. Это более чем на 50% ниже уровня, установленного СНВ-1, – 1600 развернутых стратегических носителей.

Отдельный лимит в 800 единиц предусмотрен для общего числа развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР и БРПЛ и развернутых и неразвернутых тяжелых бомбардировщиков, оснащенных для ядерных вооружений.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Чем отличается от предыдущего Договора режим проверок в рамках нового ДСНВ?

ГОТТЕМЮЛЛЕР: Режим проверок содержит многочисленные положения, которые обеспечивают эффективную проверку соблюдения Договора, включая уведомления, обмен данными, согласованный порядок переоборудования и ликвидации, инспекции, демонстрации и показы. По сравнению с предшествующим СНВ-1, новый Договор СНВ содержит некоторые важные нововведения, такие как предоставление уникальных опознавательных знаков на все МБР, БРПЛ и тяжелые бомбардировщики.

Режим проверок дает каждой из сторон уверенность в том, что другая сторона соблюдает принятые обязательства. В новом Договоре СНВ, а также в Протоколе и в приложениях к нему содержится подробное перечисление правил и процедур проверки, многие из которых были взяты из старого Договора. Исходя из нашего предыдущего опыта, мы изыскивали способы, которые позволили бы сделать этот режим более простым и надежным в реализации, одновременно дав возможность не нарушать обычную работу стратегических сил обеих сторон.

В составе американской и российской делегаций на переговорах о заключении нового Договора СНВ были опытные инспекторы и операторы систем оружия. Эти специалисты внесли в процесс важный вклад, который помог нам создать простой, безопасный и затратоэффективный инспекционный режим для нового Договора. Нами также были разработаны меры, специфически соответствующие требованиям этого Договора, и в частности, порядок проведения инспекций на местах, который позволит Соединенным Штатам подтвердить фактическое число боезарядов на каждой обозначенной российской МБР и БРПЛ. Такие проверки и право на проведение инспекций не существовали в рамках СНВ-1.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие главные препятствия стоят на пути успешной реализации нового ДСНВ сегодня?

ГОТТЕМЮЛЛЕР: 5 февраля 2011 г. я присутствовала на церемонии в Мюнхене, в ходе которой госсекретарь Хиллари Клинтон и министр иностранных дел Сергей Лавров обменялись ратификационными грамотами, посредством которых новый Договор вступил в силу. Реализация Договора идет полным ходом. Уведомления предоставляются в соответствии с требованиями; США и Россия обмениваются конкретной информацией о количестве и местонахождении своих стратегических наступательных вооружений; требуемые согласно Договору показы на сегодняшний день уже были проведены. Двусторонняя консультативная комиссия при Договоре (ДКК) встречалась в Женеве (Швейцария) с 28 марта по 8 апреля. В ходе этой учредительной сессии стороны обсудили технические вопросы, связанные с реализацией Договора. Обе стороны согласились провести вторую сессию ДКК позже в этом году в Женеве. 13 апреля группа американских инспекторов прибыла в Москву для проведения первой инспекции на месте в Российской Федерации согласно условиям нового Договора. Описанный в Договоре

инспекционный режим предназначен для того, чтобы дать Соединенным Штатам и России уверенность в том, что другая сторона выполняет свои обязательства. Проведение этих инспекций существенно уменьшает неуверенность и помогает создавать атмосферу полного взаимного доверия.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как вы могли бы оценить ту атмосферу, которая царила во время переговоров по подписанию нового Договора СНВ?

ГОТТЕМЮЛЛЕР: Наиболее точно дух переговоров можно описать словами «взаимное уважение». Именно благодаря взаимному уважению наши встречи неизменно проходили в деловом ключе и отличались высокой продуктивностью. Как часто говорил посол А.И. Антонов, «бизнес есть бизнес».

Каждый член обеих делегаций демонстрировал на переговорах целеустремленное отношение и готовность к сотрудничеству, что позволило нам завершить подготовку Договора всего за год. Этот срок резко контрастирует с более чем девятью годами, потраченными на обсуждение СНВ-1, и шестью годами, которые потребовались для заключения Договора о РСМД.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы полагаете, насколько изменился характер взаимодействия российской и американской делегаций по сравнению с 1990-ми гг., когда подписывался Договор СНВ-1?

ГОТТЕМЮЛЛЕР: Со времени подписания Договора СНВ президентом Джорджем Бушем и президентом М.С. Горбачевым в 1991 г. очень многое изменилось. Эти перемены отразились и на повседневной работе наших делегаций. Обсуждая различные положения Договора, мы стали лучше понимать стратегические силы друг друга. Этому улучшению взаимопонимания способствовал опыт реализации договоров о РСМД и СНВ. Многие эксперты – как с американской, так и с российской стороны – выступали в роли инспекторов в процессе исполнения прежнего договора СНВ. Они неоднократно посещали оперативные базы МБР, подводных лодок с баллистическими ракетами, базы тяжелых бомбардировщиков и объекты хранения.

Кроме того, к моменту начала обсуждения уже были сформированы каналы взаимодействия. Соединенные Штаты и Россия более 23 лет ведут дела по Договорам о СНВ и РСМД при посредничестве своих соответствующих Центров по уменьшению ядерной опасности.

Мы в буквальном смысле понимаем друг друга. В делегации США русским языком владели, пожалуй, столько же человек, сколько английским – в российской делегации, причем многие из этих людей, как я уже говорила, прежде работали инспекторами. Раньше в процессе обсуждения договоров по контролю над вооружениями у нас за плечами не было многолетнего опыта реализации соглашений, который теперь сослужил нам добрую службу, позволив значительно ускорить переговоры. С обеих сторон были проявлены высокая степень профессионализма и знания вопроса, и обе команды работали интенсивно и продуктивно. На мой взгляд, то, что мы сумели так быстро и успешно завершить работу над Договором, не было случайностью. Новый Договор СНВ отражает решимость наших стран начать новую эпоху отношений в сфере безопасности, построенных на принципах большей открытости и более тесного сотрудничества.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы оцениваете роль, которую новый ДСНВ может сыграть в укреплении международной безопасности?

ГОТТЕМЮЛЛЕР: Договор представляет собой продолжение международной структуры контроля над вооружениями и нераспространения, над развитием и укреплением которой Соединенные Штаты упорно трудились на протяжении последних 50 лет. Договор обеспечит текущую транспарентность и предсказуемость двух крупнейших в мире ядерных арсеналов, позволяя нам при этом проводить эффективное ядерное сдерживание, которое остается важным элементом национальной безопасности США, а также безопасности наших друзей и союзников.

Этот договор касается не только Вашингтона и Москвы – он принесет пользу всему мировому сообществу. Соединенные Штаты и Россия контролируют более 90 % мирового ядерного арсенала. Мир ожидает, что мы будем играть лидирующую роль в обеспечении глобальной безопасности и сохранности ядерных материалов и в предотвращении распространения ядерного оружия.

С материалами деятельности СУПР – Совета по устойчивому партнерству с Россией – можно ознакомиться на сайте ПИР-Центра по адресу <http://supr.pircenter.org/>

Недавно опубликованные данные по запасам ядерных вооружений США (хотя они и не имеют прямого отношения к настоящему Договору) демонстрируют, как далеко мы продвинулись в деле сокращения ядерного арсенала. В 1967 г. у нас было 31 255 ядерных боезарядов. На последней Конференции по рассмотрению действия ДНЯО госсекретарь Клинтон огласила фактические размеры американского арсенала и данные о нашем ежегодном разукрупнении боезарядов для того, чтобы показать, как далеко мы ушли вперед после окончания холодной войны. По состоянию на сентябрь 2009 г. их у нас было 5113 единиц.

Мы приветствуем оглашение данных о своих запасах вооружений Францией и Великобританией, и призываем все обладающие ядерным оружием государства, в том числе Россию, раскритиковать как общие количества ядерного оружия, находящегося в их арсеналах, так и данные о разукрупненном оружии в ходе поиска нами путей дальнейшего сокращения запасов ядерного оружия.

Повышение транспарентности глобальных ядерных запасов имеет большое значение для эффективной работы в области нераспространения, а также для дальнейшего сокращения вооружений после вступления в силу нового Договора СНВ. Новый Договор подготовил почву для привлечения других ядерных держав к процессу достижения целей ДНЯО, и он предоставляет новые возможности для укрепления стратегической стабильности.

Как указывается в преамбуле Договора, мы рассматриваем его в качестве нового импульса процесса поэтапного сокращения и ограничения ядерных вооружений, который впоследствии приведет к формированию многостороннего подхода. Кроме того, в будущем мы постараемся добиться сокращения нестратегического и неразвернутого ядерного оружия. Такие шаги действительно откроют новую эпоху в области контроля над вооружениями.

Новый Договор СНВ продолжает процесс, начатый незадолго до окончания холодной войны, когда угроза ядерного терроризма привела нас к признанию, в конечном итоге, необходимости уничтожения ядерных вооружений. Эта цель была четко сформулирована президентом Обамой в его пражской речи в апреле 2009 г.

Пока существует ядерное оружие, Соединенные Штаты будут сохранять надежный, безопасный и эффективный ядерный арсенал для сдерживания любой агрессии и защиты своих союзников. Однако новый Договор создает почву для дальнейших сокращений вооружений.

После подписания нового Договора в апреле 2010 г. Барак Обама назвал его «важной вехой в укреплении ядерной безопасности, режима нераспространения и в истории американско-российских отношений в целом», а Д.А. Медведев – «победой для обеих сторон».

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие сейчас рассматриваются шаги в отношении контроля над вооружениями в будущем?

ГОТТЕМЮЛЛЕР: Вступление в силу нового Договора СНВ дало импульс для дополнительных шагов в области контроля над ядерными вооружениями. Как отметил Барак Обама в день подписания Договора, вместе с Россией Соединенные Штаты добиваются дальнейших сокращений количества стратегического и нестратегического ядерного

Ю
Р
В
Р
Е
Т
Н
И

оружия, в том числе неразвернутых ядерных вооружений. До сих пор не рассматривался вопрос о неразвернутых ядерных вооружениях и нестратегическом ядерном оружии (или о тактическом ядерном оружии), так что сейчас мы углубляемся в неразведанную область. Нам предстоит провести большую подготовительную работу.

Что касается нестратегического ядерного оружия, то мы считаем, что удачным первым шагом было бы установление двустороннего диалога либо консультаций, которые концентрировались бы на роли такого оружия в американской и российской политике в сфере национальной безопасности и на том, как обе стороны концептуально видят его роль. Это улучшило бы взаимное понимание сторонами позиции другой стороны и позволило бы обеим сторонам осторожно и взвешенно подойти к вопросу о нестратегическом ядерном оружии в Европе.

До сих пор согласованные сокращения ядерного оружия проходили под знаком преобладающего влияния двусторонних американо-российских переговоров, но приближение к концепции безопасного мира без ядерного оружия во все большей степени будет требовать проведения сотрудничества по вопросам ОМУ, вызывающим озабоченность как обладающих, так и не обладающих ядерным оружием государств. В ожидании того, что мир станет таким, каким мы хотим его видеть, мы должны расширить рамки этой концепции, введя в них все государства, обладающие ядерным оружием или потенциалом его создания вне зависимости от их статуса в отношении ДНЯО. Всеми государствами должен быть рассмотрен вопрос о том, каким образом они могут помочь в деле продвижения к миру без ядерного оружия и создания необходимых для этого условий.

Так, например, пять постоянных членов Совета Безопасности, обладающие ядерным оружием, в настоящий момент ведут диалог по вопросам мер проверки, обеспечения транспарентности и укрепления доверия, и в июне с.г. во Франции пройдет конференция, посвященная этим темам.

В дополнение к будущим сокращениям, в качестве одного из последующих шагов должна быть рассмотрена тема противоракетной обороны. Администрация президента Обамы хотела бы сотрудничать с Россией по вопросу ПРО. На разных уровнях этой администрации мы вступаем в контакты с нашими российскими коллегами и союзниками по НАТО, пытаясь наладить практическое сотрудничество по ПРО, которое будет представлять интерес для всех.

Вне рамок американо-российских переговоров и вопросов, имеющих отношение к НАТО, нас также ожидает работа по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и Договору о прекращении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ). Американская сторона обязуется продолжать работу с Сенатом США по вопросам ратификации ДВЗЯИ и безотлагательного проведения переговоров о заключении поддающегося проверке ДЗПРМ. И, наконец, мы должны принять меры по укреплению и модернизации режима контроля над обычными вооружениями в Европе.

Анатолий Анин, Родион Аюмов

ДОВСЕ – ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА?..

Статья вторая

VIRIBUS UNITIS¹

(Девиз на одной из скульптур в венском дворце Хофбург, где с 1989 г. ведутся переговоры по обычным вооруженным силам в Европе)

В первой статье² мы рассмотрели предысторию Договора об обычных вооруженных силах в Европе 1990 г. (ДОВСЕ) и ход переговоров по его выработке, проанализировали этот документ, осветили проблемы, с которыми столкнулись участники Договора в первой половине 1990-х (в первую очередь *фланговая*), раскрыли причины, вызвавшие необходимость адаптации ДОВСЕ, перечислили основные вехи переговоров по этому вопросу и, наконец, дали оценку Соглашению об адаптации, подписанному в 1999 г.

Попытаемся теперь окинуть взглядом следующий период (с 2000 г. по настоящее время) и заглянуть в будущее.

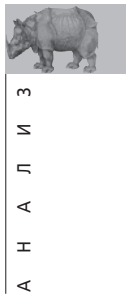
«ДАВАЙТЕ ЖИТЬ ДРУЖНО!»

Главным содержанием четвертого этапа истории ДОВСЕ (2000–2006 гг.) стала борьба за вступление Соглашения об адаптации в силу. При этом Российская Федерация стремилась добиться этой цели на основе сотрудничества всех государств-участников, методом убеждения партнеров и демонстрации примера в соблюдении принятых обязательств.

Крупным событием данного этапа стала вторая Конференция по рассмотрению действия Договора, прошедшая в Вене в мае 2001 г. Основным ее результатом стала подтвержденная в официальных заключениях Конференции приверженность государств-участников вступлению в силу Соглашения об адаптации так скоро, как это будет возможно³.

В ходе второй обзорной конференции Россия призвала участников Договора не принимать решений и не предпринимать действий, способных расшатать его. В российском заявлении отмечалось и то, что возможный прием в НАТО стран Балтии также имел бы разрушительные последствия для ключевых положений ДОВСЕ, в частности, для фланговых ограничений, зоны стабильности в Центральной и Восточной Европе⁴.

Однако этот призыв не был услышан странами НАТО. Практически сразу же после подписания Соглашения об адаптации ДОВСЕ они под воздействием США взяли курс на затягивание процесса введения этого документа в действие. Начало ратификации Соглашения они стали увязывать с выполнением Россией различных условий.

З
И
Л
А
Н
А

В качестве первого из таких условий было выдвинуто требование вписаться во фланговые ограничения по адаптированному ДОВСЕ. К концу 2001 г. Россия вышла на этот рубеж, несмотря на сложную ситуацию на Северном Кавказе. Однако страны НАТО лишь призвали российскую сторону проявить дополнительную транспарентность и предоставить *поддающиеся проверке* данные о выводе войск с территории Северного Кавказа. Мы сделали шаг навстречу партнерам, но ситуация вокруг ратификации адаптированного ДОВСЕ осталась без изменений.

С 2002 г. в консолидированной позиции НАТО продвижение в направлении запуска процедур ратификации Соглашения было обусловлено требованием «полного выполнения Россией стамбульских обязательств по Грузии и Молдавии», а по сути той их части, которая выходила за рамки ДОВСЕ (базы, военное имущество и т.п.). При этом конкретное содержание понятия «полное выполнение» не раскрывалось, а объем выдвигаемых в связи с этим требований имел тенденцию к расширению.

Так, с определенного момента представители Молдавии стали настаивать на том, что частью стамбульских обязательств России является изъятие с последующей ликвидацией или вывозом на российскую территорию всех обычных вооружений, имеющихся у приднестровской стороны. Грузия, в свою очередь, требовала не только вывода с объектов в Гудауте российских миротворцев из состава Коллективных сил СНГ по поддержанию мира, но также и выселения российских военных пенсионеров и членов их семей. При этом свою часть обязательств, например, грузины просто игнорировали. Все это делалось при активной поддержке со стороны стран НАТО.

Реальных же причин затяжки с началом ратификации было, по крайней мере, две. Во-первых, для некоторых стран НАТО контроль над вооружениями отошел на второй план и стал использоваться лишь как вспомогательное средство для продвижения геополитических интересов Альянса на постсоветском пространстве. Вторая возможная причина – стремление военного истеблишмента США сохранить свободу рук на случай реконфигурации сил и их массовой передислокации в рамках подготовки и проведения операций, подобных иракской (адаптированный ДОВСЕ создавал бы в этом случае серьезные проблемы).

Российская сторона не ставила под сомнение существование двусторонних договоренностей с Грузией и Молдавией и была намерена продолжать их выполнение с учетом того, что Кишинев и Тбилиси обеспечат для этого необходимые условия, но считала неправомерной увязку начала ратификации США и другими странами НАТО адаптированного ДОВСЕ с выполнением не относящихся к Договору элементов.

Несмотря на неконструктивную позицию стран НАТО, Россия летом 2004 г. ратифицировала адаптированный ДОВСЕ⁵. Этим серьезным политическим шагом российская сторона подтвердила готовность выполнять взятые на себя юридические обязательства в рамках Соглашения об адаптации. Своей ратификацией она пыталась подтолкнуть натовские страны к аналогичным шагам, побудить их задуматься о будущем контроле над обычными вооружениями в Европе.

Параллельно с принятием соответствующего федерального Закона Государственная Дума приняла также Заявление «В связи с ратификацией Соглашения об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе»⁶, которое впоследствии было приложено к ратификационной грамоте и передано депозитарию Договора. В этом документе, в частности, отражена точка зрения законодателя по вопросам, относящимся к Договору (условия выполнения Россией политических обязательств, принятых в ходе переговоров по адаптации; исключительные обстоятельства, которые могут стать основанием для принятия Россией мер, затрагивающих режим ДОВСЕ; необходимость принятия дополнительных обязательств рядом иностранных государств; цели дальнейших переговоров в рамках СКГ и т.д.). Положения этого Заявления подлежат учету российской стороной в дальнейшей переговорной работе. Всего же Соглашение ратифицировано четырьмя государствами – Белоруссией, Россией, Казахстаном и Украиной, причем первые три сдали свои ратификационные грамоты депозитарию.

Уже вскоре жизнь показала, что благие призывы, а главное – конкретные действия не были правильно восприняты странами Альянса. Стало очевидным, что ситуация катится к кризису. И все же решение ратифицировать Соглашение об адаптации ДОВСЕ было оправданным. Тем самым, была вновь подтверждена приверженность России укреплению стратегической и региональной стабильности в Европе, нацеленность на выстраивание равноправных взаимовыгодных отношений с партнерами из НАТО. Ратификацией Соглашения об адаптации мы предложили на практике реализовать благородный принцип неделимости безопасности.

Важным событием в истории ДОВСЕ стала третья Конференция по рассмотрению действия Договора (Вена, 30 мая – 2 июня 2006 г.). На Конференции были всесторонне рассмотрены как принципиальные проблемы действия Договора, так и некоторые технические вопросы его выполнения.

В преддверии обзорной конференции 2006 г. и в ее ходе были вновь подтверждены два принципиально различных подхода к оценке жизнеспособности и эффективности действующего ДОВСЕ, а также к шагам, необходимым для выхода из сложившейся вокруг него непростой ситуации.

Участвующие в Договоре страны НАТО и примкнувшие к ним Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия подтвердили, что, по их мнению, ДОВСЕ в его нынешнем виде по-прежнему является «краеугольным камнем европейской безопасности» и действует удовлетворительным образом. Они вновь повторили известную позицию Альянса о том, что начало ратификации адаптированного ДОВСЕ станет возможным лишь после «полного выполнения» Россией «стамбульских обязательств» по сокращению ее военного присутствия в Грузии и Молдавии.

Российская сторона подчеркнула, что Договор под воздействием масштабных военно-политических изменений во многом устарел и утратил связь с реальной действительностью. Его базовые ограничения, включающие групповые и зональные лимиты, оказались размытыми в результате расширения НАТО.

Российская делегация предложила партнерам по Договору уйти от искусственных увязок и выработать заключительный документ Конференции, в котором фиксировалось бы стремление государств-участников ввести адаптированный Договор в действие до конца 2007 г. Она также поставила вопрос о временном применении Соглашения об адаптации с 1 октября 2006 г. до момента его официального вступления в силу. При условии фиксации этих двух положений российская сторона даже выразила готовность работать над заключительным документом на основе проекта стран НАТО. Однако западные партнеры отвергли российские предложения, что не позволило завершить Конференцию принятием итогового документа⁷.

Российская сторона в ходе Конференции выступила с рядом заявлений принципиального характера. В частности, она обратила внимание на то, что страны НАТО («группа Государств-участников, которые подписали или присоединились к Брюссельскому договору 1948 г. или Вашингтонскому договору 1949 г.») превышали ряд групповых и зональных уровней действующего ДОВСЕ. Например, на флангах физическое превышение составило порядка 1900 танков, 3200 боевых бронированных машин и 1900 артсистем⁸.

Второе заявление касалось вопроса о военной сдержанности в связи с расширением НАТО. В связи с этим было отмечено, что после включения стран Прибалтики в НАТО и в условиях полной неопределенности в отношении перспективы их присоединения к ДОВСЕ взятые российской стороной в 1999 г. политические обязательства о сдержанности на северо-западе в значительной мере утратили для нее смысл как с военной, так и с политической точки зрения. Они должны быть адекватным образом сбалансированы странами региона, являющимися членами НАТО⁹.

В трех заявлениях была дана развернутая аргументация российской позиции по вопросам выполнения российско-грузинской и российско-молдавской стамбульских договоренностей и обоснованная критика натовской увязки этой проблемы с началом ратификации Соглашения об адаптации¹⁰.

Подводя итог Конференции, российская делегация подчеркнула, что Договор об обычных вооруженных силах в Европе в его прежнем виде практически исчерпал свою жизнеспособность и не отражал более баланса интересов сторон. Она также заявила, что с учетом подтвержденного на Конференции нежелания стран НАТО вести дело к запуску процесса ратификации Соглашения об адаптации ответственность за дальнейшую судьбу Договора лежит на членах Альянса¹¹.

ПРИОСТАНОВИТЬ, ЧТОБЫ СПАСТИ

Началом нынешнего, пятого, этапа в истории ДОВСЕ – этапа преодоления кризиса режима контроля над обычными вооружениями в Европе через приостановление действия Договора и последующие переговоры – можно, как представляется, считать выступление В.В. Путина на Международной конференции по вопросам политики безопасности (Мюнхен, 10 февраля 2007 г.), в котором были обозначены основные болевые точки отношений России с Западом, в том числе в сфере безопасности. Упомянул он и о кризисном состоянии Договора об обычных вооруженных силах в Европе¹².

26 апреля 2007 г. В.В. Путин в Послании к Федеральному Собранию заявил о целесообразности, в случае отсутствия прогресса в переговорах с партнерами, объявить мораторий на исполнение Россией ДОВСЕ. Этот мораторий действовал бы до тех пор, пока все государства-участники не ратифицируют Соглашение об адаптации и не начнут его строго исполнять, на деле внося свой вклад в сокращение вооружений¹³.

В то же время российская сторона не оставляла попыток убедить партнеров перейти на более конструктивные позиции. Так, в апреле–мае 2007 г. Российская Федерация провела пять раундов консультаций в рамках Совета Россия–НАТО. Они подтвердили, что страны Альянса не были готовы учитывать российские озабоченности. С учетом этого 28 мая 2007 г. Российская Федерация направила депозитарию ДОВСЕ запрос о созыве Чрезвычайной конференции государств-участников Договора для рассмотрения исключительных обстоятельств, относящихся к Договору¹⁴.

Чрезвычайная конференция государств-участников ДОВСЕ состоялась в Вене 12–15 июня 2007 г. В ходе конференции российские представители детально разъяснили обстоятельства, сделавшие необходимым ее созыв¹⁵, и обозначили меры, необходимые для восстановления жизнеспособности режима контроля над обычными вооружениями в Европе.

Итоги Чрезвычайной конференции показали, что страны Альянса сохраняли увязку начала ратификации ими Соглашения об адаптации ДОВСЕ с выполнением Россией «стамбульских обязательств» и игнорировали внесенные в преддверии Чрезвычайной конференции конкретные российские предложения по выводу ДОВСЕ из кризиса, ограничиваясь обещаниями обсудить их позже, после вступления адаптированного Договора в силу¹⁶.

Сложившаяся ситуация поставила в повестку дня принятие мер по приостановлению действия Договора.

13 июля 2007 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации № 872 «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров»¹⁷. На основании этого указа приостанавливалось действие ДОВСЕ, а также Будапештского Соглашения от 3 ноября 1990 г. и Флангового Документа от 31 мая 1996 г. в отношениях России с их участниками.

Необходимость приостановления действия ДОВСЕ была обусловлена следующими относящимися к Договору исключительными обстоятельствами, влияющими на безопасность Российской Федерации.

- Уклонение Республики Болгария, Венгерской Республики, Республики Польша, Румынии, Словацкой Республики и Чешской Республики от оформления изменений в составе групп Государств-участников в связи с присоединением указанных Государств-участников к Вашингтонскому Договору 1949 г.

- ❑ Превышение Государствами-участниками, подписавшими или присоединившимися к Вашингтонскому Договору 1949 г., «групповых» ограничений ДОВСЕ в результате расширения Альянса.
- ❑ Негативное воздействие планируемого размещения обычных вооружений США на территориях Республики Болгария и Румынии на соблюдение *групповых* ограничений ДОВСЕ.
- ❑ Невыполнение рядом Государств-участников принятого в Стамбуле политического обязательства об ускоренной ратификации Соглашения об адаптации.
- ❑ Невыполнение Чешской Республикой, Венгерской Республикой, Республикой Польша и Словацкой Республикой принятых в Стамбуле обязательств о корректировке территориальных предельных уровней (ТПУ).
- ❑ Отрицательное воздействие неучастия Латвийской Республики, Литовской Республики и Эстонской Республики в Договоре на выполнение Заключительного акта конференции Государств-участников ДОВСЕ (Стамбул, 17–19 ноября 1999 г.).

Период приостановления действия указанных международных договоров начался через 150 дней после получения российских уведомлений о приостановлении их Депозитариями и Государствами-участниками ДОВСЕ – с 00 часов московского времени 12 декабря 2007 г.

В направленном одновременно с уведомлениями Меморандуме МИД России от 14 июля 2007 г. были разъяснены некоторые практические вопросы, связанные с приостановлением. Так, отмечалось, что приостанавливается вся деятельность России по выполнению Договора и связанных с ним документов. В частности, временно прекращались предоставление информации, прием и проведение инспекций. Россия в период приостановления не связана ограничениями количества обычных вооружений (включая политические обязательства о сдержанности). В то же время планов их массированного наращивания или концентрации на границах с соседями она в существовавшей на тот момент обстановке не имела. В дальнейшем же реальные количества и размещение вооружений и техники должны были зависеть от конкретной военно-политической ситуации, в том числе от готовности партнеров проявлять сдержанность.

Что касается возможности возобновления действия ДОВСЕ и связанных с ним международных договоров, то этот вопрос мог бы быть рассмотрен после того, как другие Государства-участники предпримут конкретные шаги по снятию российских озабоченностей и по восстановлению жизнеспособности договорного режима¹⁸.

В соответствии с пунктом 1 статьи 37 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» Президент Российской Федерации незамедлительно проинформировал о принятом им решении палаты Федерального Собрания и 21 июля 2007 г. внес в Государственную Думу проект федерального закона «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе».

С вступлением данного Федерального закона в силу 3 ноября 2007 г.¹⁹ выполнение процедур, необходимых для приостановления действия ДОВСЕ, было завершено. Оценивая значение этого акта, С.В. Лавров подчеркнул, что в предыдущий раз Россия прибегала к подобному шагу еще в 1870 г., когда она отказалась от дискриминационных положений Парижского трактата, навязанных нашей стране по итогам Крымской войны²⁰.

С международно-правовой точки зрения наличие в ДОВСЕ положения о выходе дает основание утверждать, что государство-участник вправе приостановить Договор на тех же основаниях, по которым оно может выйти из него. Данный вывод вытекает из общего принципа права и обычной нормы международного права, выраженных формулой «кому разрешено большее, тот имеет право и на содержащееся в нем меньшее». В свете этого применявшегося неоднократно в международно-правовой практике правового принципа выход из договора есть *большее*, а приостановление действия – содержащееся в нем

меньшее. Исходя из этого, Россия осуществила приостановление действия ДОВСЕ в соответствии с процедурой, аналогичной той, что предусмотрена для выхода из него.

Следует также отметить, что приостановление действия Договора, в отличие от выхода из него, сохраняет возможность достаточно быстрого возобновления выполнения его положений в случае решения обозначенных нами проблем. Приостановив действие ДОВСЕ, Россия дала всем государствам-участникам шанс совместными усилиями вернуть Договору жизнеспособность.

ДИАЛОГ ПО ПЛАНУ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

С конца лета – начала осени 2007 г. под воздействием перспективы российского моратория в подходах стран НАТО к ДОВСЕ обозначились определенные подвижки. Они вызвали готовность начать предметный диалог с Россией по проблематике Договора.

В качестве отправной точки для такого диалога натовцы выдвинули концепцию *параллельных действий*. В рамках такого плана приступали бы к ратификации Соглашения об адаптации некоторые страны НАТО, без четкой определенности относительно сроков введения в силу этого Соглашения. Обсуждение же российских озабоченностей, включая проблему фланговых ограничений для российской территории, предлагалось провести *потом*, когда Соглашение об адаптации начнет функционировать в полном объеме. То есть, по сути, российской стороне давались обещания *обсудить* озабоченности без гарантии их решения с учетом интересов национальной безопасности. Более того, ход переговоров показывал, что натовцы были готовы учесть лишь некоторые поставленные Россией проблемы, возможно, даже *разжать* фланговые ограничения, но не снять их, на чем настаивало политическое руководство России.

От российской же стороны требовали конкретных действий, главное из которых – возвращение в старый ДОВСЕ, в котором виртуально существовал Варшавский Договор и не учитывались две *волны* расширения НАТО. Кроме того, Россия должна была возобновить вывоз боеприпасов из Приднестровья, дать согласие на интернационализацию миротворческой операции в Молдавии и решить с Грузией вопрос о бывшей российской военной базе (РВБ) Гудаута. В концепции НАТО отмечалось, что в случае завершения российских шагов осенью 2007 г. страны Альянса были бы готовы к весне 2008 г. ратифицировать Соглашение. При этом авторы концепции отмечали, что приостановление действия ДОВСЕ сделало бы ее *политически несостоятельной*.

Не отказываясь в принципе от рассмотрения данной концепции, российская сторона отмечала несбалансированность и нереалистичность некоторых ее ключевых элементов и подчеркивала, что вывод ДОВСЕ из кризиса возможен только в случае ратификации Соглашения об адаптации всеми государствами-участниками и выполнения других условий, необходимых для восстановления жизнеспособности договорного режима.

В сентябре–декабре 2007 г. состоялись четыре многосторонние неофициальные встречи по ДОВСЕ (в составе всех государств-участников Договора, а также стран Прибалтики и Словении). Они были полезными для лучшего понимания подходов сторон, хотя конкретных результатов не принесли, а основная практическая работа велась в российско-американском формате. К началу декабря 2007 г. консультации России с другими государствами-участниками ДОВСЕ показали, что последние настроены на продолжение поиска развязок, однако пока не готовы к конкретным шагам, направленным на снятие российских озабоченностей. В связи с этим в полночь на 12 декабря 2007 г. началось приостановление действия ДОВСЕ. В то же время Россия выразила готовность к продолжению диалога с партнерами.

Дальнейшие переговоры по *плану параллельных действий* проходили непросто. Позиция стран НАТО развивалась по схеме «шаг вперед, два шага назад». Более того, США при поддержке других натовских стран по-прежнему не были готовы учесть ключевые российские озабоченности (прежде всего, отменить фланговые ограничения применительно к территории России).

Данная позиция, отраженная в заявлении Совета НАТО по ДОВСЕ от 28 марта 2008 г., декларации саммита НАТО в Бухаресте (3 апреля 2008 г.) и коммюнике заседания Совета НАТО на уровне министров иностранных дел (3 декабря 2008 г.), не позволяла рассчитывать на решение проблемы Договора в ближайшем будущем. Правда, к концу 2009 г. формулировки документов Альянса на сей счет стали несколько более краткими и деловитыми. При этом, однако, призывы к России возобновить участие в обмене информацией по Договору стали сопровождаться *предупреждениями*, что в противном случае дальнейшее выполнение соответствующего обязательства странами НАТО могло бы стать *затруднительным*.

После кризиса августа 2008 г. на Кавказе ситуация вокруг ДОВСЕ еще более усложнилась. Страны НАТО под предлогом необходимости переоценки подходов в связи с *новыми обстоятельствами* прервали консультации.

17 декабря 2008 г. российско-американский диалог по ДОВСЕ был возобновлен. В 2009 г. состоялись три двусторонних встречи. Они показали, что с объявлением новой администрации США курса на *перезагрузку* отношений с Россией эта тема постепенно стала выходить из тени. В этом российской сторона максимально стремилась помочь партнерам. Казалось, в конце туннеля замерцал огонек надежды.

Чтобы стимулировать диалог, 5 мая 2009 г. Россия представила в СКГ памятную записку «Восстановление жизнеспособности ДОВСЕ: путь вперед», в которой были детально изложены наши подходы к *пакетному решению* проблемы ДОВСЕ. В частности, в ней отмечалась необходимость обеспечить сбалансированный характер проекта этого решения, который должен предусматривать *параллельные* или, лучше сказать, встречные действия заинтересованных сторон. Все без исключения аспекты, вызывающие или способные вызвать разногласия, должны быть урегулированы надлежащим образом, и не в неопределенном будущем, а непосредственно в рамках *пакета*, причем таким образом, который исключал бы возможность различных интерпретаций и срыва достигнутых договоренностей.

ЧЕГО ДОБИВАЕТСЯ РОССИЯ?

Попытаемся на основе официальных российских документов, начиная с предложений, внесенных на Чрезвычайной конференции 2007 г., и до памятной записки от 5 мая 2009 г., обрисовать, хотя бы в самых общих чертах, подходы нашей страны к конкретным аспектам решения проблемы контроля над обычными вооружениями в Европе.

Первое. Отмена фланговых подуровней для территории России.

Так называемые фланговые ограничения не позволяют России свободно перемещать оснащенные обычными вооружениями и техникой войска по своей территории. В 1990 г. они были установлены, исходя из опасений относительно *перелива* сил из Центральной Европы на север и юг континента и их размещения на границах Турции и Норвегии. Эти опасения не оправдались, и фланговые ограничения для России давно потеряли смысл. Более того, они рассматриваются российской стороной как устаревшие, неоправданные в нынешней военно-политической ситуации, дискриминационные и препятствующие борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. С учетом этого политическим руководством страны был сделан однозначный вывод: никаких фланговых подуровней на территории Российской Федерации быть не должно.

С учетом реальных соотношений в количествах обычных вооружений во фланговой зоне даже существенное увеличение Россией своего потенциала в этом регионе не смогло бы нанести ущерба безопасности ни НАТО, ни отдельных членов Альянса.

В то же время, вероятно, сохранение флангового режима, даже без России, имеет смысл с точки зрения предотвращения региональной гонки вооружений, сведения к минимуму вероятности возникновения новых конфликтов. Кроме того, охват фланговым режимом новых участников Договора необходим для сохранения некоторых политических обязательств о военной сдержанности, принятых в 1999 г. с учетом существовавшей тогда

обстановки. В связи с этим Россия ставит вопрос об отмене фланговых ограничений для своей территории, а не флангового режима в целом.

Страны НАТО подчеркивают *стратегическую важность* флангового режима²¹, делая, разумеется, акцент на территориальные подуровни на российской территории. Однако, по существу, единственный аргумент, выдвигаемый некоторыми из них против решения проблемы на предлагаемой российской стороной основе, сводится к тому, что отмена фланговых ограничений для России поставила бы под вопрос сохранение флангового режима в целом, а в некоторых частях района применения Договора и на его внешних границах это могло бы привести к региональной гонке вооружений.

С целью устранения этой озабоченности 15 мая 2008 г. тогдашним начальником российского Генштаба Ю.Н. Балуюевским была выдвинута идея решения *фланговой проблемы* за счет распространения флангового режима на всю территорию России, входящую в район применения ДОВСЕ. Реализация этой идеи позволила бы, с одной стороны, уравнивать Россию в правах и обязательствах с остальными *фланговыми* государствами-участниками ДОВСЕ, например, Турцией, а с другой – сохранить фланговый режим и даже укрепить его за счет расширения территориальной сферы его применения²².

О какой-либо официальной реакции стран НАТО на эту идею пока неизвестно. Правда, это может свидетельствовать и о нежелании натовцев рассматривать ее даже в качестве отправной точки для снятия российских озабоченностей.

Страны НАТО в самой общей форме заявляли о своей готовности «рассмотреть, там, где это возможно, изменения количественных значений предельных уровней вооружений», да и то лишь после вступления в силу Соглашения об адаптации²³. Очевидно, такой подход для российской стороны неприемлем, поскольку он не гарантирует удовлетворительного решения поставленной ею проблемы, а лишь открывает путь к долгим и бесперспективным дискуссиям по этому сюжету.

Второе. Понижение суммарных разрешенных уровней и, в необходимых случаях, наличием ограничиваемых Договором обычных вооружений и техники (ОДВТ) стран НАТО в целях компенсации потенциала, приобретенного Альянсом в результате расширения.

Сумма максимальных уровней стран НАТО превышает групповые уровни действующего ДОВСЕ почти на 6000 танков, 10 000 боевых бронированных машин (ББМ), более чем на 5000 артсистем, почти на 1500 боевых самолетов и на 500 с лишним ударных вертолетов (и это без учета прибалтийских стран, Словении, Хорватии и Албании).

В совокупности это на 23 тыс. единиц больше коллективных уровней для НАТО на момент заключения Договора (в другую историческую эпоху) и практически вдвое больше договорных возможностей участников ДОВСЕ, не входящих в Альянс²⁴. Соотношение же потенциальных возможностей НАТО и крупнейшего не входящего в Альянс государства в Европе – России – составляет по разным категориям от 2,5:1 до 4,2:1.

Некоторые страны Альянса считают этот вопрос неактуальным, поскольку сумма наличий вооружений нынешних членов НАТО не превышает групповых уровней *старого* ДОВСЕ. Однако, во-первых, не везде это так (в частности, есть превышение на флангах). А во-вторых, наличия подвержены колебаниям, и своего рода *гарантией безопасности* можно считать лишь разрешенные уровни.

В основе ДОВСЕ (как старого, так и адаптированного) – идея «ликвидации неравенств, наносящих ущерб стабильности и безопасности, и ликвидации потенциала для осуществления внезапного нападения и для начала крупномасштабных наступательных действий в Европе»²⁵. Чрезмерная концентрация ОДВТ в руках или на территории какого-либо государства или группы государств наносит ущерб этим целям. Поэтому изменение состава какого-либо военно-политического союза должно сопровождаться мерами в сфере контроля над вооружениями, обеспечивающими соизмеримость совокупного военного потенциала его членов с потенциалами других участников ДОВСЕ и непревышение тех пропорций, которые были изначально сочтены безопасными. Отсутствие военной геге-

монии какого-либо союза в районе применения Договора должно быть обеспечено и в будущем.

Официально заявленная позиция Альянса в общем плане допускает возможность *рассмотрения* изменений уровней, да и то лишь после вступления в силу Соглашения об адаптации²⁶. Этого, конечно, недостаточно для решения проблемы.

Третье. Участие в ДОВСЕ всех членов НАТО и других желающих европейских государств.

Режим ДОВСЕ изначально основывался на участии всех стран НАТО и Варшавского Договора (а затем и их правопреемников). Было бы странно и неприемлемо, если бы он не включал новых членов Альянса, создавая тем самым *серые* зоны, в которых может концентрироваться неограниченное количество ОДТВ.

Российская сторона исходит из того, что каждое государство-член НАТО, еще не участвующее в ДОВСЕ, должно присоединиться к режиму контроля над обычными вооружениями в Европе, приняв на себя конкретные обязательства. Нарботанный при этом опыт мог бы быть использован при рассмотрении вопроса о присоединении других желающих европейских государств.

Образовавшаяся в свое время на российских границах *черная дыра* (с точки зрения контроля над вооружениями) не может не беспокоить Россию. Тем более что на протяжении ряда лет в этом регионе идет массивное наращивание вооружений. В 1991 г. прибалтийские страны были исключены из района применения ДОВСЕ заявлением Председателя Совместной консультативной группы, что с юридической точки зрения, по крайней мере, сомнительно (в текст ДОВСЕ поправки не вносились, и в нем до сих пор фигурирует «территория Прибалтийского военного округа»). Кстати, уже после этого шага администрация США считала возможным участие стран Балтии в ДОВСЕ образца 1990 г., также без внесения в него поправок (соответствующие письма направлялись госдепартаментом в Сенат при ратификации ДОВСЕ)²⁷. Такое решение в принципе возможно и сегодня.

В 1999 г. Россия приняла в Стамбуле политическое обязательство о сдержанности в отношении уровней и развертываний своих наземных ОДТВ на территориях Калининградской и Псковской областей. Отсутствие у нее иных планов и намерений было обусловлено сохранением существовавшей на тот момент военно-политической ситуации²⁸. Ситуация в Прибалтике с тех пор радикально изменилась. Россия же до настоящего времени на практике придерживается своего заявления. Только за последнее время количество обычных вооружений в соответствующем районе уменьшилось более чем на тысячу единиц. Однако чтобы Россия и дальше могла проявлять сдержанность в этом районе, существовавший в 1999 г. баланс должен быть так или иначе восстановлен. Предпочтительно, чтобы это произошло за счет адекватной военной сдержанности на территориях Прибалтийских государств. В этом же контексте данные государства должны быть охвачены фланговым режимом.

Следует также отметить, что приглашение в НАТО Македонии поставит в повестку дня вопрос и о ее присоединении к ДОВСЕ.

Позиция стран НАТО предусматривает, что после согласования *пакета параллельных действий* «члены НАТО, не являющиеся участниками ДОВСЕ, публично подтвердят свою готовность обратиться с просьбой о присоединении к адаптированному Договору, как только он вступит в силу. После консультаций с союзниками они будут открыты для обсуждений со всеми Государствами-участниками Договора, включая Россию, относительно условий своего присоединения»²⁹.

Однако эта формулировка не дает ответа на вопрос о том, когда и чем именно должны завершиться эти *обсуждения*. Заявления, с которыми прибалтийские страны выступали ранее, не свидетельствовали об их готовности к скорому началу практической работы. Подготовка их позиции к консультациям о присоединении далека от завершения. И это не может не осложнять общую ситуацию.

Четвертое. Разработка общего понимания понятия «дополнительное постоянное размещение существенных боевых сил».

В рамках Основополагающего акта Россия–НАТО Альянс отказался от «дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил», аналогичное обязательство приняла на себя и Россия³⁰. Впоследствии страны НАТО конкретизировали это положение, в частности, в Заявлении Совета НАТО от 8 декабря 1998 г., упомянутом в Заключительном акте Конференции Государств-участников ДОВСЕ (Стамбул, 17–19 ноября 1999 г.)³¹. В рамках этой Конференции Российская Федерация также приняла политическое обязательство, касающееся «существенных боевых сил»³².

Из изложенного следует, что соответствующие положения Основополагающего акта Россия–НАТО и конкретизирующих его документов имеют значение в контексте ДОВСЕ как часть *стамбульского пакета*. В то же время каких-либо официально согласованных цифровых параметров «существенных боевых сил» на сегодня нет.

Исходя из этого, российская сторона считает необходимым согласовать общее понимание этих положений и утвердить его в рамках СКГ или конференции государств-участников. Российская сторона настаивает на таком утверждении, поскольку выработанное Россией и странами НАТО определение будет относиться к политическому обязательству, касающемуся и других участников Договора.

15 июля 2008 г. российская делегация в венской Совместной консультативной группе по ДОВСЕ внесла развернутый проект понимания этого термина³³. Он исходит из того, что *критерию существенности* отвечает размещенная на территории новых членов Альянса после подписания Основополагающего акта на период более 42 дней в году совокупность сил и средств, эквивалентная бригаде (авиакрылу, вертолетному батальону) или имеющая на вооружении ОДВТ, количества которых в совокупности превышают хотя бы один из следующих параметров: 41 боевой танк, или 188 ББМ, или 90 артиллерийских единиц калибра 100 мм и более, или 24 боевых самолета, или 24 ударных вертолета.

Судя по сообщениям СМИ, аналогичное предложение в конце 2009 г. было внесено Россией и в Совете Россия–НАТО.

Очевидно, было бы полезно, чтобы в период до официального принятия соответствующего документа каждая из сторон Основополагающего акта воздерживалась от шагов, которые могут быть расценены другой стороной как размещение существенных боевых сил.

Официальная позиция стран НАТО предусматривает, что после согласования *пакетного решения* «НАТО и Россия разработают определение термина «существенные боевые силы», используемого в Основополагающем акте Россия–НАТО»³⁴.

Однако чтобы эти переговоры завершились принятием конкретного документа, а не фиксацией разногласий, необходимо уже в ближайшее время приступить к работе на данном направлении на основе предложенных российской стороной формулировок. При этом важно сохранить существо и охват обязательств, принятых в 1997–1999 гг.

Пятое. Скорейшее начало реализации будущих договоренностей и модернизация режима ДОВСЕ.

Представляется принципиально важным, чтобы начало реализации договоренностей, достигнутых участниками переговоров, не было под тем или иным предлогом затянато до бесконечности, как это произошло после Конференции Государств-участников Договора в Стамбуле 19 ноября 1999 г. Поскольку исполнительная власть не может ручаться за то, что намеченные сроки ратификации будут соблюдены, необходимо предусмотреть возможность временного применения Соглашения об адаптации (разумеется, со всеми новыми элементами, отражающими решение поставленных Россией проблем).

В официальной позиции стран НАТО нет даже упоминания о возможности временного применения Соглашения об адаптации. Некоторые из них отмечают, что раннее начало временного применения могло бы вызвать проблемы юридического характера. В то же

время они признают возможность принятия политического обязательства о том, чтобы действовать в соответствии с объектом и целями адаптированного ДОВСЕ, соблюдать его предельные уровни.

Представляется, что эти два подхода можно было бы совместить, с учетом опыта 1991–1992 г., когда нынешний ДОВСЕ также применялся на временной основе. Разумеется, обговорить модальности реализации достигнутых договоренностей в период до их вступления в силу следовало бы заблаговременно.

Другой, не менее важный вопрос – это дальнейшая модернизация режима ДОВСЕ. Ее необходимость стала очевидна вскоре после подписания Соглашения об адаптации. Так, уже первая попытка смоделировать действие обновленного режима обмена информацией выявила определенные его недостатки (а точнее, избыточность). Ряд положений адаптированного инспекционного режима также представляются излишне громоздкими, интрузивными и далеко не в полной мере отвечающими современной обстановке. С учетом военно-технического прогресса могут возникнуть проблемы с охватом договорными ограничениями некоторых новых систем вооружений. Есть и другие серьезные вопросы, требующие пристального рассмотрения.

Официально обнародованная позиция стран НАТО предусматривает, что после вступления в силу адаптированного Договора «союзники по НАТО рассмотрят действие адаптированного ДОВСЕ с Россией и другими участниками Договора. [...] Мы рассмотрели бы изменения в параметрах предельных уровней техники, там, где они возможны. Это дало бы возможность всем партнерам по Договору, включая Россию, высказать свои озабоченности относительно любых конкретных элементов адаптированного Договора»³⁵.

Представляется, однако, что речь должна идти не о постановке вопроса (участники ДОВСЕ имеют на это право в любое время), а о полномасштабных переговорах о модернизации адаптированного ДОВСЕ, необходимость которой, кстати, признавалась и экспертами стран НАТО.

Российская Федерация неоднократно предлагала, чтобы еще до вступления в силу Соглашения об адаптации государства-участники ДОВСЕ приняли решение о том, что сразу после начала действия адаптированного Договора они начнут переговоры о его дальнейшей модернизации. Такое решение могло бы содержать и примерный перечень вопросов, которые они хотели бы рассмотреть на этих переговорах.

В то же время, вероятно, российские эксперты могли бы обдумать и появившуюся в последний год в западноевропейских научных кругах идею *модернизации до ратификации*, предусматривающую сначала проведение полномасштабных переговоров о всеобщей модернизации режима контроля над обычными вооружениями в Европе, а уже затем ратификацию достигнутых договоренностей. Она могла бы помочь обойти проблемы, связанные с внесением на ратификацию Соглашения об адаптации, заведомо требующего пересмотра.

Шестое. Вопросы, связанные с российским военным присутствием в Абхазии, Южной Осетии и Молдавии.

Страны НАТО официально исходят из того, что предложенный Соединенными Штатами Америки *пакет* «включает решение вопроса о российских обязательствах, относящихся к Республике Молдова и Грузии», и выражают готовность объединиться с Россией в выполнении этого *пакета*. Они также отмечают, что «союзники по НАТО будут продвигаться с ратификацией адаптированного ДОВСЕ параллельно с выполнением Российской Федерацией конкретных, согласованных шагов по решению остающихся вопросов, относящихся к российским силам/объектам в Республике Молдова и Грузии, как изложено в *пакете*».

Российская сторона считает, что последняя увязка политически и юридически не оправдана, а с практической точки зрения контрпродуктивна. Затягивание под надуманными предложениями ратификации Соглашения об адаптации явилось прямым нарушением странами НАТО стамбульского обязательства «оперативно предпринять усилия для содействия завершению национальных процедур ратификации, с тем чтобы Соглашение

об адаптации могло вступить в силу как можно скорее»³⁶. Что касается упоминания неких «российских обязательств, относящихся к Республике Молдова и Грузии», то в контексте ДОВСЕ таких невыполненных обязательств не осталось³⁷ (в отличие, кстати, от выполнения стамбульских обязательств некоторыми другими государствами-участниками, включая самих Грузию и Молдавию). Поэтому сам факт обсуждения российской стороной различных вариантов решения указанных проблем в контактах, посвященных ДОВСЕ, явился ярким проявлением доброй воли и серьезным шагом навстречу партнерам.

Отправной точкой для начала такого обсуждения в 2007–2008 гг. стали признание странами НАТО нереалистичности ранее выдвигавшихся требований немедленного вывода российских военнослужащих (включая миротворцев) и вывоза боеприпасов, а также их готовность решать проблему в основном за счет обеспечения транспарентности российского военного присутствия.

В то же время были бы однозначно контрпродуктивными попытки возврата к прежним натовским требованиям, включения в обсуждение вопросов, относящихся к сфере урегулирования *замороженных конфликтов*, наделения ОБСЕ или какого-либо из государств-участников *особыми правами* по контролю за российскими военными, применения *двойного стандарта* к сторонам стамбульских договоренностей, расширительного толкования и применения положений ДОВСЕ и т.д.

Следует также отметить, что объективные факты – признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, не являющихся участниками ДОВСЕ, и размещение российских воинских контингентов в этих странах с их явно выраженным согласием – должны быть учтены в ходе переговоров. Очевидно, что ранее обсуждавшиеся положения плана *параллельных действий*, касавшиеся Гудауты, уже не имеют отношения к новой реальности.

Авторы согласны с сотрудником Института исследований проблем мира и политики безопасности при Гамбургском университете У. Кюном, который выступает за устранение привязки процесса ДОВСЕ к стамбульским обязательствам³⁸. Если страны НАТО действительно заинтересованы в новом, равноправном режиме, им пора бы уже осознать контрпродуктивность попыток привнесения в него чужеродных элементов, относящихся к *замороженным конфликтам* на территории бывшего СССР.

Суммируя изложенное в данном разделе, можно предположить, что в ходе дальнейших переговоров основными задачами российской стороны будут избавление от дискриминационных *фланговых* территориальных подуровней, выправление дисбалансов в обычных вооруженных силах, сложившихся в результате расширения НАТО (включая, в частности, решение вопросов об уровнях вооружений Альянса, об участии в будущем соглашении всех его членов, о «существенных боевых силах»), а также дальнейшая модернизация режима контроля над обычными вооружениями в Европе. Будущее этого режима может быть обеспечено только путем переговоров, без искусственных увязок с вопросами, не имеющими к нему отношения и рассматриваемыми в совершенно других форматах.

ДИАЛОГ ВОЗОБНОВЛЕН. ЧТО ДАЛЬШЕ?

В 2010 г. обозначилась активизация переговорного процесса по поиску путей вывода ДОВСЕ из кризиса. В ходе июньского российско-американского саммита было принято совместное заявление президентов России и США о стратегической стабильности, в котором, помимо прочего, отмечена приверженность сторон «совместно со всеми партнерами работать в текущем году над укреплением режима контроля над обычными вооружениями в Европе и его модернизацией применительно к требованиям XXI в.».

В июне 2010 г. возобновились и практически ежемесячно проходят российско-американские консультации должностных лиц высокого уровня, неофициальные встречи 36 стран (государств-участников Договора и натовских *новобранцев*, заявивших о намерении присоединиться к режиму ДОВСЕ). В ходе этих мероприятий обсуждаются различные аспекты проблемы восстановления жизнеспособности и модернизации ре-

жима контроля над обычными вооружениями в Европе. Российская сторона внесла соответствующие предложения³⁹.

Правда, о содержании этих консультаций практически ничего не известно. Однако некоторые публичные высказывания представителей администрации США (выступление госсекретаря США Хиллари Клинтон в Париже «Замечания о будущем европейской безопасности» от 29 января 2010 г., статья вице-президента США Джозефа Байдена «Развивая европейскую безопасность» в *International Herald Tribune* от 6 мая 2010 г., размещенное на интернет-сайте госдепартамента США выступление начальника управления этого ведомства Фрэнка Роуза в Вене «Роль и перспективы режимов контроля над вооружениями и укрепления доверия и безопасности в строительстве доверия в изменяющейся обстановке в сфере безопасности» от 20 октября 2010 г.) являются косвенным свидетельством эволюции подхода США и стран НАТО к ДОВСЕ.

Похоже, что речь идет о некоей весьма общей и пока не детализированной концепции современных, учитывающих новые реалии *рамок* в области безопасности и контроля над вооружениями. Предполагается, что они должны принимать во внимание изменения последних лет, обеспечивать взаимные ограничения и сдержанность в отношении масштабов и размещения сил, взаимную транспарентность и контроль в военной сфере (обмен информацией, посещения военных объектов и наблюдение за военной деятельностью) и укреплять принципы территориальной целостности, неприменения силы первыми и согласия принимающей стороны на размещение иностранных войск на ее территории.

В принципе такие элементы, как ограничения, обмен информацией и инспекции, являются традиционными для режима контроля над обычными вооружениями в Европе. В то же время некоторые моменты в высказываниях американских должностных лиц наводят на размышления.

Во-первых, они делают основной упор не на ограничения, а на транспарентность (что, в принципе, понятно – баланс сил в Европе сегодня отвечает интересам США и НАТО). При этом происходит некоторое смешение мер из двух традиционно различных сфер – информационно-инспекционного режима ДОВСЕ и мер укрепления доверия и безопасности по Венскому документу. Возникает вопрос, нет ли у западных партнеров намерения *совместить* два этих режима (разумеется, при этом едва ли придется вести речь о юридических обязательствах).

Во-вторых, довольно сильный акцент делается на ограничениях на дислокацию вооруженных сил. Это может означать как простое подтверждение отраженной в Соглашении об адаптации концепции территориальных предельных уровней, так и стремление найти какую-то замену *фланговым* ограничениям для России и Украины. В последнем случае американские идеи могут оказаться весьма трудно согласуемыми с интересами России.

Наконец, в-третьих, одними из центральных элементов американской концепции выступают принципы территориальной целостности и согласия принимающей стороны. Сами по себе эти положения не вызывают сомнения, поскольку стоят в ряду других общепризнанных принципов, но несколькостораживает нарочитость, с которой именно они ставятся в центр всей конструкции. С учетом фразеологии американского бюрократического *новояза* представляется весьма вероятным, что речь идет о *переиздании* истории со стамбульскими обязательствами, а это однозначно поставило бы под вопрос результативность любых переговоров по модернизации режима контроля над обычными вооружениями в Европе.

Закрывать консультации 36 стран в Вене проходили на фоне таких политически значимых событий, как саммиты СРН в Лиссабоне и ОБСЕ в Астане. На обеих встречах на высшем уровне, судя по их итоговым документам, вопрос о поиске путей вывода режима контроля над обычными вооружениями из кризиса был одним из главных. Несмотря на все различия в подходах различных государств и сложность обсуждавшихся на этих мероприятиях проблем, их участникам удалось прийти к единому мнению и подчеркнуть необходимость восстановления жизнеспособности и модернизации этого режима.

В то же время на самих консультациях, по-видимому (в силу завесы таинственности об этом можно лишь догадываться), до прорывных решений еще далеко. Очевидны завалы, проблемы, трудность выхода на компромисс. *Перезагрузки* на направлении контроля над обычными вооружениями пока не произошло. Слишком велик разрыв между благородными целями и уровнем доверия друг другу. Однако для всех уже ясна важная политическая задача – необходимость разработки такого режима, который был бы равноправным, отражал бы новую ситуацию в области безопасности на территории от Атлантики до Урала.

Что же должно быть результатом будущих переговоров?

Как представляется, нынешний контроль над обычными вооружениями в Европе настолько *обносился*, что вряд ли будет возможно *залатать* все его дыры. Вот почему, видимо, жизнь выведет переговорщиков на новый режим, закрепленный в будущем соглашении. В этом документе будет необходимо установить более сбалансированные и низкие, чем прежде, *потолки* на ограничиваемые обычные вооружения, обеспечить адекватные нынешнему уровню доверия меры транспарентности, включая обмен информацией и инспекции. При этом Россия, очевидно, будет добиваться реализации своих приоритетов, о которых говорилось выше.

Еще один важный вопрос: каким будет характер нового режима контроля над обычными вооружениями? Юридически обязывающим, как ДОВСЕ и Соглашение об адаптации, или политически обязывающим, как, скажем, Венский документ 1999 г.?

Ответ на этот вопрос далеко не очевиден. С одной стороны, анализ политической ситуации в США показывает, что, если и когда новое соглашение будет согласовано, вряд ли администрация Барака Обамы представит его на ратификацию. Во-первых, еще свежи воспоминания, как тяжело проходил через Сенат новый Договор о СНВ. До конца не ясны и перспективы ратификации ДВЗЯИ – другого приоритета Барака Обамы. Да и политическое будущее самого американского президента пока достаточно туманно. Поэтому ожидать, что администрация США станет выступать за то, чтобы будущее соглашение по контролю над обычными вооружениями в Европе было юридически обязательным и, соответственно, подлежащим ратификации, едва ли придется. В то же время для ряда участников нынешнего режима ДОВСЕ неперенным условием разработки нового режима является его юридически обязывающий характер. Так что дискуссии по этому вопросу, как и по многим другим, еще предстоит.

Несмотря на многократную интенсификацию диалога, ситуация вокруг европейского режима контроля над обычными вооружениями в целом продолжает оставаться весьма сложной. Его участники по-прежнему стоят перед выбором – либо решение проблемы совместными усилиями, переговорным путем, либо неминуемая и, возможно, весьма скорая кончина этого режима.

С точки зрения интересов безопасности России представляется необходимым наряду с усилиями в области обороны настойчиво продолжать работу над созданием новых эффективных механизмов контроля над вооружениями, в том числе в Европе. В связи с этим весьма актуальны задачи, закрепленные в новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации: «...И далее содействовать укреплению региональной стабильности в Европе путем участия в процессах ограничения и сокращения обычных вооруженных сил, а также применения мер укрепления доверия в военной области на основе соблюдения принципа равной безопасности всех сторон»⁴⁰, «добиваться исправления дисбалансов, сложившихся в области ограничения обычных вооружений и вооруженных сил в Европе, и принятия новых мер доверия»⁴¹.

В то же время новый режим контроля над обычными вооружениями нужен и Европе, и России в равной степени. Долговременное, предсказуемое, стабильное взаимодействие в его рамках будет не только благотворно воздействовать на решение общих вопросов безопасности, но и окажет позитивное влияние на все другие области сотрудничества России с европейскими странами.

Примечания

- ¹ Соединенными усилиями (лат.).
- ² *Индекс Безопасности*. № 1 (96). 2011. С. 61–76.
- ³ Сообщение для печати «В связи с завершением работы второй Конференции по рассмотрению действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе» (Сообщение ДИП МИД России № 1058–04–06–2001. 2001, 4 июня).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Собрание законодательства РФ. 2004, 26 июля. № 30. Ст. 3082.
- ⁶ *Парламентская Газета*. № 118–119. 2004, 1 июля.
- ⁷ Сообщение для печати «Об итогах третьей Конференции по рассмотрению действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ)» (Сообщение ДИП МИД России № 988–05–06–2006. 2006, 5 июня).
- ⁸ Заявления Делегации Российской Федерации по пунктам 3 и 5 повестки дня третьей Конференции по рассмотрению действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе (Добавление к Приложению 40 к Журналу заседания CFE-TRC3.JOUR. 2006, 2 июня). С. 1–2.
- ⁹ Там же. С. 2–4.
- ¹⁰ Там же. С. 4–9.
- ¹¹ Заявление Делегации Российской Федерации на третьей Конференции по рассмотрению действия ДОВСЕ (Приложение 40 к Журналу заседания CFE-TRC3.JOUR. 2006, 2 июня).
- ¹² Выступление президента России В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 2007, 10 февраля. (Сообщение ДИП МИД России. 2007, 12 февраля).
- ¹³ *Российская Газета*. N 90. 2007, 27 апреля.
- ¹⁴ Документ JCG.DEL/9/07. 2007, 30 мая.
- ¹⁵ Анализ исключительных обстоятельств, относящихся к Договору об обычных вооруженных силах в Европе. Позиционный документ Российской Федерации. 2007, 12 июня. (Дополнение 1 к Приложению 33 к Журналу заседания CFE-EC (07).JOUR. 2007, 15 июня).
- ¹⁶ См., напр., Дополнение к Приложению 31 к Журналу заседания CFE-EC (07).JOUR. 2007, 13 июня.
- ¹⁷ Собрание законодательства РФ. 2007, 16 июля. N 29. Ст. 3681.
- ¹⁸ См. Проект основных положений Заключительного документа Чрезвычайной Конференции Государств-участников Договора об обычных вооруженных силах в Европе. 2007, 12 июня. (Дополнение 2 к Приложению 33 к Журналу заседания CFE-EC (07).JOUR. 2007, 15 июня), Заявление Делегации Российской Федерации на Чрезвычайной Конференции Государств – участников Договора об обычных вооруженных силах в Европе (Приложение 2 к Журналу заседания CFE-EC (07).JOUR. 2007, 12 июня).
- ¹⁹ *Российская Газета*. № 270. 2007, 3 декабря.
- ²⁰ *Парламентская Газета*. 2007, 20 ноября.
- ²¹ NAC Statement on CFE (NATO Press Release (2008) 047). 2008, 28 March.
- ²² Комар А. Судьба ДОВСЕ решится на флангах. *Независимая Газета*. 2008, 19 июня.
- ²³ NAC Statement on CFE.
- ²⁴ Стенограмма выступления министра иностранных дел России С.В. Лаврова на «Мюрдальских чтениях». Женева. 2008, 12 февраля. (Сообщение ДИП МИД России № 187–12–02–2008. 2008, 12 февраля).
- ²⁵ Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. М.: Изд. МО РФ. 2000. С. 4.
- ²⁶ NAC Statement on CFE.

- ²⁷ The CFE Treaty Report together with Additional Views (Exec. Rept. 102–22). Senate, 102d Congress, 1st Session. 1991. P. 117.
- ²⁸ Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. С. 146.
- ²⁹ NAC Statement on CFE.
- ³⁰ Действующее международное право. Документы в 2-х т. – Т. 1. Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Международные отношения, Юрайт-Издат. 2007. С. 608–609.
- ³¹ Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. С. 139.
- ³² Там же. С. 146.
- ³³ Заявление делегации Российской Федерации в Совместной консультативной группе. 2008, 15 июля. (Приложение 8 к Журналу 669-го заседания СКГ (JCG.JOUR/669, Annex 8). 2008, 15 июля).
- ³⁴ NAC Statement on CFE.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. С. 140.
- ³⁷ См. Ответы министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы германской газеты *Франкфуртер Альгемайне Цайтунг*. (Сообщение ДИП МИД России № 1935–03–12–2007. 2007, 3 декабря).
- ³⁸ Кюн У. ДОВСЕ: выход из тупика. 2010, 1 июля. <http://www.globalaffairs.ru/print/number/DOVSE-vykhod-iz-tupika-1488#> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ³⁹ Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) (справочная информация). <http://www.mid.ru> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ⁴⁰ *Международная Жизнь*. 2008. № 8–9. С. 222.
- ⁴¹ Там же. С. 232.

Виктор Сумский

ПОЧЕМУ НАС НЕ БЫЛО В ВАС И ПОЧЕМУ ТЕПЕРЬ НАС ТУДА ЗОВУТ

Всем, кто заинтересованно следит за внешней политикой России в Восточной Азии (не говоря уже о людях, непосредственно участвующих в ее разработке и проведении), 2010 г. запомнится надолго. Дипломатическая активность на этом направлении была, пожалуй, как никогда высока. Ее пик пришелся на конец года, отмеченный не только визитами президента РФ в Китай, Вьетнам, Южную Корею и Индию, но также его участием во втором саммите Россия–АСЕАН (Ханой), в сеульском саммите G-20 и состоявшейся следом в Йокогаме встрече лидеров стран, входящих в форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). А были ведь еще и такие знаковые события, как прием России в форум «Азия–Европа» (АСЕМ), как первая конференция министров обороны стран-участниц АСЕАН и восьми диалоговых партнеров этой Ассоциации, прошедшая при участии начальника нашего Генштаба. Было, наконец, и официальное приглашение присоединиться к Восточноазиатскому саммиту (ВАС), одновременно полученное Россией и США.

Напомню, что ежегодные заседания ВАС проходят с 2005 г. На них съезжаются высшие руководители асеановской десятки, а также их коллеги из Китая, Японии, Южной Кореи, Индии, Австралии и Новой Зеландии. Еще накануне первого из этих собраний Российская Федерация официально заявила, что хотела бы участвовать в его работе. Однако нашу заявку отклонили с объяснением, что связи РФ с АСЕАН (за которой в ВАС закреплены права стороны, определяющей повестку дня и состав участников) пока не являются достаточно *субстантивными* (substantive). Подразумевалось, что членство в ВАС возможно для России лишь на более высоком уровне торгово-экономического взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии. Во всяком случае, именно так истолковало позицию АСЕАН большинство комментаторов. Отчасти согласился с ними и Н.П. Малетин – профессор МГИМО, специализирующийся на изучении АСЕАН буквально с момента ее рождения. Свою точку зрения он подробно изложил в статье, озаглавленной «*Почему нас нет в ВАС*» (2009)¹. В то же время, обозревая динамику отношений Россия–АСЕАН и новые моменты в региональной расстановке сил, этот опытный эксперт не исключил довольно скорого приема России в Восточноазиатский саммит – и не ошибся.

Вырос ли за пять лет, прошедшие с момента созыва ВАС, объем совокупного товарооборота России с партнерами в ЮВА? В общем да, но не настолько, чтобы говорить об изменениях качественного характера. С точки зрения этого индикатора, как и показателей инвестиционной активности в данном регионе, мы отстаем от США, Японии, Китая, Евросоюза, а в последнее время и от Индии, не то что сильно, а, можно сказать, непоправимо.

Почему же, вопреки подобным противопоставлениям, нас все-таки зовут в ВАС (да еще на пару с американцами, до последнего времени вообще не выражавшими желания участвовать в этом саммите)? Без краткого экскурса в историю проблемы тут не обойтись, причем начать придется с сюжетов, связанных с российской темой опосредованно.

ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ: С АМЕРИКОЙ ИЛИ БЕЗ НЕЕ?

На стыке 80-х и 90-х гг. (то есть в момент, когда одна историческая эпоха сменяла другую) перед странами Восточной Азии встал вопрос о том, какую роль должны играть в их общем будущем Соединенные Штаты. В пользу сохранения тесных связей с Вашингтоном говорила привычка к американским гарантиям безопасности в военно-политической сфере, к широкому доступу на товарные рынки США – к вещам, благодаря которым не в последнюю очередь состоялось сначала *японское чудо*, а затем и прочие экономические чудеса Восточной Азии. Но были и аргументы против включения Америки в те новые интеграционные схемы, обсуждение которых уже начиналось. Громче и убедительнее всех высказывался многолетний премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад. В новых условиях, доказывал он, США не пойдут на такие послабления и уступки региональным партнерам, которые были возможны на этапе биполярного противостояния. Навязывая *младшим братьям* свои собственные приоритеты и ценности, американцы будут препятствовать раскрытию того потенциала, который Восточная Азия накопила за несколько десятилетий успешной модернизации. Выход виделся в том, чтобы откликнуться на конкурентные вызовы объединяющейся Европы и Северной Америки, создав свой собственный, чисто азиатский альянс.

Однако с ходу запустить проект под названием «*Восточноазиатская экономическая группировка*» (East Asia Economic Grouping) Махатхиру не удалось. Эйфория в стане победителей, сопутствовавшая окончанию холодной войны, помогла американцам и их ближайшим союзникам *продавить* план, предполагавший форсированную торговую либерализацию в рамках АТЭС. Правда, за согласие присоединиться к этому формату страны АСЕАН получили награду – право решающего коллективного голоса во внутренних дебатах АТЭС. Так родился принцип *центральной позиции* АСЕАН в этой и последующих восточноазиатских инициативах. Сегодня любые попытки поставить его под сомнение воспринимаются в Ассоциации как посягательства на нее саму.

Предоставив АСЕАН подобный бонус, американцы явно надеялись, что старый партнер останется таким же покладистым, как прежде, и поддержит в АТЭС их линию. На деле случилось нечто иное. Уже в середине 90-х годов форум АТЭС стараниями АСЕАН (как, впрочем, и ряда других участников) превратился в подобие дискуссионного клуба, отнюдь не выдающего твердых предписаний о сроках и параметрах перехода к свободной торговле. В процессе расширения за счет четырех стран Индокитая, начавшегося в 1995 г., Ассоциация ощутила прилив уверенности в своих силах. Ее растущая самостоятельность сказалась и в созыве Регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности (АРФ, 1994), и в создании АСЕМ (1996), предполагавшем развитие диалога с Евросоюзом, минуя Америку. Довершал картину прием в АСЕАН такой жестоко критикуемой Западом страны, как Мьянма с ее военным режимом (1997).

Цепь событий и достижений, льстивших самолюбию асеановцев, прервал азиатский кризис. Тяжесть финансово-экономического, политического, социально-психологического ущерба, нанесенного потрясениями конца 90-х, усугублялась ощущением, что все это воспринимается в американском истеблишменте как справедливое возмездие своевольным азиатам. Не опровергали подобных догадок и действия Международного валютного фонда: режим экономии, навязанный пострадавшим в обмен на кредиты МВФ, не смягчал, а усугублял последствия кризиса. Предчувствия Махатхира о том, как поведет себя Америка в роли безраздельного глобального гегемона, сбывались на глазах. Неудивительно, что к идеям малайзийского премьера пробудился новый интерес. Уже в декабре 1997 г. состоялся первый саммит по формуле АСЕАН+3, на котором тройка была представлена экономическими *тяжеловесами* азиатского северо-востока – Китаем, Японией и Южной Кореей. Очень скоро такие встречи стали регулярными, а в самом начале третьего тысячелетия сближение АСЕАН с теми же партнерами вылилось в *Чиангмайскую инициативу* (2000), призванную защитить ее участников от безответственных атак валютных спекулянтов². Обсуждался и вопрос о создании зоны свободной торговли в формате АСЕАН+3. Казалось, контуры сугубо восточноазиатского блока определились, и желающим пополнить его, кто бы они ни были, лучше не тревожить понапрасну ни себя, ни других.

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ И ЕГО ПОБОЧНЫЕ СЛЕДСТВИЯ

Если для АСЕАН в целом и для ряда ее членов – особенно для Индонезии и Таиланда – азиатский кризис навсегда останется синонимом падения, то для Китая это бедствие обернулось нежданной пользой. Выстояв в финансовом шторме, он не только не снизил, но повысил темпы хозяйственного роста, выказал готовность помогать пострадавшим и закрепил представление о себе как о локомотиве региональной экономики. Масштабы товарообменов между КНР и южными соседями стремительно увеличивались. Одновременно во внешнеполитическом поведении Пекина все четче проступали те элементы *игры на опережение* и вкуса к многосторонней дипломатии, которых раньше не наблюдалось. Все это вместе взятое создавало эффект *мирного наступления* Китая в ЮВА, выдвигало его в первый ряд претендентов на ведущую роль во всей Восточной Азии – особенно на фоне снижавшегося авторитета США³.

Как реагировала на происходящее АСЕАН? С одной стороны, беспрецедентные успехи Китая не могли не вызывать уважения, не пробуждать надежд на то, что с этим новым лидером региону обеспечено *место под солнцем*. С другой стороны, Китай в кратчайшие сроки разогнался настолько, что погоня за ним становилась все более проблематичной даже для самых поворотливых членов АСЕАН, и крепки опасения, как бы в самом недалеком будущем региональное равновесие – не только экономическое, но и политическое – не нарушилось необратимым образом. Понадобилось лишь три-четыре года, чтобы уяснить: асеановская попытка вести дела с Китаем, Японией и Южной Кореей *как бы на равных*, уповая на то, что в рамках многосторонних контактов со странами Ассоциации эти трое где-то уравниваются, а где-то и нейтрализуют друг друга, не срабатывает из-за бурного роста китайской мощи. Де-факто формат АСЕАН+3 все больше походил на АСЕАН+1 (где единицей, перетягивавшей все остальные компоненты, был, конечно, Китай).

А что же Америка? Неоконсерваторы, окружавшие Джорджа Буша-младшего, то делали вид, что АСЕАН вообще не стоит их внимания, то прямо давали понять, что связка асеановцев с Китаем – смертный грех. На пике антитеррористической кампании Вашингтон пытался *отнять* у АРФ и *перетянуть* в АТЭС проблематику восточноазиатской безопасности. На роль *мальчика для битья* внутри Ассоциации определили Мьянму (главная провинность которой состояла не столько в нарушениях прав человека, сколько в особой близости к КНР). Ежегодные конференции министров иностранных дел АСЕАН, их собеседования с партнерами по диалогу, асеановские встречи в верхах и тому подобные мероприятия проходили под ритуальные сетования западных СМИ о том, что Ассоциация вырождается в *говорильню*. Согласованность этих усилий наводила на мысль о том, что АСЕАН предлагают сделать *правильный выбор* между Америкой и Китаем, а в случае *неверного выбора* пенять на себя⁴.

Подобный ультиматум был неприемлем для АСЕАН и по чисто прагматическим соображениям (связанным с потребностью и в США, и в Китае как незаменимых деловых партнерах), и в силу традиционной, глубинной приверженности компромиссам, склонности искать *срединные пути* между политическими противоположностями. Показательно, однако, что АСЕАН не только не застыла в неподвижности, ужасаясь новым вызовам, но энергично искала способы двигаться вперед. В начале двухтысячных годов был одобрен план строительства Сообщества АСЕАН – объединения, спроектированного с учетом опыта Евросоюза, но в то же время с пониманием, что копировать таковой бессмысленно. Тогда же созрело представление о том, что нужен новый шаг по пути интеграции в масштабах всей Восточной Азии – шаг, который затруднил бы Китаю превращение в единоличного регионального лидера, но не свелся бы к *прогибу* под США, тем более в момент, когда республиканская администрация показывает себя *во всем блеске*. Эти намерения воплотились в концепции, а затем и в союзе ВАС, поданном как начало трудов по созданию Восточноазиатского сообщества. К странам, задействованным в формате АСЕАН+3, добавили Индию, Австралию и Новую Зеландию. Появлению этих новых участников (каждый из которых имел особые отношения с США) энергично способствовала Япония, но не слишком радовался Китай. Впрочем, формат АСЕАН+3, в котором ему принадлежало столь заметное место, отнюдь не упразднился, а США по-прежнему не участвовали в заседаниях – подчеркивая, однако, что и не ищут этой

привилегии. Что они хотели этим сказать? Что дискуссия, ведущаяся в их отсутствие, да еще при *центральной роли* АСЕАН, заведомо не имеет перспективы?

Если Вашингтон и впрямь стоял на этом, то Москва, подав заявку на вступление в ВАС, обозначила иную позицию. Будучи официальным партнером АСЕАН по диалогу и присоединившись в 2004 г. к *Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА* (он же – *Балийский договор*), Россия отвечала как минимум двум из трех требований, предъявлявшихся к претендентам на участие в саммите. С третьим требованием, заключавшимся как раз в наличии *субстантивных* связей с Ассоциацией, дела обстояли хуже. Правда, критериев *субстантивности* не существовало, как нет их и сейчас, так что решение зависело, в конечном счете, от общей политической воли членов АСЕАН. О том, почему ее не хватило для приема РФ еще пять лет назад, откровенно пишет Родольфо Северино, являвшийся генеральным секретарем Ассоциации с 1998 по 2002 г.: «Стань Россия полноправным участником, и отсутствие США еще больше бросалось бы в глаза тем, кто считает, что Вашингтон должен быть частью восточноазиатского процесса»⁵.

ФАЛЬСТАРТЫ КЕВИНА РАДДА И ЮКИО ХАТОЯМЫ

Не успели члены ВАС согласовать свои намерения и сказать миру что-либо внятное, как на них посыпались те же упреки, что и на АСЕАН – обвинения в склонности к пустым декларациям, в неспособности делать практически полезные дела и пр. Хуже того, разноречивыми в суждениях о форматах интеграции, предпочтительных для Восточной Азии, намечился между самими участниками саммита. Особо отличились два политика, ненадолго выдвинувшихся на руководящие роли в своих странах. Австралийский лейборист Кевин Радд, занимавший пост премьер-министра с 2007 по 2010 г., удивил регион призывом к созданию *Азиатско-Тихоокеанского сообщества* с опорой на крупных игроков, включая США, Китай и Россию. Лидер Демократической партии Японии Юкио Хатояма, возглавлявший правительство в 2009–2010 гг., огласил предложение, которое могло бы показаться избыточным – сформировать *Восточноазиатское сообщество* в том самом составе, в котором уже собрали ВАС. Правда, вскоре он добавил к этому списку Соединенные Штаты⁶.

Если кому-то думалось, что старые союзники Вашингтона стараются, сверх всего прочего, сделать ему приятное, то это впечатление было поверхностным. По некоторым оценкам, суть замысла Радда состояла в том, чтобы удерживать американо-китайское соперничество в оболочке новой структуры, не позволяя ему выходить из-под контроля и наделяя Австралию ролью *честного брокера* между двумя соперниками. Хатояма же, выигравший выборы 2009 г. на волне протеста против *низкопоклонства* японских либерал-демократов перед Америкой, выступал за поворот Японии в сторону Азии. Вместе с тем его концепция содержала вызов Китаю, желавшему положить в основу будущего Восточноазиатского сообщества формат АСЕАН+3. По логике Хатоямы, присутствие Индии, Австралии и Новой Зеландии в его схеме повышало шансы Японии на региональное лидерство.

Хотя, уточняя свои позиции, ни Радд, ни Хатояма не забывали о *реверансах* в адрес АСЕАН, их предложения воспринимались в столицах *десятки* весьма прохладно. Ведь как бы обтекаемо ни подавались обе инициативы, их общая направленность не оставляла места для той *центральной роли* в региональных проектах, которой так дорожила АСЕАН.

Ни австралиец, ни японец не успели должным образом *раскрутить* свои инициативы, и помешали этому не только краткие сроки пребывания во власти. Хотя сверхзадача обеих концепций сводилась к тому, чтобы подправить работу, проделанную асеановцами, обе они не отличались ясностью и определенностью – и, стало быть, грешили теми же недостатками, которые критики Ассоциации частенько усматривают в ее программных заявлениях и документах. Изъяны этого рода были отнюдь не случайны: и Радду, и Хатояме приходилось постоянно лавировать, моментами чуть ли не опровергая самих себя, ибо внутри государственно-политических элит обеих стран обозначились расколы

между проамериканскими группировками и сторонниками более активного сотрудничества с Китаем⁷.

Отставки Радда и Хатоямы дали АСЕАН определенную передышку в борьбе за удержание *центральной роли* в восточноазиатских делах. Однако проблемы и вызовы, побудившие этих деятелей к соответствующим выступлениям, никуда не делись. На исходе первого десятилетия XXI в. мир переживал глобальный кризис, а страна, где он зародился, вела себя при новом президенте-демократе несколько иначе, чем при его предшественнике-республиканце – в том числе и в Азии.

АМЕРИКАНСКОЕ КОНТРАСТУПЛЕНИЕ В ЮВА

Хотя холодная война, какой ее знали во второй половине XX в., осталась позади, военно-политический инструментарий и стратагема, порожденные этой эпохой, по-прежнему в ходу. Во всяком случае, администрация Дж. Буша-младшего показала всей своей деятельностью, что ради удержания мира в состоянии однополярности способна развязать сразу *три новых холодных войны* – с исламским миром, Китаем и Россией. Не достигнув ни на одном из этих *фронтов* ничего похожего на решающий перевес и доведя США до самого жестокого экономического кризиса со времен Великой депрессии, республиканцы *своею собственной рукой* подготовили феномен Барака Обамы. Его декларации о *перезагрузках* отношений с критически важными для США партнерами – все теми же мусульманскими странами, Китаем и Россией – оказались настолько ко времени, что Нобелевский комитет присудил американскому лидеру свою Премию мира, не дожидаясь исполнения обещанного.

Указав на Восточную Азию как на регион, имеющий особую значимость для США, и обозначив готовность договариваться с Пекином *по-хорошему*, новая администрация сделала беспроигрышный ход. По иронии судьбы, способность Китая поддерживать высочайшие темпы экономического роста в обстановке, когда на грани банкротства балансируют страны из категории развитых, начинает в чем-то работать против него (как, к слову, и его масштабная программа военного строительства). Соседи поглядывают на гиганта, расправляющего плечи, с растущей тревогой. Они как будто заранее внушают себе, что с течением времени он станет держаться все более неуступчиво, ибо вести себя иначе поднимающиеся гегемоны не умеют. Малейшие намеки на подобное поведение вызывают обостренную реакцию, желание поставить потенциального *нарушителя спокойствия* в условия, при которых у него не будет избыточной свободы рук. На сегодня Соединенные Штаты – единственная величина, чье активное присутствие в Восточной Азии создает такие условия. Отсюда и прилив энтузиазма, с которым в регионе откликаются на *благовую весть* о *возврате* американцев.

Нестораживает ли, однако, возможность возникновения *дуумвирата США и Китая под вывеской «G-2»*? С асеановской точки зрения, подобное вряд ли реально. И американцев и китайцев в странах ЮВА изучили весьма неплохо. Там видят пределы, дальше которых взаимное сближение двух держав, скорее всего, не пойдет. Чтобы чувствовать себя хотя бы отчасти хозяевами в своем регионе, странам АСЕАН желательно нечто среднее между жестким соперничеством Вашингтона с Пекином и их же альянсом. Приемлемый вариант – явные, но не абсолютно непримиримые противоречия, на которых посторонние могли бы играть без особого риска, преследуя собственные цели.

Тот факт, что с 2009 г. Обама выстраивает отношения с Китаем более или менее в этом ключе, – важнейшая предпосылка *внешнеполитического контрастступления*, которое Америка не без успеха разворачивает сейчас в ЮВА. За короткое время США активизировали двусторонние отношения буквально со всеми странами АСЕАН (вплоть до Мьянмы, к которой ищут новые подходы, но с особым акцентом на сближение с Индонезией и Вьетнамом). Нет с их стороны недостатка и в жестах, говорящих о поддержке Ассоциации как значимого субъекта региональной политики. Среди практически значимых шагов – присоединение к Балийскому договору. С ним, как уже отмечено, связана и принципиальная возможность подключения к дискуссиям о *новой региональной архитектуре*, идущим на Восточноазиатском саммите⁸.

Будем считать, что мотивы, по которым Америке выписано приглашение на ВАС, в первом приближении ясны. Но почему заодно туда же зовут и Россию? Неужели только потому, что за полвека биполярной конфронтации привыкли видеть нас в связке с США? Или из соображений политкорректности, не позволяющей держать просителя в прихожей слишком долго?

Если подобные соображения и присутствуют, то на этапе выработки решения берутся во внимание во вторую и в третью очередь.

Здание Токийского международного форума. Фото – galactic supermarket. http://www.flickr.com/photos/galactic_supermarket/3667361427/

ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ НАС ТУДА ЗОВУТ?

Попробуем рассуждать от противного. При каких условиях наше участие в ВАС было бы исключено?

Во-первых, при условии явного расхождения тенденций политического и экономического развития России с теми, что преобладают в Восточной Азии. Как бы критически мы сами ни относились к нашей демократии и к нашему рынку, важно констатировать, что основы и того, и другого все-таки заложены. Нас может не устраивать качество экономического роста и государственного управления, но не отметить, что с наступлением XXI в. экономический рост так или иначе возобновляется, что хаос первого постсоветского десятилетия обуздан и страна управляется лучше, чем прежде, было бы несправедливо. Как бы трудно ни шла у нас модернизация, курс на нее возведен в ранг государственной политики. По совокупности этих признаков Россия отнюдь не *выламывается* из общей региональной картины (чего, повторюсь, 10 лет назад еще не было).

Во-вторых, нас не стали бы вовлекать в восточноазиатское сотрудничество, если бы наше внешнеполитическое поведение было выдержано в духе конфронтации, не-

примиримости и угрозы силой по отношению к какой бы то ни было из стран региона. Восточной Азии вполне хватает того потенциала конфликтов, который там уже накоплен, и дополнительные *подношения* этого рода ей ни к чему. Россия же востребована как раз по причине своей очевидной заинтересованности в укреплении регионального мира. Ведь без него Восточная Азия не сохранит экономический динамизм, делающий ее страны столь желанными партнерами в делах подъема нашего Дальнего Востока и модернизации российской хозяйственной жизни.

В-третьих, Восточная Азия определенно не нуждалась бы в дополнительном игроке, у которого громадная территория, богатые ресурсы и солидный оборонный потенциал сочетались бы с политической несамостоятельностью. Почему? Да потому, что в условиях, когда проблемной осью региональной политики становятся сугубо неоднозначные американо-китайские отношения, такой игрок рано или поздно уступит соблазну *прибиться* к одной из двух сторон, руководствуясь примитивно понятой, сиюминутной выгодой. А это, в свою очередь, дало бы толчок региональной, если не глобальной поляризации сил, ибо, при всей своей зависимости, упомянутый игрок остается очень значимой величиной⁹. Стало быть, приглашая Россию в ВАС, ей дают понять, что не считают ее чем-то подобным? Видимо, не только в Европе, но и в Азии оценены по достоинству такие трудные, но необходимые подтверждения российской самостоятельности, как Мюнхенская речь или выбор, сделанный в августе 2008 г. на Северном Кавказе. Дополнительный, крупный и самостоятельный игрок нужен Восточной Азии, чтобы добиться, пользуясь термином А.Д. Богатурова, *уплотнения* регионального политического пространства¹⁰, особенно в той его важнейшей, *срединной* части, за удержание которой отвечает АСЕАН.

Если так, то *нас принимают в ВАС, руководствуясь представлением о России как о величине отнюдь не инородной и принципиально совместимой с остальными странами Восточной Азии, как о величине, настроенной на поддержание позитивной экономической динамики региона, как о величине, чья политическая позиция будет способствовать сохранению регионального мира и равновесия.*

Разговор о мотивах приглашения России к участию в ВАС можно было бы и продолжить. Но даже сказанного достаточно, чтобы заключить: приход России на этот форум — не дань конъюнктуре и не следствие внезапно подвернувшейся возможности. Напротив, он глубоко закономерен, ибо основан на совпадении наших долгосрочных национальных устремлений с объективным интересом региона как целого. 🐘

Примечания

¹ Малетин Н.П. Почему нас нет в ВАС. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XIII (ЮВА 2008–2009)*. М., 2009. С. 49–65.

² Амиров В.Б. Истоки и эволюция Чиангмайской инициативы. *Международная Жизнь*. 2010. № 10. С. 49–55.

³ Sumsy V. China's Peace Offensive in Southeast Asia and Russia's Regional Imperatives. *Russia-ASEAN Relations: New Directions*. Singapore, 2007. P. 53–69.

⁴ Sumsy V. The Art of the Possible in ASEAN's Future. *Global Asia*. 2008. Vol. 3. N 1, Spring. P. 97–100.

⁵ Severino R.C. Southeast Asia in Search of an ASEAN Community: Insights from the Former ASEAN Secretary-General. Singapore, 2006. P. 272.

⁶ Rathus J. Squaring the Japanese and Australia Proposals for an East Asian and Asia Pacific Community: Is America in or out? *East Asia Forum: Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific*. 2009, 4 November. <http://www.eastasiaforum.org/2009/11/04/squaring-the-japanese-and-australia-proposals-for-an-east-asian-and-asia-pacific-community-is-america-in-or-out/> (последнее посещение — 14 февраля 2011 г.).

⁷ Symonds P. Wikileaks Cables Expose US Hostility to Rudd's Asia Pacific Community Plan. *World Socialist Web Site*. 2010, 31 January. <http://www.wsws.org/articles/2010/dec2010/rudd-d31.shtml> (последнее посещение — 14 февраля 2011 г.).

⁸ Contemporary Southeast Asia. Special Focus: America Re-engages Southeast Asia. Singapore, 2010. Vol.32. N3, December.

⁹ Сумский В.В. Модернизация России, геополитика Восточной Азии и фактор АСЕАН. *Международная Жизнь*. 2010. № 10. С. 15–20.

¹⁰ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Сюита, 1997. С. 212 и далее.

Юлия Никитина

ОДКБ и ШОС КАК МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В последние годы постсоветское пространство можно считать единым международно-политическим регионом уже с некоторой натяжкой: самоидентификация отдельных государств происходит не по региональному, а по субрегиональному принципу, причем отдельные страны СНГ часто относят себя более чем к одному субрегиону, что позволяет им проводить многовекторную политику балансирования между интересами различных региональных держав. Вписываются в эту тенденцию и стратегии участия государств СНГ в схожих по составу и функциям региональных организациях и форматах сотрудничества. Так, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан одновременно состоят в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)¹, которые имеют во многом совпадающие цели.

Конечно, ОДКБ представляет собой в чистом виде организацию безопасности, эволюционирующую от военного-политического блока к многофункциональной организации безопасности, в рамках же ШОС, кроме измерения безопасности, активно развивается и экономическое сотрудничество. Тем не менее, значительное совпадение декларируемых обеими организациями целей сотрудничества в сфере борьбы с так называемыми *новыми* вызовами и угрозами, казалось бы, создает необходимость разграничения функций и гармонизации деятельности ОДКБ и ШОС на постсоветском пространстве в целом и в Центральной Азии в частности. Так, на проблему функционального пересечения многочисленных форматов сотрудничества на постсоветском пространстве неоднократно указывал президент Узбекистана И.А. Каримов, объясняя этим прохладное отношение своей страны к региональному сотрудничеству в целом и в рамках ОДКБ в частности.

Вместе с тем, на деле сотрудничество между ОДКБ и ШОС ограничивается лишь подписанием в октябре 2007 г. после трехлетних согласований Меморандумом о взаимопонимании между Секретариатами организаций. В документе указаны сферы взаимного интереса ОДКБ и ШОС: обеспечение региональной и международной безопасности и стабильности; противодействие терроризму; борьба с незаконным оборотом наркотиков; пресечение незаконного оборота оружия; противодействие организованной транснациональной преступности. Отметим, однако, что речь в меморандуме идет не о сотрудничестве между ОДКБ и ШОС, а о координации работы между секретариатами организаций, что значительно снижает ценность данного соглашения, так как не создает механизмов для решения проблем параллелизма в их деятельности.

Интересно, как сами представители организаций относятся к проблеме пересечения функций. Генеральный секретарь ОДКБ Н.Н. Бордюжа неоднократно заявлял о необходимости взаимодействия с ШОС, в частности, по вопросам борьбы с наркоугрозой из Афганистана, а также говорил о возможности проведения совместных военных учений. В сентябре 2010 г. в Казахстане на полигоне Матыбулак прошли учения ШОС «Мирная миссия-2010», в которой приняли участие около 5 тыс. военных из Казахстана,

А
Н
А
Л
И
З

Китая, Киргизии, России и Таджикистана². Месяцем позже, в октябре 2010 г., на российском полигоне Чебаркуль были проведены учения коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ в составе контингентов из России, Армении, Казахстана, Киргизии и Таджикистана общей численностью 1,7 тыс. военнослужащих³. Напомним, что в октябре 2009 г. для участия в первых учениях КСОР были привлечены порядка 7 тыс. военнослужащих из тех же стран⁴. При почти совпадающих сроках проведения совместные учения ОДКБ–ШОС позволили бы странам-участницам существенно сэкономить, тем более, что сценарии учений обеих организаций не первый год практически идентичны – замысел, как правило, включает блокирование и ликвидацию бандформирований, которые проникли на территорию страны с целью свержения власти. Интересно отметить, что в сценарии ШОС было предусмотрено обращение страны-жертвы нападения боевиков к ШОС и получение санкции ООН на операцию⁵. Включение этого пункта в сценарий тем более удивительно, что ШОС, в отличие от ОДКБ, не имеет специальных сил быстрого реагирования и вообще в целом не позиционирует себя как военную организацию, хотя и проводит многочисленные двусторонние и многосторонние военные учения.

ПОЧЕМУ КИРГИЗИЯ НЕ ДОЖДАЛАСЬ ПОМОЩИ?

Несмотря на отработку практических навыков по ликвидации стремящихся к смене государственной власти бандформирований, на практике ни ОДКБ, ни ШОС не отозвались на призыв Киргизии ввести контингенты в ходе революционных событий в этой стране весной и летом 2010 г., объяснив это нежеланием вмешиваться во внутренние дела государства. Так, в Декларации Ташкентского саммита ШОС (10–11 июня 2010 г.) была сформулирована следующая позиция: «В свете событий в Кыргызской Республике государства-члены подтверждают принципиальную позицию о взаимной поддержке государственного суверенитета, независимости и территориальной целостности. Они выступают против вмешательства во внутренние дела суверенных государств, а также действий, способных вызвать напряженность в регионе, за разрешение любых разногласий исключительно политико-дипломатическими методами путем диалога и переговоров»⁶.

ОДКБ была готова вмешаться в схожие события в Киргизии в 2005 г., однако бывший в тот период президентом страны А.А. Акаев от помощи отказался. А формально ОДКБ может вмешаться в конфликт только при запросе со стороны государства-члена: с правовой ОДКБ является, прежде всего, организацией коллективной обороны против внешних угроз, которая не обязана заниматься урегулированием внутригосударственных конфликтов своих членов. На революционные события 2010 года ОДКБ отреагировала приятием 8 мая 2010 г. на неформальном саммите⁷ в Москве декларации, в которую по предложению Белоруссии была включена формулировка о «неконституционной смене власти», что несколько обидело Киргизию. Организация предоставила Киргизии техническую и гуманитарную помощь, но не пошла на военное вмешательство, чему есть разные объяснения. По словам генерального секретаря Н.Н. Бордюжи Киргизия обратилась с просьбой о вмешательстве не в ОДКБ как организацию, а напрямую к России, при этом через несколько дней после обращения временное правительство отозвало просьбу. ОДКБ же готова была предоставить контингенты, но не имела формального повода для вмешательства без официального обращения со стороны государства-члена. По другой версии временное правительство все-таки обратилось именно в ОДКБ с просьбой ввести миротворческий контингент после беспорядков на юге Киргизии в июне 2010 г., однако организация из-за отсутствия консенсуса отказалась.

Вместе с тем, процессы стабилизации обстановки в Киргизии были обсуждены на неформальном саммите ОДКБ в Ереване в августе 2010 г., было принято решение о разработке поправок в уставные документы для создания более эффективного механизма кризисного реагирования ОДКБ для действий в схожих ситуациях в будущем. Соответствующие изменения были внесены в Договор о коллективной безопасности и Устав на сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 10 декабря 2010 г. в Москве. Так, в главу 8 Устава ОДКБ было внесено положение о том, что государства-члены «прини-

мают меры к созданию и функционированию в рамках Организации системы реагирования на кризисные ситуации, угрожающие безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету государств-членов»⁸. Таким образом, ОДКБ получает правовую основу для реагирования не только на внешние угрозы суверенитету, но и на внутригосударственные кризисы. Кроме того, теперь в случае спорных ситуаций ОДКБ сможет обходить принцип обязательного консенсуса при принятии решений, так как организация переходит на принятую в СНГ схему, при которой голосуют только заинтересованные в конкретном вопросе государства-члены.

ОДКБ: НЕЗАПАДНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ?

Впрочем, следует отметить, что нежелание вмешиваться во внутренние дела государств-членов характерно не только для ОДКБ и ШОС, но и для целого ряда *незападных* региональных организаций. Это показало исследование неевропейского регионализма, выполненное под руководством А. Ачарии и Э. А. Джонстона⁹. Основной тезис авторов сводится к тому, что механизмы и структура организации (или *институциональный дизайн* в терминологии авторов) отвечают потребностям государств, формирующих данное объединение. Соответственно, эффективность деятельности региональной организации должна анализироваться именно с этих позиций потребностей и интересов государств, а не при помощи сравнения с *идеальной моделью* – Евросоюзом или НАТО.

Авторы исследования, проведя сравнительный анализ институтов и структур – Организации африканского единства/Африканского союза; АСЕАН/АРФ; НАТО/ЕС, Организации Американских государств; Лиги арабских государств – пришли к следующим основным выводам¹⁰. В развивающемся мире для региональных организаций нормативные соображения и идеи имеют большее значение, чем функциональный подход, то есть изначально структура региональных организаций определяется не необходимостью совместного решения проблем (общая внешняя угроза, либерализация торговли и тому подобное), а разделяемыми подходами относительно суверенитета, выживания режимов, невмешательства и так далее. Институциональная структура НАТО, напротив, изначально создавалась именно исходя из функциональных соображений.

И действительно, представляется, что стимулом сотрудничества в рамках ДКБ в 1990-е гг. для его членов было скорее стремление сохранить остатки советской ценностно-идеологической общности, чем потребность в отражении внешних угроз, что объясняет неразвитость функциональности механизмов ДКБ в данный период. Именно новая ценностно-идеологическая ориентация Молдовы, Туркменистана и Украины привела к смене приоритетов по отношению к ДКБ после распада СССР. Отсутствие интереса к функциональному наполнению ДКБ привело к его многолетнему *простоя*, а смена внешнеполитической ориентации Грузии, Азербайджана и Узбекистана к концу 1990-х гг. также предопределила их выход из Договора.

После создания ОДКБ изменяется соотношение функционального и нормативного наполнения деятельности структур. При растущей многовекторности политики всех государств-членов, включая Россию, а особенно стран Центральной Азии, нормативное измерение и наличие общей институциональной идентичности становятся относительно менее значимыми. В то же время активно развивается функциональное измерение, во многом по случайной траектории, *переваривая* доставшиеся от СНГ направления (миротворчество) и механизмы.

Как показывает исследование Ачарии и Джонстона, чем менее устойчивы внутриполитические режимы, тем меньше полномочий для вмешательства во внутренние дела имеют региональные организации. Недемократические режимы в развивающихся странах рассматривают членство в региональных организациях как возможность обеспечить выживание режима. Замысел и структура региональных институтов в развивающемся мире нацелены скорее на *сохранение* суверенитета, чем на его *размывание*. В частности, такие региональные организации основаны на принципах невмешательства во внутренние дела, территориальной целостности, включая сохранение постколониальных границ, а целью их является сохранение независимости государств-членов. Однако

по мере развития региональные организации могут сталкиваться с новыми задачами, например, необходимостью гуманитарной интервенции. В таких случаях изначальный замысел институтов вступает в противоречие с вызовами времени и ограничивает возможности вмешательства во внутренние дела, препятствуя эволюции организаций.

Указанные особенности в полной мере характерны и для ОДКБ: практически сразу после создания Организации ДКБ в 2002 г. общая ориентация ее членов на невмешательство во внутренние дела и стремление России поддерживать лояльные режимы вошли в противоречие с новыми задачами в сфере безопасности (в частности, речь идет о так называемых *цветных* революциях), что привело к парадоксальному результату, когда при наличии механизмов (коллективных сил быстрого разветывания Центральноазиатского региона, КСБР) и желания сохранить режимы отсутствуют возможности вмешательства во внутренние дела (КСОР также изначально не планируется применять во внутригосударственных конфликтах). То есть нормативные установки государств-членов вступают в противоречие с объективными потребностями эволюции организации. А ведь именно отсутствие реальных действий и результатов по урегулированию конфликтов, в том числе и внутриполитических, считается западными организациями, прежде всего, ЕС и НАТО, признаками неэффективности ОДКБ, что приводит, среди прочего, к их нежеланию устанавливать официальные контакты на уровне организаций.

Один из важных выводов исследования по *незападному регионализму* заключается в том, что более формализованные региональные организации не обязательно позволяют сотрудничать более эффективно. Если оценивать эффективность неевропейских региональных организаций именно с точки зрения их изначальных целей (сохранение суверенитета), то *слабые* (по сравнению с европейскими) институты помогли *слабым* государствам легитимизировать свой суверенитет, то есть *функцию свою выполнили*.

ШОС: ШАНХАЙСКИЙ ДУХ

Если оценивать эффективность ШОС по развитости ее структур и их функциональности, то становится очевидно, что эта организация типологически ближе к неинституционализированным объединениям типа *Группы восьми* или *Группы двадцати*, чем к ЕС или ОБСЕ. И если считать, что целями ШОС являются не столько официально декларируемая борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, сколько создание удобной площадки для многостороннего согласования интересов и обмена мнениями, то аморфная *форумная* структура вполне отвечает этим задачам благодаря гибкости множества форматов и уровней взаимодействия¹¹. Точно так же успехи СНГ как *интеграционного* объединения выглядят не слишком впечатляюще, однако, если мы будем рассматривать Содружество как дезинтеграционное объединение, то его деятельность можно признать достаточно эффективной и соответствующей поставленным целям.

Интересными являются выводы Ачарии и Джонстона относительно идеологий региональных объединений. Если НАТО и ЕС имеют в своей основе либеральную идеологию, которая подразумевает либерально-демократическое управление и многостороннее и мирное разрешение конфликтов, то в остальных исследуемых случаях основной идеологией региональных объединений, особенно на этапе создания, были разные формы пан-континентализма (панарабизм, панафриканизм и так далее). В отличие от ЕС и НАТО, для *незападных* региональных организаций характерно идеологическое разнообразие государств-членов, а демократическая политическая система не является критерием членства.

На Западе ШОС имеет имидж *ОПЕК с бомбами* и *клуба диктаторов*, однако, сама организация настаивает на том, что государства-члены ШОС строят новую, неконфронтационную модель межгосударственных отношений, благодаря которой можно преодолеть мышление времен холодной войны. Члены ШОС настолько различаются по своим размерам, населению, ресурсам, цивилизационной принадлежности, что найти единую идейную основу для деятельности организации непросто, что и наталкивает западные страны на обобщения в духе биполярного противостояния. Тем не менее, можно признать удачной формулу взаимоотношений, называемую *шанхайским духом* (взаимное

доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение многообразия культур, стремление к совместному развитию), которая, по мнению членов ШОС, «обогатила теорию и практику современных международных отношений»¹². Кроме того, ШОС настаивает на необходимости уважения «многовариантности путей развития» и на том, что «конкретные модели общественного развития не могут становиться предметом экспорта»¹³.

Следует отметить, что, призывая преодолеть идеологические различия, страны-участницы ШОС на деле сами предлагают именно идеологизированный проект, который может найти сторонников из числа стран, не в полной мере соответствующих стандартам западной либеральной демократии, при этом недовольных американской политикой в том или ином регионе. Таким образом, потенциал влияния и привлекательность ШОС как региональной организации для потенциальных членов заключается не столько в сфере борьбы с новыми вызовами и угрозами и даже не в решении экономических и энергетических проблем региона, сколько в наличии *мощного идейного основания деятельности*, которое может составить реальную конкуренцию как утрачивающему популярность на фоне относительного ослабления США либеральному проекту, так и исламскому проекту (часть членов и наблюдателей ШОС являются исламскими странами). В результате мирового финансово-экономического кризиса привлекательной может стать и экономическая модель *государственного капитализма* членов ШОС. Если описывать эти идейные основания деятельности ШОС в терминах западной политической науки, то речь идет о продвижении на международной арене идей «авторитарного капитализма»¹⁴ в качестве альтернативы американскому проекту неолиберальной глобализации, а также «нелиберальной демократии»¹⁵ в противовес глобальной демократизации по американскому образцу.

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ В НЕПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ?

Еще одним интересным параметром анализа в теории институционального дизайна является учет опыта других региональных организаций при выборе и развитии замысла создаваемой организации. В качестве примера изначальной ориентации на чужой опыт можно привести созданное Н.А. Назарбаевым Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), образцом для которого послужила ОБСЕ. Что касается ОДКБ и ШОС, то здесь речь вряд ли может идти об изначальном рациональном выборе модели для институциональной структуры, однако у обеих организаций есть внешние ориентиры для развития. В случае ОДКБ таким ориентиром является НАТО, официального диалога с которой ОДКБ добивается с 2004 г. В случае ШОС ориентиры менее очевидны. С одной стороны, ШОС типологически близка АСЕАН с ее *форумным* характером взаимодействия. С другой стороны, в последнее время китайские исследователи начинают высказывать мысли о том, что моделью развития для ШОС может послужить Евросоюз, где взаимодействие идет по самому широкому кругу вопросов. В западной публицистике и аналитике распространено сравнение ШОС с НАТО, однако Альянс никоим образом не рассматривается самими странами ШОС как модель для подражания.

В настоящее время ОДКБ по форме и содержанию больше, чем ШОС, ориентирована на западные образцы сотрудничества в сфере безопасности (ЕС, НАТО), более открыта, несмотря на то, что фактически является военным блоком. ШОС же больше соответствует азиатской модели интеграции. Казалось бы, в таком случае на Запад проще *продать* (то есть наладить институционализированное взаимодействие с НАТО и ЕС) именно скроенную по европейским образцам ОДКБ, чем претендующую на глобальное влияние ШОС. Однако *узнаваемость* в мире на порядок выше у ШОС, чем у ОДКБ, хотя, как указывалось ранее, в случае ШОС речь часто идет о не слишком положительном имидже. Что же касается восприятия ШОС самими государствами-участниками, то они считают членство в ней более значимым, чем участие в ОДКБ (при совпадающем членстве). Свидетельством тому может служить и желание вступить в ШОС со стороны Белоруссии, которая недавно получила статус партнера ШОС по диалогу.

В настоящее время основным *козырем* ШОС Россия и другие страны-члены считают *потенциал влияния* организации, который образуется путем механического сложения национальных ресурсов. Цифры по общей площади и населению членов ШОС, которые озвучиваются на всех форумах и научных конференциях, действительно впечатляют, но напомним, что целое должно быть всегда больше простой суммы составных частей. В настоящее же время бюджет ШОС покрывает только деятельность Секретариата и региональной антитеррористической структуры (РАТС), совместные же мероприятия проводятся главным образом на двухсторонней основе. То есть ШОС является удобной площадкой для достижения договоренностей по отдельным вопросам в нужной конфигурации участников. ШОС – это региональная организация глобального значения за счет участия стран, все действия которых автоматически оцениваются с точки зрения их влияния на мировые и региональные процессы (Россия, Китай, Индия, Пакистан, Иран). Таким образом, опять-таки речь идет о значимости и влиятельности *членов организации*, но не самой организации. При этом сама ШОС достаточно объективно оценивает свои возможности: так, в декларации Ташкентского саммита (10–11 июня 2010 г.) отмечается, что «за прошедшие с момента основания годы ШОС стала важным фактором региональной и международной архитектуры безопасности и сотрудничества, зарекомендовала себя в качестве эффективного и открытого многостороннего объединения». То есть речь идет о ШОС не как об одном из *элементов* архитектуры безопасности, а лишь как о *факторе*.

Однако вопреки логике европоцентричных теорий интеграции практика регионально-сотрудничества на постсоветском пространстве последних лет показала, что ШОС не развивается в сторону большей институционализации. При этом ОДКБ, наоборот, движется в направлении большей гибкости структур и форматов: с 2008 г. возник институт неформальных саммитов ОДКБ для консультаций и согласования позиций без документального оформления решений; изменены уставные документы для создания возможностей гибкого реагирования на изначально не заложенные в Договоре о коллективной безопасности ситуации и для отхода от жесткой дисциплины консенсуса при принятии решений.

ПОТЕНЦИАЛ СОТРУДНИЧЕСТВА С НАТО ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ НОВОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

19–20 ноября 2010 г. в Лиссабоне прошел саммит НАТО, по оценкам генсека Андерса Фог Расмуссена, один из самых успешных за всю историю организации. Значимым этот саммит стал и для России: как указано в пункте 33 новой стратегической концепции Альянса, «НАТО не представляет угрозы для России» и будет стремиться развивать «подлинное стратегическое партнерство» между Россией и НАТО, ожидая такой же политики от Москвы¹⁶. Множество комментариев получит, вероятно, и предложение НАТО сотрудничать с Россией в создании европейской системы противоракетной обороны. Однако, прежде всего, хотелось бы обратить внимание на разделы стратегической концепции, которые могут иметь значение для развития отношений Альянса с ОДКБ и ШОС. В документе указано, что обеспечение евроатлантической безопасности лучшим образом может быть обеспечено благодаря «широкой сети партнерских отношений со странами и организациями по всему миру» (статья 28). При этом предлагается усилить партнерские отношения посредством *гибких форматов* в рамках и за рамками существующих структур взаимодействия.

Этот подход перекликается с продвигаемой С.В. Лавровым с 2006 г. концепцией *дипломатии гибких альянсов*, или *сетевой дипломатии*, под которой министр иностранных дел понимает «не громоздкие союзы с фиксированными обязательствами, а целевые альянсы по интересам с изменяющейся геометрией»¹⁷. Позднее данная формула была закреплена и в Концепции внешней политики России 2008 г.: «На смену блоковым подходам к решению международных проблем приходит сетевая дипломатия, опирающаяся на гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях коллективного поиска решений общих задач»¹⁸.

Напомним, что с 2004 г. ОДКБ пытается установить официальные контакты с Альянсом, однако НАТО не торопится с институционализацией отношений, ссылаясь на возможность двусторонних обсуждений проблем безопасности с отдельными странами в рамках Совета Россия-НАТО и программы Партнерство ради мира, а на деле считая ОДКБ малозффективной креатурой Москвы, что еще раз было подтверждено недавней утечкой американской дипломатической переписки¹⁹. Если же НАТО действительно нацелена на развитие гибких форм взаимодействия, то ОДКБ может добиться своей цели. Конечно, Альянс не пойдет на полноценное сотрудничество на уровне организаций, однако взаимодействие по конкретным проектам вполне в духе новой стратегической концепции.

В настоящее время для НАТО одним из главных вопросов на повестке дня является проблема афганского урегулирования. Взаимодействие Альянса с ОДКБ может вывести региональное сотрудничество по афганской проблеме на новый уровень. Наиболее успешным проектом ОДКБ, безусловно, считается оперативно-профилактическая операция *Канал* по перехвату афганского наркотрафика, которая с каждым годом набирает обороты и привлекает все больше наблюдателей, включая значительное число членов НАТО. Если начать взаимодействие двух организаций *снизу*, с конкретных сфер, то это позволит путем решения совместных оперативных задач постепенно отойти от логики конфронтации и взаимных подозрений и прийти к тому самому *подлинно стратегическому партнерству*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляется, что повышение эффективности регионального сотрудничества в сфере безопасности на постсоветском пространстве в ближайшие годы могло бы пойти не по пути *дифференциации функций* существующих организаций, а в направлении *объединения усилий* ОДКБ и ШОС вплоть до создания подобия коалиции ОДКБ и ШОС для решения конкретных задач в сфере борьбы с новыми вызовами и угрозами. ОДКБ имеет реальные механизмы борьбы с новыми вызовами и угрозами: КСОР для реагирования на возникновение локальных или пограничных вооруженных конфликтов, для отражения террористической угрозы, проведения спецопераций; КСБР для реагирования на угрозы безопасности в Центральноазиатском регионе; комплексная оперативно-профилактическая операция *Канал* для пресечения наркотрафика из Афганистана; ежегодные операции *Нелегал* по предотвращению миграции из третьих стран и так далее. ШОС же, хотя и создавалась как организация по борьбе с новыми вызовами и угрозами, в настоящее время сосредоточилась на решении общеполитических и экономических вопросов и не имеет практических совместных механизмов и структур для реагирования на угрозы безопасности. Вместе с тем, создание коалиции ОДКБ и ШОС по противодействию афганской угрозе может иметь значимые преимущества для обеих организаций в случае объединения реально работающих механизмов ОДКБ с международно-политическим весом ШОС.

Создание реально работающего механизма принятия совместных решений в рамках коалиции ОДКБ и ШОС станет сложной правовой и политической задачей. Вместе с тем, пересекающийся состав членов фактически сведет основные дискуссии к обсуждению готовности Китая взаимодействовать со структурами ОДКБ. При создании общих механизмов или структур придется также принимать во внимание несколько скептическое отношение ОДКБ и ШОС друг к другу.

ОДКБ и ШОС могли бы объединить свои ресурсы для борьбы с *афганской угрозой* в рамках зоны своей ответственности без размещения контингентов на территории Афганистана. В среднесрочной перспективе, в связи с постепенным выводом войск международной коалиции из Афганистана и передачей всей полноты управления местным властям, неизбежно произойдет рост объема наркотрафика и увеличится риск дестабилизации обстановки в Центральноазиатском регионе. В настоящее время Запад и, в частности, НАТО пытаются переложить на Россию часть будущей ответственности по обеспечению региональной стабильности и борьбе с наркотрафиком. Однако ни Россия, ни другие члены ОДКБ или ШОС не готовы и не будут готовы отправить контингенты для участия

в операциях на территории Афганистана. Кроме того, предложение Альянса о потенциальном участии России в афганской миссии вызвало в самом Афганистане негативную реакцию: местное экспертное сообщество разделяет мнение, что российское участие приведет к мобилизации и объединению разнородных сил для борьбы с Россией, чтобы *отомстить за прошлое*²⁰.

Основными задачами коалиции ОДКБ и ШОС на афганском направлении могут стать:

- борьба с наркотрафиком;
- противодействие вылазкам исламистских экстремистов с территории Афганистана в соседние страны с целью дестабилизации обстановки в Центральноазиатском регионе;
- усиление режима пограничного контроля, *запечатывание* границы в случае необходимости;
- оказание технической поддержки – помощь в создании инфраструктуры на территории Афганистана, обучение сотрудников таможенных, пограничных, антинаркотических и прочих служб, военно-техническое сотрудничество.

При этом представляется целесообразным формирование коалиции не из отдельных государств-членов, а именно коалиции региональных организаций – ОДКБ и ШОС. Несмотря на то, что пересекающийся состав организаций во многом снижает эффект от создания коалиции, участие в совместных действиях именно организаций, а не отдельных государств позволит повысить престиж ОДКБ и ШОС на международной арене. Хотя военное участие ШОС в совместных региональных действиях по нейтрализации афганской угрозы маловероятно, нужно учитывать, что именно ШОС, а не ОДКБ рассматривается на Западе как значимый региональный игрок. ОДКБ же воспринимается как организация, еще не доказавшая на деле свою эффективность. Участие ШОС в региональной коалиции придаст последней большую легитимность и значимость в глазах мирового сообщества. Кроме того, задействование созданных в рамках ОДКБ КСБР, а также КСОР в борьбе с возможными вылазками экстремистов на территории государств Центральной Азии позволит продемонстрировать реальные возможности ОДКБ по реагированию на новые вызовы и угрозы, что создаст предпосылки для более широкого международного признания эффективности ОДКБ. Именно отсутствие реальных, а не *учебных* достижений мешает установлению ОДКБ официальных отношений на уровне организаций с ЕС и НАТО. 🗨️

Примечания

¹ Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан состоят в обеих организациях. Помимо названных государств, в ОДКБ состоят Белоруссия и Армения, в ШОС – Китай, в качестве наблюдателей – Монголия, Индия, Пакистан и Иран, в качестве партнеров по диалогу – Белоруссия и Шри-Ланка.

² Крамник И. Учения ШОС – подготовка к экзамену. *РИА Новости*. 2010, 16 сентября. <http://www.rian.ru/analytics/20100916/276184909.html> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).

³ Учение ОДКБ начинается в Челябинской области. *РИА Новости*. 2010, 25 октября. http://www.rian.ru/defense_safety/20101025/288947610.html (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).

⁴ Сатпаев Д. Учения ОДКБ в Казахстане адресованы *Талибану*. *РИА Новости*. 2009, 16 октября. <http://www.rian.ru/analytics/20091016/189184145.html> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).

⁵ Началась активная фаза учений стран ШОС «Мирная миссия-2010». *РИА Новости*. 2010, 24 сентября. http://www.rian.ru/defense_safety/20100924/278754495.html (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).

⁶ Декларация десятого заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. Ташкент, 2010, 10–11 июня. <http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=395> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).

⁷ Институт неформальных саммитов в рамках ОДКБ начал формироваться после конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г.: первая встреча подобного формата прошла в Боровом (Казахстан) 19–21 декабря 2008 г.

⁸ ОДКБ делает ставку на быстрое реагирование. *InfoRos*. 2010, 17 декабря. <http://inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=26802> (последнее посещение – 27 декабря 2010 г.).

⁹ *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective*. Ed. by Amitav Acharya and Alastair Iain Johnston. NY: Cambridge University Press, 2007. P. 318.

¹⁰ *Ibid.*, p. 255–268.

¹¹ В ШОС существует многоуровневая система участия в деятельности организации: полноценное членство (Китай, Россия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), статус наблюдателя (Монголия, Иран, Индия, Пакистан), партнера по диалогу (Белоруссия, Шри-Ланка), а также гостя саммита (Афганистан, Туркменистан).

¹² Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества. Шанхай, 2006, 15 июня. <http://www.sectSCO.org/html/00952.html> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).

¹³ Там же.

¹⁴ Термин *авторитарный капитализм* обычно используется для описания стран Латинской Америки и Азии.

¹⁵ Термин *нелиберальная демократия* был введен в научный оборот в 1995 г. авторами книги «К нелиберальной демократии в АТР» (Bell D. *Towards Illiberal Democracy in Pacific Asia*. London: Macmillan, 1995.), однако широкое употребление в научных кругах получил только после статьи 1997 г. Фарида Закарии «Подъем нелиберальной демократии» (Zakaria F. *The Rise of Illiberal Democracy*. *Foreign Affairs*. 1997, November/ December). Согласно Закарии, в странах нелиберальной демократии при соблюдении принципов демократии – наличии выборов – нарушаются принципы конституционного либерализма: отсутствует правовое государство и не соблюдаются права человека.

¹⁶ Strategic Concept For the Defence and Security of The Members of the North Atlantic Treaty Organisation, Lisbon, 2010, 19–20th of November <http://www.nato.int/lisbon2010/strategic-concept-2010-eng.pdf> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).

¹⁷ Умеренков С. Министр иностранных дел России Сергей Лавров: «Сетевая дипломатия сейчас востребована как никогда». *Известия*, 28.12.2006. <http://www.izvestia.ru/politic/article3099901/> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).

¹⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 года <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/4e5fa867101effb4432569fa003a705a/d48737161a0bc944c32574870048d8f7?OpenDocument> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).

¹⁹ NATO Secretary General Ready to Reach Out to CSTO? *Aftenposten*. 2011, 11 February. <http://www.aftenposten.no/spesial/wikileaksdokumenter/article4025429.ece> (последнее посещение – 1 апреля 2011 г.).

²⁰ К такому выводу пришли участники круглого стола, организованного в эфире Национального телевидения Афганистана, в частности, среди них эксперт и политик Вахид Можда, бывший министр иностранных дел в правительстве талибов мулла Вакиль Ахмад Мотавакиль. Подробнее о данном круглом столе см. доклад «Акценты» от 02.03.2010, подготовленный Центром изучения современного Афганистана.

Светлана Ключанская

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОБЛАСТЯХ

Страны Юго-Восточной Азии с населением более 590 млн человек, совокупным объемом ВВП в 1,491 трлн долл., внешнеторговым оборотом в 1,521 трлн долл.¹ и темпами экономического роста, опережающими среднемировые, представляют собой центр интеграционных процессов в АТР и играют ведущую роль в складывающейся там новой расстановке сил². Поэтому смещение фокуса российской внешней политики в сторону данного региона³ – по крайней мере, в той части, которая предполагает развитие таких стратегических областей, как военно-техническое сотрудничество, атомная энергетика, космос и нанотехнологии – тенденция вполне закономерная⁴.

Данная статья представляет собой обзор особенностей и перспектив сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии, призванный сформировать у читателя базовое представление о характере данного сотрудничества.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

На протяжении последних десятилетий азиатское направление неизменно занимало центральное место в приоритетах военно-технического сотрудничества России. Основными стратегическими партнерами России в АТР являются Индия и Китай, и зачастую на фоне этого масштабного сотрудничества уходят в тень другие не менее важные партнеры нашей страны. Тем не менее, при более внимательном взгляде на регион, начиная уже с 2003 г., можно говорить о формировании нового *полюса* российского экспорта вооружений – Юго-Восточной Азии (ЮВА). Именно в этот период основной объем заключенных Россией контрактов пришелся на три страны ЮВА – Малайзию, Индонезию и Вьетнам. Совокупный объем идентифицированных контрактов на поставки российского вооружения в эти страны в 2003 г. превысил 1,6 млрд долл., что больше общего объема контрактов с Индией и Китаем за аналогичный период⁵.

Безусловно, Индия и Китай остаются главными стратегическими партнерами России, поставки вооружения которым неизменно обеспечивали стабильный рост показателей военного экспорта, однако необходимо учитывать тот факт, что возможности для экспорта вооружений в эти страны исчерпаемы⁶. В свете данной тенденции происходит постепенное смещение фокуса приоритетов военно-технического сотрудничества РФ в регион ЮВА. Высокие темпы развития, продолжающийся рост экономик государств и увеличение затрат на оборону делают страны этого региона привлекательными с точки зрения перспектив военного экспорта.

Рост оборонных расходов стран Юго-Восточной Азии можно связать с несколькими факторами.

Во-первых, *китайский фактор*. Усиление военной мощи Китая вызывает обеспокоенность ряда стран ЮВА. Причина подобных опасений лежит в самом характере взаимоотношений стран региона и КНР в последние десятилетия. Виток напряженности вызвало выступление Цзян Цзэминя на 16-м съезде КПК в ноябре 2002 г. В своем докладе руководитель КНР подчеркнул, что «гармоничное экономическое развитие связано с модернизацией национальной обороны и армии, и в ближайшей перспективе Китаю предстоит держать военно-стратегический курс на активную оборону и повышать свое умение вести боевые действия в условиях применения высокотехнологического оружия». Также не прибавил оптимизма в регионе и оборонный бюджет КНР, принятый в 2003 г., который увеличился на 9,6% по сравнению с 2002 г. Последней каплей стал озвученный руководством азиатского *тяжеловеса* курс на создание мощных морских сил и перенос внешних морских границ зоны ответственности за пределы внутренних морей. Безусловно, все эти шаги не могли не вызвать ответной реакции государств, имеющих нерешенные территориальные споры с Китаем в районе Южно-Китайского моря.

Во-вторых, *фактор пиратства*. Малаккский пролив и Южно-Китайское море являются одним из очагов современного пиратства, наиболее опасная ситуация в этом регионе наблюдалась около десятилетия назад. На сегодняшний день градус напряженности немного спал (акцент сместился в Сомали), но полностью проблему это с повестки дня не сняло.

В-третьих, *фактор терроризма*. Актуальное значение для стран ЮВА имеет борьба с международным терроризмом, непосредственно затронувшим Индонезию, Малайзию, Сингапур, Филиппины. Усилия стран направлены на предотвращение, противодействие и пресечение деятельности террористических групп в регионе.

При этом предложение, которое может сделать Россия (технические характеристики техники), актуально для стран, не достигших еще технологического уровня, скажем, Ин-

Рис. 1. Основные статьи поставок российских ВВТ в ЮВА

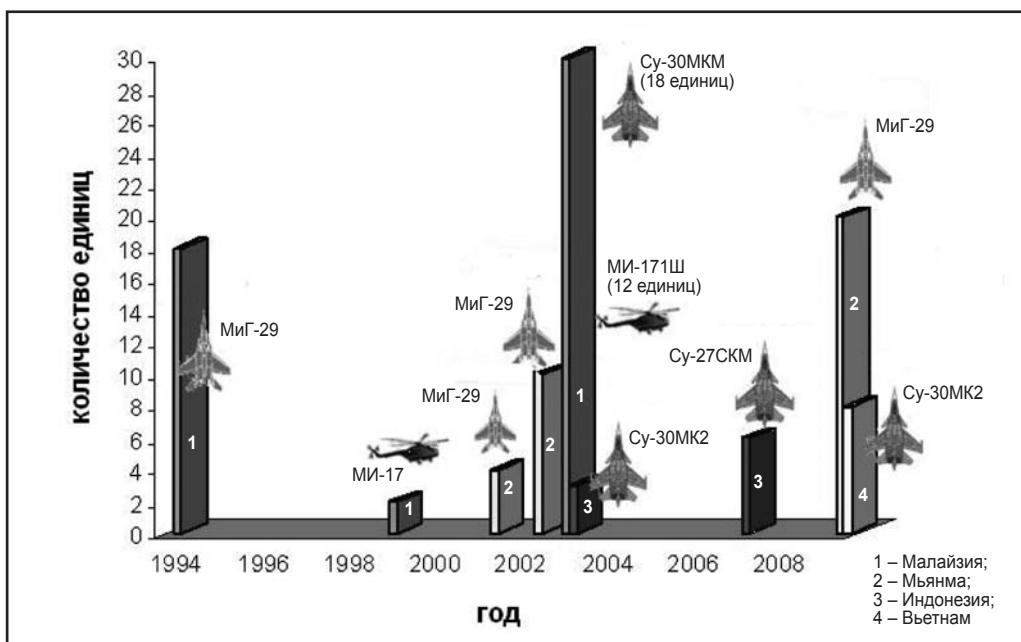
дии или Китая. Российское оружие уже успело снискать достаточно широкое признание во многих странах мира благодаря своим высоким боевым возможностям, долговечности и простоте использования. По всем этим параметрам Россия пока еще сохраняет свои лидирующие позиции.

Опыт, который Россия приобрела благодаря сотрудничеству с Китаем и Индией, может служить своего рода визитной карточкой, фактором преимущества российской техники в конкурентной борьбе за выход на рынок Юго-Восточной Азии.

Кроме того, осуществляемая российским руководством практика льготного кредитования импортеров вооружений делает сотрудничество с нашей страной в данной сфере для ряда стран более привлекательным. Это важно в связи с тем, что рынок стран ЮВА характеризуется высоким уровнем конкурентной борьбы.

Уже сегодня в рамках региона можно выделить два блока стран. Первый включает в себя своего рода региональных лидеров в сфере сотрудничества с Россией – это Малайзия, Индонезия, Вьетнам; второй охватывает страны, сотрудничество с которыми находится на начальной стадии развития, однако предоставляет очень высокий потенциал – Мьянма, Бруней, Таиланд.

Рис. 2. Поставки российской авиатехники в страны ЮВА

Малайзия. С начала взаимодействия с Россией в военной сфере в первой половине 1990-х гг. Малайзия является одним из ее ведущих партнеров среди стран Юго-Восточной Азии в области военно-технического сотрудничества. Первые контакты с Малайзией в данной сфере относятся к 1993 г., когда между странами был подписан ряд соглашений, итогом которых 7 июня 1994 г. стал заключенный в Куала-Лумпуре контракт на поставку российских истребителей. Малайзия должна была получить 18 истребителей *МиГ-29*, включая два учебно-боевых *МиГ-29УБ*⁷. Предметом сделки стали модернизированные истребители, относящиеся к модификации *МиГ-29СД*⁸. Сумма контракта составила около 600 млн долл. США (офсет 220 млн долл., включая бартер 150 млн долл.). Все машины были поставлены в 1995 г. и получили малайзийское название *МиГ-29Н* и *МиГ-29НУБ*. Кроме того, также в рамках данного контракта в 1997 г. для выполнения работ по сервисному обслуживанию и ремонту самолетов *МиГ-29* из состава парка ВВС Малайзии было создано совместное российско-малайзийское предприятие

Aerospace technology system corporation (ATSC). Примечательно, что именно малайзийский контракт считается одним из наиболее крупных успехов МАПО *MuГ* и российской оборонной промышленности в целом на международном рынке вооружений середины 1990-х гг.⁹.

Значительной вехой в развитии ВТС двух стран стало подписание в 1999 г. между правительством России и правительством Малайзии Меморандума о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в области обороны, оборонных технологий и оборонной промышленности и образование совместной российско-малайзийской межправительственной комиссии. В том же году Казанский вертолетный завод поставил Малайзии два многоцелевых вертолета *Mu-17-1B*.

В июне 2001 г. был подписан контракт на поставку в Малайзию противотанковых ракетных комплексов *Метис-М*. В 2002 г. Малайзия приобрела у России партию стрелкового оружия (автоматы *АК-101*), в том же году с *Рособоронэкспортом* был заключен контракт на закупку переносного ракетно-зенитного комплекса *Игла*, сумма контракта составила 48 млн долл.

Новым этапом в истории российско-малайзийского ВТС стал 2003 г., когда сначала в ходе выставки вооружений *ЛИМА-2003* (LIMA, Langkawi International Maritime and Aerospace Exhibition) был подписан контракт на поставку 10 вертолетов *Mu-171Ш* для Министерства обороны Малайзии и двух *Mu-171Ш* для полиции. Общая сумма данного контракта составила около 71 млн долл., обязательства по нему были выполнены в полном объеме к 2005 г. Кроме того, в августе 2003 г. в ходе визита в Малайзию президента России Владимира Путина оборонным ведомством страны и *Рособоронэкспортом* был подписан контракт на поставку ВВС Малайзии 18 самолетов *Су-30МКМ*. Общая стоимость контракта составила 900 млн долл. США. При этом Россия согласилась закупить в Малайзии пальмовое масло в объеме, эквивалентном 30% стоимости контракта. Самолеты *Сухого*, поставка которых завершилась в августе 2009 г., закупались с целью постепенной замены 14 американских истребителей *F-5E*, находящихся в эксплуатации уже два десятилетия, и дополнить парк из 18 самолетов *MuГ-29H*.

В 2009 г. появились сообщения о том, что Малайзия намерена в течение 2010 г. списать, а затем продать 10 из 16 *MuГ-29H*, поставленных Россией в 1995 г. Причина такого решения – слишком высокие затраты на эксплуатацию самолетов (5 млн долл. в год на каждую машину). Эксплуатация купленных по достаточно скромной цене *MuГ-29* (по словам первого заместителя директора Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству Александра Фомина, часть оплаты Малайзией была произведена за счет бартера на пальмовое масло, каучук и некоторые другие товары) потребовала более высоких затрат, нежели ожидала малайзийская сторона. Однако уже в начале 2010 г. правительство Малайзии объявило об отмене планов по списанию российских истребителей. Одновременно Малайзия отложила проведение тендера на поставку истребителей, которые должны заменить устаревшие *MuГ-29*. Причиной решений стал финансово-экономический кризис.

Россия и Малайзия рассчитывают на дальнейшее сотрудничество в сфере ВТС, такая возможность может представиться уже в ближайшей перспективе в рамках как минимум двух тендеров. Во-первых, как ожидается, Малайзия вновь объявит тендер на закупку 12 вертолетов для проведения поисково-спасательных операций в боевых условиях. Ранее победителем данного конкурса была объявлена компания *Еврокоптер*, предложившая вертолет *ЕС-725*. В сентябре 2008 г. правительство Малайзии подписало письмо-обязательство на закупку у компании *Еврокоптер* 12 вертолетов стоимостью 1,67 млрд ринггитов (477 млн долл.), однако впоследствии реализация контракта была приостановлена из-за обвинений в нарушении процедуры выбора победителя тендера. По всей вероятности, немаловажным преимуществом *Еврокоптера* стало наличие в Малайзии подразделения этой компании (*Еврокоптер Малэйша*) и развитие промышленной кооперации с малайзийскими производителями. Кроме *Еврокоптера*, в конкурсе принимали участие и представители компании *Сикорский* с *S-92*, и *Рособоронэкспорт* с *ВТС Mu-17-1B*. Повторное проведение тендера может стать еще одним шансом для

России, возможностью учесть все слабые стороны своей позиции, для того чтобы повысить вероятность успеха в борьбе за данный тендер.

Кроме того, в 2010 г. по сообщениям *Flightglobal* Министерство обороны Малайзии объявило запрос на информацию об истребителях для тендера, контракты в рамках которого, как ожидается, будут заключены в 2011–2015 г. Покупка новых самолетов будет производиться в рамках программы модернизации армии на период с 2011 по 2015 г. По данным российского агентства *Рособоронэкспорт*, Россия представит Министерству обороны Малайзии истребители Су-30. Также Малайзия проявляет интерес к американским самолетам *Boeing F/A-18E/F Super Hornet*, *Lockheed Martin F-16 Fighting Falcon* и шведским *Saab JAS 39 Gripen*. Как отмечается, наиболее высокие шансы на победу – у *Boeing* и *Рособоронэкспорта*. Это связано с тем фактом, что малайзийцы уже знакомы с продукцией обеих компаний – в составе ВВС Малайзии с 1990-х гг. находятся истребители *F/A-18D Hornet*, а с 2003 г. – 18 Су-30МКМ. Малайзия планирует купить 36–40 истребителей, которые должны заменить устаревшие *Northrop Grumman F-5*¹⁰.

История сотрудничества России с Малайзией в военной сфере является самой длительной, если сравнивать ее с сотрудничеством России с другими странами ЮВА. Это, в свою очередь, закономерно приводит к эволюции самого характера сотрудничества. Так, в соответствии с заявлением министра обороны Малайзии Ахмада Захид Хамиди (Ahmad Zahid Bin Hamidi), малайзийская сторона на данном этапе развития сотрудничества заинтересована во взаимном обмене технологиями. «Нас уже не интересуют только отношения, построенные по типу *покупатель-продавец*. Мы сейчас делаем все, чтобы развивать с Россией сотрудничество по линии создания сервисно-технических центров по обслуживанию самолетов в Малайзии»¹¹.

Российско-малайзийские отношения сталкиваются и с некоторыми трудностями. Это, в первую очередь, общая для российского военного экспорта проблема технического обслуживания, нерешенность которой приводит к тому, что традиционные партнеры России все чаще обращаются к другим поставщикам. В этом контексте достаточно существенно выигрывает Китай. Ярким примером может служить заявление командующего ВВС Малайзии генерала Родзали Дауда о возможности закупки именно в Китае комплектованных к российским истребителям, стоящим на вооружении малайзийских ВВС¹².

Индонезия. Началом сотрудничества России и Индонезии в сфере ВТС можно считать подписание контракта на поставку партии истребителей Су-30 в 1997 г., несмотря на то, что сделка не состоялась из-за разразившегося в то время в Индонезии кризиса и возникших финансовых трудностей, ее можно расценивать в качестве своеобразной точки отсчета.

Фактором, подтолкнувшим Индонезию вновь попробовать установить контакт с российской стороной, послужило введение США – основным поставщиком военной техники в Индонезию в конце 1990-х гг. – эмбарго на поставки вооружения и ограничение сотрудничества с Индонезией в военной сфере. Данные меры были связаны с обвинениями в адрес Джакарты в нарушении прав человека на Восточном Тиморе в 1999 г.

Благодаря в том числе и этим событиям, в 2001 г. индонезийские ВВС повторно выразили желание закупить эскадрилью российских многоцелевых истребителей-бомбардировщиков Су-30. Заключение контракта на приобретение боевой российской летной техники, по словам командующего ВВС Индонезии маршала авиации Ханафи Аснана, должно было служить, в том числе, цели диверсификации источников поступления вооружений и снижения уровня зависимости Индонезии в оборонной сфере от западных поставщиков, прежде всего от США.

Необходимо отметить, что Индонезия с самого начала проявляла интерес не только к традиционно основной продукции российского военного экспорта – авиатехнике, но и к военно-морской составляющей. В этом контексте структура российско-индонезийских контрактов несколько отличается от сотрудничества России и Малайзии, где преимущественно развивается сфера авиатехники. Так, в апреле 2003 г. *Рособоронэкспорт* провел переговоры с индонезийской стороной о закупке Джакартой продукции петер-

бургской судостроительной фирмы *Алмаз*. Особый интерес был проявлен к десантному кораблю на воздушной подушке (ДКВП) *Зубр*, патрульным кораблям и платформам на воздушной подушке. Кроме того, Индонезия прислала заявку на поставку корветов проекта 20382 *Тигр* и катеров проекта 12300 *Скорпион*.

В июне 2007 г. *Рособоронэкспорт* и ВМС Индонезии подписали рамочный контракт о намерении по строительству двух корветов. Контракт предусматривал строительство в Испании корпуса на базе российского корабля проекта 20382 *Стерегущий* с последующим оснащением его в Санкт-Петербурге российским вооружением. В сентябре 2007 г. было объявлено о подготовке контракта по поставке в Индонезию двух подводных лодок *Кило*. Однако летом 2009 г. Министерство обороны Индонезии объявило о решении отложить до 2011 г. запланированное приобретение подводных лодок для ВМС из-за ограниченных средств¹³.

Военный бюджет Индонезии на 2009 г. определен в объеме около 3,2 млрд долл., что составляет 0,68% ВВП – самый низкий показатель в регионе Юго-Восточной Азии. На 2010 г. запланировано увеличение расходов на оборону в 2010 г. на 1 млрд долл. При этом, если бюджет 2010 г. увеличится до 4,2 млрд долл., доля расходов на оборону поднимется до 1% ВВП. Тем не менее, основные программы приобретения, о которых недавно объявило руководство Индонезии, включая подводные лодки, не будут финансироваться в рамках бюджета 2010 г.

В 2007 г. в рамках авиасалона МАКС-2007 *Рособоронэкспорт* подписал протокол о вступлении в действие контракта на поставку Индонезии в 2008–2010 гг. шести истребителей семейства *Суух*: трех *Су-27СКМ* и трех *Су-30МК2*. Сумма сделки составила 240 млн долл. В рамках контракта два истребителя *Су-30МК2* были поставлены Индонезии в 2008 г.¹⁴ и один истребитель в 2009 г.¹⁵

Важную роль для развития ВТС двух стран сыграл российско-индонезийский меморандум о взаимопонимании по содействию в реализации программ военно-технического сотрудничества на 2006–2010 гг. На его основе была предусмотрена поставка в Индонезию 10 транспортных вертолетов *Ми-17*, 5 ударных вертолетов *Ми-35П*, 20 боевых машин пехоты *БМП-3Ф*¹⁶. Осуществить данные закупки стало возможным за счет кредита на сумму в 1 млрд долл. сроком на 15 лет, соглашение о предоставлении которого было подписано во время визита президента В.В. Путина в Джакарту 6 сентября 2007 г.¹⁷

Серьезные коррективы внес в российско-индонезийское сотрудничество экономический кризис, однако, учитывая тот факт, что по оценкам экспертов восстановление мировой экономики будет проходить быстрее, чем прогнозировалось ранее, можно предположить, что подписание ряда контрактов, в том числе и на покупку российских подводных лодок, станет возможным уже в 2011 г.

Вьетнам. Новым этапом ВТС России и Вьетнама, история которого продолжается с 1953 г., стало подписание в 1998 г. в Ханое российско-вьетнамского межправительственного соглашения, регламентирующего деятельность в сфере ВТС, вслед за чем в 1999 г. была создана российско-вьетнамская межправительственная комиссия по сотрудничеству в военно-технической сфере.

Планирование российско-вьетнамского сотрудничества в военной сфере ведется на основе Программы ВТС между РФ и Вьетнамом на период 2005–2010 гг., а также посредством принятия ежегодных планов. В октябре 2008 г. во время визита в Москву президента Вьетнама Нгуен Минь Чиета был подписан межправительственный меморандум о стратегии военно-технического сотрудничества на период до 2020 г.¹⁸

До недавнего времени объем сотрудничества России и Вьетнама, на фоне аналогичных контактов с Малайзией и Индонезией, долгое время выступавших основными партнерами России в Юго-Восточной Азии, был относительно невелик. Однако в течение последних двух лет, начиная с 2008 г., наблюдается устойчивый рост объемов закупок Вьетнамом российской продукции военного назначения. По оценкам Минобороны РФ, по своим масштабам российско-вьетнамское военно-техническое сотрудничество вышло на лидирующее место в ЮВА и на одно из лидирующих мест в Азиатско-Тихоокеанском ре-

гионе в целом, на сегодняшний день уступая по объемам только сотрудничеству России в данной области с Индией и Китаем¹⁹.

По данным Минобороны, в 2008 г. объем подписанных контрактов впервые за всю историю сотрудничества превысил 1 млрд долл., в 2009 г. – 3,5 млрд долл., в первом квартале 2010 г. объемы достигли уже более 1 млрд долл. В данный период были подписаны контракты на поставку вооружений для ВВС, ПВО и ВМС Вьетнама²⁰.

В январе 2009 г. после «небольшой паузы в несколько лет» *Рособоронэкспорт* подписал контракт с Вьетнамом на поставку восьми истребителей *Су-30МК2*²¹ стоимостью 500 млн долл.

В перечне заказанных Вьетнамом вооружений ракетные катеры типа *Молния*, фрегаты типа *Гепард*, шесть подводных лодок 636 проекта *Кило*. Наряду с поставкой военно-морской техники ВМФ России окажет помощь ВМС Вьетнама в создании пункта базирования вьетнамских подводных лодок. У России с Вьетнамом уже был опыт сотрудничества в военно-морской сфере, так, в 2002 г. по заказу этой страны на российской судостроительной верфи *Алмаз* были построены два пограничных сторожевых катера проекта *10412 Светляк*. По результатам эксплуатации *Светляков* вьетнамская сторона приняла решение заказать еще два аналогичных корабля, закладка которых состоялась в июне 2009 г.²², строительство обоих катеров должно завершиться в 2010 г.²³.

Кроме того, по словам министра обороны России Анатолия Сердюкова, также прорабатываются вопросы о заключении дополнительных контрактов в период до 2020 г. Как отметил министр, в ходе переговоров, состоявшихся во время визита Анатолия Сердюкова в Ханой 22–24 марта 2010 г., вьетнамская сторона обратилась с вопросом о поставках запасных инструментов и приборов для имеющихся у вьетнамских военных вооружений советского производства. Также вьетнамская сторона проявила большой интерес к российским средствам ПВО. «Их интересует практически все то, что есть у нас, – зенитно-ракетные комплексы *Тор*, *Бук*, *С-300*», – сказал Сердюков²⁴.

Анализируя российско-вьетнамские отношения в сфере ВТС, необходимо отметить, что Вьетнаму удалось буквально за последние пару лет вырваться в лидеры по контрактам с Россией. И, учитывая прошедшие в марте переговоры, можно говорить о том, что у сотрудничества стран в военной сфере остается еще достаточное количество перспектив для развития. Так, России предлагается участвовать в создании ремонтного завода с доком, где могло бы осуществляться обслуживание не только приобретенной Вьетнамом техники, но и кораблей российского военно-морского флота. Вьетнамскому ВМФ «также понадобятся суда спасения, обеспечения. Мы готовы помочь вьетнамским коллегам также и в создании военно-морской авиации», – прокомментировал перспективы расширения российско-вьетнамского сотрудничества министр обороны России Анатолий Сердюков²⁵.

Мьянма. Сотрудничество России и Мьянмы в военной сфере имеет одну характерную особенность, отличающую эту страну от других партнеров России в регионе Юго-Восточной Азии. На международной арене государство подвергается резкой критике и санкциям, прежде всего, со стороны США и стран Западной Европы, которые обвиняют мьянманский военный режим в нарушениях прав человека и норм демократии, западные правозащитные организации обвиняют военное руководство в массовых репрессиях против населения и оппозиционных сил. С учетом этого не может не подвергаться критике и сотрудничество России и Мьянмы в военной сфере, которое зачастую воспринимается как демонстрация политической неразборчивости Москвы при выборе партнеров в стремлении занять лидирующие позиции на рынке региона.

Тем не менее, несмотря на подобные настроения, Россия достаточно активно работает с целью закрепления на рынке Мьянмы, где серьезным конкурентом российской техники может выступить разве что Китай.

В 2001 г. Россия экспортировала 4 истребителя *МиГ-29*, в 2002 г. еще 10 истребителей, а в октябре 2006 г. российская самолетостроительная корпорация *МиГ* открыла свое

представительство в Мьянме. В 2007 г. Российская Федерация сообщила ООН о том, что поставила в Мьянму 100 крупнокалиберных артиллерийских систем в 2006 г.²⁶.

В конце декабря 2009 г. между российской государственной компанией *Рособоронэкспорт* и Мьянмой был заключен контракт на поставку для военно-воздушных сил последней 20 истребителей *МиГ-29*. При этом примечательным является тот факт, что за тендер на эту поставку Россия боролась именно с Китаем, который предлагал поставить Мьянме новейшие истребители *J-10* и *FC-1* (аналоги *Су-27* и *МиГ-29*) на весьма льготных условиях²⁷. Как отмечается, выбор мьянманской стороны был определен тем, что, несмотря на привлекательную разницу в цене, китайские аналоги уступают российской технике в надежности. Сумма сделки, озвученная в российских СМИ, составила около 560 млн долл.²⁸. Данные, которые озвучивают зарубежные информагентства, не однородны и сумма контракта в них варьируется от 570 млн долл.²⁹ до 804,8 млн долл.³⁰. Официальное подтверждение сделки со стороны *Рособоронэкспорта* произошло только в январе 2010 г.³¹.

Бруней. Бруней относится к числу стран, взаимодействие с которыми входит в число перспективных направлений военного экспорта России. И, несмотря на то, что на сегодняшний день контрактов между странами не подписано, *Рособоронэкспорт* проводит активную политику, нацеленную на завоевание собственной ниши на рынке Брунея.

Начало контактам в сфере ВТС между Россией и Брунеем было положено в мае 2005 г., когда по приглашению Министерства обороны Брунея сотрудники *Рособоронэкспорта* провели в Бандар-Сери-Бегаване комплексную презентацию российской техники ПВО, боевых самолетов и военно-транспортных вертолетов, а также техники ВМФ и сухопутных войск.

В ходе состоявшегося официального визита султана Брунея в Россию в июне 2005 г. для высоких гостей был организован показ авиационной техники и стрелкового оружия специального назначения.

В июле 2006 г. на международной выставке *Фарнборо* состоялись переговоры руководителей делегации ФГУП *Рособоронэкспорт* с заместителем министра обороны Брунея Дато Ясмином Умаром, постоянным секретарем Министерства обороны страны Мустапой и командующим ВВС Брунея.

По данным *APMC-TACC*, в рейтинге стран-импортеров по фактическому объему импорта ПВН по периоду 2000–2007 г. Бруней занимает 54-е место с показателем 826 млн долл.

В 2009 г. состоялась встреча президента России Дмитрия Медведева с султаном Брунея Хассаналом Болкиахом. На переговорах военно-техническое сотрудничество было отмечено в числе наиболее перспективных направлений взаимодействия. В рамках своего визита в Россию султан Брунея посетил *Рособоронэкспорт*, встретился с заместителем генерального директора предприятия Виктором Комардиным. Брунейской делегации была представлена мультимедийная презентация средств ПВО российского производства, затем на одном из подмосковных аэродромов проведены технические консультации и демонстрация вертолета *Ка-52*. Также по просьбе брунейской стороны было организовано посещение Центра подготовки спецназа для ознакомления гостей со специальным стрелковым оружием и методами действий подразделений при выполнении специальных операций.

По итогам визита Россия и Бруней договорились после завершения ведущихся в настоящее время переговоров подписать соглашение о двустороннем военном сотрудничестве.

Таиланд. Так же, как и в случае с Брунеем, сотрудничество России и Таиланда на сегодняшний день лежит вне практической плоскости. Несмотря на то, что стороны проявляют заинтересованность в совместной работе, более того, уже выдвигались проекты российско-тайских соглашений на поставку российской военной техники, они так и не были воплощены в реальность.

По данным АРМС-ТАСС, в ноябре 2008 г. сухопутные войска Таиланда направили предложение правительству страны о закупке трех вертолетов *Mu-17B-5* российского производства.

Впервые Россия предложила Таиланду приобрести вертолеты *Mu-17* в 2005 г., однако в связи с ростом затрат на ремонт и модернизацию американских вертолетов *UH-1H (Белл-212)* решение было принято только в конце 2008 г. План приобретения *Mu-17B-5* основывается на подписанном с Россией в августе 2005 г. соглашении, которое предусматривало продажу Таиланду от трех до шести вертолетов в счет выплаты долга Москвы в размере 36 млн долл.³² Ориентировочная стоимость контракта на закупку *Mu-17B-5* оценивается в 28 млн долл.

В случае одобрения контракт станет первым опытом приобретения сухопутными войсками Таиланда российских вертолетов. Ранее армия использовала только американские машины.

Подводя итог, можно говорить о том, что на сегодняшний день в рамках сотрудничества России и стран региона Юго-Восточной Азии сформировалась своеобразная *система двух троек*. Первая, *большая тройка* – Малайзия, Индонезия и Вьетнам – имеет уже достаточно продолжительную историю реализации контрактов по сотрудничеству с Россией в различных областях военного экспорта. Данные контракты, с учетом снижения объемов сотрудничества с традиционными крупнейшими партнерами России в сфере ВТС – Индией³³ и Китаем³⁴ – сыграли важную роль в сохранении объемов российского военного экспорта. Вторая, *малая тройка* – Мьянма, где Россия уже представлена, но предстоит еще работа по закреплению и расширению присутствия на рынке страны, Бруней и Таиланд – представляет собой перспективные направления, здесь России еще только предстоит найти свою нишу.

Для дальнейшего продвижения на рынке России необходимо учитывать некоторые особенности рынка региона, и в первую очередь, наличие таких сильных конкурентов, как Китай и США. В связи с этим необходимо помнить о плюсах и минусах позиции каждой из сторон.

Так, влияние США, традиционно воспринимаемых рядом государств региона (Филиппины, Таиланд, Сингапур) в качестве гаранта стабильности, обеспечивающего противовес влиянию Китая, за последнее десятилетие ослабло. Это связано, помимо прочего, и с тем, что США *увязли* в Афганистане и Ираке. Кроме того, после нескольких кризисов (кризис в Восточном Тиморе, азиатский экономический кризис) конца 1990-х гг. ряд стран региона (Малайзия, Индонезия) проводят курс диверсификации источников экспорта, снижения зависимости от американских вооружений. В данном контексте России необходимо максимально эффективно выстраивать свою стратегию для того, чтобы использовать сложившееся положение усиления позиций на рынке Юго-Восточной Азии, иначе это сделает Китай.

Что касается конкуренции со стороны Китая, то весьма любопытным фактом является то, что партнерские отношения, выстраиваемые Россией и Китаем в течение последнего десятилетия, могут служить основой для усиления позиций России в Юго-Восточной Азии. Используя имеющиеся опасения стран региона по отношению к Китаю и определенные позиции в руководстве этих стран, Россия может предложить им более тесное сотрудничество, особенно в таких областях, как военно-техническое сотрудничество, где, по мнению руководства этих стран, неприемлемо усиление китайского влияния.

Естественно, что российский военный экспорт наряду с достоинствами имеет и определенные проблемы. В последние годы наметился переход от эпизодических контрактов и неполной производственной загрузки к крупносерийному производству. Переход сам по себе положительный, но данное позитивное на первый взгляд явление, каким является полная загрузка мощностей на несколько лет вперед, парадоксальным образом влечет за собой и неприятные следствия. Это связано с тем, что последние два десятилетия отрасль переживает острый кадровый дефицит, и в большинстве случаев не может

С материалами и анонсом событий, связанных с международным сотрудничеством в атомной энергетике, можно ознакомиться в разделе «Нераспространение и Россия» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/nonproliferation>, а также в разделе «География российского атома» по адресу <http://atom.pircenter.org/>

похвастаться современными производственными фондами. Все это создает напряженную обстановку при выполнении подписанных контрактов, что, в свою очередь, ставит под вопрос способность отвечать на растущий спрос со стороны потребителей.

В то же время минусом российской позиции является нерешенность вопроса сервисных центров. Эта та область, где решение найти необходимо, поскольку его отсутствие

способно сильно подорвать российский военный экспорт. Уже сегодня этим пробелом пользуется Китай, продавая запчасти для российской техники, в частности, в Малайзию. Создание сервисных центров может стать первым шагом на пути расширения сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии, который благоприятно скажется на имидже России как надежного и долгосрочного партнера стран региона. А уже следующим этапом может стать создание в ряде стран (например, Индонезия, Малайзия, Вьетнам) совместного с Россией производства, что позволит не только частично снять нагрузку на отечественный ОПК, но и послужит импульсом для НИОКР в оборонной области.

СОТРУДНИЧЕСТВО В АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ

Экономический рост, характерный для большинства развивающихся стран Юго-Восточной Азии, сопровождается беспрецедентным ростом потребления электроэнергии, в свете этих тенденций страны региона ищут эффективные пути для удовлетворения высокой потребности национальных экономик в электроэнергии. Современная энергетика старается отойти от дорогой и исчерпавшей себя добычи полезных ископаемых к более жизнеспособным альтернативам. Одной из таких альтернатив является ядерная энергетика.

На сегодняшний день проекты развития ядерной энергетике играют все более важную роль в политике таких стран Юго-Восточной Азии, как Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Мьянма, Таиланд и Филиппины.

Как и любой другой региональный рынок, рынок атомной энергетики ЮВА имеет свои специфические особенности, в первую очередь, связанные с особенностями географического и геологического расположения стран региона. Часть стран региона входят в зону повышенной сейсмической активности (так называемое *огненное кольцо*), имеющую форму подковы полосу вулканов и тектонических разломов, опоясывающую Тихий океан. Больше всего от последствий высокой сейсмической активности страдают Филиппины и Индонезия³⁵. При этом обе страны осуществляют активную политику в области развития атомной энергетики: в Филиппинах уже сегодня существует (но не действует) атомная электростанция, а у Индонезии существует амбициозный план развития атомной энергетики, которой отводится значительная роль в обеспечении страны электроэнергией. В связи с этим вопрос безопасной эксплуатации АЭС для стран данного региона имеет большую, чем обычно, актуальность.

Развитие атомной энергетики в Юго-Восточной Азии имеет еще одну характерную особенность – атомная инфраструктура в большинстве стран создается *с нуля* (исключение составляют Филиппины, где уже существует Батаанская АЭС). А это предполагает, что страна, которая выиграет тендер на реализацию проекта атомной энергетики, с большой вероятностью получит также контракт и на обучение персонала будущей станции, и на обеспечение инфраструктуры безопасности и так далее. Таким образом, страна, получающая тендер на строительство атомной электростанции, получает не только в чистом виде экономические дивиденды. Реализация проекта также позволит загрузить национальные научные, проектные, машиностроительные, монтажные организа-

ции. В долгосрочной перспективе государство-экспортер получает многолетний контракт на поставку топлива для станции. Кроме того, до определенного периода страна-изготовитель также предоставляет услуги по сопровождению эксплуатации реактора, что тоже является весьма весомым экономическим дивидендом.

Наряду с этим экономическая и технологическая привязка импортера и экспортера, возникающая при сооружении АЭС, может в дальнейшем оказать влияние на формирование внешней политики.

Все вышесказанное объясняет другую особенность – высокий уровень конкуренции, существующий на рынке Юго-Восточной Азии. Заинтересованность в развитии атомной энергетики стран региона на сегодняшний день наряду с *Атомстройэкспортом* проявляют такие крупнейшие игроки в сфере строительства АЭС, как *АРЕВА (AREVA)*, *Вестингауз (Westinghouse)*³⁶, а также японские и корейские компании³⁷.

Ниже приводится обзор программ развития атомной энергетики стран региона.

Вьетнам. Вьетнам сегодня лидирует по темпам экономического развития среди стран Юго-Восточной Азии. В 2006 г. производство электроэнергии во Вьетнаме составило 56,5 млрд кВт/ч, при этом 42% от этого числа пришлось на гидроэнергетику, 37% на природный газ, 17% – уголь. На сегодняшний день очевидно, что существующие энергетические ресурсы, как относительно небольшие нефтегазовые, так и гидроресурсы, которые очень нестабильны, поскольку зависят от сезона³⁸, не могут полностью удовлетворить растущие потребности страны. Развитие атомной энергетики в такой ситуации является шагом вполне логичным и ожидаемым.

Первые исследования, посвященные перспективам развития атомной энергетики, были проведены вьетнамским правительством еще в начале 1980-х гг.³⁹. В 1995 г. было проведено новое исследование по этому вопросу, именно оно и легло в основу проекта развития атомной энергетики Вьетнама к 2025 г., впоследствии проект был скорректирован до 2030 г.

Существующий на сегодняшний день план развития атомной энергетики Вьетнама можно условно разбить на три этапа. Первый – до 2015 г., предполагает проведение технико-экономического обоснования и тендера на строительство станции. Второй – до 2020 г., отведен на начало строительства и ввод в эксплуатацию первой АЭС; третий – до 2030 г., включает в себя поэтапное увеличение количества введенных в строй энергоблоков. Для строительства АЭС определены восемь площадок в пяти провинциях: Ниньтхуан, Биньдинь, Фуйен, Хатинь, Куангнгай. Согласно заявлениям вьетнамского правительства в стране предполагается последовательное создание двух АЭС. Первая станция мощностью в 2000 МВт будет расположена в районе Ниньфуок (Ninh Phuoc) и должна вступить в строй к 2020 г.⁴⁰. Вторая АЭС, которая должна вступить в строй вскоре после первой, будет находиться в районе Ниньхай (Ninh Hai), оба района находятся в провинции Ниньтхуан (Ninh Thuan). Суммарная мощность двух первых атомных станций составит 4000 МВт соответственно. Для сравнения, самая мощная электростанция, действующая сейчас во Вьетнаме, – ГЭС *Хоабинь* – имеет мощность 1920 МВт⁴¹.

К 2025 г. общая мощность введенных в строй энергоагрегатов АЭС должна достигнуть 8 ГВт, а к 2030 г. должны заработать 13 энергоагрегатов общей мощностью 15 ГВт, что должно составить 10% от общего объема производимой в стране электроэнергии⁴².

Предварительный анализ технико-экономического обоснования проекта строительства АЭС был завершен в ноябре 2009 г. Последовавшее за ним полное технико-экономическое обоснование должно быть завершено к 2012 г. В соответствии с существовавшим планом строительство должно начаться в 2014 г.⁴³ и завершиться введением станций в эксплуатацию к 2020 г.

В тендере на реализацию проекта развития атомной энергетики Вьетнама участвовал ряд иностранных компаний, в числе возможных партнеров по строительству первой в стране АЭС Вьетнам рассматривал крупнейшего в мире коммерческого производителя ядерных реакторов – американскую компанию *Вестингауз (Westinghouse)*. Кроме того, предложения о сотрудничестве в развитии атомной энергетики поступили Ханю

и от ряда других стран, включая Японию, Китай, Индию, РК и ФРГ⁴⁴. С 2006 г. соглашения о сотрудничестве в атомной области были подписаны с Францией, Китаем, Южной Кореей, Японией, Россией, США и Канадой.

Россия неоднократно высказывала заинтересованность в участии в реализации проекта строительства АЭС во Вьетнаме. В июле 2009 г. в ходе визита министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова в Ханой представители *Росатома* и Министерства науки и технологии Вьетнама подписали меморандум о сотрудничестве в развитии атомной энергетики Вьетнама⁴⁵. Вскоре после этого заместитель генерального директора *Росатома* Петр Щедровицкий сообщил, что госкорпорация рассматривает возможность участия в тендере на строительство первой АЭС во Вьетнаме⁴⁶.

В декабре 2009 г. еще один российско-вьетнамский меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в рамках проекта строительства первой АЭС во Вьетнаме был подписан главой *Росатома* С. Кириенко и генеральным директором государственной энергетической компании *Электрисити оф Вьетнам* (Electricity of Vietnam – EVN) Фам Ле Тхангом. Вскоре после этого в феврале 2010 г. *Росатому* удалось обойти в тендере на проведение мероприятий по технико-экономическому обоснованию (ТЭО) строительства АЭС консорциум промышленных корпораций Японии (Toshiba, Mitsubishi Heavy Industries, Hitachi и др.)⁴⁷.

17 марта 2010 г. на встрече руководства *Росатома* с вице-премьером, министром образования Вьетнама Нгуен Тхиен Няном вьетнамская сторона подтвердила решение о строительстве первой национальной АЭС с помощью российских специалистов⁴⁸. В ходе встречи стороны подписали меморандум о намерениях, предусматривающий развитие сотрудничества в области ядерного образования и научных исследований, подготовки кадров для национальной атомной энергетики Вьетнама. По словам главы *Росатома* Сергея Кириенко, российско-вьетнамское «сотрудничество подразумевает строительство АЭС, научно-исследовательского центра, подготовку кадров, создание соответствующего национального законодательства»⁴⁹.

В соответствии с прогнозами развития атомной энергетики вьетнамский проект должен стать первым в череде проектов в Юго-Восточной Азии⁵⁰. С этой точки зрения контракт с Вьетнамом крайне важен для *Росатома*. Победа в тендере, его дальнейшая успешная реализация – соблюдение темпов строительства в соответствии с графиком, осуществление контроля над издержками – послужат положительным сигналом для будущих заказчиков, а также станут хорошим аргументом в пользу российской компании в дальнейшей борьбе с конкурентами, в первую очередь, с такими традиционными игроками на региональном рынке, как корейские и японские компании⁵¹.

Анализируя сложившуюся ситуацию, необходимо подчеркнуть, что тот определенный успех, который в последнее время сопутствовал *Росатому* в переговорах с вьетнамской стороной, можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, наличием многолетнего опыта российско-вьетнамского сотрудничества в такой стратегической области, как топливно-энергетический комплекс, где успешно действуют совместные компании по добыче нефти⁵², а также в области военно-технического сотрудничества. Не стоит выпускать из внимания и опыт сотрудничества времен Советского Союза, когда советские специалисты активно участвовали в восстановлении промышленности Вьетнама. То есть Россия не является для Вьетнама новым игроком. Во-вторых, важную роль играет российский опыт реализации образовательных проектов, который позволит Вьетнаму не только построить АЭС, но и подготовить собственных специалистов в атомной области⁵³.

Несмотря на внушительный список преимуществ, Россия до последнего момента находилась в ситуации напряженной борьбы за соглашение на строительство АЭС. Наглядным примером может служить подписанное в конце марта 2010 г. соглашение о сотрудничестве в атомной сфере между США и Вьетнамом⁵⁴. Соглашение предусматривает возможность участия американских компаний в строительстве АЭС на территории Вьетнама. Сегодня можно констатировать, что усилия российской стороны завершились успехом. Россия выбрана в качестве партнера по строительству первой во Вьетнаме

атомной электростанции. При принятии вьетнамскими властями данного решения важную роль сыграл тот факт, что российские технологии создания АЭС – самые безопасные, это отметил в своем заявлении директор вьетнамского Института атомной энергии Вьонг Хью Тан⁵⁵.

Индонезия. В 2006 г. 44% производства всей электроэнергии в стране приходилось на уголь, 29% – на нефть, 15% – на природный газ, 7% – на гидроэнергетику, 5% – на геотермальную энергию.

В стране существуют три исследовательских реактора, управление которыми осуществляется Национальным агентством по атомной энергетике (National Atomic Energy Agency – BATAN).

Впервые планы развития атомной энергетики в промышленных масштабах были озвучены индонезийским правительством в конце 1980-х гг. В 1989 г. в качестве вероятной площадки для строительства станции назывался полуостров Мурия в провинции Центральная Ява. В 1996 г. было закончено технико-экономическое обоснование, результатом которого стал выбор конкретной площадки для строительства атомной электростанции мощностью 7000 МВт, находящейся в тектонически устойчивой зоне, – Ujung Lemahabang. Однако в 1997 г. из-за экономической нестабильности и активной общественной оппозиции строительству атомной станции правительство Индонезии было вынуждено отложить на время планы реализации проекта⁵⁶. Идея строительства атомной станции возродилась в 2002–2003 гг. с экономической стабилизацией и ростом потребности страны в электроэнергии.

В соответствии с существующими на сегодняшний день планами правительства Индонезии к 2017 г. должно завершиться строительство станции *Мурия*⁵⁷. Строительство станции мощностью 2000 МВт будет проходить под контролем Национального агентства по атомной энергетике (The National Atomic Energy Agency, BATAN)⁵⁸. Станция будет обслуживать крупнейшее в стране явано-балийское направление, на которое приходится около 75% общего потребления электроэнергии в стране. Следующим должно стать строительство еще двух блоков АЭС, *Мурия 3* и *4*, тендер на сооружение которых предполагается провести в 2016 г. Введение их в эксплуатацию запланировано на 2023 г. В рамках существующего плана уже к 2017 г. доля атомной электроэнергии должна составить не менее 2% от общего объема вырабатываемой электроэнергии⁵⁹.

По планам правительства в период до 2025 г. на строительство 4 атомных электростанций общей мощностью 6 ГВт планируется потратить 8 млрд долл.

В июле 2007 г. южнокорейские компании *Кориа электрик пауэр* (Korea Electric Power Corp. – KEPCO) и *Кориа Гидро энд Нуклеа Пауэр Компани* (Korea Hydro & Nuclear Power Company) и индонезийская *ПиТи Медко Энерджи Интернешенал* (PT Medco Energi Internasional Tbk.) подписали соглашение о проведении технико-экономического обоснования двух блоков по 1000 МВт каждый стоимостью 3 млрд долл.⁶⁰. В дополнение к этому BATAN было проведено предварительное технико-экономическое обоснование строительства корейского реактора *SMART* в провинции Мадуро (Madura).

Вопросы безопасности проектов станции на полуострове Мурия в провинции Мадуро изучаются МАГАТЭ.

Кроме того, в ноябре 2007 г. между индонезийским и японским правительствами было подписано соглашение о сотрудничестве в подготовке, планировании и развитии атомной энергетики в Японии.

Также в 2007 г. руководством провинций Горонтало (Gorontalo), Сулавеси (Sulawesi) было объявлено о заинтересованности в российском проекте строительства плавучей атомной электростанции.

Возможность участия в реализации плана развития атомной энергетики Индонезии рассматривает и Россия, так как именно Индонезия была одной из первых стран, проявивших интерес к плавучим атомным электростанциям (ПАЭС) во второй половине 1990-х гг. Проект поставки ПАЭС предполагает, что при экспорте станция остается в собственности Рос-

сийской Федерации, обслуживается российским персоналом и все виды ответственности, в том числе ответственность за так называемый *ядерный ущерб*, несет российская сторона⁶¹. Кроме того, назначение станции многоцелевое: она может использоваться не только для выработки электроэнергии, но и для опреснения морской воды⁶². Это может сделать проект создания ПАЭС для Индонезии, как для одного из наиболее крупных потребителей воды, еще более актуальным⁶³.

Свою позицию на индонезийском атомном рынке Россия последовательно укрепляет. В декабре 2006 г. было заключено российско-индонезийское соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии⁶⁴, и затем глава *Росатома* С. Кириенко озвучил намерение российской компании участвовать в тендере на строительство АЭС. Годом позже, в сентябре 2007 г., во время своего визита в Индонезию президент Российской Федерации В. Путин также заявил, что Россия может содействовать планам Индонезии по строительству атомной электростанции на острове Ява⁶⁵.

Необходимо отметить, что, в отличие от ситуации с Вьетнамом, конкуренция вокруг индонезийского тендера не такая острая. Возможно, это частично связано с тем фактом, что именно Вьетнам, как ожидается, станет первым государством ЮВА, которое начнет строительство АЭС в регионе. Подобные оценки, в свою очередь, смещают основной фокус конкурентной борьбы. Это, однако, не означает, что получить заказ на строительство первой индонезийской станции будет легче. В случае с Индонезией нельзя упускать из виду и такой существенный фактор, способный осложнить реализацию проекта, как активная общественная оппозиция строительству АЭС. Аргументы оппозиционных сил различны, начиная от опасений, связанных с сейсмической активностью региона, заканчивая недостаточным вниманием к таким дешевым и экологически безопасным источникам энергии, как геотермальная, которыми обладает Индонезия⁶⁶.

Малайзия. В 2006 г. 41% производства всей электроэнергии в стране приходилось на нефть, 35% – на природный газ, 15% – на уголь, 2% – на гидроэнергетику⁶⁷.

Как и в Таиланде, развитие атомной энергетики в Малайзии находится на начальной стадии формирования. Правительство страны организовало всестороннее исследование путей развития энергетической политики, которое включает в себя и вопрос развития сектора ядерной энергетики. Срок окончания исследования назван 2010 г. Однако уже сегодня, по заявлению государственной энергетической компании *Тенага Nasional* (Tenaga Nasional Berhad), производство атомной энергии признано в качестве важного и перспективного пути развития национальной энергетики. В августе 2006 г. в заявлении Совета по ядерному лицензированию Малайзии (The Malaysian Nuclear Licensing Board) была отмечена необходимость более быстрой реализации планов развития атомной энергетики страны к 2020 г. и строительства двух ядерных реакторов. Эта задача была возложена на Министерство по науке, технологии и инновациям⁶⁸. Однако эти планы подверглись корректировке в октябре 2009 г. Так, в своем заявлении министр энергетики, экологически чистых технологий и водных ресурсов страны Датук Сери Питер Чин Фа Куи отметил, что правительство Малайзии рассматривает возможность использования ядерной энергетики не раньше 2025 г.⁶⁹. До последнего времени четкий план развития атомной энергетики страны отсутствовал, а все предложения напоминали скорее декларации о намерениях. Однако в мае 2010 г. министр энергетики, зеленых технологий и водных ресурсов Малайзии публично подтвердил, что была получена поддержка экономического совета страны в вопросе строительства первой АЭС. Правительство поставило конкретную задачу – пустить первую АЭС в 2021 г.

Несмотря на то, что подобное заявление малайзийского правительства, безусловно, является подвижкой в вопросе строительства АЭС, специалисты склонны оценивать его достаточно осторожно. В Министерстве энергетики занимаются изучением различных вариантов для будущей площадки строительства станции, на первый блок которой планируется потратить сумму около 6 млрд долл.⁷⁰.

Наиболее вероятным местом строительства АЭС является западное побережье Малайзии, а именно берег Малаккского пролива. Подходящие места есть в султанатах Джохор

(Бату Пахат), Селангор (Пулау Ангса) и Перак (Ситиаван) на западе страны. Кроме того, в качестве возможного варианта рассматривается также и султанат Паханг⁷¹.

Не решен также вопрос о мощности будущей станции. Генеральный директор лицензионного совета Малайзии по атомной энергии Абдул Азиз Раджа Аднан предложил проект, в соответствии с которым на первой станции должно быть установлено два блока по 500 МВт. Другие специалисты склоняются к более *традиционному* выбору – двум блокам мощностью 1000 МВт⁷².

Тем не менее, даже в такой не до конца определенной ситуации у России есть определенный *задел* для будущего сотрудничества с Малайзией в атомной сфере, поскольку, так же как и в случае с Индонезией, Малайзия в качестве одного из путей развития атомной энергетики рассматривала предложенный Россией проект создания плавучей атомной электростанции (ПАЭС), разработанный изначально с целью обеспечения электричеством отдаленных и труднодоступных территорий российского Севера, но обладающий мощным экспортным потенциалом.

Мьянма. По данным на 2007 г. 53% производства всей электроэнергии в стране приходилось на гидроэнергетику, 41% – на природный газ, 4,5% – на нефть⁷³.

В отличие от других стран региона, программа развития атомного комплекса Мьянмы полностью основана на сотрудничестве с Россией. Планы создания собственной атомной энергетики были озвучены во время визита в Россию делегации Союза Мьянмы во главе с министром науки и технологии У Таунгом в конце 2000 г.⁷⁴ В феврале 2001 г. Мьянма получила официальное предложение от России о возможности строительства исследовательского реактора. 15 мая 2002 г. правительство РФ приняло постановление, которым был одобрен представленный *Минатомом* проект «Соглашения между правительствами Российской Федерации и правительством Союза Мьянмы о сотрудничестве в строительстве Центра ядерных исследований в Союзе Мьянма».

На начальной стадии проекта не сообщалось конкретное место расположения будущего реактора, что породило волну слухов и предположений (так, в качестве возможного варианта назывался и Янгон). Однако в соответствии с данными, приведенными в нескольких источниках, церемония закладки фундамента будущего ядерного реактора должна была состояться в январе 2003 г. в месте, расположенном недалеко от города Магуэ (Magwe), центральная Мьянма⁷⁵. Предполагалось, что в этом же году позднее будет проведен ряд переговоров с мьянманской стороной, в результате которых будет подписано Соглашение. Однако из-за сомнений МАГАТЭ в способности Мьянмы обеспечить достаточный уровень безопасности, необходимый для работы реактора⁷⁶, а также сомнений российской стороны в платежеспособности государства⁷⁷ подписание Соглашения было отложено.

Переговоры были возобновлены в 2005 г., а 15 мая 2007 г. в Москве состоялось подписание Соглашения между Россией и Мьянмой о сотрудничестве в области сооружения в Мьянме Центра ядерных исследований⁷⁸. Следующие переговоры о судьбе российско-мьянманского сотрудничества в области строительства исследовательского реактора состоялись уже 16 мая 2007 г. В ходе встречи обсуждалась предварительная процедура подготовки контракта на сооружение реактора, продолжить переговоры предполагалось во втором полугодии 2007 г. на территории Мьянмы.

Однако после *шафрановой революции* сентября 2007 г., которая привела к дестабилизации ситуации внутри страны, проведение переговоров было отложено. В данных условиях проведение переговоров и переход к подготовке практического воплощения проекта оказались невозможны. За этим последовало еще одно потрясение – в мае 2008 г. Мьянма пострадала от сильнейшего урагана Наргиз, страна оказалась на грани гуманитарной катастрофы, поэтому возобновление работ над столь дорогостоящим проектом стало невозможно.

На сегодняшний день можно говорить о том, что реализация проекта отложена на неопределенный срок, что не означает, что сотрудничество России и Мьянмы остановилось на всех направлениях. Продолжается взаимодействие государств в области

военно-технического сотрудничества, что, в свою очередь, позволяет надеяться на возвращение к реализации Соглашения в ближайшем будущем. Касаясь вопроса сотрудничества России и Мьянмы в стратегических областях, к которым относится и атомная энергетика, необходимо отметить, что взаимодействие государств подвергалось острой критике со стороны международного сообщества⁷⁹. Несмотря на это, Россия не отказалась от своих обязательств по Соглашению, что, в свою очередь, укрепило репутацию надежного, последовательного партнера.

Таиланд. Основным источником энергии для страны является нефть, на которую в 2007 г. приходилось 50,3% производства всей электроэнергии в стране, в то время как на долю природного газа приходилось 37,2%, уголь и гидроэнергетика составили 10,4 и 2,2% соответственно⁸⁰.

Таиланд можно отнести к числу стран, относительно недавно заявивших о намерении развивать ядерную энергетику. По прогнозам, к 2020 г. потребность страны в электроэнергии возрастет до 30 000 МВт. Для того чтобы удовлетворить растущие потребности страны, Государственная энергетическая компания Таиланда (The Electricity Generating Authority of Thailand, EGAT) объявила цель создания в стране к 2020 г. атомной станции мощностью 4000 МВт⁸¹. В своем выступлении в июне 2007 г. министр энергетики Таиланда Пияvasti Амрананд (Piyavasti Amranand) выделил ядерную энергетику в качестве «наилучшего варианта контроля за ценой на электроэнергию». Министр подчеркнул, что «Таиланд не может находиться в зависимости от поставок природного газа из стран Сиамского залива, поскольку газовые месторождения вскоре иссякнут. Уголь – дешевое сырье, но последствия энергетического использования угля для окружающей среды неисчислимы»⁸².

Согласно официальным сообщениям, власти Таиланда подписали контракты с шестью экспертами для составления плана по подготовке к строительству двух АЭС (период подготовки, по оценкам экспертов, продлится с 2008 по 2011 г.) стоимостью 6 млрд долл. Начало строительства АЭС намечено на 2015 г. и, как предполагается, строительство должно продлиться до 2021 г. Проходить оно будет под руководством Государственной энергетической компании Таиланда, мощность станции должна составить 4000 МВт. Создание структуры по управлению и контролю за безопасностью деятельности АЭС планируется правительством к 2014 г.⁸³.

Какой-либо информации о российско-таиландском сотрудничестве в сфере атомной энергетики нет. Но при определении направлений будущего взаимодействия двух стран развитие атомной энергетики называется в качестве приоритетной сферы.

Филиппины. Производство электричества в стране в 2006 г. составило 56,7 млрд кВт/ч, из них 27% пришлось на уголь, 29% – на природный газ, 8% – на нефть, 17,5% – на гидроэнергетику, 18,5% – на геотермальную энергию.

Филиппины – единственное государство Юго-Восточной Азии, где уже сегодня существует атомная электростанция. Однако в филиппинском обществе не один год идут дискуссии о перспективах и целесообразности ее эксплуатации. Решение о строительстве двухблочной атомной станции в Батаане мощностью 621 МВт (Bataan Nuclear Power Plant, BNPP) было принято филиппинским правительством в период мирового нефтяного кризиса 1973 г. Строительство *Батаан-1* началось в 1976 г. и было закончено в 1984 г., стоимость проекта составила 460 млн долл.⁸⁴ Строительство проходило при поддержке правительства Маркоса, но после падения режима в 1986 г. проект был законсервирован⁸⁵. Из-за проблем с финансированием и нерешенностью вопросов безопасности станция так и не была введена в эксплуатацию.

В апреле 2007 г. филиппинским правительством был внесен последний платеж за станцию. Власти Филиппин рассматривали возможность переоборудования станции для сжигания природного газа⁸⁶, но данный проект был признан экономически невыгодным, и было решено просто поддерживать станцию в рабочем состоянии, что обходится госбюджету в 800 тыс. долл. ежегодно. В 2007 г. Департаментом энергетики Филиппин был запущен проект по изучению перспектив развития атомной энергетики в контексте общего энергетического плана страны. Атомная энергетика рассматривается как

одно из средств по снижению зависимости государства от импортируемых запасов угля и нефти. В 2008 г. Филиппины обратились за помощью к МАГАТЭ, чтобы решить судьбу атомной станции в Батаане, а также получить рекомендации о возможностях развития атомной энергетики в стране⁸⁷. По оценке миссии МАГАТЭ, *Батаан-1* можно перестроить, и станция, с точки зрения экономики и безопасности, сможет эффективно работать в течение не менее 30 лет. Работы по возрождению Батаанской станции оцениваются в сумму от 800 млн до 1 млрд долл. Проект возрождения Батаанской АЭС уже вызвал высокий интерес ряда корейских компаний⁸⁸.

Кроме того, по словам представителя посольства Филиппин в России, филиппинская сторона заинтересована в развитии сотрудничества с Россией в сфере атомной энергетики. С целью обсуждения перспектив такого сотрудничества запланирован приезд делегации Министерства энергетики Филиппин в Москву вскоре после майских президентских выборов. Как отметил представитель посольства, интерес к России как партнеру в этой области обусловлен наличием положительного опыта взаимодействия в других сферах, который может служить базой для развития новой сферы взаимодействия⁸⁹.

Таблица. Программы развития атомной энергетики стран ЮВА

Страна	Начало проекта	Планируемый срок реализации проекта	Планируемое количество энергоблоков	Планируемая мощность энергоблоков	Этапы проекта	Сотрудничество с Россией
Вьетнам	1995 г.	2030 г.	13	15 ГВт	2014 – начало строительства АЭС-1 (2000 МВт). 2020 – ввод в эксплуатацию 2030 – общая мощность 15 ГВт	да
Индонезия	2002–2003 гг.	2017 г.	4	4000 МВт	2017 – первая АЭС (2 блока) мощностью 2000 МВт 2023 – +2 блока по 1000 МВт	да
Мьянма	2001 г.	–	1*	10 МВт	–	да
Филиппины	2007 г.	–	1**	621 МВт***	–	нет
Таиланд	2007 г.	2020–2021 г.	4	4000 МВт	2008–2011 – период подготовки 2014 – начало строительства 2020–2021 – ввод в эксплуатацию	нет
Малайзия	2006 г.	2021 г.	2	Рассматриваются два варианта: 1500 МВт (каждый блок) 21000 МВт (каждый блок)	–	нет

* Исследовательский ядерный реактор

** В качестве основного проекта рассматривается возобновление работы Батаанской АЭС

*** Ранее заявленная мощность Батаанской АЭС

Быстрые темпы экономического развития ставят перед странами региона Юго-Восточной Азии проблемы, связанные с необходимостью удовлетворять растущий спрос на электроэнергию. В условиях колебания цен на традиционные энергоносители и их неизбежной исчерпаемости выбор все чаще делается в пользу возобновляемых источников энергии, в частности, ядерной энергетики. Для России – одного из крупнейших экспортеров атомных технологий в мире – данная ситуация может обеспечить уникальную возможность выхода на новый перспективный региональный рынок. Эта задача, безуслов-

но, приоритетная, но достаточно трудная. России приходится действовать в условиях острой конкурентной борьбы, учитывать специфику региона в целом и каждой страны в отдельности. То, насколько *Росатом* преуспеет в решении данной задачи, определит политику компании на годы вперед. У России есть обширный опыт сотрудничества в сфере сооружения АЭС со странами азиатского региона⁹⁰ – Индией и Китаем⁹¹. Этот опыт и связанная с ним репутация последовательного партнерами, являются важнейшими аргументами, своего рода *козырем в рукаве* российских компаний при продвижении на рынок Юго-Восточной Азии. Кроме того, Россия может предложить проекты реализации национальных программ атомной энергетики, не только более выгодных в соотношении цены и качества, но и уникальных с точки зрения решения стоящих перед странами региона задач, связанных с особенностями их географического положения.

Кроме финансовой выгоды, которую может принести реализация программ в странах ЮВА, научно-технические решения, выработанные в рамках проектов для стран региона, могут затем быть реализованы и на территории РФ. Так, например, строительство АЭС в Индонезии и Филиппинах, входящих в *огненное кольцо*, требует максимального учета вопросов безопасности, сейсмоустойчивости станции. В дальнейшем эти проекты можно было бы использовать для строительства АЭС на российском Дальнем Востоке, регионе с высоким уровнем сейсмической активности, где существуют проблемы с энергоснабжением.

В связи с этим хотелось бы более детально остановиться на проекте создания плавучих атомных электростанций (ПАЭС) и на их возможном экспортном потенциале. Стоит отметить, что у данного проекта достаточно хорошие шансы на успех: эта специфическая ниша на мировом рынке еще не занята, а Россия имеет богатый опыт сооружения и эксплуатации атомных гражданских судов, на ПАЭС планируется использовать прошедшие эксплуатационную проверку на ледоколах и хорошо себя зарекомендовавшие реакторы типа *КЛТ-40С*. Однако, безусловно, прежде чем делать заявки на сооружение плавучей станции, зарубежные партнеры хотят увидеть в работе хотя бы один референтный энергоблок. Такой блок *Михаил Ломоносов* сейчас строится на *Балтийском заводе* в Санкт-Петербурге и поступит в эксплуатацию в 2013 г.

Главным достоинством проекта в контексте Юго-Восточной Азии является его экономическая выгода для эксплуатации в отдаленных регионах и в островных государствах с небольшой территорией, для которых строительство *традиционной* атомной станции экономически нецелесообразно.

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОСМОСА

Ключевым государственным игроком в сотрудничестве Российской Федерации с зарубежными государствами в космической области является Федеральное космическое агентство (*Роскосмос*). Предпринимается ряд шагов для развития взаимодействия данного ведомства и со странами Юго-Восточной Азии.

Малайзия. Правительство Малайзии поставило перед страной амбициозную задачу – попасть в *клуб* космических государств к 2020 г., что предполагает создание собственной спутниковой группировки и работы по изучению Луны. С целью реализации данной задачи было создано Малайзийское национальное космическое агентство (The Malaysian National Space Agency, MNSA), основанное в 2002 г., которое имеет в своем распоряжении несколько наземных станций, связанных со спутниками, а также Малайзийский космический центр (Malaysian Space Center). Кроме того, для осуществления будущих запусков собственных ракетносителей и коммерческих запусков иностранных государств в Малайзии планируется построить космодром в Тавау, малонаселенном штате Сабах на малайзийской части о. Борнео, в нескольких градусах севернее линии экватора. Сотрудничество по этому направлению ведется с национальным космическим агентством Японии NASDA.

Что касается спутниковых программ, необходимо отметить, что Малайзия использует как спутники, приобретенные за рубежом, так и созданные собственными силами

Астронаутик Текнолоджу (Astronautic Technology (M) Sdn. Bhd.). Запуск и тех, и других спутников осуществляется с площадок, расположенных в других государствах. Бюджет малайзийской космической программы составляет 25 млн долл.

Сотрудничество России и Малайзии в области мирного освоения космического пространства велось по двум основным направлениям – полет первого малайзийского космонавта на Международную космическую станцию (МКС) и обеспечение коммерческих запусков малайзийских телекоммуникационных и научно-исследовательских спутников российскими ракетносителями.

Российско-малайзийское сотрудничество в области выведения на космическую орбиту спутников началось в сентябре 2000 г. Тогда при российском содействии ракетносителем *Днепр* с космодрома Байконур был запущен первый малайзийский исследовательский спутник *Тиунгсат-1 (TiungSAT-1)*, созданный государственной компанией *Астронаутик Текнолоджу*⁹².

Следующим ракетносителем *Протон* с космодрома Байконур 11 декабря 2006 г. был запущен спутник связи *MEASAT-3*⁹³. *MEASAT-3* дополнил спутниковую сеть, состоящую из спутников *MEASAT-1* и *MEASAT-2*, запуск которых состоялся в январе и ноябре 1996 г. соответственно⁹⁴.

Другим направлением сотрудничества России и Малайзии является программа *Ангкаса-ван* (малайз. *Angkasawan* – космонавт) – программа отправки на МКС первого малайзийского космонавта. Данная программа стала возможна благодаря реализации офсетного межгосударственного соглашения в рамках контракта на поставку в Малайзию 18 российских истребителей *Су-30 МКМ*, заключенного в ходе визита в августе 2006 г. российского президента В.В. Путина. В соответствии с условиями соглашения, Российская Федерация взяла на себя расходы, связанные с тренировкой двух граждан Малайзии для полета на МКС в октябре 2007 г. Программа была реализована, и 10 октября 2007 г. Шейх Музафар Шукор (*Sheikh Muszaphar Shukor*) стал первым малайзийцем в космосе (полет продлился 11 дней). На сегодняшний день в Малайзии существуют планы отправить второго космонавта к 2015 г.⁹⁵.

Индонезия. Национальный институт авиации и космоса Индонезии (*National Institute of Aeronautics and Space – LAPAN*) был создан 27 ноября 1964 г. по указу президента Сукарно. Головной офис Института расположен в Космическом Центре LAPAN в Джакарте. LAPAN проводит многолетние исследования в аэрокосмической области, как гражданской, так и военной направленности. Более чем 20 лет LAPAN занимается созданием и управлением спутниками (в основном телекоммуникационных), включая *LAPSAT-1*, *LAPSAT-2*, *Palapa A1* и *Palapa A2*.

LAPAN обладает достаточно развитой инфраструктурой, в которую входит: действующий с 2001 г. метеорологический радар *Koto Tabang*, расположенный в Восточной Суматре; сеть наземных спутниковых станций, лабораторий и обсерваторий; крупнейшая в АСЕАН библиотека, посвященная аэрокосмической области.

Сотрудничество России и Республики Индонезия в области космоса активизировалось за последние пять лет. Важным направлением взаимодействия является реализуемый с 2008 г. совместный проект российской компании ЗАО *Аэрокосмическая корпорация (АКК) Воздушный старт* и индонезийской компании *Эир Лонч Центра Нуса (Air Launch Centra Nusa)* по созданию системы выведения космических аппаратов на низкие орбиты с использованием самолета-носителя *Ан-124-100ВС*. Проект реализуется с участием авиационных и ракетно-космических организаций России и Индонезии при поддержке и под контролем Федерального космического агентства России (*Роскосмос*) и Национального института авиации и космоса Индонезии (*LAPAN*). Проект предполагает создание конкурентоспособной на мировом рынке стартовых услуг космической транспортной системы, которая будет способна обеспечить выведение полезной нагрузки массой несколько сотен килограммов на любые околоземные орбиты, включая геопереходные и стационарные. Такие возможности предполагается реализовать за счет запуска космических аппаратов с экваториального космодрома, создаваемого на аэродроме индонезийского острова Биак. *Воздушный старт* будет осуществляться на высоте

10 км и более с борта самолета-носителя *Ан-124–100 Руслан*. Ввод системы в эксплуатацию назначен на 2011 г.

Вьетнам. 14 июня 2006 г. правительство Вьетнама утвердило стратегию исследований и разработок в области космической техники на период до 2020 г. В соответствии со стратегией вьетнамского правительства 20 ноября 2006 г. при Вьетнамской академии науки и техники был создан Институт космической техники. В 2008 г. была учреждена Вьетнамская комиссия по космическим исследованиям и разработкам, которая направляет и контролирует осуществление национальных программ и международное сотрудничество в космической области.

В соответствии с указанной стратегией Вьетнам ставит перед собой задачу достижения в период 2006–2010 гг. следующие важных целей:

1. Окончательно оформить правовую базу для проведения исследований в области космической техники и ее применения.
2. Создать национальную космическую инфраструктуру путем:
 - строительства наземной приемной станции и центра хранения и обработки спутниковых изображений, приобретение технологии и запуска малоразмерного спутника наблюдения Земли и создания спутника для глобальной системы определения местоположения;
 - реализации проекта запуска спутника связи *VINASAT*;
 - создания ведущей национальной лаборатории космической техники.
3. Поощрять исследования в области космической науки и техники, в связи с чем Вьетнамская академия науки и техники с 2008 г. реализует Национальную независимую программу исследований и разработок в области космической техники.

В ноябре 2007 г. вступила в строй вьетнамская наземная приемная станция, которая обрабатывает данные, получаемые со спутника наблюдения Земли (*SPOT*) и природоохранного спутника (*ENVISAT*). 12 апреля 2008 г. на орбиту успешно выведен первый вьетнамский спутник связи *VINASAT-1*.

В сотрудничестве с Японией Вьетнам разрабатывает проект создания Национального космического центра Хоа-Лак, по плану центр будет введен в эксплуатацию к 2018 г. Основная цель центра – создать базу для производства спутников собственными силами. На его территории будут расположены предприятия по сборке и тестированию спутников, наземная станция приема-передачи спутниковых сигналов, исследовательский центр, обсерватория и космический музей.

Для обеспечения деятельности центра в период 2010–2012 гг. предполагается обучение будущих вьетнамских специалистов в Японии, а затем в период 2013–2018 гг. уже на базе Хоа-Лак. Кроме того, предполагается, что до 2022 г. управление центром будет осуществляться при помощи японских экспертов, после окончания данного периода управление полностью перейдет к собственно вьетнамским специалистам.

Развитие космической техники во Вьетнаме только начинается при поддержке правительства и соответствующих учреждений, а также в рамках международного сотрудничества. Космическая техника во Вьетнаме уже делает первые шаги в развитии таких областей, как гидрометеорология, информатика и связь (самым заметным достижением является осуществление проекта *VINASAT*), дистанционное зондирование (уже получены изображения всей территории Вьетнама со спутников *Landsat* и *SPOT*) и спутниковая навигация.

Стоит отметить, что на сегодняшний день руководство Вьетнама делает основную ставку на сотрудничество с такими партнерами, как США, Япония, Китай и ЕС. Развитие сотрудничества России и Вьетнама в космической области в настоящее время можно рассматривать лишь как сферу перспективных возможностей. Возможно, новый импульс российско-вьетнамские связи в космической сфере получат после состоявшегося в октябре 2010 г. визита президента РФ Дмитрия Медведева в Ханой.

Сегодняшний уровень взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии в космической сфере, безусловно, не охватывает всего списка областей, присутствующих в стратегических документах. Однако можно говорить о реализации ряда совместных программ в таких областях, как запуск космических аппаратов (главным образом спутников), полет космонавта страны региона в составе международной экспедиции на МКС, сотрудничество в области спутниковой навигации, космической медицины и биологии и так далее. И, безусловно, для России – страны с одной из наиболее продолжительных космических программ, обладающей колоссальным опытом в данной сфере – в рамках региона существуют перспективы расширения сотрудничества.

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ НАНОТЕХНОЛОГИЙ

На сегодняшний день в мире не существует четкого единого стандарта относительно того, что такое нанотехнологии и что такое нанопродукция. Согласно «Концепции развития в Российской Федерации работ в области нанотехнологий на период до 2010 года», *нанотехнология* определяется как совокупность методов и приемов, обеспечивающих возможность контролируемым образом создавать и модифицировать объекты, включающие компоненты с размерами менее 100 нм, хотя бы в одном измерении, и в результате этого получившие *принципиально новые качества*, позволяющие осуществлять их интеграцию в полноценно функционирующие системы большего масштаба.

Нанотехнологии – новейшая сфера *высоких* технологий, практическое применение которой обеспечивает значительное повышение эффективности производства, что в свою очередь позволяет говорить о существенном конкурентном преимуществе этих технологий в долгосрочной перспективе, благодаря этому они достаточно быстро вошли в число приоритетных направлений. Сегодня на развитие нанотехнологий в мире тратятся миллиарды долларов, причем эта тенденция свойственна не только странам-лидерам мирового сообщества, но и странам, активно развивающим свою экономику. Это связано с самой природой нанотехнологий, по прогнозам ученых нанонаука произведет такую же революцию в манипулировании материей, какую в свое время произвели компьютеры в манипулировании информацией. В связи с этим становится понятным стремление ведущих государств мира оказывать максимальное содействие развитию этой области науки и ее практическому применению в производстве в рамках национальных программ.

И для России, и для большинства стран региона Юго-Восточной Азии нанотехнологии являются сферой, вышедшей на повестку дня относительно недавно и находящейся на начальной стадии своего формирования. Показателем актуальности вопросов развития нанотехнологий в Юго-Восточной Азии и в АТР в целом может служить наличие в регионе такой серьезной международной инициативы, как Азиатский нанофорум (Asia Nano Forum).

Азиатский нанофорум (АНФ) представляет собой *сетевую* организацию, которая была зарегистрирована в октябре 2007 г., штаб-квартира расположена в Сингапуре на базе Института исследования материалов и проектирования (Institute of Materials Research and Engineering – IMRE). В состав АНФ входят 15 государств азиатско-тихоокеанского региона и Ближнего Востока. В их числе такие страны Юго-Восточной Азии, как Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур и Таиланд. Главной целью Форума является обмен опытом и информацией о развитии нанотехнологий, что, в свою очередь, должно способствовать развитию национальных нано-отраслей в странах-участницах. Для России АНФ может служить оптимальной площадкой для установления контактов со странами региона.

Сеть АНФ координируется представителями каждого государства-участника, в качестве которых могут выступать государственные организации, ведущие научно-исследовательские организации или национальные координирующие органы в области

развития нанотехнологий. В странах Юго-Восточной Азии такими *координаторами* являются:

- ❑ Академия науки и технологии Вьетнама (Vietnamese Academy of Science and Technology – VAST);
- ❑ Индонезийский научный институт (Indonesian Institute of Sciences);
- ❑ Академия наук Малайзии (Academy of Sciences Malaysia);
- ❑ Институт исследования материалов и проектирования, Сингапур (Institute of Materials Research & Engineering – IMRE);
- ❑ Национальный центр нанотехнологий, Таиланд (National Nanotechnology Centre).

Прежде чем перейти к особенностям сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в развитии нанотехнологий, хотелось бы сформировать у читателя общее представление об уровне развития данной научно-технологической сферы в регионе, с этой целью ниже представлен краткий обзор наиболее значительных национальных программ в области нанотехнологий государств ЮВА.

Вьетнам. Ключевыми организациями, финансирующими исследования и разработки в сфере нанотехнологий, являются: Министерство науки и технологии (Ministry of Science and Technology – MOST), Академия науки и технологии Вьетнама (Vietnamese Academy of Science and Technology – VAST) и Министерство образования и подготовки (Ministry of Education and Training – MoET).

В 2003 г. Министерство науки и технологии начало осуществление программы по созданию инфраструктуры, необходимой для развития науки и технологии в сфере нанотехнологий во Вьетнаме. Эта программа стала новым приоритетным направлением в рамках Национальной программы развития фундаментальных исследований и естественных наук, ее бюджет составляет около 0,35 млн долл.

В декабре 2003 г. премьер-министром Вьетнама Фан Ван Кхаем была озвучена Национальная стратегия развития науки и технологий до 2020 г., в которой в качестве одной из приоритетных областей были выделены нанотехнологии. Для реализации данной стратегии под руководством Министерства науки и технологии Вьетнама в стране была запущена программа строительства необходимой инфраструктуры.

В 2004 г. правительством было принято решение о создании 17 национальных лабораторий (National Key Laboratories) на территории Вьетнама, стоимость каждой около 3–4 млн долл. На сегодняшний день большая часть лабораторий приступила к работе, некоторые из них сосредоточены именно на исследованиях и разработках в сфере нанотехнологий. Примером таких центров являются два крупных *хайтек*-центра, созданные при поддержке государства для развития высоких технологий, в Хошимине и Ханое.

Кроме того, в период с 2004 по 2006 г. в рамках Программы фундаментальных исследований в области естественных наук был осуществлен целый ряд образовательных инициатив, направленных на формирование базы специалистов в этой новой области.

Таким образом, к числу государственных программ в сфере нанотехнологий можно отнести:

- ❑ Создание лаборатории нанотехнологий в Хошимине (Laboratory for Nanotechnology – LNT).
- ❑ Создание Национальной программы в сфере нанонауки и нанотехнологии (2003–2005).
- ❑ Запуск, начиная с 2003 г., магистерских и аспирантских программ в области нанонауки и технологии в Ханойском национальном университете при поддержке Академии науки и технологии Вьетнама.

- ❑ Развитие международного сотрудничества в сфере образования и исследований, а также в сфере развития и применения результатов исследований.

Индонезия. Существующая с начала 2000-х гг. Национальная инициатива в области развития нанотехнологий Индонезии координируется в рамках деятельности основанного в мае 2004 г. Центра нанотехнологий и биоинженерии Machtar Riady (The Machtar Riady Center for Nanotechnology and Bioengineering). Основные усилия Центра направлены на содействие развитию нанотехнологий и биоинженерной отрасли в стране, фокусируясь на подготовке нового поколения специалистов для работы в этих сферах.

На сегодняшний день государственной программой, координирующей развитие нанотехнологий в Индонезии, служит Национальный план исследований в сфере нанотехнологий (Nanotechnology Research National Development Plan). В рамках плана выделяются пять приоритетных направлений исследований и разработок:

- ❑ наноматериалы;
- ❑ нанобиотехнологии;
- ❑ нанороботостроение;
- ❑ нанохимия;
- ❑ наноэлектроника и обучение.

Малайзия. Начало государственной программы развития нанотехнологий Малайзии было положено в 2001 г. В восьмом пятилетнем плане развития Малайзии (2001–2005) в рамках программы Министерства науки, технологии и инноваций нанотехнологии были названы в качестве одной из 14 приоритетных областей *стратегических исследований*. Политика государственной поддержки нанотехнологий была продолжена в следующем, девятом плане развития (2005–2010), а также в рамках Национальной политики в области науки и технологии (National Science and Technology Policy II – STPII) и Третьего плана индустриализации с 2005 по 2020 г. (The Third Industrial Master Plan – IMP3). В рамках данных инициатив нанотехнологии названы приоритетной областью, развитие которой должно играть ключевую роль в стратегии повышения конкурентоспособности Малайзии в сфере высоких технологий⁹⁶.

Определение нанотехнологий в качестве приоритетной области исследований в рамках восьмого и девятого пятилетнего плана развития Малайзии и выделение значительных бюджетных средств для развития данной области привели к определенным результатам, к их числу на сегодняшний день можно отнести:

- ❑ Создание целого ряда хорошо оборудованных научно-исследовательских центров, таких как: Институт фундаментальных исследований Ибн Сины (Ibnu Sina Institute for Fundamental Science Studies, IIS) в Малайзийском технологическом университете; Институт микроинженерии и нанотехнологии (Institute of Microengineering and Nanotechnology, IMEN) в Национальном малайзийском университете; Центр исследований новых материалов (Advanced Materials Research Centre, AMREC) Института стандартов и промышленных исследований (Standards and Industrial Research Institute of Malaysia, SIRIM); Центр исследования комбинаторных технологий и катализа (Combinatorial Technology and Catalysis Research Centre, COMBICAT) Малайзийского университета.
- ❑ Создание государством программы обучения наноэлектронике и нанотехнологии в рамках высшей школы.

В качестве наиболее актуальных областей исследований нанотехнологии в Малайзии определены следующие сферы:

- ❑ применение нанотехнологий в материалах и производстве;
- ❑ наноэлектроника и компьютерные технологии;
- ❑ нанотехнологии применительно к наукам о жизни и медицине.

Несмотря на то, что нанотехнологии в Малайзии все еще находятся на начальной стадии своего развития, важность данной области закреплена в Национальной инициативе развития нанотехнологий (National Nanotechnology Initiative), выдвинутой правительством Малайзии. Одной из основных целей в рамках данной Инициативы является создание малайзийского Национального центра нанотехнологий (National Nanotechnology Centre).

Сингапур. Среди стран региона Юго-Восточной Азии Сингапур по праву считается лидером в сфере нанотехнологий, на протяжении многих лет выступая в качестве яркого примера успешного развития в условиях экономики знаний. Благодаря традиционной для Сингапура государственной политике активной административной и налоговой поддержки компаний, проводящих НИОКР и внедряющих новые технологии и инновации, стране удалось достаточно быстро стать лидером и закрепиться в роли регионального *локомотива* в сфере высоких технологий, в том числе в наносфере.

Приняв во внимание все возрастающую роль нанотехнологий в мире, правительство Сингапура, уже начиная с 1997 г., сфокусировало значительные усилия на развитии данной научной области. В период с 1997 по 2003 г. государственное финансирование нанотехнологий составило 103 млн долл. Ведущими государственными инвесторами нанотехнологий в Сингапуре являются: Министерство образования (Ministry of Education – MOE), Агентство науки, технологии и исследований (Agency for Science, Technology and Research – A-STAR).

Основными игроками в сфере развития нанотехнологий в Сингапуре стали два университета: Наньянский технологический университет и Национальный университет Сингапура. В 2002 г. на базе этих двух университетов были созданы Группа по нанонауке и нанотехнологии – Нанокластер (Nanoscience and Nanotechnology Cluster – Nanocluster) и Инициатива в сфере нанонауки и нанотехнологии (Nanoscience & Nanotechnology Initiative) соответственно. Кроме того, именно с 2002 г. в Сингапуре начинается процесс коммерческого внедрения нанотехнологий, а уже с 2003 г. нанотехнологии стали применяться в медицине, в первую очередь для развития средств диагностики и лечения. В период с 2003 по 2007 г. государственное финансирование нанотехнологий составило более 310 млн долл.

На сегодняшний день Сингапур представляет собой международный научно-технологический *хаб*, обладающий мощной инновационной инфраструктурой полного цикла, в которую входят: система образования мирового уровня, универсальная система финансирования на всех этапах, отработанная система коммерциализации разработок. Неслучайно именно в Сингапуре размещена штаб-квартира АНФ, здесь же находятся штаб-квартиры основных его членов, включая Японию, Китай и Новую Зеландию.

В России в нормативных документах нанотехнологии впервые были упомянуты в марте 2002 г. Первая «Концепция развития в Российской Федерации работ в области нанотехнологий на период до 2015 г.» была одобрена Правительством РФ 18 ноября 2004 г. 24 апреля 2007 г. президентом России была подписана «Стратегия развития nanoиндустрии», в которой были определены основы государственной политики в данной сфере. Вскоре после этого, 19 июля 2007 г., был принят Федеральный закон №139 о создании Российской корпорации нанотехнологий (*Роснано*).

В начале 2008 г. были приняты две крупные программы – «Программа развития nanoиндустрии в Российской Федерации до 2015 г.» и федеральная целевая программа «Развитие инфраструктуры nanoиндустрии в Российской Федерации на 2008–2010 гг.», которые дополнили Стратегию 2007 г. Также значительная роль отведена nanoнауке и нанотехнологии в принятой 27 февраля 2008 г. Правительством Российской Федерации «Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2008–2012 гг.».

В соответствии с Федеральным законом №139 *Роснано* является базовым институтом развития инновационных процессов в области nanoиндустрии, выполняющим ключевую

роль в практическом создании национальной нанотехнологической сети, на построение которой направлено и международное сотрудничество корпорации.

В настоящее время деятельность корпорации направлена на установление контактов со всеми странами, лидирующими в сфере нанотехнологий, в том числе и со странами азиатского региона. Из числа стран региона делегации *Роснано* совершили поездки в такие страны, как Япония, Китай, Сингапур, Республика Корея, Тайвань. На первый взгляд, список довольно скромный, однако с учетом того, что фактическая деятельность корпорации продолжается около двух лет и в данный период проходили поездки представителей *Роснано* также и в страны других регионов мира, США, Европу, такая ситуация кажется вполне объяснимой. Кроме того, по словам директора департамента международного сотрудничества корпорации Сергея Мостинского, выбор данных стран региона не был случайным: таким образом корпорации удалось практически полностью охватить страны со значимым нанотехнологическим производством⁹⁷.

Комментируя современное состояние сотрудничества *Роснано* и стран Юго-Восточной Азии, С. Мостинский отметил, что сейчас идет большая, напряженная работа по построению сети контактов со странами региона. В этом процессе корпорация сталкивается с объективными трудностями, связанными с достаточно недолгим присутствием на этом рынке. Потенциальные партнеры не до конца представляют себе особенности России как игрока на рынке нанотехнологий и порой по инерции воспринимают ее как страну, с которой рискованно сотрудничать из-за наличия сложных таможенных и административных барьеров, непрозрачных условий финансирования и так далее. Подобное восприятие России приводит к тому, что процесс привлечения потенциальных партнеров требует гораздо больше времени.

Кроме того, далеко не каждый владелец хорошей идеи и технологии согласен воплотить ее исключительно на территории России; зачастую потенциальные партнеры предлагают сотрудничать в формате, когда компания инвестирует средства в уже существующее предприятие для его дальнейшего развития, получая взамен статус совладельца⁹⁸. Однако *Роснано*, действующая на основании Федерального закона, не имеет права на подобную деятельность, поскольку корпорация была создана с целью развития нанотехнологий исключительно на территории Российской Федерации и любая инвестиционная деятельность за рубежом не входит в ее компетенцию.

Тем не менее, несмотря на перечисленные трудности, *Роснано* продолжает построение сети контактов, и в рамках этой деятельности в марте 2009 г. в Сингапуре в научно-исследовательском комплексе Биополис состоялась российско-сингапурская конференция по нанотехнологиям. А в марте 2010 г. состоялся визит делегации *Роснано* во главе с генеральным директором Анатолием Чубайсом в Республику Сингапур. По словам С. Мостинского, выбор именно этой страны ЮВА объясняется тем, что в Сингапуре существует успешный опыт реализации различных кластерных проектов, создания технопарков и условий для привлечения иностранных специалистов, для обучения своих специалистов и подключения их к работе в рамках государственных программ. Поэтому с развитием контактов с данной страной происходит и приобретение полезного опыта, который в дальнейшем можно будет применить на территории России, поскольку российской практики создания инновационного производства фактически не существует.

Сегодня еще рано говорить о наличии реализованных проектов, это требует гораздо большего времени, однако существует ряд проектов в процессе реализации. И в случае с Сингапуром существует несколько проектов, находящихся на стадии согласования⁹⁹.

В сентябре 2010 г. было положено начало реализации одного из таких проектов. 27 сентября 2010 г. генеральным директором *Роснано* Анатолием Чубайсом, заместителем управляющего директора Агентства экономического развития Сингапура (Economic Development Board of Singapore, EDB) Тан Чун Сяном и генеральным директором международной инвестиционной компании *360ip* Гленном Кляйном было подписано соглашение о намерениях по созданию Азиатского нанотехнологического фонда¹⁰⁰.

Создание данного фонда способно подготовить выход *Роснано* на рынки Азии, Сингапур в этом смысле играет роль своеобразного окна в перспективный регион. В связи с этим

весьма примечательным является тот факт, что одним из членов попечительского совета Московской школы управления Сколково выступает министр-ментор Республики Сингапур Ли Куан Ю, один из отцов сингапурского *экономического чуда*.

Вместе с тем, определенный интерес *Роснано* проявляет к ряду других государств Юго-Восточной Азии – Вьетнам, Индонезия, Малайзия, однако на сегодняшний день контактов в сфере нанотехнологий с ними не установлено. Тем не менее, поскольку данные страны являются участниками АНФ, предполагается, что первоначальный контакт может быть налажен уже осенью 2010 г. в рамках очередной сессии Форума, проведение которого запланировано 9 ноября 2010 г. в Ханое (Вьетнам). Возможно, в работе саммита примет участие и делегация *Роснано*¹⁰¹.

С точки зрения перспектив сотрудничества со странами азиатского региона в целом и региона Юго-Восточной Азии в частности весьма эффективным шагом может стать вступление России в АНФ. Это позволит решить несколько задач. Во-первых, подобное действие стимулирует обмен опытом и знаниями в области наноауки и нанотехнике, а также в образовании в данных сферах со странами-членами АНФ. Во-вторых, это способствует повышению уровня информированности стран региона о России как о новом игроке на рынке нанотехнологий. Это, в свою очередь, позволило бы снять ряд проблем, с которыми, как уже упоминалось, сталкивается в своей деятельности *Роснано*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучая историю сотрудничества России со странами Юго-Восточной Азии в таких стратегических областях, как военно-техническое сотрудничество, атомная энергетика, космос и нанотехнологии, можно выделить ряд государств, взаимодействие с которыми, пускай в разных долях, прослеживается во всех названных сферах (исключение может составлять лишь сфера нанотехнологий ввиду ее относительной новизны не только для стран региона, но и для самой России). К числу таких стран необходимо отнести: Вьетнам, Индонезию, Малайзию и, в меньшей степени, Таиланд. Кроме того, стоит также отдельно отметить такого достаточно специфического, но от этого не менее важного для России партнера, как Мьянма, сотрудничество с которой, безусловно, связано с определенными трудностями и носит ограниченный характер.

Наиболее длительную историю взаимодействия в названных областях Россия имеет с *Малайзией* и *Индонезией* – странами, которые, безусловно, можно отнести к лидерам в рамках Юго-Восточной Азии. В сотрудничестве с этими государствами Россия уже не раз подтверждала имидж надежного и ответственного партнера, готового при необходимости, кроме прочего, идти на уступки в таких чувствительных вопросах, как оплата контрактов, что было продемонстрировано в случае с Малайзией уже при первой продаже *МиГ-29Н* в 1994 г., а затем и в рамках контракта 2003 г. на покупку *Су-30МКМ*; а в случае с Индонезией примером является кредит в 1 млрд долл., выданный Москвой в 2007 г. В связи с этим перед Россией открываются многообещающие перспективы по расширению сотрудничества, поскольку российская сторона для данных стран является хорошо знакомым, надежным партнером.

Вьетнам за последние несколько лет выбился в число ключевых партнеров России в регионе Юго-Восточной Азии¹⁰². Это стало возможным благодаря плотному сотрудничеству двух стран в таких важнейших областях, как военно-техническое сотрудничество и атомная энергетика. В то же время существуют и перспективы для дальнейшего развития, в случае с ВТС – это дальнейшее развитие военно-морской инфраструктуры, приобретение средств ПВО вьетнамской стороной. Что касается области атомной энергетике, даже с учетом того относительного успеха, которым характеризуются последние контакты российской и вьетнамской стороны, Россия до сих пор находится в условиях острой конкурентной борьбы за тендер на постройку АЭС. Необходимо отметить стратегическую важность данного проекта, завоевание права на реализацию которого не только повлечет за собой расширение сотрудничества с Вьетнамом, но и послужит сильным конкурентным преимуществом, способным открыть для России рынки атомной энергетики других стран региона.

Именно сотрудничество с перечисленными странами играет ключевую роль и значительно влияет на отношения с остальными странами региона.

Взаимодействие в рамках рассмотренных областей носит, безусловно, неоднородный характер и, более того, преследует разные цели.

Так, **военно-техническое сотрудничество** традиционно является сильной стороной российской внешней политики. Россия продолжает удерживать позицию второй страны в мире по объемам военного экспорта. И в рамках ВТС со странами региона Юго-Восточной Азии старается использовать накопленный опыт, связи и репутацию, в том числе для удержания прежних объемов военного экспорта, который, в свою очередь, является важной статьёй бюджета России.

Сотрудничество в области **атомной энергетики и космоса** – сферы наукоемкие и высокотехнологичные, в которых Россия обладает обширным опытом, что позволяет ей выступать в качестве поставщика технологий. Но в рамках региона России еще предстоит обширная работа, в случае с атомной энергетикой – по закреплению своих позиций в регионе, в космической сфере – по расширению присутствия. Так же, как и в случае с ВТС, в рамках этих двух сфер Россия наряду со стратегическими преследует и финансовые интересы.

Совсем по-другому обстоит дело с сотрудничеством в области **нанотехнологий**. Данная сфера, названная в числе приоритетных направлений развития, является абсолютно новой для России, и здесь уже наша страна выступает в качестве реципиента опыта и технологий. Во многом именно на заимствование полезного опыта создания инновационного производства, подготовку кадров и привлечение отечественных специалистов в данную область направлена деятельность России на данном этапе. В этом вопросе крайне ценным для нашей страны может оказаться зарубежный опыт, в том числе и такого государства, как Сингапур.

Учитывая все сказанное выше, представляется, что при выработке комплексной стратегии действий в рамках региона можно добиться того, что в перспективе сотрудничество со странами ЮВА будет служить не только целям финансовым, но также послужит своего рода стимулом для развития российской науки и техники, НИОКР в выделенных областях взаимодействия.

Примечания

¹ ASEAN Statistics: Selected Key Indicators. Table 1. <http://www.aseansec.org/stat/Table1.xls> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).

² МИД Российской Федерации. АСЕАН (справочная информация). [1997–2010]. <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/070c6f785c6026893c325719b002f1995?OpenDocument> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).

³ Стенографический отчет о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 2010, 2 июля. Хабаровск. <http://news.kremlin.ru/transcripts/8234> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).

⁴ Тихоокеанская стратегия России. Под рук. В. Никонова. http://www.ruskiimir.ru/export/sites/default/ruskiimir/ru/events/advertisement/docs/Nikonov_080710.pdf (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).

⁵ Оружейная вертикаль. *Коммерсантъ «Власть»*. 2004, 2 февраля. № 4 (557).

⁶ Российский экспорт боевых самолетов: золотой век позади? <http://www.cast.ru/comments/?id=196> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).

⁷ *МиГ-29, МиГ-29УБ, МиГ-29СЭ*. http://migavia.ru/military/MiG_29_UB.htm (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).

⁸ *МиГ-29СД*. http://migavia.ru/military/MiG_29_SD.htm (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).

- ⁹ *МиГ-29Н*. <http://www.airwar.ru/enc/fighter/mig29n.html> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ¹⁰ Малайзия объявила сразу два военных тендера. <http://army.lv/ru/su-30mkm/356/23743> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ¹¹ Минобороны Малайзии заинтересовано в обмене технологиями с Россией. <http://army.lv/ru/su-30mkm/901/24203> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ¹² Литовкин Д. Россия теряет рынок истребителей. *Известия*. <http://www.izvestia.ru/armia2/article3135413/> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ¹³ Индонезия отложила покупку подводных лодок. http://vpk.name/news/30311_indoneziya_otlozhila_pokupku_podvodnyih_lodok.html (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ¹⁴ Васильев Д. Кого вооружает Россия. *Коммерсантъ «Власть»*. 2009, 9 марта. № 9 (812).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индонезия по содействию в реализации программы российско-индонезийского военно-технического сотрудничества на 2006–2010 гг. http://lawrussia.ru/texts/legal_215/doc215a268x381.htm (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ¹⁷ Военно-техническое сотрудничество с зарубежными странами в 2007 году. <http://www.politinfo.ru/phenomena/vts2007.html> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ¹⁸ Объем контрактов между РФ и Вьетнамом по линии ВТС составил \$4,5 млрд. <http://army.lv/ru/9k331/356/23677> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ¹⁹ Министр обороны обсудит во Вьетнаме военно-техническое сотрудничество. <http://army.lv/ru/armiya-vetnama/901/23650> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ²⁰ Сердюков обсудит во Вьетнаме двустороннее сотрудничество. <http://army.lv/ru/armiya-vetnama/901/23668> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ²¹ *Рособоронэкспорт* подписал контракт с Вьетнамом на поставку восьми истребителей Су-30МК2. <http://army.lv/ru/su-30mk2/356/20350> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ²² На судостроительной верфи *Алмаз* будут заложены два патрульных катера для ВМС Вьетнама. <http://army.lv/ru/proekt-10412/356/19566> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ²³ Сторожевые катера российского производства пополнят отряд кораблей ВМС Вьетнама в 2011 г. <http://army.lv/ru/proekt-10412/356/19622> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ²⁴ Россия рассматривает Вьетнам как своего стратегического партнера – Сердюков. <http://army.lv/ru/armiya-vetnama/901/23665> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ²⁵ Россия поможет Вьетнаму создать базу для подлодок. <http://army.lv/ru/proekt-636/901/23705> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Мьянма закупила 20 российских истребителей *МиГ-29*. <http://www.arms-expo.ru/site/xp/049051124049050057052052.html> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ²⁸ Пресс-конференция генерального директора ФГУП *Рособоронэкспорт* Анатолия Исайкина. <http://www.agnc.ru/index.php?id=1997&t=2> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ²⁹ Myanmar opts for Russian *MiG-29s* over Chinese fighters. http://www.domain-b.com/defence/general/20091223_chinese_fighters.html (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ³⁰ Russia to deliver 20 *MiG* fighters to Myanmar. <http://www.asiaone.com/News/Latest+News/Asia/Story/A1Story20091223-187694.html> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ³¹ Пресс-конференция генерального директора ФГУП *Рособоронэкспорт* Анатолия Исайкина. <http://www.agnc.ru/index.php?id=1997&t=2> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ³² СВ Таиланда планируют закупку российских вертолетов Ми-17В-5. Россия поможет Вьетнаму создать базу для подлодок. <http://army.lv/ru/proekt-636/901/23705http://army.lv/ru/mi-17/356/17111> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).

- ³³ Коновалов И. Предел допустимой оборонки. *Коммерсантъ «Власть»*. 2010, 22 февраля. № 7 (860).
- ³⁴ Коновалов И. Брешь в портфеле. *Коммерсантъ «Власть»*. 2009, 9 марта. № 9 (812).
- ³⁵ Incorporated Research for Seismology [2009–2010]. <http://www.iris.edu/seismon/> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ³⁶ ЗАО *Атомстройэкспорт*. Ядерный рынок: перспективы. http://www.atomstroyexport.ru/nuclear_market/prospects/ (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ³⁷ Кондратьев Сергей. Комментарий. *Пресс-центр атомной энергетики и промышленности*. http://www.minatom.ru/comments/18078_19.03.2010 (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ³⁸ Выход России на вьетнамский рынок атомной энергетики помог бы нам попасть и на азиатский рынок в целом. *Regnum*. 2010, 17 марта. <http://www.regnum.ru/news/1264201.html> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ³⁹ Вьетнам выбрал *Росатом* для подготовки ТЭО строительства первой в стране АЭС. http://www.rosatom.ru/ru/about/press_centre/worldatomenergy/index.php?from4=60&id4=14213 (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Интервью директора вьетнамского института атомной энергии Вьонг Ху Тан. *AtomInfo.Ru*. 2009, 23 октября. <http://www.atominfo.ru/news/air7828.htm> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁴² Вьетнам построит к 2030 г. 15 ГВт атомных мощностей http://www.rosatom.ru/ru/about/press_centre/worldatomenergy/index.php?from4=11&id4=20125 (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁴³ Интервью директора вьетнамского института атомной энергии Вьонг Ху Тан.
- ⁴⁴ Японцы проиграли вьетнамский контракт *Росатому*. *Газета*. 2010, 9 февраля. <http://www.gzt.ru/topnews/business/-yapontsy-proigrali-vjetnam-rosatomu-/288291.html> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁴⁵ *Росатом* и министерство науки и технологии Вьетнама подписали меморандум о сотрудничестве. http://www.rosatom.ru/ru/about/press_centre/news_sector/index.php?from4=4&id4=12454 (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁴⁶ Японцы проиграли вьетнамский контракт *Росатому*.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Кондратьев Сергей. Цит. соч.
- ⁴⁹ *Росатом* и Министерство образования и подготовки кадров Вьетнама подписали меморандум о сотрудничестве.
- ⁵⁰ ЗАО *Атомстройэкспорт*. Ядерный рынок: конъюнктура рынка [2006–2010]. http://www.atomstroyexport.ru/nuclear_market/business_climate/ (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁵¹ Кондратьев Сергей. Цит. соч.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Выход России на вьетнамский рынок атомной энергетики помог бы нам попасть и на азиатский рынок в целом.
- ⁵⁴ США и Вьетнам подписали соглашение о сотрудничестве в атомной сфере. http://www.rosatom.ru/ru/about/press_centre/worldatomenergy/index.php?from4=6&id4=17798 (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁵⁵ Россия построит первую во Вьетнаме АЭС. http://www.rosatom.ru/ru/about/press_centre/worldatomenergy/index.php?from4=20&id4=19382 (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁵⁶ Geoffrey Gunn. Southeast Asia's Looming Nuclear Power Industry. *Japan Focus* http://www.japan-focus.org/-Geoffrey_Gunn/2659 (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).

- ⁵⁷ Indonesia to Push Ahead with Nuclear Plans. *Defence Talk*. 2007, 21 February. <http://www.defencetalk.com/indonesia-to-push-ahead-with-nuclear-plans-10485/> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁵⁸ Andrew Symon. Southeast Asia's Nuclear Power Thrust: Putting ASEAN's Effectiveness to the Test? *Goliath*. 2008, 1 April. http://goliath.ecnext.com/coms2/gi_0199-7837041/Southeast-Asia-s-nuclear-power.html (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁵⁹ Mely Caballero-Anthony, Sofiah Jamil. The Rush for Nuclear Energy in Southeast Asia: Promises and Pitfalls. *RSIS Commentaries*. 2007. N 78. P.1. <http://www.rsis.edu.sg/publications/Perspective/RSIS0782007.pdf> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁶⁰ Andrew Symon. Op. cit.
- ⁶¹ Зеленский Дмитрий. Комментарий. *Пресс-центр атомной энергетики и промышленности* http://minatom.ru/comments/4344_16.04.2007 (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁶² Плавучие АЭС. *Реальная экономика – информационный портал*. <http://www.realeconomy.ru/215/3546/6930/index.shtml> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁶³ Никольский А. Дефицит пресной воды в странах мира. <http://eco.rian.ru/documents/20100322/215718166.html> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁶⁴ 1 декабря 2006 Россия и Индонезия подписали соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. *Пресс-центр атомной энергетики и промышленности*. http://www.minatom.ru/news/3011_04.12.2006 (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁶⁵ Макаркин А. Индонезия как противовес. *Политком.ру*. <http://politcom.ru/5061.html>
- ⁶⁶ Geoffrey Gunn. Op. cit.
- ⁶⁷ Energy Information Administration. Country Analysis Briefs: Malaysia. <http://www.eia.doe.gov/cabs/Malaysia/Full.html> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁶⁸ Andrew Symon. Op. cit.
- ⁶⁹ Малайзия рассматривает возможность использования ядерной энергетики не раньше 2025 г. http://www.rosatom.ru/ru/about/press_centre/worldatomenergy/index.php?from4=59&id4=14238 (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁷⁰ Мирный атом Малайзии. <http://www.atominfo.ru/news2/b0478.htm> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ World Bank Indicators. Myanmar: Energy Production and Use. <http://www.tradingeconomics.com/myanmar/alternative-and-nuclear-energy-percent-of-total-energy-use-wb-data.html> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁷⁴ Andrew Selth. Burma and Nuclear Proliferation: Policies and Perceptions. *Regional Outlook Paper*. 2007. № 12. P.10. http://www.griffith.edu.au/_data/assets/pdf_file/0015/18240/regional-outlook-volume-12.pdf (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁷⁵ Bertil Lintner. Myanmar Gets a Russian Nuclear Reactor. *The Wall Street Journal*. 2002, 3 January. http://www.asiapacificms.com/articles/myanmar_nuclear/ (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁷⁶ Федченко В. Мьянма как новая цель ядерного экспорта России. *Вопросы Безопасности*. 2002, июнь. № 11(125). <http://www.pircenter.org/data/publications/vb11-2002.html> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁷⁷ Maxmilian Wechsler. Nuclear Claims Deserve Skepticism. *Bangkok Post*. 2006, 27 April. <http://www.rebound88.net/sp/junta/snuclear1.html> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁷⁸ Гаврилов К., Ким Д. Россия поможет Мьянме в сооружении центра ядерных исследований. *Eurasian Home*. 2007, 17 мая. <http://www.eurasianhome.org/xml/t/digest.xml?lang=en&nic=digest&pid=2082> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁷⁹ Корнышева А. Диктатуру подключат к реактору. *Коммерсантъ*. 2007, 16 мая. № 82 (3658) <http://www.kommersant.ua/doc.html?docId=811828> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).

- ⁸⁰ В период с 2008 по 2018 гг. производство электроэнергии в Таиланде увеличится на 43,9%. <http://asianenergy.blogspot.com/2009/07/thailands-electricity-generation-is.html> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁸¹ Andrew Symon. Op. cit.
- ⁸² Southeast Asia Planning New Nuclear Plants. *Spero News*. 2007, 12 June. <http://www.speroforum.com/site/article.asp?idcategory=33&idSub=122&idArticle=9873>
- ⁸³ Andrew Symon. Op. cit.
- ⁸⁴ Ibid.
- ⁸⁵ Karl Wilson. Philippines: Bataan Nuclear Plant Costs \$155 000 a Day but No Power. *Energy Bulletin*. 2004, 30 June. <http://www.energybulletin.net/node/866> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁸⁶ Options for the Conversion of the Bataan Nuclear Power Plant to Fossil Fuel Firing. *M.E.T.T.S.* <http://www.metts.com.au/bataan-nuclear-ps.html> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁸⁷ Andrew Symon. Op. cit.
- ⁸⁸ New Nuclear Power Plant in Bataan Eyed. *ABS-CBN News*. 2010, 24 February. <http://www.abs-cbnnews.com/business/02/24/10/nuclear-power-plant-bataan-eyed> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁸⁹ По материалам интервью третьего секретаря, вице-консула посольства Филиппин в России Катрины Исабель Х. Борха-Мартин. 2010, 30 апреля.
- ⁹⁰ Выход России на вьетнамский рынок атомной энергетики помог бы нам попасть и на азиатский рынок в целом.
- ⁹¹ ЗАО *Атомстройэкспорт*. Текущие проекты. <http://www.atomstroyexport.ru/projects/current/>
- ⁹² Encyclopedia Astronautica: Malaysia. <http://www.astronautix.com/country/malaysia.htm> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ⁹³ Ibid.
- ⁹⁴ Ibid.
- ⁹⁵ По материалам интервью с Советником-посланником посольства Малайзии Рамли Ятимом. 2010, 20 апреля.
- ⁹⁶ Nanotechnology Development Status in Malaysia: Industrialization Strategy and Practices. *Nanoelectronics and Materials*. 2009. No.11. Pp. 119–134.
- ⁹⁷ По материалам интервью. 2010, 28 апреля.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Роснано, Агентство Экономического Развития Сингапура и компания 360ip создают Азиатский нанотехнологический Фонд. <http://www.rusnano.com/Post.aspx/Show/28127> (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).
- ¹⁰¹ По материалам интервью. 2010, 28 апреля.
- ¹⁰² Совместное российско-вьетнамское заявление по итогам официального визита в Российскую Федерацию Генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама Нонг Дык Маня. 2010, 12 июля. http://news.kremlin.ru/ref_notes/646 (последнее посещение – 2 ноября 2010 г.).

ПРОГРАММА СТАЖИРОВОК ПИР-ЦЕНТРА ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН СНГ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПИР-Центр активно привлекает молодых талантливых специалистов из высших учебных заведений и исследовательских организаций России и других стран СНГ для реализации научного потенциала в рамках программы стажировок.

Ключевыми составляющими стажировки являются:

- подготовка научного доклада по одной из актуальных проблем международной безопасности;
- проведение встреч и интервью с научными сотрудниками и советниками ПИР-Центра, правительственными экспертами, представителями российских академических кругов по теме научной работы стажера;
- участие молодых специалистов в лекционных курсах, семинарах, конференциях, организуемых ПИР-Центром и другими ведущими московскими научно-исследовательскими организациями;
- информационно-аналитическая работа в рамках одного из действующих научных проектов.

Наиболее яркие и актуальные работы молодых специалистов находят отражение на страницах журнала *Индекс Безопасности*.

ПИР-Центр обеспечивает стажера компьютеризированным рабочим местом, постоянным доступом к интернету и информационным ресурсам ПИР-Центра, средствами на проезд от места проживания в Москву и обратно, ежемесячной стипендией.

*По всем вопросам, связанным с программой стажировок, следует обращаться к директору Образовательной программы Альберту **Зульхарнееву** по тел.: +7 (495) 987-1915 или по электронной почте zulkharneevev@pircenter.org*

В 2002–2010 гг. в ПИР-Центре прошли стажировку аспиранты и студенты Академии ОБСЕ в Бишкеке, Университета мировой экономики и дипломатии при МИД Узбекистана (г. Ташкент), Волгоградского государственного университета, Воронежского государственного университета, Дальневосточного государственного технического университета, Института Дальнего Востока РАН, Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, Нижегородского государственного университета, Новосибирского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Томского государственного университета, Тюменского государственного университета, Уральского государственного университета и др.

Для внешней политики России 2010 г. стал годом концептуального осмысления ее восточного направления. Каковы итоги российского внедрения в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) в 2010 г.? В чем специфика отношений России со странами региона и общей региональной политики России? Что препятствует встраиванию России в региональный контекст и какие задачи необходимо решить для полноценного взаимодействия со странами АТР?

ПИР-Центр совместно с журналом Международная Жизнь при поддержке МИД РФ провел круглый стол «Азиатский вектор внешней политики России: итоги года и перспективы»¹. В работе круглого стола приняли участие: заместитель директора департамента Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества МИД РФ К.М. Барский, заместитель министра иностранных дел России А.Н. Бородавкин², заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН А.В. Воронцов, директор Третьего департамента Азии МИД РФ М.Ю. Галузин, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У) МИД РФ А.В. Лукин, исполнительный директор фонда «Русский Мир» В.А. Никонов, главный редактор журнала Международная Жизнь А.Г. Оганесян, президент ПИР-Центра В.А. Орлов, ректор Дипломатической академии МИД РФ А.Н. Панов, главный специалист департамента международного сотрудничества государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» В.А. Пестов, директор Центра АСЕАН в МГИМО (У) В.В. Сумский, вице-президент фонда «Единство во имя России», директор корейских программ Института экономики РАН Г.Д. Толорая³.

В.А. ОРЛОВ (ПИР-ЦЕНТР): Россия, являясь евро-тихоокеанской державой, взяла принципиальный курс на выравнивание европейского и тихоокеанского векторов своей внешней политики. Существует и правительственный план мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. Теперь главный пункт повестки дня – переход от деклараций и встраивания общих планов к их реализации. Естественно, внешняя политика должна лишь помочь, облегчить решение наших внутренних задач на этом направлении.

Российская внешняя политика старается здесь *попешать*. Весь 2010 г. и в особенности его последние месяцы являются весьма характерными. Здесь стоит обратить внимание на участие России, ее президента в саммите АТЭС, в саммите Россия–АСЕАН. Закладывается фундамент взаимодействия со странами региона. И этот фундамент должен быть готов к *АТР-прорыву* России, к 2012 г. – к саммиту АТЭС, который состоится во Владивостоке.

Насколько этот фундамент был укреплен в 2010 г.?

РОССИЙСКИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МАНЕВР

А.Н. БОРОДАВКИН (МИД РФ): Для восточного направления российской внешней политики минувший год был напряженным и результативным. Наша внешнеполитическая линия в АТР основывалась на понимании неразрывной взаимосвязи между будущим нашей страны и сотрудничеством со странами этого региона, куда в последние годы уверенно смещается *центр гравитации* глобального развития, а также на осознании базальтернативности встраивания российской экономики в набирающие обороты региональные интеграционные процессы.

При этом принципиально важно, что мы предложили нашим партнерам позитивную, объединительную повестку дня. Россия не искала односторонних преимуществ, не стремилась играть на имеющихся противоречиях, а утверждала свою роль через готовность к сотрудничеству со всеми странами, проявляющими встречную заинтересованность в таком сотрудничестве. В этом залог повышения профиля нашей страны в АТР в качестве фактора стратегической стабильности и устойчивого экономического развития.

Прошедший год был ознаменован тем, что Россия и Китай совместно выдвинули внешнеполитическую инициативу по совершенствованию архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР. Суть этой инициативы состоит в том, чтобы государства региона исходили в своих взаимоотношениях из осознания неделимости безопасности, отказались от попыток укрепить собственную безопасность за счет безопасности других. С помощью этих новых подходов к обеспечению безопасности в АТР можно будет избавиться от конфронтационного наследия холодной войны, не допустить возникновения в регионе новых разделительных линий, способных поставить под угрозу перспективы интеграционного соразвития азиатско-тихоокеанских государств.

Рассчитываем, что диалог по этой актуальной теме будет продолжен в рамках ВАС, Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), совещаний министров обороны стран – членов АСЕАН и ее диалоговых партнеров («СМОА плюс»), других региональных структур. Многие в плане концептуальной проработки вопросов безопасности АТР способны сделать экспертное сообщество в формате *второй дорожки*, например, по линии Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ) и конференций *Шангерла-диалог*.

Заметно увеличились прямые капиталовложения азиатских государств в российскую экономику. Речь идет как о Сибири и Дальнем Востоке, так и о европейской части страны. Например, в Ярославле заработал завод по выпуску строительной и специальной техники японской компании *Комацу*, под Санкт-Петербургом открылся автомобильный завод южнокорейской корпорации *Хендэ*. С Востока пошли в Россию инвестиции в нефте- и газопереработку. Высокий интерес наши партнеры по АТР проявили к российской программе приватизации, рассчитанной на 2011–2013 гг.

Если говорить о культурных и гуманитарных контактах России с ее восточными соседями, то они в 2010 г. стали еще более насыщенными. Так, в рамках года китайского языка в России состоялось более 200 мероприятий. Подписана Программа культурных обменов между Россией и Индией на 2010–2012 гг. В странах региона активно действуют и открываются все новые российские центры науки и культуры. В рамках проекта по созданию Университета ШОС в *пилотном режиме* началась подготовка магистров по согласованным программам обучения на базе 62 вузов государств – членов Организации. В Москве состоялась инаугурация Центра АСЕАН. В течение года создано четыре новых центра фонда «Русский Мир» – в Ханое, Хошимине, Шанхае и Даляне. Растут масштабы туристических обменов со странами АТР.

В целом 2010 г. на азиатском направлении российской внешней политики оставил позитивный след. Усилия по развороту России *лицом на Восток* в соответствии с поручениями, данными президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым по итогам состоявшегося 2 июля 2010 г. в Хабаровске совещания по вопросам социально-экономического

развития Дальнего Востока и укрепления позиций России в АТР, начали приносить практические результаты.

Ю.М. БАРСКИЙ (ДЕПАРТАМЕНТ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МИД РФ): Региону, где, в отличие от Евроатлантики, не сложилась единая система безопасности, где нет ни Хельсинкского акта, ни организации по безопасности и сотрудничеству, нужна какая-то гибкая, многослойная, многомерная архитектура, которая была бы открытой, равноправной, транспарентной; которая основывалась бы на принципах и нормах международного права; которая учитывала бы в максимальной степени интересы всех государств региона. Над этими идеями мы и предлагаем поработать в предстоящие годы всем странам региона.

Такие идеи высказываются не только нами, но и другими партнерами по АТР, а к инициативе, выдвинутой совместно с Китаем, интерес проявляет и Индия, и асеановские партнеры.

Общие условия для России (и продвижения ее инициатив) в регионе складываются неплохие. Нас связывают отношения традиционной дружбы и партнерства с целым рядом государств, причем государств ключевых – это Китай, Индия, Вьетнам; у нас активно развиваются отношения со странами АСЕАН, с Республикой Корея. Есть целый план мероприятий по *информационному сопровождению* нашей внешней политики в АТР, что позволит добиться более адекватного восприятия России и ее политики в регионе. Это, кстати, один из результатов вышеупомянутого совещания в Хабаровске.

Китайские партнеры заинтересованы в том, чтобы Россия занимала более прочные позиции в регионе. Мы действительно выступаем в качестве их близких партнеров по многим вопросам глобальной повестки дня, видения современного мироустройства, по вопросам безопасности. Китайцы заинтересованы в том, чтобы сотрудничать с нами. При этом мы пока не можем выступить в качестве конкурента Китая в Азии и на Тихом океане.

В активном участии России в региональных делах заинтересована Индия. У индийцев тоже есть свои сомнения относительно укрепления позиций ряда стран региона, и им хотелось бы в лице России видеть некий контрбаланс. Индия заинтересована в нашей поддержке во вступлении в АТЭС, куда они давно пробиваются, и по целому ряду других направлений.

Что касается стран АСЕАН, то вся политика этой региональной группировки построена на балансе сил. Она выступает за то, чтобы все внерегиональные и региональные державы присутствовали здесь достаточно взвешенно, равномерно, и таким образом и укрепляет свою роль в регионе, и стабилизирует ситуацию в целом.

Регион сейчас находится между США и Китаем, как *между молотом и наковальней*. Никто не хочет конфликта между этими странами. С другой стороны, все заинтересованы в том, чтобы была какая-то система сдержек и противовесов, при которой все государства имели бы возможность реализовывать свои интересы, избегая конфликтов между крупными странами. Именно этим обусловлена актуальность инициативы создания *архитектуры безопасности*. Есть основания полагать, что у этой инициативы есть перспективы.

В.А. НИКОНОВ (ФОНД «РУССКИЙ МИР»): 2010 г. действительно был годом *разворота* российской политики на восток, к Азиатско-Тихоокеанскому региону. В начале июля 2010 г. на вышеупомянутом совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока в Хабаровске президентом были даны поручения, в том числе правительству и Министерству иностранных дел подготовить новую концепцию укрепления позиций в АТР. И это, безусловно, отражает те мега-тенденции, которые происходят в современном мире и которые только ускорились в связи с мировым экономическим кризисом.

Главная *мега-тенденция* – это смещение глобального центра силы в АТР. И страны АТР становятся сейчас двигателем развития мировой цивилизации, беря на себя ту роль,

которую на протяжении пяти последних столетий исполняла Европа. Сегодня на долю стран АТР приходится уже 60% мирового ВВП, приблизительно 40% совокупных мировых инвестиций, и все эти цифры будут только увеличиваться. В АТР находятся три крупнейшие мировые экономики – это США, Китай, Япония. На АТР приходится ровно половина *Большой двадцатки* – за скобками (азиатскими скобками) остается только Мексика в этой десятке государств. И, конечно, средние темпы роста в АТР гораздо выше, чем во всех других странах мира, в развитых странах. В то время как европейские государства переживают очевидный кризис и темпы роста ВВП в странах ЕС в 2010 г. вряд ли превысят 1,5%, все страны АТР растут быстрее 7%, а некоторые и быстрее 12% в год.

Для России этот стратегический маневр исключительно важен, потому что экономическая *завязка* на Европу, на которую приходится 60% и больше нашей внешней торговли, – это во многом ловушка для Российской Федерации. Глубина нашего кризиса во многом объясняется именно нашей огромной зависимостью от спроса на энергоносители в странах ЕС.

Азиатская часть АТР – также важнейший мировой полигон модели политической модернизации, которая воспринимается не как чистая *вестернизация*, а как особый путь развития, основанный на синтезе демократических форм правления и местной политической культуры. Регион также очень важен с точки зрения того конфликтного потенциала, который там заложен, и тех множасьих вызовов и угроз безопасности, которые напрямую затрагивают и интересы Российской Федерации. В первую очередь, это проблема Корейского полуострова, которая сейчас резко обостряется. Кроме того, есть застарелые территориальные споры вокруг островов акватории Восточно-Китайского, Южно-Китайского морей, причем это все только обостряется. Южно-Китайское море превращается сейчас в одно из основных *мест сплетения* геополитических интересов крупнейших мировых держав. Есть многие неурегулированные пограничные проблемы. И существует очень серьезная опасность внутривнутриполитической дестабилизации в ряде стран региона.

Регион важен и с точки зрения того, что сейчас именно туда перемещается центр военно-политического соперничества между государствами. Именно в АТР находятся пять государств с самыми крупными по численности армиями – это США, Китай, Индия, КНДР и Российская Федерация. Это тот регион, где происходит резкое наращивание военных расходов, военных потенциалов. В развитых странах процесс сейчас обратный, и лидирующие позиции по темпам роста, помимо Соединенных Штатов, занимают сейчас Китай, Япония, Индия и Южная Корея. И поэтому конечно, любой из дремлющих конфликтов может обернуться очень большой бедой. Важно проявлять большее внимание к этим региональным конфликтам.

Концепция «Россия – это евро-тихоокеанская страна» является гораздо более перспективной, чем «Россия – европейская страна» или «Россия – евразийская страна». Евразийство все-таки тянет *на юг*, тогда как евро-тихоокеанская ориентация в большей степени нацеливает на сотрудничество с ведущими центрами силы современного мира. И политика на превращение России в *действительно* евро-тихоокеанскую страну (а второй такой страной являются только Соединенные Штаты Америки – другой евро-тихоокеанской страны нет) должна предполагать решение *триединой задачи*.

Первое – это развитие российского Дальнего Востока с использованием возможностей быстрорастущих соседних государств и с последующим задействованием возросшего потенциала дальневосточного региона для максимизации нашего влияния в АТР. *Второе* – это превращение России в крупную составляющую часть экономики АТР, то есть *России*, а не только российского Дальнего Востока. И *третье* – это увеличение роли страны как ключевого геополитического и геоэкономического игрока в АТР, важного участника региональных миграционных процессов и механизмов коллективной безопасности.

Сотрудничество в АТР – это действительно важнейшее направление и российской внешней политики, и развития российского Дальнего Востока. Это безусловный императив.

Важно обратить внимание на непреложный демографический фактор. Население всего российского Дальнего Востока восточнее озера Байкал – 7 млн человек. Население пограничных провинций Китая – 280 млн человек. Далее, население Северной Кореи – это 24 млн человек. Население Южной Кореи – это уже 50 млн человек. К примеру, население Филиппин, площадь которых равна площади Камчатки, составляет 95 млн человек и растет со скоростью 2–3 млн в год. Не говоря уже о 85 млн вьетнамцев, которые забыли русский язык.

Российский комитет Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ) в 2010 г. подготовил доклад об азиатско-тихоокеанской стратегии. Он уже опубликован. И мы его заканчиваем такой фразой: «Китайские политики в конце 1990-х гг. в неофициальном порядке выдвинули стратегию – опереться на Север, стабилизировать Запад, идти на Юг. И Россия могла бы сформулировать свое геополитическое поведение на ближайшее десятилетие такой формулой – опереться на Запад, стабилизировать Юг, идти на Восток». Запад – это источник высоких технологий и качественных инвестиций. Юг – источник основных угроз безопасности. А Восток – это растущий центр современного мира, рынки сбыта и возможности для интеграции и всестороннего сотрудничества.

НУЖНА ЛИ РОССИЯ В АТР?

М.Ю. ГАЛУЗИН (ТРЕТИЙ ДЕПАРТАМЕНТ АЗИИ МИД РФ): С точки зрения российских общерегиональных интересов – более глубокой интеграции России в АТР, прежде всего, в модернизационном и инновационном сегментах, как на это нас нацеливает руководство страны, 2010 г. оказался достаточно результативным. Тут можно говорить об укреплении позиций России в АТР, включая и политические, и экономические аспекты. Ни в коем случае нельзя ни успокаиваться, ни тем более *почивать на лаврах*, но кое-какие, пока скромные, заделы для дальнейшей работы есть.

И вот такому промежуточному, более или менее позитивному результату, способствовали как определенные целенаправленные усилия с нашей стороны, так и в целом более благоприятная (чем еще совсем недавно) обстановка в регионе с точки зрения интересов России.

На фоне достаточно высокой динамики посткризисного восстановления во многих странах Юго-Восточной Азии и Океании и на фоне активизации поисков в АТР оптимальных моделей обеспечения безопасности возрос *спрос на Россию*. В нас, при всех объективных сложностях нашего вхождения в АТР, все-таки видят достаточно перспективный (и инвестиционный, и товарный) рынок, а в каких-то сегментах – и многообещающего инвестора, и поставщика энергоносителей. Кроме того, очень многие страны рассматривают нас как достаточно весомый стабилизирующий фактор в непростой политико-военной ситуации в регионе. Дают о себе знать как глобальные вызовы (это и распространение ОМУ, и международный терроризм, и транснациональная преступность), так и известный набор застарелых и относительно новых сугубо региональных проблем и потенциально конфликтных ситуаций (от ядерной проблемы Корейского полуострова до территориальных разногласий в Южно-Китайском море).

Эта возросшая *востребованность* России в регионе материализуется в последнее время, прежде всего, в таких событиях, как вхождение России в механизм Восточно-азиатских саммитов, присоединение к диалогу в рамках форума Азия–Европа, в повышении нашего профиля в АТЭС, в возросшем стремлении стран АСЕАН к уплотнению разнообразной кооперации с нами, что проявилось на втором саммите Россия–АСЕАН. Причем во многих случаях это происходило именно благодаря активизации высокотехнологичных инновационных сегментов сотрудничества с этими государствами.

Произошло существенное укрепление стратегического партнерства с Вьетнамом. По итогам визита президента России в Ханой в октябре 2010 г. достигнут ряд крупных договоренностей, главная из которых – это сотрудничество в создании во Вьетнаме, с нашей технологической и финансовой помощью, атомно-энергетической отрасли.

На основе договоренностей, достигнутых в ноябре 2009 г. президентом России с руководством Сингапура, получили дальнейшее развитие отношения с этим крупным экономическим, научно-технологическим и финансовым центром региона. В сентябре начала работу двусторонняя комиссия высокого уровня, которую с нашей стороны возглавляет вице-премьер В.В. Володин. Подписано соглашение о взаимной защите инвестиций. И, что достаточно важно, на системной основе осуществляется взаимодействие с Сингапуром в целях имплементации на российской почве сингапурского, действительно передового, опыта в создании системы электронного правительства, что для нас чрезвычайно важно.

Заметно оживились отношения с Австралией и Новой Зеландией – с государствами, с которыми до последнего времени, отчасти по объективным причинам, отношения были не столь активные, как хотелось бы.

С Австралией установлен тесный, доверительный, конструктивный контакт с новой лейбористской администрацией в результате встречи президента с премьер-министром Австралии в Сеуле в ноябре 2010 г. Важным шагом стало завершение процесса ратификации и вступление в силу российско-австралийского соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии.

В отношениях с Новой Зеландией наряду с тем, что установлен действительно плотный контакт с новозеландским руководством, дан старт во многом уникальному для России проекту – запущен официальный диалог о заключении соглашения о свободной торговле между Таможенным союзом (Россия, Белоруссия, Казахстан) и Новой Зеландией. По оценке российских экспертов, этот проект сулит нам достаточно серьезные выгоды, поскольку экономика Новой Зеландии уже очень прочно встроена в такое системное экономическое взаимодействие в АТР.

Разумеется, с точки зрения масштабов отношений и их стратегического веса в зоне к востоку от Китая были и остаются связи и сотрудничество с Японией. К сожалению, эти отношения до сих пор отягощены негативным грузом прошлого, если говорить о территориальных претензиях Японии к России. И то, как негативно этот фактор может влиять на атмосферу отношений, со всей очевидностью проявилось совсем недавно в результате известной японской реакции на поездку Д.А. Медведева на остров Кунашир. Однако даже при подобных обострениях отношений и в целом при наличии в них нерешенной, столь сложной и чувствительной для обеих стран проблемы, как пограничная, – все-таки двусторонние связи имеют тенденцию к постепенному развитию, в том числе в экономической сфере. Именно такая направленность отношений была закреплена в результате встречи президента России с премьер-министром Японии Наото Каном в ноябре 2010 г. в Йокогаме на полях саммита АТЭС, когда лидеры договорились наращивать сотрудничество по таким направлениям, как торгово-экономическая кооперация, взаимодействие в АТР, более плотная координация на международной арене в целом. Такой формат отношений послужит базовой предпосылкой для создания благоприятной атмосферы в целях дальнейшего продолжения диалога по проблеме мирного договора. Продолжить такой диалог лидеры тоже согласились.

А.Н. ПАНОВ (ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РФ): *Японский сюжет* показывает, что мы в последнее время плохо работали с Японией или вообще не работали. Эти наши фестивали, *чебурашки* в Японии – это все хорошо, но они не дали того эффекта, которого мы хотели – чтобы к России стали относиться *по-другому*. Мы всегда относились к Японии так: «Ну, что там Япония? Плохого она такого ничего сделать не может, но и получить с нее какие-то деньги тоже особо не удастся. Поэтому ладно, пусть уже так живет, как есть». Но Япония нам важна, и не только как экономический или научно-

технологический партнер, но также как баланс для наших отношений с Китаем. Это совершенно очевидно. Что же в этой ситуации нужно делать?

С японцами надо разговаривать не только на самом верху. Проблема заключается в том, что мы практически не знаем японскую политическую элиту, особенно нынешнюю, с ней никто не работал. Вообще, что там за люди сейчас в правительстве и в партии и какая раскладка сил? С японскими СМИ, с учеными, за исключением тех, которые известны уже 30–40 лет, мы тоже практически не работаем. Нужно налаживать широкий диалог с японцами.

Вторая проблема – это нерешенный территориальный вопрос. Даже хорошо то, что произошло [обострение противоречий по поводу принадлежности южных Курильских островов – *ред.*], поскольку высветило наши острые расхождения с японцами. Но начинать какой-то разговор действительно нужно, возвращаясь к тому, о чем мы говорили в конце 1990-х или в начале 2000-х гг. Нужно пытаться втянуть их хотя бы в диалог об островах.

В общерегиональном контексте ситуация с Японией может иметь не вполне желательные последствия. Из региональных организаций, в участии в которых Россия могла бы быть заинтересована, остался Азиатский банк развития, но, с учетом наших отношений с Японией, вряд ли нам туда *светит* быстрое поступление. Важно помнить, что японцы до последнего стояли против нашего подключения и к АТЭС, и только после встречи в Красноярске в 1997 г. они сняли свое возражение.

Теперь – к вопросам более общим. Соглашусь с моими коллегами в том, что 2010 г. был очень успешным для нашей внешней политики с точки зрения укрепления позиций в регионе АТР. Мы, наконец, приняты в АСЕМ, в ВАС. На протяжении многих лет наша внешняя политика, опираясь на очень скудные дипломатические, политические и экономические ресурсы, тем не менее, добивалась того, чтобы Россия была признана в регионе как азиатско-тихоокеанская держава.

Проблема существует в том, что мы принимаем концепцию за концепцией, стратегию за стратегией, но мало что меняется в реальности. Мы сейчас создадим очередную концепцию, по которой все будет *правильно*. Сейчас уже никого не надо убеждать, что Россия *должна* идти на Восток, с этим все согласны, но вот как идти и что делать? С этим, к сожалению, намного сложнее. Как мы воспринимаем пресловутую *интеграцию* в регион АТР? Мы входим в регион, а к себе никого не пускаем. Вот наш подход к интеграции. И это, к сожалению, на Дальнем Востоке очень сильно ощущается. Попытки иностранцев осуществлять бизнес отторгаются. Но дело все в том, что наша экономическая модель вообще отвергает инновацию и модернизацию. Почему она должна быть другой на Дальнем Востоке? Пройдет саммит АТЭС, и все мы забудем этот саммит. Останется от него лишь мост на остров Русский (не очень-то нужный), ну, и прекрасный университет.

Занимаясь этой проблематикой уже на протяжении 20 лет и даже больше, я, к сожалению, не вижу, чтобы происходил коренной перелом российской политики на Дальнем Востоке в отношении развития этого региона. Надежда, конечно, умирает последней. Может быть, последняя концепция, которая создается, действительно изменит ситуацию. Хотя у меня лично никаких радужных представлений на этот счет нет.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА – КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

ПАНОВ: Очевидно, мы хотим очень активно заявить о себе во всех форумах, везде выдвинуть свои инициативы, везде *засветиться*. Но нужно ли нам вообще такую активность проявлять на всяких форумах? Может быть, сосредоточиться как раз на том, чтобы поддерживать те инициативы, с которыми выступают сами региональные державы, и не считать, что мы лучше всех знаем, что нужно в регионе делать? Хотя, конечно, есть ряд проблем, где мы могли бы и должны были бы выступить более активно.

Одна из таких проблем – это Корейский полуостров. Произошло обострение, но никто опять ничего не предлагает, кроме как вернуться к *шестерке*. Но что такое *шестерка* в принципе? Она не предотвратила ядерные испытания в Северной Корее, ни в чем не продвинулась, хотя, конечно, какие-то наработки там были. Она не дала того результата, на который рассчитывали, и кризис на Корейском полуострове – это ярчайшее свидетельство того, что *шестерка* не даст ничего, сколько бы мы ее ни пытались возродить, если вообще ее можно сейчас возродить. Конечно, бросить старый портфель трудно, все-таки был у него какой-то задел, но почему бы не попробовать осуществить переговорный процесс на каких-то новых началах?

Ядерная проблема – эта важная проблема для Китая, Японии, Кореи, США, но для Северной Кореи – это же не главная проблема, это карта, которую КНДР разыгрывает. И пока она не получит того, что она хочет получить, она будет ее вытаскивать и махать ею. Поэтому нужно сформулировать новую повестку дня *шестисторонки* или более широкого формата: как вернуться к тому, *на чем остановились в 1953 г.*? Нужно менять перемирие на мир и решать все вопросы, сопутствующие этой проблематике. Если бы мы смогли выступить совместно с Китаем, то Северная Корея согласилась бы, осознав привлекательность повестки дня.

А.В. ВОРОНЦОВ (ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН): 2012 г. – помимо прочего, важный год для Северной Кореи, они готовятся отмечать 100-летие со дня рождения Ким Ир Сена.

Возникли иллюзии, что в Северной Корее в ближайшем будущем возможна смена режима, что только надо поднажать. Вот эта идея, похоже, овладела умами тех, кто принимает решения в Сеуле, в последние месяцы еще больше, чем раньше. Это совпало с тезисом о том, что США активизировали усилия по сдерживанию Китая, в том числе путем выстраивания окружения, выдвигая военную инфраструктуру к границам Китая. И вот тут корейская проблема создает прекрасный повод и возможность для объяснения и проведения интенсификации военных маневров, которые там не прекращаются. То есть в Сеуле создалась иллюзия, что усиление активности с целью свержения режима в Пхеньяне не только возможно, но и необходимо. Этот фактор был использован Вашингтоном в целях усиления давления на Китай; была сделана попытка *оторвать* Северную Корею от Китая и показать Китаю, что цена поддержки Северной Кореи для него становится непомерно высокой.

Хотя северокорейский режим внутри вполне устойчив, все вышеперечисленные факторы могут привести к наихудшему сценарию. Мы надеемся, что до этого предела не дойдет, но, к сожалению, потенциал вероятности худшего сценария – возникновения крупного конфликта на Корейском полуострове нарастает, – что может нам осложнить и саммит АТЭС 2012 г., и в целом развитие нашего дальневосточного региона.

Необходимо обращать внимание на сохранение *статус-кво* на Корейском полуострове, а силовая смена режима в Северной Корее не в наших интересах. Чтобы решать этот вопрос, требуется активизация нашей традиционной линии – нужны не только призывы, но какие-то конкретные действия с тем, чтобы перевести эту конфликтную ситуацию в переговорно-дипломатическое русло.

Г. Д. ТОЛОРЯЯ (ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН): Что послужило причиной нынешнего обострения на Корейском полуострове? В 2008 г. консервативное правительство Южной Кореи перешло к политике нажима. Эта политика нажима и изоляции базировалась на убежденности консерваторов в том, что северокорейский режим исторически обречен, что у Ким Чен Ира начались проблемы со здоровьем, что проблема с *престолонаследием* не была решена в тот период. Обострялась ситуация вокруг ядерной проблемы, что позволяло применять к Северной Корее санкции и изоляцию. И тогда определенные силы в Южной Корее пришли к выводу о том, что падение или смена режима не за горами, и надо всерьез готовиться и к объединению или, во всяком случае, к каким-то практическим действиям в этой области.

Удивительно то, что южнокорейцы об этом говорили американцам. Как стало известно из *WikiLeaks*, помощник президента по национальной безопасности убеждал американцев в том, что китайцы согласны будут на объединение Кореи на южнокорейских условиях, что китайцы устали от Северной Кореи, что дело в том, чтобы сделать последнее усилие. Надо сказать, что это, в общем, полное непонимание реальной ситуации, полное отсутствие аналитических возможностей у южнокорейцев. 20 лет они ждут, когда режим развалится, а он все никак не развалится и вряд ли развалится в обозримом будущем.

Северная Корея была поставлена в такое положение, когда из достаточно скудного арсенала внешнеполитических ресурсов она была вынуждена прибегнуть к наиболее эффективному – политике нажима, политике военных угроз и провокации. Все это наложилось еще и на проблемы с передачей власти, для которой нужно было создание имиджа сильного и решительного руководства. Инцидент с *Чхонаном* в марте 2010 г. был использован для того, чтобы против Северной Кореи развернуть беспрецедентную кампанию по изоляции и нажиму с прицелом на капитуляцию режима. И Северная Корея просто была вынуждена использовать тот инструментарий, который она имеет в своих руках – это военная сила. Этим и объясняется инцидент на Ёнпхэндо, который произошел в ноябре 2010 г. Притом что суть этого инцидента – не противостояние Севера и Юга по идеологическим или глубоким военно-политическим причинам, а чисто территориальный спор, которых много в Азии, да и в других местах, и здесь у обеих сторон своя правда. Причем северокорейская позиция с точки зрения международного права более справедлива.

США явно попытались использовать этот инцидент в качестве повода для того, чтобы заставить Китай играть роль вестимого в обеспечении вопросов безопасности в Северной Кореи. Это прецедент, и необходимо следить за этим процессом и нашим экспертам, и практическим работникам, и в том числе использовать больше возможностей для того, чтобы чисто дипломатическими средствами, в том числе и через контакты в рамках международных организаций и в новых структурах, прогнозировать ситуацию и защищать наши интересы.

В 2010 г. стало очевидно, что списывать со счетов *жесткую силу* в вопросах безопасности и думать, что все можно решить путем экономического взаимодействия и путем использования *мягкой силы*, все-таки преждевременно. Обострение корейского конфликта, обострение японо-китайского территориального конфликта, ситуация вокруг южнокитайского и других пограничных конфликтов и уже ставшее явным намерение США сдерживать Китай, в том числе путем выстраивания по периметру определенной структуры союзнических отношений и военного присутствия, – все это указывает на то, что вопросы безопасности в Азии все-таки играют важную роль в региональных отношениях.

Если говорить о российском Дальнем Востоке, то нашим он является всего лет двести или триста, что по меркам существующих там государств с многотысячелетней историей – небольшой исторический эпизод. Этот фактор нельзя сбрасывать со счетов, и необходимо понимать, что отсюда могут исходить угрозы, в том числе и военные – здесь может возникнуть острый конфликт. Так, на том же Корейском полуострове в случае обострения ситуации, в случае проведения, скажем, США соответствующей нажимной линии, может возникнуть конфликт, который мы контролировать не будем, но последствия которого мы будем пожинать. В связи с этим встает вопрос о том, насколько эффективны многосторонние механизмы поддержания безопасности.

Необходимо проводить различия между *PR*-усилиями, между методами публичной дипломатии и теми реальными возможностями для решения проблем и каналами, которые не всегда действуют и видны открыто. Создание *сети* из множества организаций, которые так или иначе заставляют участвующих в них экспертов и официальных лиц встречаться и обсуждать наиболее серьезные вопросы, чрезвычайно важно. Первая встреча на уровне министров обороны, которая прошла в 2010 г., – это весьма важное событие, и нам необходимо не оставаться в стороне от этих процессов.

Россия в экономическом плане пока еще карлик и, в общем, в Азии не скоро займет ведущие позиции. Однако она имеет вес в политическом плане и сможет сыграть важную роль балансира, державы с довольно серьезным дипломатическим потенциалом. Россия востребована, при не слишком значительных ресурсах и не слишком больших вложениях. Мы должны быть участниками многих процессов и должны в них обозначать свою позицию.

РОЛЬ ЭКОНОМИКИ

БОРОДАВКИН: Важно отметить, что наши торгово-экономические отношения с азиатскими государствами уже превзошли докризисные показатели. За первые десять месяцев 2010 г. суммарный товарооборот России со странами АТР превысил 120 млрд долл., что на 35% выше показателя за аналогичный период 2009 г. Динамика торговых связей с отдельными партнерами выглядит особенно внушительно: ожидается, что по итогам 2010 г. объем торговли России с Китаем и Республикой Корея вырастет по сравнению с 2009 г. почти вдвое. В целом в 2010 г. наш товарооборот со странами АТР рос опережающими темпами по сравнению с другими регионами мира.

На Востоке у России начали формироваться модернизационные альянсы с целым рядом передовых в технологическом отношении государств. В качестве примера можно привести интерес к участию в проекте *Сколково*, проявленный Республикой Корея, Китаем, Японией, Индией и Сингапуром.

Во взаимодействии с соседями по АТР успешно осуществлялись масштабные двусторонние экономические проекты. Пошла нефть по первому российско-китайскому нефтепроводу Сковородино–Дацин. Динамично развивалось сотрудничество в области мирного атома с Китаем, Индией, Ираном, Вьетнамом, Монголией, Австралией, Японией и Бангладеш. Ширится взаимодействие в космической области с КНР, Индией, Японией, Республикой Корея, Индонезией. Заключены соглашения с Индией по совместному использованию потенциала российской глобальной навигационной спутниковой системы (ГЛОНАСС). Растут поставки российского сжиженного газа в Республику Корея и Японию с сахалинских месторождений. Новым свидетельством высокого уровня развития российско-китайского финансово-экономического сотрудничества стало начало торгов на ММВБ и Шанхайской фондовой бирже по паре рубль–юань, что позволило запустить переход в двусторонних внешнеторговых расчетах на национальные валюты.

Знаковым событием стал старт переговоров по заключению соглашения о создании зоны свободной торговли между государствами – членами Таможенного союза (Россия, Белоруссия, Казахстан) и Новой Зеландией. Этот *пилотный* проект призван придать импульс встраиванию России в процессы либерализации торговых и инвестиционных режимов в АТР с учетом перспективы вступления России в ВТО.

Ключевые моменты внешней политики России на азиатско-тихоокеанском направлении включают ее участие в механизме ВАС, участие в деятельности ШОС, работу в форуме АТЭС и подготовку к саммиту АТЭС 2012 г. во Владивостоке, взаимодействие с АСЕАН, отношения с Индией и Китаем в формате РИК, прием нашей страны в Форум Азия–Европа.

В.А. ПЕСТОВ (ГК РОСАТОМ): Вопреки негативным последствиям мирового экономического кризиса, все более актуальным во многих странах в последние годы становится вопрос использования ядерной энергетики, особенно в условиях *атомного ренессанса* в мире. Многие страны на современном этапе находятся в стадии оценки своих возможностей развития атомной энергетики. По данным МАГАТЭ, на сегодняшний день около 60 государств заявили о своем желании развивать национальную ядерную энергетику. В связи с этим *Росатом* одним из приоритетов на ближайшую долгосрочную перспективу видит развитие сотрудничества в области мирного использования атомной энергии с другими странами, в частности за счет строительства объектов атомной энергии, экспорта ядерных технологий и оказания услуг в данной сфере. Так, Российская Федерация

и *Росатом* в 2010 г. подписали более 20 межправительственных и межведомственных соглашений и меморандумов в области мирного использования атомной энергии.

Надо отметить, что наибольшую активность в вопросах развития мирной энергетики проявляют страны АТР, где имеются государства с уже развитым мощным энергетическим потенциалом – Южная Корея, Япония, Китай, Индия, а также относительно молодые в плане ядерной энергетики страны – Вьетнам и Бангладеш.

В октябре 2010 г., во время официального визита Д.А. Медведева во Вьетнам, было подписано межправительственное соглашение о строительстве во Вьетнаме первой атомной электростанции. Также ведутся активные переговоры о подписании межправительственного соглашения о строительстве станции в Народной Республике Бангладеш. В Индии и Китае атомные станции активно строятся, был подписан ряд межправительственных соглашений по этому поводу. Также проводятся работы и в организациях на региональной основе.

С 5 по 7 июля 2010 г. делегация экспертов *Росатома* приняла участие во втором региональном форуме стран АСЕАН с презентацией российских ядерных технологий и опыта строительства станций за рубежом. В рамках подготовки второго саммита Россия–АСЕАН 29–30 сентября 2010 г. в Ханое с участием ГК *Росатом* состоялся научно-технический семинар «Мирное использование атомной энергии в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Целью семинара явилась презентация российского потенциала возможного развития сотрудничества между Россией и странами АСЕАН в области мирного использования атомной энергии, внедрения инновационных и ядерных российских технологий, в том числе и по следующим направлениям: строительство атомных электростанций, ядерных исследовательских центров и других объектов атомной энергетики в России и за рубежом, научно-техническое обеспечение ядерно-топливного цикла, создание комиссий по нормативно-правовому регулированию в области использования атомной энергии с учетом рекомендаций и требований МАГАТЭ, подготовка национальных кадров для атомной отрасли и информация о возможностях коммерциализации и применения ядерных технологий в различных сферах народного хозяйства – это изотопная продукция, ядерная медицина, водоподготовка и прочие другие.

По итогам проведения мероприятий разрабатываются и реализуются предложения по мерам, нацеленным на расширение научно-технологического сотрудничества, обмена технологиями, стимулирование коммерциализации наиболее перспективных российских технологий в Юго-Восточной Азии, а также формирование эффективного механизма установления прямых связей в указанной сфере и развитие государственного и частного партнерства. Российская Федерация готова выходить на международные рынки с предложением высокотехнологичной конкурентоспособной продукции. В связи с этим, обладая большим международным опытом по реализации проектов атомной энергетики в разных странах мира, она продолжает наращивать свое участие в деятельности ведущих многосторонних объединений Азиатско-Тихоокеанского региона.

ГАЛУЗИН: 2010 г. дал немало неплохих, конкретных, пусть и небольших по масштабам, примеров успешной работы российских компаний в высокотехнологичных сегментах экономики стран Юго-Восточной Азии.

Одним из ведущих операторов мобильной связи в Юго-Восточной Азии становится российский *ВимпелКом*, который последовательно укрепляет свои позиции на рынках услуг мобильной связи и иных телекоммуникационных услуг. Есть хорошие заделы по поставкам в регион самолетов *Super-Jet (Сухой)* и целый ряд других проектов.

Те тенденции, которые все-таки преобладали в наших двусторонних отношениях с государствами Юго-Восточной Азии, предположительно, получат продолжение и в 2011 г. с прицелом на наше председательство на саммите АТЭС, подкрепляя, таким образом, нашу стратегию вхождения в АТР, в институты экономической интеграции и политического взаимодействия в этом районе мира.

Всем известно, как начали работать сахалинские проекты. В Южно-Сахалинске с японским участием создан крупнейший в Азии завод по сжижению природного газа. Конечно, это только начало. Перспективная задача – это сотрудничество в чрезвычайном реагировании в Азии. Здесь нам есть что предложить. Наконец, такой сегмент, как телекоммуникационный блок – здесь тоже есть определенные наработки, с Японией в том числе.

Несмотря на то, что нам есть с чем идти в регион, на сегодня мы сделали меньше, чем хотелось бы в плане конкретных, продуманных, проработанных стратегических проектов.

ПРОБЛЕМЫ И ПРОГНОЗЫ

ОРЛОВ: Существует ряд внутренних трудностей, которые усложняют выполнение российских внешнеполитических задач в регионе АТР.

Первая трудность очевидна и вряд ли вызывает какие-то сомнения. Речь идет о географическом факторе, об управлении и развитии региона, находящегося в 9 тыс. км от федерального центра.

Второе – это демографический фактор: 7 млн человек, проживающие в основном в крупных городах, расстояние между которыми – в среднем 400 км. Проблемы демографические наслаиваются на проблемы и вызовы миграционные (вопрос здесь также состоит в том, проблема это или возможный путь решения проблем).

Третье – при наличии повестки дня, которая Россией сформулирована в отношении региона, все-таки пока есть сомнения в наличии четкой стратегии развития российского Дальнего Востока.

И, наконец, *четвертое*: отсутствуют, за редким исключением, масштабные, привлекательные стратегические проекты, равно важные для региона, для федерального центра и для тихоокеанских соседей России. Тем более что сегодня хотелось бы сосредоточиться не столько на проблемах, хотя их интересно обсудить, сколько на возможностях для России. Такие возможности, безусловно, имеются, чтобы вписаться в XXI в. – азиатско-тихоокеанский век. И при этом вписаться не в качестве младшего партнера, а вписаться достойно.

НИКОНОВ: Чрезвычайно важное направление – это социально-экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока в рамках единого индустриально-промышленного комплекса России. Стратегия эта была утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации в декабре 2009 г. как стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.

Соседство с динамично растущим регионом, который является к тому же огромным рынком, открывает для России возможности модернизации экономики, наращивания экспортного потенциала, объемов получаемых инвестиций, создания совместных предприятий и локализации высокотехнологичного сегмента производства на самой территории Российской Федерации через встраивание ее в интеграционные цепочки в регионе и в мировой экономике. Это действительно исключительно важно.

Если мы посмотрим на инвестиции, то доля инвестиций из АТР в экономику Российской Федерации до начала кризиса в 2008 г. составляла только 5,8% от общего объема инвестиций в российскую экономику. Но кризис радикально изменил это положение. Если западные инвестиции в Россию перестали приходить и был спад, то за годы кризиса инвестиции в Россию из стран АТР увеличились в три раза. После кризиса доля АТР в общем объеме инвестиций составляет 21%. Это действительно огромный прирост. Ситуация меняется прямо на наших глазах.

И наше сотрудничество может идти по самым разным направлениям. В странах АТР наш традиционный экспорт – это сырье: топливно-энергетические ресурсы (нефть, нефтепродукты, уголь), металлы первичного передела, лес и морские биоресурсы. В ближайшее время потенциально могут войти в эту категорию электроэнергия и природный газ. Но пока мы не являемся каким-либо значимым фактором в региональных энергетических и сырьевых балансах. Нас там практически незаметно. Если мы посмотрим долю российского экспорта в потребностях региона, то по нефти наш экспорт – это 1,7%, по газу – 0,002% и по каменному углю – 0,8% от потребностей региона в сырьевых ресурсах. Это наши серьезнейшие позиции.

Уделяя большое внимание вопросам укрепления наших позиций по традиционным сырьевым направлениям, нам важно выпускать, продвигать на рынки АТР новые, высокотехнологичные товары, услуги, осуществлять совместные проекты в сфере инновационных, передовых и индустриальных технологий.

Уже упоминались вопросы, связанные с проектами в области атомной энергетики и ядерного топливного цикла. Здесь можно действительно назвать Вьетнам. Но одновременно состоялся и японский прорыв на рынок электростанций Вьетнама. Если мы получили контракт на 5,5 млрд долл., то японцы получили более чем на 14 млрд долл. При этом японцы свои атомные контракты подкрепляют кредитными линиями, а Россия пока еще не подтвердила возможность предоставления соответствующего кредита. И на это, именно на наш первый опыт в Юго-Восточной Азии, внимательно смотрят и в соседних странах, где *Росатом* собирается осуществлять свои проекты – в Индонезии, Таиланде, Малайзии и Филиппинах.

Довольно перспективно сотрудничество со странами региона в космической области по созданию собственных пусковых площадок в Южной Корее, ракетносителей и ракетных двигателей (Япония и Южная Корея) и оказанию услуг по коммерческим запускам в космос (это Япония, Южная Корея, Индия, Малайзия, Индонезия).

Важное значение имеют программа локализации высокотехнологичного сегмента производственной деятельности компаний региона на территории Российской Федерации и стимулирование импорта в Россию технологий и высокотехнологичного оборудования. Мы уже имеем большой опыт в этой области с точки зрения автомобильного производства – практически все крупнейшие азиатские производители так или иначе представлены на нашем рынке. Но в качестве *пилотных* сейчас предлагаются такие направления экономической деятельности, как фармацевтика, медицинская техника, электроника, станкостроение, транспортное машиностроение.

Есть проекты модернизации российских верфей для производства крупных судов, в том числе судов-газовозов, модернизации предприятий российского химического комплекса с привлечением компаний из Японии, Южной Кореи и ряда других стран. Имеются планы более полного использования транзитного потенциала Российской Федерации, прежде всего Транссиба, а также возможности налаживания зернового экспорта в АТР через российские дальневосточные порты. Сейчас у нас нет зерновых перевалочных портов на Дальнем Востоке, в то время как на экономики стран – членов АТЭС приходится 38% мирового импорта зерна.

Очень важно правильное позиционирование России в довольно сложной геополитической системе региона и более активное участие в интеграционных процессах АТР.

Отношение к России в регионе очень неоднозначное. С одной стороны, мы по-прежнему воспринимаемся как политическая сверхдержава с большими возможностями влияния на политические процессы, как возможный противовес другим политическим (и не только политическим) сверхдержавам в регионе. Но в то же время Россия воспринимается в регионе как экономический карлик. Кроме того, к России очень настороженное отношение, в том числе и в цивилизационном плане. То есть восприятие России именно как азиатско-тихоокеанской страны – это то, что еще должно прийти. Даже пробное выдвижение нашей инициативы о проведении заседания АТССБ в Москве вызвало просто

панический ужас в руководящих кругах АТССБ, которые, в общем-то, не хотят выпускать любые встречи организации за пределы стран АСЕАН. То есть стремление АСЕАН сидеть в *водительском кресле* ощущается очень и очень сильно.

Но в то же время Россия достаточно плотно интегрирована во все крупнейшие региональные объединения – это и АТЭС, это и АРФ, это и Совещание по мерам взаимодействия и мерам доверия в Азии, и РИК, и БРИК, и ШОС, и многое другое.

На мой взгляд, именно в 2010 г. завершился важный этап. Мы приближаемся или уже пришли к некоему *промежуточному финишу* в соревновании различных интеграционных проектов и проектов выстраивания архитектуры безопасности АТР, которые состоялись на протяжении многих лет. Расширенный формат восточноазиатских саммитов, который также можно интерпретировать как формат АСЕАН+8, все больше и больше выдвигается на первый план, и, судя по всему, именно он станет основным в выстраивании архитектуры АТР XXI в.

Эта схема устраивает далеко не всех в регионе. Очевидно, что в тех же руководящих кругах АРФ, например, растет очень сильное сопротивление – они видят большое соперничество, в том числе и в сфере безопасности. Если до этого АРФ считал себя главной организацией безопасности в АТР, то сейчас, судя по всему, на эту роль будет претендовать встреча министров обороны, первая из которых прошла в Ханое в формате АСЕАН+8, или расширенный Восточноазиатский саммит.

А.В. ЛУКИН (ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ШОС МГИМО (У) МИД РФ): Говоря о присутствии России в АТР, важно отметить ряд трудностей, тем более что ситуация не очень радужная. Внешняя политика не может быть активной и продуктивной, если она не подкреплена реальными внутренними достижениями, *внутренней мощью* страны.

Первая проблема в связи с этим – это проблема развития и реформирования. У нас модно говорить о Горчакове. Но вопрос в том, что в то время проводились важнейшие реформы во всех областях, которые привели к реальному экономическому росту, к перестройке армии и росту ее военного могущества. Имеем ли мы такие реформы сейчас? Конечно, какие-то реформы сейчас проводятся, но будут ли результаты такими блестящими, как в XIX в., пока судить рано.

Вторая проблема связана с конкретными региональными *проектами*. Действительно, какие-то проекты на Дальнем Востоке России реализуются. По сравнению с прошлым положение улучшилось – есть сахалинский проект. Во Владивостоке действительно что-то строится, как на о. Русский, так и в самом городе. Впервые за десятилетия там вообще что-то строится. Но все нивелируется демографической ситуацией – население бежит с Дальнего Востока и из Сибири: оно уменьшилось на 2–3 млн по сравнению с советским периодом.

Плохой инвестиционный климат, как в целом в России, так и на Дальнем Востоке в особенности, вносит свои коррективы в развитие проектов. Что говорить, если премьер-министру нужно два раза слетать на место, чтобы там началось строительство моста. На такой основе нельзя строить серьезное развитие. В США или в Китае никто не ездит и не говорит: «Стройте мост, а то хуже будет».

Для того чтобы усилить присутствие России в АТР, необходимо решить эти две проблемы, тем самым усилив *внутреннюю мощь*.

Какие у России уже есть факторы мощи? Единственным довольно сильным фактором остается военный фактор, но его значение в последнее время меняется. Можно осторожно использовать этот ресурс, но только с учетом растущего политического влияния некоторых других стран. При этом экономическая составляющая смотрится очень слабо.

Россия пока не воспринимается как часть региона на глубоком, в том числе экспертном, уровне. В МИДах стран изучение России ведется в отделах Европы или Восточной Европы и Центральной Азии. В Китайской академии общественных наук есть Институт АТР, там нет ни одного специалиста по России – они вообще Россией не занимаются. Зато там есть отдельные институты России и Центральной Азии, где много людей занимается Россией. То есть Россия воспринимается как европейская и лишь частично центрально-азиатская страна.

Ключевую роль здесь играет слабое экономическое присутствие России в регионе. Несмотря на то, что в последнее время наша торговля с рядом стран региона растет, торговый оборот России с Китаем раз в семь меньше, чем торговый оборот США с Китаем, в несколько раз меньше, чем торговый оборот Японии или Южной Кореи с Китаем.

Теперь о культурной составляющей, или в целом о том, что называется *мягкой силой*, которая *может* стать весомым дополнением к экономическому присутствию нашей страны в регионе АТР. Что Россия может предложить этому региону в качестве образца? Список здесь очень небольшой. Есть у нас традиционная американская модель, которая, кстати, теряет сейчас свою популярность. Это демократия, рыночная экономика и т.д. В последнее время популярность приобретает китайская модель, так называемый *пекинский консенсус* – грубо говоря, китайская модель экономического развития. А что Россия может предложить? Суверенную демократию, модернизацию, которая у нас только едва начинается (говоря интеллигентно), инновации? Можно было бы гораздо лучше работать с нашим культурным потенциалом, особенно культурными традициями.

Таким образом, нашей стране необходимо действовать по следующим направлениям. Первое – работа с существующими организациями, способствование и, по возможности, стимулирование экономического присутствия России в регионе. Нужно развивать двустороннее сотрудничество, способствовать росту товарооборота, улучшению торгового баланса. Второе – необходимо стараться планомерно обеспечивать участие России в международных организациях и региональных процессах. При этом я считаю, что сейчас не время для глобальных проектов, потому что нужно просто работать и создавать условия для того, чтобы внутреннее развитие и российское присутствие в регионе, которое последует за этим внутренним развитием, планомерно росло.

ВОРОНЦОВ: Российский Дальний Восток является первопричиной и первоосновой нашего появления в АТР в качестве достойного партнера. Мы говорим о необходимости проводить политику интеграционную, представляя наш Дальний Восток составной частью нашей экономики и так далее, но в самом регионе сложилось другое ощущение, и оно широко распространено среди местного населения. В крайних формах оно звучит примерно так: Москва – центр – проводит в отношении этого региона колониальную политику. Там есть ощущение, что центр проводит политику эксплуатации региона, эксплуатации природных ресурсов этого региона, все дивиденды уходят в Москву, а им ничего не остается, кроме загрязнения среды.

Вернемся к нашим реалиям, в частности к строительству во Владивостоке к саммиту АТЭС *сооружений*. Владивосток в результате этого строительства получит не только два моста, но еще и создание очистных канализационных систем (до сих пор все в океан сбрасывалось). Одна из проблем заключается в том, что населения не хватает, надо это менять, надо сюда миграционные потоки направлять. Лейтмотив такой – вы создайте для тех немногих, что здесь живут, нормальные условия проживания, а уж потом будем говорить о расширении населения.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ФАКТОР В РЕГИОНЕ: США И КИТАЙ

А.Г. ОГАНЕСЯН (МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ): Европа в последнее время, взирая на азиатский азимут, имея в виду Китай, все больше ощущает свою некоторую ущербность. Американцы тоже говорят о том, что Европа, даже объединенная, – никакая не сверхдержава. Как относиться к этому треугольнику, который некоторые сегодня от-

стаивают как будущие основные силы, которые могут играть роль глобальную, не только в Азии? Речь идет о *Chinerica* не в плане союза, который в основном экспертное сообщество считает невозможным на данном этапе, а о *Chinerica* как факторе влияния, как плите, которая давит на все глобальные процессы.

Некоторые полагают, что объединенной Европе абсолютно необходима Россия, чтобы в этом вот треугольнике занять достойное место. То есть Европе необходимо как можно теснее сблизиться с Россией в части экономической, но, может быть, и стратегической.

НИКОНОВ: Отношения между Китаем и Соединенными Штатами – это ось мирового развития в XXI в. И сомнений в этом нет никаких. *Chinerica* в том виде, в каком о ней говорили (*большая двойка*), абсолютно невозможна, потому что изначально Соединенные Штаты рассчитывали, что Китай поведется на эту игру и согласится на роль младшего партнера Соединенных Штатов. У Соединенных Штатов, как известно, *немладших* партнеров не бывает по определению.

Однако китайцы увидели именно это, а также возможности для США влиять на внутренние китайские процессы, поэтому идея *большой двойки* никогда не материализуется. Напротив, Соединенные Штаты сейчас начали активно создавать коалицию по сдерживанию Китая. Главный ограничитель китайского подъема и китайского роста – это внешняя реакция на китайский подъем и рост. А именно на то, что это не нравится практически никому из других крупных мировых держав. Если мы посмотрим географию последнего визита Барака Обамы в страны Азии, она демонстрирует те точки, которые США хотели бы подключить к процессу формирования альянса по сдерживанию Китая, включая Индонезию (тоже крупнейшее государство Юго-Восточной Азии). Безусловно, большая ставка в этом процессе делается на Индию.

Китай превращается во вторую сверхдержаву современного мира, для которого *стратегически* отношения с Россией очень важны, поскольку создают ему единственный доступный для него стратегический тыл и стратегическую глубину. Все остальное ему приходится так или иначе отвоевывать или защищать. Поэтому наши отношения с Китаем важны для самого Китая в первую очередь. Мы, в свою очередь, в таком соседстве *обречены* на то, чтобы иметь очень хорошие дружеские отношения с Китаем.

В.В. СУМСКИЙ (ЦЕНТР АСЕАН В МГИМО (У) МИД РФ): Азия насквозь глобализована. И, если мы хотим там что бы то ни было делать, отказаться от *глобального видения* себя и региона, от построения каких-то глобальных планов – это значит обречь на поражение любые усилия, которые мы будем предпринимать.

Первостепенной становится проблема выработки политики, которая была бы одновременно реалистична и глобальна. Второй момент – это тема угроз, их наличия или отсутствия, и если наличия, то их природа и их степени. Ну и третья тема – это необходимость правильного геополитического позиционирования России в Азии.

Стержнем восточноазиатской геополитики становится соперничество между Китаем и США. В этот регион смещается центр мирового экономического развития, и одновременно там накапливается конфликтный, проблемный потенциал. Эти две вещи внутренне взаимосвязаны. Чем больше обещает миру в плане экономического развития Восточная Азия, тем больше туда устремляется самых разнородных интересов и тем больше не только вероятность их взаимного примирения и какой-то гармонизации, но и конфликтов. И с этой точки зрения тот факт, что по мере подъема Азии выявляется именно проблемный конфликтный потенциал, абсолютно закономерен.

Важно понять и то, что соперничество США и КНР носит не региональный характер. Это глобальный характер, причем не за региональную гегемонию, а как минимум *одновременно* и за региональную, и за глобальную гегемонию. Такие споры, когда они, например, случались в Европе, никогда ничем хорошим не кончались. И с этой точки зрения я бы не стал утверждать, что угрозы, которые *копятыся* в этом регионе, носят такой уж не-

очевидный характер. Да, напрямую никто никому не угрожает, с этим можно согласиться, но вот со всем остальным я бы поспорил.

Как в этой ситуации России правильно себя позиционировать геополитически?

Россия ни в коем случае не должна вставать целиком на сторону одного из двух основных главных игроков: поддерживать дружеские отношения с Китаем как со своим ближайшим великим соседом либо принимать США как все еще ведущую державу современности. Встав на сторону любого из них, она даст резкий толчок поляризации сил в этом регионе, а также процессам, которые могут подорвать тот самый экономический динамизм, ради которого мы хотим быть в Азии. Встав на сторону любого из этих игроков, она наживет себе моментально такого врага, который в данный момент времени, безусловно, сильнее ее, и она будет рисковать стягиванием в конфликт, который нанесет ей непоправимый и неприемлемый ущерб.

Что такое логическая альтернатива присоединению?

Наверное, *неприсоединение*. России в XXI в. надо занять в мировой конфигурации то место, которое занимало в ней в веке XX движение неприсоединения. В морально-политическом плане это исключительно выгодная позиция, как показал нам и опыт XX в. Эта позиция избавляет нас от участия в той борьбе и той схватке, в которой мы выиграть не можем ничего, потому что реально не являемся претендентами на мировую гегемонию. Эта стратегическая позиция очень выгодна с точки зрения развития нашего сотрудничества с подавляющим большинством стран Восточной Азии. В первую очередь, указал бы на АСЕАН как на группировку, которая наиболее последовательным образом пытается проводить вот эту линию на поддержание регионального баланса и недопущение каких-то сдвигов в региональном равновесии, которые носили бы уже необратимый характер.

ОРЛОВ: Таким образом, России важно решать как внешнеполитические, так и внутренние, социально-экономические задачи на нашем Дальнем Востоке.

Накануне саммита АТЭС Россия должна решить несколько блоков задач в своих отношениях с партнерами по региону. Это высокотехнологичное сотрудничество в атомной энергетике (международные проекты, в том числе и на площадке Международного центра по обогащению урана в Ангарске), нанотехнологии, сотрудничество в области космоса и сотрудничество в области информационных технологий. В последнем случае у российских компаний, например, у такой компании, как *DST*, известной нам как *Mail.ru*, есть очень жестко сформулированные амбициозные планы взаимодействия с государствами АТР, прежде всего с Японией, Республикой Корея, Соединенными Штатами. И это, наверное, пока еще и недоиспользованный ресурс сотрудничества.

Что касается области безопасности, то присутствует как традиционная, так и новая повестка дня: предотвращение распространения оружия массового уничтожения, ракетных технологий и технологий двойного назначения (здесь, конечно, имеем в виду КНДР), противодействие терроризму и особенно финансированию терроризма, в том числе и на стыке проблем нераспространения. На этом направлении уже сейчас ведется серьезная работа.

Говоря о важности сопряжения социально-экономического развития российского Дальнего Востока и реализации российских внешнеполитических задач в регионе, нельзя не обратить внимания на, возможно, неслучайное совпадение: сегодня [6 декабря 2010 г. – *ред.*] председатель правительства Российской Федерации находится в Хабаровске, проводит там межрегиональное совещание *Единой России* и обращается к проблемам Дальнего Востока. Как он заметил, применительно к дальневосточным проблемам: «Что является ключевым? Прежде всего, развитие инфраструктуры и энергетики, создание новых рабочих мест и, может быть, не так, как в других местах, а более интенсивное развитие инновационной деятельности, связанной с тем, что наш Дальний Восток должен быть естественной частью АТР». Конечно, в Москве социально-экономический

рывок региона ощущается сегодня уже как насущная, неотложная задача. Однако не получится реально интегрировать российский Дальний Восток в мировую экономику без привлекательных масштабных проектов.

Всегда есть вопрос *сверхзадачи*. Собственно, зачем все это надо? Мне показалось любопытным, как эту *сверхзадачу* сформулировала молодой эксперт с Дальнего Востока Мария Теплоухова, которая в журнале *Индекс Безопасности* опубликовала ранее статью⁴. Она предлагает такую формулировку: «В качестве одного из наиболее рациональных и перспективных путей стоит признать *интеграционный путь*, предполагающий равное внимание как к региональной экономике для российского Дальнего Востока, так и к политике, образовательным программам, к проектам в области безопасности. Этот путь исключает выстроенную за последние два десятилетия систему взаимоотношений регионов нашей страны, при которой приграничные территории выступали бы только в качестве источника природных ресурсов».

Можно говорить о стратегии интеграции или о стратегии неприсоединения – но ключевым является факт наличия видения и понимания нами *сверхзадачи* по отношению к региону АТР.

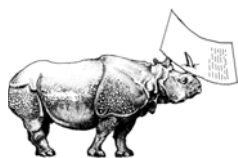
Примечания

¹ Круглый стол состоялся 6 декабря 2010 г.

² Выступление основано на материалах приветственного слова.

³ Все должности указаны на момент проведения круглого стола.

⁴ Теплоухова М. Владивосток 2012: АТР–Россия и о чем говорить на саммите. *Индекс Безопасности*. 2010. № 1 (92). С. 87–104.

Александр Никитин

УЧАСТИЕ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ МИРОТВОРЧЕСТВЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

«Россия намерена и в дальнейшем увеличивать наш практический вклад в миротворческую и миростроительную деятельность ООН», – заявил министр иностранных дел России С.В. Лавров в сентябре 2010 г., объявив об увеличении взноса России в Фонд ООН по миротворчеству до 2 млн долл. ежегодно. Однако российское миротворчество должно претерпеть определенное реформирование.

Система коллективных операций государств в конфликтных регионах начала складываться в конце 40-х гг. XX в. вскоре после создания ООН, развивается около 60 лет и охватывает более шести десятков разнотипных операций¹. В 2010 г. продолжают 20 операций ООН на четырех континентах, в которых принимает участие около 110 000 человек². Поскольку ООН не имеет собственных вооруженных сил, в операциях ООН за все время их проведения использовались временно направленные странами военные контингенты из 118 государств.

При этом, наряду с операциями собственно ООН, постепенно сложилась *практика вмешательства (в том числе силового) в конфликты со стороны региональных организаций*. Такие операции проводили Африканский Союз (и другие африканские субрегиональные организации, в частности, Организация экономического сотрудничества западноафриканских государств – ECOWAS, Южноафриканское сообщество развития – SADC), Организация американских государств (ОАГ), а в Европе – Европейский Союз, НАТО и СНГ.

Одной из тенденций последних двух десятилетий стало образование *коалиций государств*, которые от имени международных организаций (или по собственному коллективному решению) реализовали международный мандат на вмешательство (например, коалиции при лидерстве США в операциях в Ираке и Афганистане, коалиция во главе с Австралией при операции ООН в Восточном Тиморе и другие). Ряд государств, в частности США, создали свои собственные доктринальные документы по миротворческим операциям³. И США, и, в отдельных случаях, Россия, и другие государства стали применять понятие *миротворчество* для описания некоторых государственных или межгосударственных действий в конфликтных регионах, даже если эти действия не подкреплены мандатом ООН или региональной международной организации.

Россия, например, квалифицировала как *миротворческие операции* применение вооруженных сил в качестве *третьей силы* в отношении конфликтов на территории другого государства на основании межгосударственного соглашения в отсутствие мандатов ООН, ОБСЕ или СНГ (операции на основе подписанных президентами межгосударственных соглашений 1992 г. в Приднестровье и Южной Осетии).

В результате, если международное миротворчество в *узком смысле* слова по-прежнему трактуется как система операций ООН в конфликтных регионах, осуществляемых

И
И
Р
А
Т
Е
М
К
О

от имени мирового сообщества на основе принципов Устава ООН, то в *широком смысле* под международным миротворчеством в последние два десятилетия стали понимать все формы международного коллективного вмешательства (со стороны государств, коалиций, международных глобальных и региональных организаций) в конфликты с целью их урегулирования и (или) разрешения.

В отличие от *классических* межгосударственных войн и конфликтов, все большее количество современных конфликтов носит немеждународный характер, происходит внутри государств или включает негосударственных акторов; таким образом, *миротворческие операции все теснее переплелись с вмешательством мирового сообщества (или его членов) во внутренние дела государств*. Остро встал вопрос о легитимности или нелегитимности разных типов и форм вмешательства.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМНОГО ПРИЗНАНИЯ И ЛЕГИТИМИЗАЦИИ МИРОТВОРЧЕСТВА РОССИИ И ЗАПАДНЫХ СТРАН

Принципы и практика использования международными организациями военной силы в конфликтах за последние два десятилетия изменились до неузнаваемости. Обозначились заметные противоречия в подходах России и других стран, прежде всего, США, к целям, характеру и легитимности вмешательства в конфликты на чужой территории, в том числе в конфликты на территории новых независимых государств.

Вместо единой практики миротворчества ООН по мандатам Совета Безопасности, в котором в равной мере и совместно участвовали бы страны Востока и Запада, к настоящему времени сложились несколько все дальше расходящихся друг с другом моделей международного вмешательства в конфликты.

Первая – это *продолжение классического миротворчества ООН по мандатам (политическим решениям) Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи ООН* – где есть свои неудачи (Руанда, Сомали) и свои общепризнанные успехи (например, Восточный Тимор, который после миротворческой операции вступил 191-м государством-членом в ООН).

Вторая – *вмешательство в конфликты со стороны региональных организаций и коалиций стран по мандатам таких региональных организаций в отсутствие мандата ООН*. Введение войск международной коалиции в Ирак в 2003 г. в отсутствие мандата ООН – не единственный и не первый случай: за десятилетие не менее 10 раз происходили военные вмешательства великих держав и региональных организаций в конфликты без мандата ООН. Действия без мандатов ООН осуществляли и НАТО, и США, и Россия, и СНГ.

Причем, по инерции холодной войны, военное вмешательство в ряд конфликтов со стороны США, НАТО и стран Запада, с одной стороны, и вмешательство в иные конфликты со стороны России и СНГ, с другой стороны, все дальше расходятся друг с другом и взаимно не признаются *настоящим миротворчеством*.

Запад не признает легитимным миротворчеством, особенно после введения российских войск в Грузию в августе 2008 г., предшествующие действия по мандатам СНГ в Таджикистане и Абхазии, а также действия России по двусторонним соглашениям в Молдове и Южной Осетии.

Россия не признает правомерными действия Запада, и особенно НАТО, в отношении Союзной Республики Югославия в 1999 г. и действия США и Великобритании с союзниками против Ирака без мандата ООН в 2003 г. (до получения мандата СБ ООН).

Апогея взаимная критика военного вмешательства в конфликты достигала в 1999 г., когда на Стамбульском саммите ЕС Запад жестко критиковал Россию за Чечню, а Россия в ответ грозила выходом из ОБСЕ и Договора ДОВСЕ (следы этого кризиса до сих пор видны в тексте Внешнеполитической доктрины России, где дана жесткая оценка ОБСЕ). В том же году Россия жестко критиковала Запад и НАТО за бомбардировки Белграда без мандата ООН в течение 11 недель (потом мандат был согласован, и военное вмешательство в Косово стало совместным – натовско-российским).

Новый всплеск критики Россией западных действий вне мандата ООН наступил в связи с введением коалиционных сил во главе с США в Ирак до получения мандата ООН в 2003 г. Но вскоре президент Джордж Буш, выигравший военную кампанию, *простил* президента В.В. Путина (и публично заявил об этом на саммите в Петербурге) за *особую линию*. Путин в той же серии совместных интервью *простил* начальные действия без мандата ООН, поскольку мандат СБ ООН на последующие действия в Ираке был согласован.

В 2008 г. Запад *вернул* России аргументацию относительно неприменимости понятия *миротворчество* к военной операции, проводимой на территории другого государства без мандата ООН и согласия обеих конфликтующих сторон, развернув критику действий России по временному введению континентов в Южную Осетию и Абхазию.

Россия поначалу использовала терминологию *принуждения Грузии к миру* (что неправомерно, так как, в соответствии с 53-й статьей Устава ООН, все операции по силовому принуждению к миру могут проводиться лишь на основе резолюций СБ ООН), а затем стала трактовать *пятидневную войну* как действия на основе 51-й статьи Устава ООН (право на самооборону). Между тем, массированное применение силы грузинской стороной против гражданских объектов (артобстрелы и бомбардировки), приведшее к значительным жертвам со стороны мирного населения, вывело борьбу за сохранение территориальной целостности грузинского государства в другую плоскость, перевело ее в другую категорию, а именно в категорию гуманитарной катастрофы, которую международное сообщество, любые третьи силы обязаны были предотвратить. В силу этого квалификация операции России как *операции по гуманитарному вмешательству* (вмешательству с целью предотвращения гуманитарной катастрофы) представляется более адекватной случившемуся.

В практике международного вмешательства в конфликты уже не раз бывали случаи, когда операция по гуманитарному вмешательству начинается одной из сторон или коалицией раньше, чем поспевает коллегиальное решение, мандат, со стороны международного сообщества. Собственно, именно так было с началом операции НАТО по принуждению Слободана Милошевича к изменению политики в Косово в 1999 г., которая только через три месяца после начала получила международный мандат в форме резолюции СБ ООН. Так же было и с операцией международной коалиции, вошедшей в Ирак в 2003 г., когда резолюция СБ ООН, легитимизировавшая операцию, подоспела только после взятия Багдада. В первом случае Россия, Китай, Индия и ряд других стран, во втором случае Россия, Франция, Германия и ряд других стран активно возражали против использования силы без авторизации со стороны СБ ООН. Однако после нескольких месяцев согласований и дипломатических баталий операции все-таки получали оправдание со стороны мирового сообщества и сохраняли свой статус *операций мирового сообщества* или *операций с ведома и с поддержкой ООН*.

Есть и менее интернационализированные прецеденты специальных операций на территории соседних государства без международного мандата – достаточно упомянуть израильскую операцию в Ливане в 2007 г., которая самим Израилем, а вслед за ним и США квалифицировалась как *антитеррористическая*, а также прецедент турецкой операции в отношении курдов на севере Ирака. Уже в феврале 2008 г., когда была провозглашена независимость Косово, Россия предупреждала, что может применить аналогичную логику *особого случая* к образованию новых независимых государств на Кавказе, и применила ее после 2008 г.

Кризис вокруг Южной Осетии и Абхазии вновь показал, что поле миротворчества, как и более традиционное поле межэтнических и территориальных конфликтов, остается полем проекции и столкновения интересов великих держав.

УЧАСТИЕ РОССИИ В СОВМЕСТНЫХ ОПЕРАЦИЯХ

ООН и Европейский Союз. На начало 2010 г. Россия обеспечивала участие в операциях ООН по всему миру 366 российских военных (55 в составе полицейских сил, 77 воен-

ных наблюдателей, 239 в составе непосредственно военных контингентов). Российские миротворцы участвуют в следующих операциях:

- ❑ Западная Сахара (в ооновской терминологии – операция MINURSO),
- ❑ Центральноафриканская Республика и Чад (MINURCAT),
- ❑ Гаити (MINUSTAH),
- ❑ Кот д'Ивуар (UNOCI),
- ❑ Демократическая Республика Конго (MONUC),
- ❑ Косово (UNMIK),
- ❑ Либерия (UNMIL),
- ❑ Судан (UNMIS),
- ❑ Восточный Тимор (UNMIT).

Несмотря на относительно широкую географию присутствия, следует признать, что масштабы российского участия в миротворчестве ООН заметно ниже, чем могли бы быть у великой державы, претендующей на глобальную роль. Россия по размеру предоставляемых ООН контингентов (от 300 до 400 человек) занимает сейчас среди других стран только 31-е место, в то время как Европейский Союз в последние годы направляет ежегодно порядка 8000 человек в миротворческие миссии.

Что касается взаимодействия ЕС и России, пока что развитие консультаций между ЕС и Россией по наиболее актуальным проблемам международных отношений так и не привело к видимому прогрессу практического взаимодействия сторон в сфере европейской и международной безопасности. Долгое время фактически единственным конкретным результатом сотрудничества оставалось участие нескольких российских офицеров в полицейской миссии ЕС в Боснии и Герцеговине. Это почти символическое участие не предполагало ни политического, ни оперативного влияния в рамках операции. Россия по приглашению ЕС приняла участие в командно-штабных учениях Евросоюза, однако всего лишь в качестве наблюдателя, а не партнера.

Россия также еще в апреле 2006 г. направила вертолетную группу в помощь миссии Евросоюза и ООН в районе Дарфура (Судан). Группа из 120 российских военных специалистов и четырех вертолетов *Ми-8* предоставляет воздушный транспорт военным наблюдателям ООН и ЕС, а также выполняет спасательные операции.

НАТО. Россия и НАТО за два десятилетия накопили определенный, хотя и не слишком широкий, опыт практического взаимодействия в сфере миротворчества. В 1990-х гг. он включал участие России в двух операциях, проводимых по мандатам ООН при лидерстве НАТО сначала в Боснии, а затем в Союзной Республике Югославия (Косово). В 2000-х гг. Рабочей группой при Совете Россия–НАТО была разработана в общих чертах доктрина совместных миротворческих операций, а также осуществлялось взаимодействие по проведению операций в Афганистане (Россия ограничивалась содействием со своей территории и с территории Центральной Азии) и обеспечению с участием России северного транзитного коридора (через территорию России и стран Центральной Азии в Афганистан).

Что касается российско-западного взаимодействия по Афганистану, то формально это взаимодействие не относится к разряду миротворческих операций, хотя предоставленная в свое время Россией помощь афганскому Северному альянсу, а затем и задействование транспортных коридоров (включая последние решения, достигнутые в ходе визита Генерального секретаря НАТО в Москву в 2010 г., по активизации наземного транзитного коридора, подготовке в учебном центре МВД России афганских полицейских и участию России в ремонте вертолетного парка, задействованного в Афганистане) объективно способствуют решению задач, поставленных перед международной коалицией мандатом ООН для международной операции по Афганистану.

Совместный механизм мониторинга конфликтов при самостоятельных последующих действиях различных международных организаций. Ключевой задачей обеспечения европейской безопасности на современном этапе является не столько поддержание баланса ядерных или обычных сил, сколько именно *формирование механизма совместного урегулирования конфликтов евроатлантическим сообществом*. Поскольку структуры безопасности, существующие на евроатлантическом пространстве, довольно неоднородны, Россия могла бы предложить начать универсализацию существующих структур безопасности, прежде всего, с создания универсального механизма *совместного* (а не *конкурентного*) мониторинга в зонах региональных конфликтов на основе общего мандата со стороны ООН.

В частности, от шести основных организаций в сфере безопасности, представленных на евроатлантическом пространстве (ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО, ОДКБ и ШОС), в зонах региональных конфликтов могли бы действовать наблюдатели по единому соглашению и на основе общего скоординированного мандата ООН, что могло бы существенно снизить несогласованность и нескоординированность усилий различных субъектов по урегулированию конфликтов.

При этом последующие действия в отношении конфликта предпринимались бы затем каждой международной организацией (в том числе НАТО, ЕС, ОДКБ) самостоятельно, на основе ее собственных и особых процедур, мандатов и механизмов.

Это *ослабленный* вариант совместного подхода к кризисному реагированию, когда заметно повышается взаимная информированность и транспарентность, но сохраняется самостоятельность в принятии решений и практических действиях. Однако его преимущество – в возможности относительно быстро и без создания дополнительных структур применить его в ближайшем же случае конфликтного урегулирования.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО МИРОТВОРЧЕСТВА

Практика военного вмешательства в конфликты ширится, дает ежегодные политические результаты и дивиденды, и ряд организаций, в которых державы *восьмерки* являются лидерами – в том числе ООН, НАТО, ЕС, СНГ/ОДКБ, на современном этапе создали или создают новые инструменты будущего военного вмешательства: НАТО в 2006–2007 г. сформировало Силы ответного реагирования (NRF – NATO Response Force) в количестве 20 000 человек, Европейский Союз развивает собственные Силы быстрого реагирования в форме оперативно-тактических групп (5–7 групп по 1500 человек в группе), СНГ/ОДКБ сформировали сначала Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР) для Центральной Азии, а затем, с 2009 г., Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР).

Задача России и Запада – сделать шаг навстречу друг другу в преодолении взаимного непризнания миротворческих действий друг друга. Необходимо уметь видеть спорные ситуации глазами *другой стороны*, искать совместные либо взаимоприемлемые формулы использования военной силы в конфликтах.

Миротворческое взаимодействие Москвы и западных стран в конфликтных регионах остается достаточно вероятной среднесрочной перспективой, поскольку ни Россия, ни ЕС и НАТО не намерены отступать от попыток урегулирования на своих условиях одних и тех же конфликтных ситуаций (на Южном Кавказе, в Молдове, в Центральной Азии).

В связи с этим могут быть сформулированы следующие перспективные направления реформирования российского миротворчества:

Формирование механизма консультаций в составе *квнтета* Россия–США–НАТО–ЕС–ООН при возникновении конфликтных ситуаций и необходимости кризисного реагирования в евразийском регионе.

Создание евразийского *Координационного совета региональных международных организаций* в составе НАТО, ЕС, ОДКБ, ШОС, ОБСЕ с участием ООН для согласования

распределения функций и ответственности между организациями в решении кризисных проблем международной безопасности. Такой Совет может действовать как в формате ежегодных (или экстренных в период кризисов) совещаний генеральных секретарей организаций, так и в промежуточном формате взаимодействия на уровне рабочих органов, прежде всего органов кризисного мониторинга и кризисного урегулирования. Именно такой координационный Совет мог бы направлять совместные наблюдательные миссии и миссии по установлению фактов в конфликтные регионы. В состав таких миссий делегировались бы и взаимодействовали представители каждой из входящих в Совет международных организаций. Даже если политические решения по итогам совместных миссий принимались бы каждой организацией отдельно, это значительно повысило бы уровень координации и согласованности. Потенциал такого механизма виден на примере киргизско-узбекских межэтнических столкновений в южных областях Киргизстана весной 2010 г.: там, где миротворческое (антикризисное) задействование в *сольном* режиме структур ОДКБ или НАТО по разным причинам блокировано, могла бы оказаться приемлемой совместная миссия Евросоюза, ОДКБ и НАТО, с подключением механизмов гуманитарной помощи со стороны ООН. Именно здесь могло бы произойти первое совместное применение компонентов Коллективных сил оперативного развертывания ОДКБ, Сил оперативного реагирования НАТО и полицейских компонентов из сил реагирования Евросоюза.

Инициирование Россией как членом СБ ООН формулирования *мандата СБ ООН для ОДКБ* на стабилизацию ситуации на афгано-таджикской и афгано-узбекской границе и к северу от нее, при соотношении параметров этого мандата с уже существующими резолюциями, закрепляющими за НАТО координацию действий международной коалиции к югу от этой границы на афганской территории.

Гораздо более тесное и масштабное сотрудничество России с евроатлантическим сообществом в проведении на основе общего мандата СБ ООН реконструкции в Афганистане (со своей территории и с территории стран Центральной Азии, без направления российских контингентов в состав коалиции в самом Афганистане). Войска западной коалиции, координируемой НАТО, не должны сворачивать операцию в Афганистане, не согласовав с Россией и странами ОДКБ системы совместных мер по последующей стабилизации в регионе, особенно по северным границам Афганистана. Следует ясно сознавать, что вывод международной коалиции из Афганистана на нынешнем этапе неизбежно приведет к тому, что экспансия талибов создаст серьезнейшую проблему безопасности стран как Центральной Азии, так и России, и с этой опасностью без международного коалиционного компонента России справиться будет чрезвычайно трудно. В силу этого необходимо и возможно расширение взаимодействия России с международной коалицией по сотрудничеству в проведении операции в Афганистане. Современный уровень взаимодействия (транспортный коридор и ремонт старой вертолетной техники советского производства) – *минималистский*. Между тем, за исключением непосредственного участия российских военных в боевых операциях на афганской территории (чего следует заведомо избегать), все остальные формы военного сотрудничества России с силами коалиции в Афганистане в общих интересах стабилизации могут и должны быть задействованы: тыловое обеспечение, обучение (с выездом в Россию и на местах) военных и полицейских из состава войск МО и МВД Афганистана, содействие в поставках и ремонте вооружений и военной техники, обмен (в допустимых пределах) разведывательной информацией, сотрудничество в контроле над воздушным пространством, взаимодействие по охране границ и другие меры.

Разработка и принятие комплекса соглашений по совместному кризисному реагированию *Москва–Брюссель плюс*, которые, развивая опыт взаимодействия ЕС с НАТО по соглашениям *Берлин-плюс*, закрепили бы принципы и механизмы взаимодействия России и НАТО (с элементами взаимодействия ОДКБ–НАТО) в ходе возможных совместных действий в кризисных ситуациях и совместных операциях по поддержанию и установлению мира.

Взаимная координация программ подготовки, а затем и собственно совместная подготовка военных миротворцев в рамках специальных контингентов России и НАТО, пред-

назначенных для оперативного взаимодействия в ходе совместных операций Россия–НАТО в конфликтных регионах.

В целях отработки политического взаимодействия и оперативной совместимости российских и западных военных расширение практики направления российских контингентов (смешанных многофункциональных бригад) в состав международных сил по поддержанию или установлению мира по мандатам ООН в разных регионах, включая африканский континент, в перспективе Ближний Восток, иные регионы.

Необходимо преодоление определенного психологического и политического барьера и развитие новых миротворческих инициатив (разделительных операций, пограничных миссий, наблюдательных миссий) на Южном Кавказе (Карабах, Грузия/Абхазия/Южная Осетия) и в Молдове/Приднестровье как *совместных миссий России и ЕС, возможно, и с привлечением структур НАТО*, учитывая, что Россия вызывает доверие и поддержку одних конфликтующих сторон, в то время как представители ЕС и НАТО – других, и лишь в совокупности совместные операции России и Запада могут на современном этапе сыграть реалистичную посредническую и регулирующую роль в этих конфликтных регионах СНГ.

В порядке сопоставления опыта следует отметить, что законодательство США предусматривает три различных вида операций с участием американских сил, осуществляемых по мандатам ООН: действия в составе сил ООН, действия по поддержке сил ООН и действия по выполнению резолюций СБ ООН. Возможно, России также следует предусмотреть разные правовые и организационные формы участия в операциях «в составе сил ООН» и «в составе сил региональных организаций» (имея в виду силы ОДКБ), а также на других основаниях «совместно с силами региональных организаций» (имея в виду НАТО и ЕС) или «по поддержке сил региональных организаций».

Примечания

¹ С 1945 г. до начала 2010 г. по официальным данным Департамента миротворческих операций ООН в мире было проведено 64 операции по мандатам ООН.

² Из них 77 000 составляли военные (в том числе военные наблюдатели), 11 000 полицейский персонал, 5000 международный гражданский персонал, 15 000 местный гражданский персонал и 2000 – добровольцы.

³ См., например, Guide for Participants in Peace, Stability and Relief Operations. Washington: US Institute of Peace Press, 2007.

Вадим Козюлин, Галия Ибрагимова

АФГАНИСТАН: ЧТО ЕГО ЖДЕТ И ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ РОССИИ

Последние события в мире – на Ближнем Востоке и на Севере Африки – открывают возможности для новых сил. Тираны волнуются, порой огрызаются, но в принципе готовы идти на уступки. С трудом верится, что для смены ненавистных правителей требовалось всего лишь изобрести *Twitter*.

Глобальные перемены открывают новые горизонты и для *Аль-Каиды*. Без сомнения, фундаментализм также получил второе дыхание. Его позиции могут быстро укрепиться на почве того, что демократические перемены едва ли дадут скорое улучшение жизни для революционных народов. С этой проблемой, вероятно, еще придется столкнуться западной цивилизации. И силовые методы, практиковавшиеся в Афганистане и Ираке, будут непригодны в новых условиях.

Новые яркие идеи и масштабные программы сегодня могли бы преобразить жизнь в важнейшем нефтеносном регионе планеты. Но США и Евросоюз увязли в Ираке и Афганистане. Две страны поглощают гигантские ресурсы, множат примеры бездумного расточительства и оставляют минимум надежд на возможность новых конструктивных проектов.

Президент США Барак Обама назвал срок начала вывода коалиционных войск из Афганистана – июль 2011 г.

КАКОЙ АФГАНИСТАН АМЕРИКАНЦЫ ОСТАВЯТ ПОСЛЕ СЕБЯ?

Американский сценарий мира в Афганистане по ходу войны изменялся несколько раз, и на сегодняшний день выглядит примерно так: военные успехи ослабляют *Талибан* и *Аль-Каиду*; коалиционные силы ведут ускоренную подготовку афганской армии и полиции, которые в скором будущем примут на себя ответственность за безопасность в стране; параллельно проходят переговоры с *умеренными* талибами об их участии в будущем мирном строительстве; всеобщие выборы, формирование парламента и коалиционного правительства с участием талибов открывают для Афганистана путь демократического развития. Перековавшиеся талибы получают прощение, вознаграждения и должности, а *Аль-Каида* остается вне закона.

Операция в Афганистане отделила сторонников президента Карзая от его противников по этническому признаку: офицерский корпус афганской армии с подавляющим преимуществом составляют таджики. Всякий раз, когда афганские вооруженные силы пытаются взять под контроль территории пуштунов, население *освобожденных* районов отказывается признавать главенство таджиков, привнесенное на американских штыках. Наиболее протестная часть афганского населения – пуштуны – вынуждена поддерживать *Талибан*, несмотря на то, что в примитивной идеологии *Талибана* немного привлекатель-

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
М
О
К

ного для пуштунских бойцов. *Талибан* для них означает национально-освободительное движение, афганский *Resistance*.

Талибан уже выиграл войну; талибы останутся в Афганистане, с американцами или без них. Уклоняясь от прямого столкновения с танками и авиацией, боевики перешли к партизанской тактике, и эта мера себя оправдала. Талибы сохранили бойцов и вооружение, приобрели навыки противостояния высокотехнологичной армии.

По мнению американского командования, все боевики в Афганистане, за исключением аль-каидовцев и иностранных талибов, имеют шансы на *прощение*. Три крупные группировки повстанцев, вероятно, останутся частью политического ландшафта Афганистана после войны: возглавляемый муллой Омаром *Талибан*, чьи позиции особо сильны в провинции Кандагар; группировка Сираджа Хаккани, позиции которого сильны на юго-востоке страны; и Исламская партия Афганистана Гульбедин Хекматияра на северо-востоке Афганистана.

Отряды наиболее боеспособного и опасного для коалиционных войск полевого командира *Талибана* Сираджа Хаккани нашли убежище в провинции Северный Вазиристан в пакистанской зоне племен¹. Личное знакомство с Бен Ладеном, отличное владение арабским языком обеспечивает Хаккани серьезный авторитет среди *арабских афганцев* и дает основания считать его убежденным сторонником глобального джихада против Запада. Хаккани объединяет пуштунов из оппозиционно настроенного к правительству Хамида Карзая племя *затран*, но также принимает в свои отряды и выходцев из арабских стран: Турции, Узбекистана, Северного Кавказа. В результате атаки американцев Хаккани потерял несколько членов своей семьи, и стремление отомстить за их смерть, вероятно, станет непреодолимым препятствием для диалога с центральным правительством. Главным покровителем группировки Хаккани является мулла Мохаммад Омар, но известно, что и Пакистан покровительствует этому командиру в надежде использовать его группировку в качестве козыря в будущей игре за собственные интересы в пост-американском Афганистане.

Свой политический вес Гульбедин Хекматияр приобрел еще во время войны 1979–1989 гг., и в этом ему помогла материальная и финансовая помощь от американских спецслужб и Саудовской Аравии. Воевал с талибами, и в 1995 г. был ими разбит, но уже в 2002 г. заявил о переходе на сторону талибов «до изгнания иностранных интервентов». В 2003 г. Госдепартамент США объявил его международным террористом. Это заставило Хекматияра занять радикальную позицию в отношении правительства Хамида Карзая и сформировать обновленную *Хезб-и-Ислами*.

Соглашаясь сегодня на переговоры с Карзаем, Хекматияр вовсе не собирается играть по американским правилам, он сформировал *дорожную карту*, в основе которой лежат 15 условий, и главные из них – полный вывод коалиционных войск, передача контроля над безопасностью в стране местным армии и полиции, амнистия политзаключенным и только после этого проведение парламентских и региональных выборов.

Мохмаад Омар – основатель и духовный лидер движения *Талибан* – не успел получить глубокого образования, но зато получил четыре ранения в сражениях против режима Наджибуллы. Не наделенный ни харизмой, ни ораторскими талантами, он принял из рук 1200 религиозных вождей пуштунов титул *вождя правоверных* и эмира Афганистана – символ власти, с которым не сможет соперничать ни один лидер моджахедов. *Талибан* будет реальностью, с которой придется иметь дело в постамериканском Афганистане. Благодаря гибкой структуре *Талибану* до сих пор удавалось избегать раскола в своих рядах, при этом сохраняя подчиненность единому лидеру мулле Омару. Среди его ближайших помощников замечены представители разных поколений, что говорит о преемственности в руководстве.

Наблюдателей, безусловно, ожидает удивительный спектакль: представители коалиции демократических стран Запада пожимают руки *умеренным* талибам. Умеренным – значит не тем, которые хотят уничтожить Америку, а всего лишь тем, которые отрезают руки за воровство, носы и уши – за сбритые бороды, забивают камнями за прелюбодеяния и вешают за гомосексуализм. Сама по себе готовность сесть за стол переговоров с про-

тивниками телевидения и радио, неисламских памятников и женского образования говорит о серьезности положения, в которое завела западную цивилизацию американская самоуверенность.

Соединенные Штаты сделали ставку на Хамида Карзая. В годы войны против советской оккупации пуштун Хамид Карзай не пачкал рук черновой боевой работой: начав с финансового сектора, затем он перешел на дипломатическую службу и стал заместителем министра иностранных дел в правительстве Раббани. В июне 2002 г. Лойя Джирга под охраной германских солдат избрала его президентом страны. Пройдя через сомнительные выборы в 2004 и 2009 г., Хамид Карзай сохраняет этот пост.

Для того чтобы сохранить Афганистан единым, Карзаю потребуется обеспечить лидерство пуштунов в руководстве страны. Пуштуны составляют чуть более половины афганского населения. Это самое воинственное из афганских племен никогда не согласится жить при режиме, где главенствуют не пуштуны. Призрак Северного Альянса пугает пуштунских военачальников. В их представлении члены Северного Альянса – афганские таджики, узбеки, туркмены, киргизы и даже хазарейцы – сообразно своим корням находят национальную идентичность и источник влияния не в Афганистане, а на исторической родине – в Центральной Азии, Иране и Турции.

Выходец из влиятельного племени дуррани, Хамид Карзай связан корнями с пуштунским государствообразующим этносом Афганистана, в среде которого он, впрочем, не имеет особого авторитета. Карзай пытается соблюсти национальный баланс в своем кабинете, привлекая к сотрудничеству политических *тяжеловесов*: первым заместителем президента Афганистана назначен маршал Мохаммад Касим Фахим, за которым стоит офицерский (преимущественно таджикский) корпус; вторым заместителем президента стал Мохаммад Карим Халили, представляющий интересы хазарейцев; глава Генштаба генерал Абдул Рашид Дустум – знаменитый полководец узбекских войск Северного Альянса; министр обороны – Абдулрахим Вардак, пуштун с боевым прошлым из провинции Вардак. Не забыт и гендерный фактор: в кабинете Карзая три министра – женщины, а в парламенте Афганистана женщин больше, чем в Конгрессе США.

Пребывание коалиционных сил в Афганистане создает проблемы для внутриафганского урегулирования: американское присутствие, с одной стороны, приучает правительство Карзая к иждивению, а с другой стороны, не позволяет начаться переговорам с представителями *Талибана*. Стремление американцев *держат* руку на пульсе за счет подкупа государственных чиновников формирует в руководстве страны атмосферу нервозности и недоверия, но также наносит вред изрядно потрепанным демократическим ценностям, которые афганские государственные мужи принуждены усваивать через стяжательство и доноситељство. Коррупция афганских властей – это в какой-то мере реакция на низкий авторитет западной идеологии: афганские руководители осознают себя слугителями чуждого культа, и их страдающая мораль находит компенсацию в коррупции.

Талибан ведет войну не только против интервентов, но в значительной мере против западной идеологии, принесшей невиданную коррупцию и пагубную перемену в устоях афганского общества. Те, кто за деньги либо за идею доверился новой администрации – кандидаты в депутаты, главы местных администраций, женщины-активистки, судьи, полицейские, местные сотрудники благотворительных и неправительственных организаций – становятся целями и жертвами боевиков. Коррупция усиливает конфликт в обществе. Идеологический конфликт будет искать свое военное решение. Кроме этого, он был и будет поводом для создания альтернативных органов власти талибов. Вовлечение экстремистов в управление страной будет понято их сторонниками как индульгенция на новые подвиги, как подтверждение того, что *Талибан* уже невозможно вычеркнуть из политической жизни Афганистана.

Для убедительного *happy end'a* Соединенным Штатам необходимо отыскать ключ к проблеме *Талибана*. Возможно, для этого понадобятся новые люди. На месте Карзая может появиться более успешный менеджер с сильной харизмой, без груза ошибок и ярлыка марионетки. Умеренный религиозный лидер подошел бы для этой роли лучше всего. Подобная рокировка власти удалась американцам в Ираке в 2006 г., когда назначен-

И
М
И
П
Р
А
Т
А
Н
Е
М
О
К

ный премьер-министром Нури Аль-Малики сменил Иракское временное правительство и стабилизировал ситуацию.

Обнаруженные в стране запасы минеральных ресурсов, которые некоторые американцы поспешили объявить подспорьем в демократизации Афганистана, на деле лишь добавят радикализма, поскольку все богатства в исламской стране считаются даром Аллаха и должны служить исламу. Таким образом, экономическое развитие Афганистана будет укреплять религиозную, исламистскую основу общества. Нефте- и газопроводы, линии электропередач и транзитные автодороги, если они будут построены, позволят наполнить национальный бюджет, и тогда у новой афганской элиты появятся средства и интерес нести свои религиозные воззрения дальше – на Север.

Соединенные Штаты поспешат закрыть эту страницу своей истории и переключиться на решение других масштабных международных проблем. Например, займется ближневосточным урегулированием. Надзор за афганскими процессами будет *передоверен* соседним государствам. Это приведет к быстрому воскрешению Северного Альянса и восстановлению каналов поддержки его участников со стороны государств Центральной Азии.

Итак, в Афганистане сложится знакомый по 1990-м гг. расклад сил, когда соседствующие страны поддерживали близкие по вере и этносу группировки. Новизна в этой знакомой ситуации, возможно, принесет вовлечение в процесс мирного урегулирования Китая и ШОС. Соединенные Штаты и страны коалиции постараются оснастить территорию Афганистана и вокруг него электронными системами мониторинга, а в афганском обществе будет сформирована армия информаторов. США примут на себя значительную часть финансового бремени по поддержанию центрального правительства, но при этом будут постоянно требовать от соседних государств увеличения их доли участия в поддержании афганского мирного процесса. Формирование эффективных сил национальной безопасности Афганистана останется трудной задачей для коалиционных сил. Хамид Карзай видит перспективу в формировании местных сил самообороны – сельской милиции, что на практике может обернуться тривиальной раздачей оружия населению. Афганскому правительству будет трудно контролировать армию и полицию, где, помимо дезертирства и некомпетентности, процветает коррупция. Зато из таких вооруженных сил могут легко получиться организованные вооруженные формирования, готовые служить интересам племени, клана или полевого командира.

Может показаться, что у нынешнего афганского правительства нет шансов продержаться без поддержки коалиционных сил, в прямом противостоянии с *Талибаном*. Но это не вполне так. Моральный дух *Талибана* сегодня крепок, как никогда, талибы могут рассчитывать на поддержку или сочувствие большинства пуштунов в Афганистане и Пакистане, им на помощь будут готовы прийти экстремисты и религиозные радикалы со всего региона. Но как бы ни был нелюбим всеми президент Карзай, в борьбе против общего врага ему помогут бывшие лидеры моджахедов Раббани, Сайяф и Дустум, а при определенных обстоятельствах – и лидер *Хезб-и-Ислам* Хекматияр. Сформированные за 10 лет американского присутствия в Афганистане государственные институты власти – армия и полиция, суды, государственные исполнительные органы – это еще слабый, но способный к самоорганизации перед лицом опасности механизм. Но главный ресурс афганского правительства – силы и ресурсы США, государств коалиции и всех государств региона. Новизна и радикальное отличие нынешней ситуации от той, что была накануне ввода коалиционных сил в Афганистан, состоит в том, что сегодня сложился абсолютный глобальный консенсус в поддержку режима Хамида Карзая. Этот мощный источник международной поддержки не позволит *Талибану* получать достаточно вооружений и ресурсов для ведения иных, кроме партизанских, боевых действий, в то время как режим Карзая будет обеспечен оружием и разведданными, продовольствием и стройматериалами, деньгами и моральной поддержкой.

После ухода коалиционных сил *Талибану* предстоит пережить идейный кризис, когда идеологическая база, побуждавшая афганцев к борьбе против завоевателей и неверных, исчезнет, а продовольственные и социальные проблемы, связанные с экономическим эмбарго против талибов, будут накапливаться. Активность Пакистана, вынужденного

продвигать в Афганистане собственные интересы, напомним о чужестранном – пакистанском – происхождении *Талибана* и оттолкнет часть повстанцев от борьбы с правительством.

После выхода российских войск в 1989 г. власть Наджибуллы оставалась прочной и даже пользовалась поддержкой масс. Но в октябре 1991 г. президент России Б.Н. Ельцин принял решение прекратить всякую помощь афганским властям. Как известно, через полгода Наджибулла был свергнут. Но в той ситуации у него не оставалось шансов устоять против моджахедов, на стороне которых стояли США, Европа, Пакистан и Саудовская Аравия².

Сегодня ситуация принципиально иная: впервые в истории сложился глобальный консенсус по вопросу афганского урегулирования, и ни одно государство не посмеет открыто выступить против согласованного плана. По существу, идея мирного урегулирования на основе коалиционного правительства Карзая имеет лишь одну альтернативу – мирное урегулирование на основе правительства другого проамериканского лидера. Ибо наличие радикального исламистского режима в Афганистане сегодня не приемлемо ни для США, ни для Евросоюза, ни для региональных или соседних государств. Значит, в случае провала *проекта Хамид Карзай* на афганской сцене появится другой персонаж: это может быть, например, знакомый миру харизматичный Гульбедин Хекматияр, если он согласится принять определенные условия; но может быть и неизвестный родовитый пуштун из Калифорнийского университета, каких американская внешнеполитическая система, несомненно, наготовила впрок.

КАКОЙ АФГАНИСТАН НУЖЕН СОСЕДЯМ?

Немало государств в мире заинтересованы в стабильном и мирном Афганистане. Правительство Карзая прилагает все усилия для привлечения в страну инвесторов. Нынешний Афганистан позволяет неплохо заработать. На обслуживании коалиционных сил озолотились многие, в основном американские, компании. Но кое-что перепадает и партнерам. Колоссальные объемы авиакеросина и бензина, необходимые для воюющей американской армии, разожгли аппетиты и стали причиной регионального ажиотажа, затем – основой для баснословных состояний, а позже – и для серии коррупционных скандалов в Киргизии, России и США.

Около 30% грузов для американского контингента в Афганистане попадают к адресатам через так называемую *северную сеть* – сеть автомобильных, железнодорожных и воздушных путей, пролегающих через Центральную Азию. Цена доставки грузов этим путем в два раза превышает расходы при их транспортировке через Пакистан. Генерал-майор Кеннет Дауд, отвечающий в Центральном командовании за материально-техническое обеспечение, прямо говорит, что истинная ценность *северной сети* заключается не в количестве контейнеров, которые можно по ней доставить, но в том, что эта сеть помогает подключить государства Центральной Азии к решению стратегических задач, стоящих перед США и Европой в Афганистане³.

Киргизия, Таджикистан и Узбекистан сдали аэропорты в аренду под западные военно-перевалочные базы. Стабильный доход приносит участникам железнодорожный транзит невоенных грузов по маршруту Латвия–Россия–Казахстан–Узбекистан–Афганистан. Американские деньги помогли сбыться чаяниям российских производителей вертолетов – теперь наши *Mi-17* летают и в Афганистане, и в Пакистане. Только вертолетные совокупные заказы США в России составили цифру в 1 млрд долл.⁴. И российская промышленность с нетерпением ожидает новых сделок.

Центр транзитных перевозок Манас в Киргизии позволяет МИД страны уверенно заявлять о поддержке антитеррористических сил в Афганистане, а Минфину получать 60 млн долл. ежегодно. В 2009 г. узбекский аэропорт Навои, задействованный в транспортировке грузов для американских войск, существенно увеличил объем перевозок, что укрепило партнерские отношения Узбекистана и США и повысило доходность аэропорта по сравнению с 2008 г. в 10 раз.

Фактически под любой проект в Центральной Азии сегодня можно получить инвестиции, если увязать его с афганской проблемой. На средства Всемирного банка и Азиатского банка развития ближайшие соседи Афганистана энергично строят малые ГЭС, линии электропередач, железные дороги – в основном на собственной территории, но – в качестве фундамента афганской стабильности.

Государства Центральной Азии соединяются с Афганистаном узами электрических цепей: Узбекистан первоначально протянул ЛЭП-220 до Кабула, а построенная в 2009 г. новая ЛЭП-500 Гузар–Сурхан протяженностью 197 км позволила повысить объемы экспорта в шесть раз и сделать Узбекистан основным поставщиком электроэнергии на территории Афганистана. От Узбекистана не отстает Таджикистан: он также поставляет соседям электричество и строит гидроэлектростанцию мощностью в 1000 МВт на реке Пяндж. Туркменистан реконструировал свыше 300 км линии электропередачи, проходящих в северных и юго-западных провинциях Афганистана, а для бесперебойной поставки электроэнергии соседям построил на своей территории подстанции и ЛЭП протяженностью 410 км до границы с Афганистаном. Киргизия по мере сил также экспортирует в Афганистан электроэнергию, стройматериалы и рабочую силу.

Приграничная торговля носит односторонний характер: топливо, стекло, цемент и сортовое железо отгружают в Афганистан из Узбекистана; древесина и сжиженный нефтяной газ – главные товары, поставляемые из Таджикистана⁵. Препятствий на пути развития естественных торговых отношений два: сложные таможенные процедуры и отсутствие видимых встречных товарных потоков. Главный афганский товар – наркотики – пересекает границу инкогнито.

В неведомой перспективе Афганистан видится ключевым транспортным узлом между Центральной и Южной Азией. В соседних государствах плодятся проекты по воссозданию маршрутов *Шелкового пути*. Так, к 2004 г. в Центральной Азии была создана сеть шоссейных дорог протяженностью более 140 тыс. км. Сегодня почти все пути обрываются у афганской границы.

Центральная Азия всегда была заинтересована в прямом выходе на пакистанские морские порты Гвадар и Карачи, наикратчайший путь к которым пролегает через территорию Афганистана. Например, Узбекистан экспортирует 69% хлопка-сырца через иранский порт Бендер-Аббас⁶. В это время Пакистан вынужден закупать узбекский хлопок через третьи страны.

Для региона Южной Азии Трансафганский транспортный коридор – это прямой выход на рынки Центральной Азии, России и Китая, развитие собственной транспортной и портовой инфраструктуры, продвижение товаров на внешние рынки.

Ключевую роль в исполнении мечтаний соседних с Афганистаном государств может сыграть Китай – главный экономический партнер этой страны. Он уже начал инвестировать строительство железной дороги, соединяющей Афганистан с Таджикистаном, а далее с Китаем через наиболее стабильные северные районы Ирана. *Поднебесной* жизненно важно получить доступ к афганским минеральным ресурсам и проторить путь для своих товаров.

БУДУЩЕЕ АФГАНИСТАНА И РОССИИ

Золотой лихорадке порой оказывается подвержено и российское руководство: в январе 2010 г. Сергей Лавров озвучил предложение Москвы восстановить все промышленные и хозяйственные объекты в Афганистане, которые она когда-то строила. Финансирование при этом должно идти со стороны Запада⁷. Но России трудно пойти на такие меры без ущерба для *державности*, особенно когда с Запада звучат напоминания об уроне Афганистану за годы советской оккупации и призывы бесплатно предоставить вертолеты, восстановить дороги и заводы, выделить средства на борьбу с наркотрафиком.

России было бы по силам внести свой финансовый вклад в афганское мирное урегулирование. Но Кремль не желает оставаться в этом деле на вторых ролях, в качестве

исполнителя чужих стратегий. Хранящая советскую гордость часть российской элиты считает, что России не пристало становиться *пешкой* в регионе, судьбы которого не так давно определяло ныне здравствующее поколение советских руководителей.

Какие все-таки перспективы сулит выход коалиционных сил из Афганистана для России? Возникающая новая ситуация выглядит вовсе не так плохо с точки зрения российских интересов.

Вывод войск из Афганистана станет серьезным испытанием для репутации Соединенных Штатов на мировой арене, в это время американскому руководству понадобится моральная и техническая поддержка, в первую очередь – со стороны государств, граничащих с Афганистаном. Для России это станет возможностью проявить солидарность и укрепить партнерские отношения с США, как это случилось после событий 11 сентября 2001 г. В условиях падения интереса к Афганистану со стороны государств коалиции Москве, возможно, придется взять на себя роль неформального координатора анти-талибского блока. Будучи крупнейшим в мире держателем складированного военного имущества, Россия станет естественным источником вооружений для правительства Карзая. Первые поставки стрелкового оружия и боеприпасов уже начались.

Для России назревает потребность пересмотреть свои странные отношения с Пакистаном. Пакистан, вероятно, станет держателем основного канала связи с *Талибаном* и ключевым посредником в переговорах с его лидерами. Также он уже превратился в серьезного заказчика российских вертолетов и вооружений к ним. Афганское мирное урегулирование даст весомые стимулы для пересмотра и развития российско-пакистанских отношений. Пакистан, где проблемы безопасности будут только усугубляться, на ближайшее десятилетие может стать крупным покупателем российского оружия и специальной техники. В случае успеха мирного процесса в Афганистане и открытия транс-афганского маршрута пакистанские товары будут доходить через Центральную Азию до потребителя в России за 11 дней, а не за 45, как сегодня.

Выход США из Афганистана будет означать возрастание роли России как форпоста и проводника интересов западной цивилизации у пояса исламских государств. Проблема соперничества с Соединенными Штатами за влияние в Центральной Азии потеряет свою остроту: центральноазиатским республикам понадобится продолжительная поддержка перед лицом исламистской угрозы, исходящей из Афганистана и Пакистана. Центробежные тенденции, проявлявшиеся в ЦАР под влиянием США, Китая, Турции и Ирана, прекратятся, общая угроза вернет бывшие советские республики под опеку Москвы и, наконец, позволит ОДКБ стать реальным механизмом коллективной безопасности. За счет небольших военных поставок вооруженным силам республик российское руководство сможет почувствовать себя в привычной роли защитника братских народов. Соединенные Штаты, занятые внутренними проблемами, утратят интерес к Центральной Азии. С выходом из Афганистана для Вашингтона Центральная Азия будет значить так же немного, как до событий 11 сентября 2001 г.

Вопреки стремлению избежать бюджетных расходов, Москве придется выделить средства на инфраструктурные проекты в Афганистане. Однако это поможет Москве налаживать партнерские отношения с теми силами в Афганистане, которые имеют реальное влияние. Выделяя финансы, Москва сможет требовать отчетности, стимулировать афганскую сторону к эффективному расходованию помощи.

Россия получит возможность извлекать некоторую выгоду из участия в афганском мирном урегулировании. Москве будет полезно укреплять привязанность афганцев к российской технике. Афганский рынок вооружений, полицейских средств и специальной техники, который в другой ситуации достался бы китайским производителям клонов российских вооружений, имеет перспективы остаться за россиянами (и отчасти – за восточноевропейскими компаниями), поскольку источник финансирования будет находиться в США. Афганистан надолго обеспечит работой ремонтные предприятия и производителей запчастей.

Огромная потребность в услугах по подготовке военных, полицейских, инженеров и государственных служащих (на май 2010 г. коалиционные силы имели лишь 23% от не-

обходимого числа инструкторов⁸) позволит России открыть сеть учебных центров (в том числе – в центральноазиатских республиках, возможно, под эгидой ОДКБ) и принять на обучение в российские вузы элиту афганской молодежи.

Ситуация законсервированного конфликта вполне отвечает российским интересам. Для сегодняшней России, где элита испытывает ностальгию по советскому прошлому, выгодно заморозить существующую ситуацию, при которой нестабильный Афганистан естественным образом отсекает Центральную Азию от внешних соблазнов, угроза исламизма толкает бывшие союзные республики в российские объятия, а США и Европа оплачивают счета, связанные с зачисткой территории от талибов.

Американский сценарий вряд ли закончится *катастрофой* благодаря международному консенсусу, который почти не оставляет места для победы *Талибана*. Если катастрофа все же случится, то роль России в регионе вырастет многократно, что потребует от страны серьезных финансовых и ресурсных затрат. Пока Россия добровольно занимает место на скамейке запасных, значение нашей страны в афганском урегулировании будет находиться в обратной зависимости от степени напряженности ситуации в этой стране. То есть по мере решения афганской проблемы потребность в российском содействии будет уменьшаться.

С одной стороны, с выходом коалиционных войск Афганистан выполнит важную *миротворческую миссию*: он, наконец, перестанет быть государством, которое разделяло великие державы. Крупнейшие государства мира получат шанс объединить усилия для общей цели, и в этом будет заключаться уникальность исторического момента.

С другой, даже при активном международном содействии Афганистан едва ли сможет стать единым государством. Скорее, он на многие годы и даже десятилетия останется в состоянии *failed state*, *несостоявшегося государства*.

Примечания

¹ Sellin Lawrence. Jockeying for influence in post-U.S. Afghanistan. *UPI*. 2009, 18 December. http://www.upi.com/Top_News/Analysis/2009/12/18/Outside-View-Jockeying-for-influence-in-post-US-Afghanistan/UPI-38431261153625/ (последнее посещение – 13 сентября 2010 г.).

² Яковлев Ф. Афганистан – победа или поражение? *Сегодня.Ру*. 2009, 25 декабря. <http://www.segodaya.ru/index.php?pgid=2&partid=13&newsid=10583> (последнее посещение – 13 сентября 2010 г.).

³ Tynan Deidre. Afghanistan: US Troop Surge Likely to Fuel Financial Bonanza for Central Asian States. *EurasiaNet*. 2010, January 21.

⁴ Покупка российских вертолетов привела американских сенаторов в ярость. *AOL News*. 2010, 22 февраля. <http://www.ladno.ru/actarch/13888.html> (последнее посещение – 14 сентября 2010 г.).

⁵ Торговые отношения Афганистана с соседними странами-членами ЦАРЭС. Результаты обследования пограничных переходных пунктов в Хайратоне и Шерхан-Бандаре/Исследование Азиатского Банка развития. <http://www.carecinstitute.org/ru/uploads/events/2008/9th-TPCC/AFG-Trade-Study-paper-ru.pdf>

⁶ Ташимов Т. Коридор до востребования / *Эксперт Казахстан*. 2008, 15 сентября. № 36 (183). http://www.expert.ru/printissues/kazakhstan/2008/36/transafganskiy_transportnyi_koridor/

⁷ Федяшин А. Конференция по Афганистану: сколько стоит купить талибов? *РИА Новости*. 2010, 28 января. <http://www.rian.ru/analytics/20100128/206619142.html> (последнее посещение – 14 сентября 2010 г.).

⁸ Cordesman Anthony H. Realism in Afghanistan: Rethinking an Uncertain Case for the War. *CSIS*. 2010, June 16. <http://csis.org/publication/realism-afghanistan-rethinking-uncertain-case-war> (последнее посещение – 14 сентября 2010 г.).

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
(январь–март 2011 г.)

➔ **Галия Ибрагимова. ИНДЕКС *iSi* ЗА ЯНВАРЬ–МАРТ 2011 Г.:
ЗИМА ПЕРЕМЕН**

➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА:
НА КРУГИ СВОЯ**

➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА:
ХРОНИКА ОБЪЯВЛЕННЫХ СМЕРТЕЙ**

➔ **Ирма Аргуэльо, Евгений Бужинский, Дайан Джаятиллека, Пал Дунай, Андрей Кортунов, Антонио Рамальо, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Константин фон Эггерт. КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ**

Зимой 2011 г. Индекс международной безопасности демонстрировал динамику к **снижению**. 1 января значение Индекса *iSi* составило **2945 пунктов**, к 1 февраля показатель снизился на 13 пунктов до **2932**, 1 марта *iSi* достиг **2867 пунктов**, а – 1 апреля **2809 пунктов** – самой низкой отметки с января 2010 г. Снижение Индекса – результат бурных политических событий в арабских государствах Ближнего Востока и Северной Африки, которые негативно повлияли на состояние региональной и глобальной безопасности. Власти были вынуждены пойти на уступки и обещать проведение реформ. В Ливии фактически разразилась гражданская война между сторонниками и противниками Мухаммара Каддафи. Беспорядки в арабских странах стали причиной роста цен на нефть на мировом рынке. Стоимость барреля нефти перевалила за отметку в 100 долл. Переговоры между КНДР и РК, возобновившиеся после вооруженного инцидента в Желтом море в ноябре 2010 г., завершились безрезультатно. Растет число терактов в Пакистане, Ираке и Афганистане. Землетрясения в Новой Зеландии и Японии, взрыв на японской АЭС *Фукусима-1* привели к резкому снижению Индекса.

- **Природные катастрофы и техногенные аварии.** 11 марта в **Японии** произошло сильное землетрясение магнитудой 8,9–9,1, вызвавшее цунами. Наиболее пострадали префектуры Мияги, Фукусима и Ивате. В результате отключения системы охлаждения произошел взрыв водорода и разрушение энергоблоков АЭС *Фукусима-1*, на соседней АЭС *Фукусима-2* вышла из строя система аварийного охлаждения, разрушена турбина АЭС *Онагава*, в аварийном режиме остановилась работа на других станциях. В результате землетрясения погибли и пропали без вести 13 тыс. человек. Правительство страны объявило режим ЧС в связи с ядерной угрозой. В пределах 30 км от АЭС была объявлена эвакуация населения. Аварии на *Фукусиме-1* присвоен седьмой уровень по шкале INES, измеряющей инциденты на АЭС.

Наводнения и оползни в Бразилии, обрушившиеся на жилые районы, привели к гибели более 600 человек.

- **Африка и Ближний Восток.** В январе–марте 2011 г. угрозу международной безопасности представляла ситуация в арабских государствах. Непрекращающиеся с середины декабря беспорядки в **Тунисе** из-за безработицы и роста цен на продукты переросли в массовые погромы. Президент страны Зин аль-Абидин бен Али покинул страну, правительство отправлено в отставку. 25 января в **Египте** вспыхнули антиправительственные волнения с требованием отставки президента и проведения в стране реформ. 11 февраля власть взяли военные, а президент Хосни **Мубарак** ушел в отставку. Высший совет вооруженных сил приостановил действие конституции, распустил парламент, запретил демонстрации и объявил о том, что будет управлять страной до новых выборов.

События в Тунисе и Египте спровоцировали волнения в Йемене, Бахрейне, Иордании, Алжире, где имеют место схожие социальные и политические проблемы. Массовые акции протеста охватили другие страны, экспортирующие нефть и контролирующие маршруты ее транспортировки – Ирак, Кувейт, Джибути, Оман, а также Уганду, Марокко, Мавританию, Бенин, Зимбабве. Курды провели манифестации в Турции. О намерении покинуть свой пост по истечении срока полномочий заявил президент **Йемена** Абдалла Салех, более 30 лет находящийся у власти. Под давлением демонстрантов в **Алжире** был отменен режим чрезвычайного положения, действовавший в стране 19 лет. В **Иордании** король Абдалла II сменил состав правительства и пообещал ряд крупных политических реформ. Премьер-министр **Ирака** Нури **аль-Малики** заявил, что не останется на своем посту на третий срок.

Е.Я. Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока – по электронной почте из Москвы: Ближний Восток вступает в полосу революций, войн, изменения границ и расширения влияния радикального политического исламизма, подобно той, в которую Европа вступила в 1917 г., выйдя из нее в 1945-м. Говорить о безопасности в ближайшей перспективе не приходится. Период устойчивого сосуществования авторитарных военных диктатур и монархий заканчивается. В среднесрочной перспективе следует ожидать пикового ухудшения ситуации по всему региону от Марокко до Пакистана. Судан уже разделен. На грани гражданской войны находятся Ливан и Алжир. Не исключен египетский сценарий в Сирии. Катастрофой может обернуться ситуация в Йемене, где уровень воды – ноль. Сана – первая столица мира, полностью оставшаяся без воды. Острова устойчивой стабильности в Катаре, ОАЭ и Омане могут быть в любой момент сметены. По мере усиления революционной волны увеличивается число беженцев из региона, в основном в государства Евросоюза, что создает потенциальную угрозу их безопасности. Не внушает оптимизма усиление террористической активности в регионе по мере вывода войск США из Ирака и Афганистана. Обострение ситуации вокруг иранской ядерной программы также не предвещает ничего хорошего.

В **Ливии** фактически идет гражданская война между сторонниками и противниками Муаммара **Каддафи**. Оппозиционные силы создали переходный национальный совет и удерживают контроль над восточными территориями. Но правительственные войска усиливают давление на повстанцев и восстанавливают контроль над страной. Для борьбы с восставшими власти используют авиацию. Количество жертв гражданского противостояния достигает двух тысяч. 27 февраля Совет Безопасности ООН ввел санкции в отношении Муаммара Каддафи и поручил Международному уголовному суду провести расследование событий в Ливии, а НАТО увеличило присутствие военных кораблей на юге Средиземноморья. Мировые державы отказываются признавать легитимность власти полковника Каддафи. В связи с массовыми протестами в регионе **Саудовская Аравия** и **Сирия** привели свои вооруженные силы в состояние повышенной боевой готовности.

Бойкот оппозиционными партиями Специального трибунала ООН в Гааге, расследующего убийство экс-премьера Рафика **Харири**, привел к смещению правительства национального единства и политическому кризису в **Ливане**. 14 февраля правительство **Палестины** в полном составе ушло в отставку. Движение **Хамас** объявило о прекращении диалога по восстановлению палестинского единства.

Беспорядки в арабских странах стали причиной роста цен на **нефть** на мировом рынке. Стоимость барреля нефти перевалила за отметку в 100 долл.

- **Афганистан–Пакистан.** В начале марта произошло ухудшение отношений Кабула и Вашингтона. Причиной тому стали ошибочные удары американской авиации, в результате которых погибли десятки мирных жителей; в Афганистане прошли массовые акции протеста. Между тем, в стране продолжается парламентский кризис. В конце февраля спецтрибунал, расследовавший факты подлогов и фальсификаций избирательных бюллетеней на выборах 18 декабря 2010 г., заявил, что треть депутатов должны покинуть **Уолеси джиргу** – афганский парламент. 21 марта Хамид **Карзай** объявил о начале процесса поэтапной передачи функции обеспечения безопасности в стране национальным силам.

В
О
С
С
Е
Д
О
Р
П
Х
В
О
А
И
М

Обострились отношения Вашингтона и Исламабада из-за скандала вокруг сотрудника генконсульства США в Лахоре Реймонда **Дэвиса**. Пакистанская сторона обвинила его в убийствах двух граждан и отказалась выдавать американцам. Отмечен рост влияния радикальных исламистов в обществе, которые используют ситуацию для пропаганды антиамериканских настроений. Увеличилось количество терактов, совершаемых исламистами. Усилились противоречия между двумя главными политическими силами – Пакистанской народной партией и Мусульманской лигой – и их лидерами президентом Али **Зардари** и экс-премьером Навазом **Шарифом**. В феврале правительство Пакистана ушло в отставку для сокращения расходов госаппарата.

- **Корейский полуостров.** В январе вооруженные силы Южной Кореи провели учебные стрельбы у демилитаризованной зоны, которая отделяет страну от КНДР. Лишь в середине месяца стороны снизили степень боеготовности вооруженных сил в приграничных районах Желтого моря, где в конце ноября 2010 г. между ними произошли вооруженные столкновения. Для стабилизации ситуации на Корейском полуострове Пхеньян предложил Сеулу возобновить двусторонний диалог. 9 февраля были проведены рабочие переговоры между представителями военных ведомств КНДР и РК, но они не увенчались успехом.

28 февраля у побережья Корейского полуострова начались ежегодные совместные военные учения США и Южной Кореи. Это вызвало жесткую критику КНДР и привело к новой эскалации напряженности на полуострове. Еще одним раздражающим фактором стало забрасывание южнокорейскими военными территории КНДР листовками, в которых рассказывалось об антиправительственных демонстрациях в арабских странах и звучали призывы к свержению северокорейского режима. Между тем, 24 февраля в северокорейском городе Синийджу на границе с Китаем были зафиксированы массовые беспорядки.

Оказать содействие в урегулировании ситуации на Корейском полуострове пообещал лидер КНР Ху Цзиньтао в ходе состоявшегося в январе визита в США.

- **Европа.** Медленно восстанавливающаяся экономика Еврозоны вновь столкнулась с проблемой по спасению экономик Греции, Испании, Бельгии, Португалии, Ирландии. 12 марта на саммите лидеров государств и министров финансов стран Еврозоны принято решение увеличить срок выплат по финансовой поддержке от ЕС и МВФ, сократить процентные ставки по кредитам для *проблемных* экономик и создать постоянный стабилизационный фонд Евросоюза с 2013 г. На саммите также достигнуто соглашение по *Пакту по повышению конкурентоспособности* европейской экономики. Этот проект был предложен Германией и Францией в феврале для снижения социальных расходов. Документ создает механизм контроля роста заработной платы, предусматривает реформы рынка труда, в частности – сокращение пособий по безработице с целью заставить европейских безработных активнее искать работу, а также модернизацию системы образования. Эти идеи вызвали резкий протест у населения. В Бельгии и Греции прошли массовые демонстрации *в знак протеста против мер жесткой экономики* и с призывом к властям не идти на поводу у Парижа и Берлина.

Зимой возросла политическая напряженность в Восточной Европе и на Балканах. В Албании, Хорватии, Сербии, Румынии прошли массовые акции протеста оппозиции с требованием отставки правительства и проведения реформ. В Македонии в феврале вспыхнули столкновения между македонскими славянами и албанцами из-за решения властей построить в древней крепости Скопье музей в виде церкви. В Боснии и Герцеговине партиям, одержавшим победу на выборах в октябре 2010 г., не удается достичь ком-

промисса по формированию правительства. В марте в Брюсселе состоялись первые с момента провозглашения независимости Косово переговоры Белграда и Приштины.

 Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности – по электронной почте из Будапешта: Для Европы события в Северной Африке и на Ближнем Востоке опасны увеличением потоков беженцев в регион. Проблема усугубляется отсутствием понимания в ЕС того, как справляться с проблемой вынужденных переселенцев. Центральная и Восточная Европа испытывают опосредованное воздействие от событий в арабском мире, а именно непривычно жесткая позиция властей Белоруссии по отношению к Польше, Литве и другим государствам ЦВЕ, которые оказывали поддержку белорусской оппозиции. Тем самым Лукашенко подчеркивает, что не допустит никаких реакционных, подобных арабским, настроений в белорусском обществе. Это сокращает возможности белорусских властей по *заигрыванию* с Западом. Сохраняется некоторая напряженность в отношениях государств ЦВЕ из-за неопределенности вокруг строительства новых трубопроводов, которые будут поставлять газ в регион. Уверенную позицию занимает лишь Польша, которая заключила стратегические соглашения по поставкам газа на ближайшие 25 лет.

- ❑ **Постсоветское пространство.** Не снижается уровень террористической угрозы в **России**. 24 января в московском аэропорту Домодедово произошел крупный теракт, погибли 35 человек, госпитализировано более 100 пострадавших. В декабре 2010 г. в **Белоруссии** состоялись выборы президента, по результатам которых Александр **Лукашенко** переизбран на пост президента. Демонстрация оппозиции была разогнана властями. После негативной оценки ОБСЕ состоявшихся выборов президент официальный Минск принял решение не продлевать мандат офиса организации в стране. В **Киргизии** была создана парламентская коалиция большинства и сформировано правительство. Премьер-министром стал Алмазбек **Атамбаев**. Но внутривнутриполитическая напряженность в Киргизии ведет к росту противоречий внутри коалиции, что чревато ее распадом. В январе обострились отношения Азербайджана и Армении из-за Нагорного Карабаха.
- ❑ **Стратегическая стабильность и ядерная безопасность.** 5 февраля вступил в силу новый российско-американский договор по сокращению стратегических наступательных вооружений. В новой Национальной военной стратегии США, опубликованной 9 февраля, подчеркивается намерение к дальнейшему сокращению ядерных вооружений. Большое внимание в новом документе уделено усовершенствованию возможностей в сфере ПРО. Между тем, представители Североатлантического альянса заявили, что организация пока не готова к созданию совместной секторальной ПРО НАТО и России, которую предложил создать Дмитрий Медведев на саммите НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 г.

Галия Ибрагимова

Ы
В
А
О
С
С
Б
Е
С
О
Д
О
А
П
Х
Б
В
О
А
И
М

«И возвращается ветер на круги своя».

Екклесиаст, или Проповедник,
гл. 1, ст. 6.

Полтора-два года назад казалось, что мир стоит на пороге далеко идущих перемен, природа и последствия которых с трудом поддаются анализу и прогнозированию. Глобальный экономический кризис, считали многие, приведет к масштабным, возможно, катастрофическим сдвигам во всей международной системе. В окружении Барака Обамы говорили о революционных преобразованиях во внешней политике США, что вызывало наивный энтузиазм одних и озабоченность других. Появление Д.А. Медведева в роли президента России породило надежды на новую *перестройку* в духе раннего Горбачева и способствовало нормализации отношений России с Западом, осложненных вторжением в Грузию в августе 2008 г.

 Ирма Аргуэльо (Аргентина), председатель Фонда нераспространения во имя глобальной безопасности – по электронной почте из Буэнос-Айреса: Задержание аргентинскими таможенниками незадекларированного груза оружия и военного оборудования на борту транспортного самолета ВВС США обострило отношения Вашингтона и Буэнос-Айреса. Волна антиправительственных демонстраций на Ближнем Востоке ведет к росту мировых цен на нефть. Это *на руку* режиму Уго Чавеса, который, с одной стороны, выражает солидарность с народами Ближнего Востока, а с другой – использует ситуацию для экономических маневров с поставками венесуэльской нефти и усиления собственной политической линии. Избрание президентом Бразилии Дилмы Рузевф и взятый ею курс на сближение отношений с США и минимизацию связей с Ираном и стало залогом стабильности во всем регионе. Немаловажным событием было подтверждение правительствами Бразилии и Аргентины стратегических отношений двух стран. Позитивно на безопасность в Латинской Америке повлияли состоявшиеся подготовительные переговоры между Чили и Боливией по поводу восстановления Ла-Пасом выхода к Тихому океану. Эти переговоры подтвердили волю правительств и потенциальную возможность решения проблемы, давно ставшей анахронизмом.

Однако ничего драматического в мире не случилось. Экономический кризис продемонстрировал настоятельную необходимость более жесткой и ответственной финансовой политики, но не привел к смене глобальной экономической модели. Американская внешняя политика стала более вялой и еще менее продуманной, чем при Джордже Буше-младшем, но каких-либо принципиальных сдвигов в ней не произошло и не предвидится. Единственная новация – широко разрекламированная *лерезагрузка* отношений с Россией – свелась к заключению нового Договора о СНВ, не имеющего реального значения. Президент Медведев оказался декоративной фигурой. Международная стратегия Москвы по-прежнему определяется воинствующими антизападными установками. Иными словами, мировая политика в очередной раз *вернулась на круги своя*.

НАТО: НОВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Утверждение в ноябре 2010 г. на саммите НАТО в Лиссабоне новой Стратегической концепции Альянса в очередной раз опровергло постоянные спекуляции относительно того, что НАТО *изжила себя* и утратила смысл своего существования. Эта Концепция подвела, правда, на некоторое время, черту под спорами о направлениях и характере ее деятельности. Если она будет реализована, НАТО не только сохранит, но и упрочит свою нынешнюю роль в качестве ключевой военно-политической институции евроатлантического пространства.

После краха СССР в США и Европе сформировалось три основных точки зрения относительно роли и функций НАТО. В странах-членах Альянса, расположенных близко к России, основную опасность видят в политике Москвы. А потому там считают, что, несмотря на завершение холодной войны и появление новых, *неконвенциональных* угроз и вызовов международной безопасности, главная задача Североатлантического альянса осталась прежней – защита его членов от агрессии и угрозы агрессии, прежде всего российской. Государства НАТО, находящиеся сравнительно далеко от России, встревожены распространением оружия массового уничтожения, терроризмом, региональными конфликтами за пределами зоны ответственности Альянса, неконтролируемой миграцией и тому подобным. Лидеры этих стран полагают, что НАТО должна в первую очередь противодействовать именно этим угрозам. Наконец, в политических и академических кругах Европы можно встретить мнение о том, что НАТО должна превратиться в форум для дискуссий и *мягкой* координации действий всех развитых демократических государств на международной арене.

В процессе подготовки новой Стратегической концепции страны-члены НАТО преодолели эти и другие, менее значимые разногласия и утвердили документ, интегрирующий интересы различных групп входящих в нее государств. В нем нашла отражение множественная природа нынешних и перспективных угроз странам евроатлантического региона. Там, в частности, отмечаются опасности, порождаемые распространением оружия массового уничтожения и средств его доставки, террористическими группировками, нестабильностью или конфликтами за пределами границ НАТО и кибератаками. Говорится, что «все страны становятся в растущей степени зависимыми от жизненно важных коммуникаций, транспортных и транзитных путей, необходимых для международной торговли, энергетической безопасности и экономического благополучия». Поэтому, подчеркивают лидеры НАТО, «требуется дополнительные международные усилия, чтобы обеспечить их устойчивость к возможным нападениям или подрыву их функционирования». Подчеркивается, что «ключевые экологические и ресурсные ограничения, включая риски для здоровья людей, изменение климата, недостаток воды и растущие энергетические потребности, [...] будут оказывать потенциально значительное влияние на планирование и операции НАТО»¹.

Другой ключевой элемент стратегии Североатлантического альянса – предотвращение или урегулирование кризисов и конфликтов за пределами зоны ответственности НАТО, в том числе с применением военной силы, там и тогда, где и когда эти конфликты затрагивают интересы ее стран-членов. Концепция умалчивает, вероятно, из соображений дипломатической корректности, в каких географических регионах экспедиционные миссии НАТО наиболее вероятны. Можно предположить, однако, что в первую очередь они могут быть осуществлены в южной части Средиземноморья, а также в бассейнах Черного и Каспийского морей, возможно, в зоне Персидского залива. Вооруженные конфликты в этих районах непосредственно сказываются на безопасности европейских государств, чреваты перебоями в поставках энергоресурсов, усилением незаконной миграции в Европу, разрывом морских коммуникаций и другими малоприятными последствиями.

Планировать и осуществлять эти операции НАТО будет независимо от ООН. По крайней мере, какого-либо упоминания ООН в соответствующем разделе Концепции нет. В другой ее части говорится лишь о намерении НАТО «углубить политический диалог и практическое сотрудничество», расширять контакты и консультации с ООН. Это, разумеется, не случайно. Организация Объединенных Наций и ее Совет Безопасности многократно демонстрировали унижительную беспомощность в решении острых международных

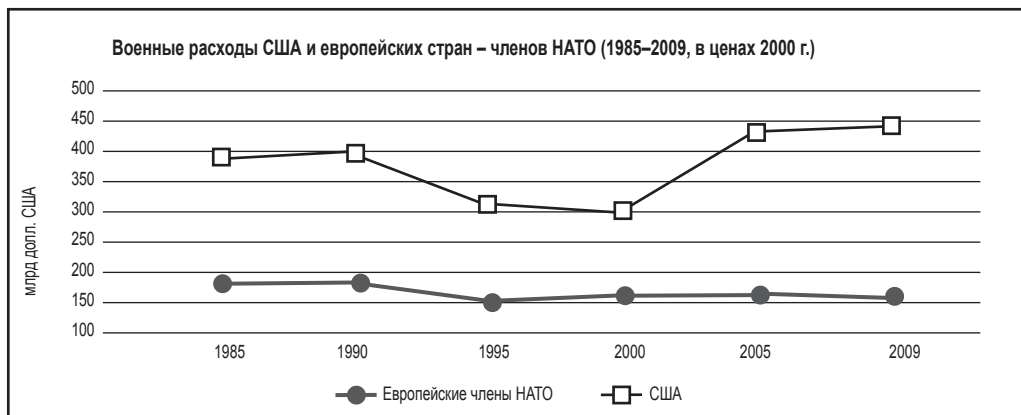

проблем, прежде всего, порожденных ядерными программами Ирана и Северной Кореи. Два постоянных члена Совета Безопасности – Россия и Китай – регулярно блокируют эффективные санкции, способные предотвратить появление ядерного оружия в Иране или его наращивание в КНДР. Учитывая это, НАТО, естественно, не собирается ставить обеспечение безопасности своих членов в зависимость от позиции Москвы или Пекина.

Однако при всей важности *неконвенциональных* угроз безопасности «самой главной задачей Североатлантического союза, – как подчеркивается в Концепции, – является защита и оборона территории и населения наших стран от нападения, как это установлено в Статье 5 Вашингтонского договора. Североатлантический союз не рассматривает никакую страну в качестве своего противника. Тем не менее, ни у кого не должно быть сомнений в решимости НАТО в том случае, если возникнет угроза кому-либо из ее членов». Концепцией предусмотрен ряд мер, призванных сделать сдерживание агрессии убедительным. Среди них – поддержание «адекватного сочетания ядерных и обычных сил»; «способность обеспечивать параллельные крупные объединенные операции и несколько операций меньшего масштаба по коллективной обороне и кризисному реагированию, в том числе на стратегическом расстоянии»; «создавать и поддерживать мощные, мобильные и готовые к развертыванию обычные силы для выполнения наших обязательств по Статье 5»; и так далее.

Хотя об этом прямо не говорится, обязательства по Статье 5 Вашингтонского договора имеют в виду, прежде всего, оборону от нападения со стороны России. Российское вторжение в Грузию в 2008 г. доказало, что Москва готова использовать военную силу для утверждения своего доминирования в регионах, близких к российским границам. А военные учения *Запад-2009* и *Ладога-2009* показали, что Кремль готовится к боевым действиям в балтийском регионе. В штаб-квартире НАТО и столицах государств-членов Альянса сделали необходимые выводы и утвердили план действий в случае агрессии России против Польши или прибалтийских государств.

Существование НАТО как активной и востребованной международной силы обусловлено не только общностью демократических ценностей, свойственных всем ее членам (хотя это никак нельзя сбрасывать со счета), но и стратегическими интересами практического свойства. В частности, обязательство США о защите европейских союзников позволяет последним чувствовать себя в безопасности при относительно небольших, по сравнению с американскими, военных расходах. Действительно, во время холодной войны и вплоть до начала 2000-х гг. совокупные военные расходы европейских союзников США были примерно в два раза ниже американских. Начиная с 2005 г. разрыв между ними вырос до трех раз при примерно равных объемах ВВП. Это фактически позволяет европейцам финансировать социальные статьи бюджетов за счет американских налогоплательщиков. Вместе с тем, в результате недофинансирования военных расходов европейские государства существенно отстают от США в разработке, производстве и принятии на вооружение современных высокотехнологичных систем оружия, средств связи, боевого управления и проецирования военной силы.

Американские военные и политические круги, естественно, раздражены низкими военными расходами союзников по НАТО, особенно учитывая постоянную, зачастую издевательскую и высокомерную критику действий США на мировой арене, типичную для многих европейцев. Однако в США заинтересованы в сохранении в Европе военного присутствия, позволяющего дислоцировать воинские контингенты сравнительно недалеко от районов, представляющих для Вашингтона стратегический интерес. Кроме того, и американский истеблишмент, и общественное мнение не могут игнорировать историческую ответственность Соединенных Штатов за оборону демократических стран Европы и поддержание безопасности в евроатлантическом регионе.

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: МИР БЕЗ АМЕРИКИ

НАТО является ключевой трансатлантической институцией, гарантирующей участие США в обеспечении обороны и безопасности европейских государств. Для того чтобы полнее оценить ее стратегическое значение и в более широком контексте роль американского военно-политического присутствия в стратегически важных регионах, можно было бы представить себе некий *мир без Америки*. Разумеется, это отнюдь не означает, что Соединенные Штаты исчезнут с лица Земли, что является заветным желанием антиглобалистов, левых интеллектуалов, кремлевских мечтателей от Сталина до Медведева; исламских фундаменталистов и прочих, мягко говоря, эмоционально неустойчивых элементов. *Мир без Америки* означал бы, что США вернулись к *мяжкому* изоляционизму, похожему на политику, которую они проводили между двумя мировыми войнами.

Теоретически, подобный вариант возможен. США, в отличие от Европы, могут обеспечить себя большинством природных, в том числе энергетических ресурсов. В стране имеется огромный и емкий внутренний рынок, а сокращение дешевого импорта низкокачественных предметов потребления из Китая может оздоровить экономику и уменьшить безработицу. Мощные вооруженные силы гарантируют защиту от любых посягательств извне. Нельзя исключать, что рано или поздно американцам надоеет защищать безопасность и *проецировать демократию* по всему земному шару, постоянно выслушивая унылые нотации так называемого мирового общественного мнения. Результат будет ошеломляющим.

Европа окажется зажатой между двумя враждебными силами: Россией на востоке и исламскими странами на юге. Чтобы нейтрализовать исходящие оттуда угрозы, европейцы должны будут, как минимум, в несколько раз увеличить военные расходы, а также создать единые вооруженные силы, военно-промышленный и военно-научный комплексы, сопоставимые с американскими. В противном случае у них просто не хватит сил остановить экономическую, политическую и военную экспансию России в восточной части Центральной Европы и в случае необходимости восстановить порядок в южной части Средиземноморья. Некоторые, а может быть – многие европейские государства создадут ядерное оружие. Увеличение военных расходов повлечет за собой снижение ассигнований на социальные нужды. Это затронет, прежде всего, массы мигрантов из Ближнего Востока и Африки, обострит отношения между ними и коренным населением, вплоть до столкновений в крупнейших европейских мегаполисах.

Уход американцев с Ближнего Востока обернется гонкой ядерных вооружений в регионе и, скорее всего, войной между Израилем и Ираном. Единственное, что сейчас удерживает Иран от форсированного создания ядерного оружия – перспектива жестких американских силовых санкций. В Израиле пока продолжают надеяться, хотя эта надежда становится все более призрачной, на американские гарантии безопасности. Но как только американский фактор в регионе ослабнет, арабские страны постараются создать (или, скорее, купить) ядерное оружие, а у Израиля останется лишь один вариант действий – остановить ядерное вооружение Тегерана превентивным ударом по иранским ядерным объектам и ключевым центрам военного и политического управления.

Поворот США к изоляционистской политике приведет к *ядерному домино* и опасной дестабилизации на Дальнем Востоке. Япония и Южная Корея воздерживаются пока от создания ядерного оружия только благодаря американским гарантиям безопасности. Есте-

Ы
В
Р
О
У
С
З
С
Б
Е
О
Г
Р
О
П
Х
Ы
В
О
Р
А
Н
И

ственным ответом на ядерное вооружение этих стран будет наращивание аналогичных вооружений Китая. Кроме того, сокращение американского военного и политического присутствия в Тихоокеанском регионе стимулирует там китайскую экспансию. Последняя чревата столкновением японских и китайских интересов, которое, вполне вероятно, выльется в вооруженное противостояние. А эскалация и без того взрывоопасной обстановки на Корейском полуострове может окончательно подорвать стабильность в северной части Тихого океана.

Можно сконструировать и другие, не менее тревожные сценарии развития событий в «мире без Америки». Но главный вывод очевиден: американское присутствие в стратегически важных регионах, раздраженное именуемое в Москве *монополярным миром*, и американские гарантии безопасности Европе, Японии и Южной Корее являются ключевыми стабилизирующими факторами мировой политики.

РАТИФИКАЦИЯ НОВОГО ДОГОВОРА О СНВ

Любители пропагандистской риторики поспешили назвать ратификацию нового Договора о СНВ победой здравого смысла, в результате которой режим контроля над вооружениями получил некое *второе дыхание*. Министр иностранных дел России Сергей Лавров назвал вступление этого Договора в силу *знаком перемен*, ставшим возможным «благодаря пониманию контрпродуктивности односторонних подходов к обеспечению безопасности. Заложенные в Договор принципы равноправия, паритетности, равной и неделимой безопасности создают прочную основу для современного российско-американского взаимодействия в самых разных областях»². Однако министр Лавров поторопился.

О том, что этот Договор ничтожен с военной точки зрения, я уже подробно писал в одном из предыдущих номеров *Индекса Безопасности*. Он, по сути дела, никого и не в чем не ограничивает. Повторять приведенные там расчеты и аргументы нет необходимости. Но вот о ратификации и связанных с нею обстоятельствах стоит поговорить подробнее. Они могут оказаться в центре острых противоречий уже в ближайшие месяцы.

Озабоченность сторонников контроля над вооружениями, которых Джон Болтон со свойственным ему сарказмом именовал «arms control theologians», вызывала возможность того, что республиканская фракция в Сенате США провалит ратификацию нового Договора о СНВ³. Действительно, республиканцы со всеми на то основаниями были решительно настроены против этого Договора. Кроме того, отказ сената ратифицировать новый Договор наглядно продемонстрировал бы политическую беспомощность Белого дома. Однако имелаась и другая сторона дела. Если бы республиканцы провалили ратификацию, то в глазах общественного мнения, как в США, так и за рубежом, они выглядели бы *поджигателями войны* или, по крайней мере, отставшими от жизни обскурантами. Широкая публика не обязана разбираться в деталях договоренностей по контролю над вооружениями. Она склонна руководствоваться простой, хотя далеко не всегда правильной формулой: наличие соглашений в ядерной области укрепляет, а отсутствие – подрывает международное доверие и безопасность. Понятно, что администрация Обамы обязательно воспользовалась бы этим, чтобы дискредитировать «великую старую партию» и набрать политические очки. Однако в Белом доме, похоже, предпочли не рисковать; во что бы то ни стало, добивались ратификации нового Договора и попали в ловушку.

Республиканцы смогли осуществить элегантную политическую комбинацию. Они проголосовали за ратификацию нового Договора о СНВ, но обусловили это рядом обязательных для Белого дома положений, отражающих их интересы и взгляды. Во-первых, должно быть увеличено финансирование модернизации ядерного оружия и продолжено создание противоракетной обороны США и их европейских союзников. По сообщениям прессы, на модернизацию ядерного арсенала в ближайшие 10 лет США должны потратить 85 млрд долл. Во-вторых, после голосования в Сенате администрация Обамы обязана руководствоваться интерпретациями нескольких принципиально важных положений Договора, не совпадающими с российскими. В частности, США должны будут исходить из того, что неядерные вооружения стратегической дальности не являются «новыми типами стратегических наступательных вооружений», попадающих под дей-

Е.П. Бужинский (Россия), генерал-лейтенант, консультант ПИР-Центра – по телефону из Москвы: Судя по новой военной стратегии США, обнародованной через семь лет после принятия предыдущей администрацией Буша, взгляды Вашингтона и на собственную роль в мире, и на отношения с Россией заметно изменились. Сильнейший удар по идее самодостаточности нанесли войны в Афганистане и Ираке. Как выяснилось, несмотря на их всемогущество, даже одну войну США не могут довести до победы. Отсюда — декларируемая военной доктриной Барака Обамы ставка на широкие международные коалиции. В отличие от доктрины 2004 г., главные опасения США сегодня связаны с Китаем — его стремительно растущей экономической и военной мощью. Именно этим беспокойством и обусловлена отчетливая *востокоцентричность* новой военной стратегии США. В России, несмотря на нехватку ресурсов, худо-бедно начался процесс укрепления и модернизации вооруженных сил, сделавший прежнюю концепцию *младшего партнера* в отношениях с США совсем неуместной. В этой новой для них ситуации США решили, что Россию лучше иметь если пока не союзником, то хотя бы партнером, не пытаясь утвердить свое превосходство. В вопросе дальнейших сокращений стратегических наступательных вооружений, думаю, российская сторона возьмет определенную паузу, с тем чтобы убедиться в том, что выполнение Договора проходит без осложнений. Наиболее значимым вопросом в разоруженческой повестке дня российско-американских отношений остается *размораживание* ситуации с ДОВСЕ. Американцы наверняка активизируют попытки начать диалог по тактическому ядерному оружию. Начавшийся диалог между США, НАТО и РФ по вопросу сотрудничества в области ПРО, надеюсь, приведет к позитивному исходу. Тупик на переговорах соответственно приведет к очередному периоду охлаждения в наших отношениях.

ствии нового Договора. Кроме того, было недвусмысленно заявлено, что новый Договор, в том числе его преамбула, не накладывает на США каких-либо юридических обязательств, препятствующих разработке и развертыванию систем ПРО, кроме статьи, запрещающей использование пусковых установок МБР и БРПЛ для размещения в них ракет-перехватчиков⁴.

Однако самым важным положением резолюции Сената о ратификации нового Договора о СНВ является обращенное к Белому дому требование добиваться переговоров с Россией о сокращении тактического ядерного оружия. Резолюция оставляет открытым вопрос о том, что должны делать США, если Россия откажется от таких переговоров, но, тем не менее, закладывает предпосылки для выхода в этом случае США из нового Договора. В военном и политическом планах такой шаг вполне обоснован. Российское тактическое ядерное оружие вызывает растущее беспокойство не только западных политиков, но и общественного мнения, которые отдают себе отчет в том, что оно может быть использовано в случае вооруженного конфликта между Россией и НАТО.

В целом же резолюция Сената установила юридически обязательные для исполнительной власти США рамки дальнейшего взаимодействия с Россией по проблемам, относящимся к ядерному оружию. Нарушение или неисполнение требований этой резолюции вызовет серьезный скандал в Соединенных Штатах. В свою очередь, Москва оказывается перед дилеммой — либо молча согласиться с американскими интерпретациями Договора, вызывающими раздражение нынешнего российского военного и политического

Б
В
Р
О
С
С
С
Е
Е
О
Л
О
Р
П
Х
Б
В
О
Р
И
М

 Андрей Кортунюв (Россия), президент фонда «Новая Евразия» – по телефону из Москвы: События на Ближнем Востоке и в Северной Африке привели к снижению уровня безопасности в мире. Повышение цен на нефть, которое спровоцировали эти события, может быть выгодно России как крупному экспортеру нефти, но это весьма зыбкая выгода. Вступление в силу нового российско-американского Договора о СНВ в числе значимых, но скорее символических событий периода. Дальнейшая *перезагрузка* отношений между Вашингтоном и Москвой будет зависеть от того, насколько стороны готовы выйти за рамки сохранившейся логики холодной войны. По сути, договор СНВ-3 – это документ, подписанный в соответствии с той же логикой сохранения ядерного паритета между двумя сверхдержавами. Для качественно нового развития двусторонних отношений России и США важно найти новую платформу для взаимодействия. Развитие отношений России и Евросоюза также оставляет желать лучшего. Принятые санкции ЕС против Белоруссии не добавили динамики этому сотрудничеству, хотя и не внесли в него существенных изменений. Судя по реакциям Москвы, Россия не намерена консолидироваться с позициями сторонников санкций, поэтому единого мирового фронта против Лукашенко не сложится.

руководства, либо выйти из него. Но в последнем случае ответственность за срыв Договора и в целом переговоров по контролю над ядерным оружием ложится на российскую сторону.

ОТКУДА ИСХОДИТ УГРОЗА МИРУ

В начале января 2011 г. председатель Комитета по международным делам Государственной думы К.И. Косачев написал:

«Российские военные стратеги исходят из того, что главная (а может быть, и единственная) угроза для страны, как и в советские времена, – это возможный ядерный удар со стороны США. Отсюда – сохраняющаяся ставка на безусловный паритет с американцами в оружии массового поражения и сохранение возможности гарантированного уничтожения противника ответным ударом. Паритет не обязательно означает арифметического равенства по ракетам, но обязательно предполагает достаточное их количество для того, чтобы отбить всякое желание на нас напасть»⁵.

По сути дела, высокопоставленный и хорошо осведомленный политик не сказал ничего нового. Он лишь публично подтвердил то, о чем и в России, и за рубежом писали на протяжении практически всего постсоветского периода: мышление российского генералитета не изменилось со времен холодной войны и, следовательно, сами *российские военные стратеги* представляют собой главную угрозу международной и национальной безопасности.

Война, как утверждает классическая и никем не опровергнутая формула Карла фон Клаузевица, есть продолжение политики иными, а именно насильственными, средствами. А раз так, сразу возникает вопрос: во имя достижения каких именно политических или экономических целей американское руководство может нанести неспровоцированный ядерный или неядерный удар по российским стратегическим силам и центрам управления, рискуя подставить собственную страну под ответный удар? Каких-либо гарантий того, что первый ядерный удар в сочетании с теоретически мыслимыми системами ПРО может со стопроцентной надежностью исключить прорыв нескольких уцелевших российских боеголовок к территории США, не может дать никто, ни сейчас, ни в обозримом будущем. Между тем, даже одна боеголовка мощностью несколько сотен килотонн,

не говоря уже о боезарядах мегатонного класса, нанесет Соединенным Штатам неприемлемый ущерб.

Поэтому США могут рисковать судьбой страны, готовя неспровоцированное нападение на Россию, только если для этого есть исключительно важные экзистенциальные причины. Однако вразумительно объяснить, какие это могут быть причины, российские военные не в состоянии. Чаще всего речь идет о том, что США готовы применить военную силу, чтобы установить контроль над российскими месторождениями нефти и газа. Эта идея, довольно популярная не только в военной среде, но и в российской элите в целом. США, в отличие от Европы, не зависят от импорта российских энергоресурсов. Но предполагать, что европейцы способны развязать ядерную войну против России даже в случае полного энергетического бойкота, можно только в приступе белой горячки. Да и сам такой бойкот крайне маловероятен. Россия не может даже на относительно короткое время отказаться от экспорта нефти и газа, который создает основные доходы страны в твердой валюте. Кроме того, перерыв в поставках энергоресурсов в Европу обернется прекращением поставок из Европы продовольствия и медикаментов для населения, *мерседесов* для элиты, *мистралей* для военных и практически всей высокотехнологической продукции, в том числе двойного назначения. Наконец, предположить, что американские нефтяные монополии готовы эксплуатировать российский углеводородные месторождения после того, как страна в результате ядерного удара будет превращена в радиоактивную пустыню, можно, лишь посмотревшись низкокачественных политических триллеров.

Другое объяснение состоит в том, что Запад и США в особенности не любят Россию, завидуют ей и опасаются ее возрождения в качестве великой державы. В цивилизованных странах Россию, точнее, нынешний российский бомонд, действительно не любят. И вполне заслуженно: большая часть российской верхушки коррумпирована, скверно образована, имеет плохо скрытые преступные наклонности и склонна к репрессивному авторитаризму. Но критическое, даже безразличное отношение к тому или иному режиму отнюдь не означает, что США готовы рисковать своим существованием для того, чтобы этот режим ликвидировать. И, наконец, никто не опасается, что Россия возродится как великая держава. Всерьез эта перспектива просто не обсуждается, поскольку является сугубо гипотетической. Скорее, на Западе тревожатся относительно возможного распада России, имея в виду судьбу российского ядерного арсенала и способность экспортировать энергоресурсы в необходимых Европе количествах.

Иными словами, предположение о возможности неспровоцированного американского ядерного удара по России не имеет под собой никакой основы. Однако оно является исходной точкой планирования развития и, возможно, применения российских стратегических ядерных сил. Этот факт может быть объяснен двояким образом. Один вариант состоит в том, что российский военно-политический истеблишмент подвержен паранойе, причем не в переносном, а в медицинском смысле. Это само по себе является источником угрозы, и для мира, и для России, поскольку тысячи ядерных боезарядов находятся в руках людей, не способных адекватно воспринимать окружающий мир, страдающих манией преследования и галлюцинациями.

Другое объяснение не менее тревожно. Соединенные Штаты могут, помимо своего желания, оказаться вовлеченными в вооруженный конфликт с Россией, вызванный вторжением российских войск в сопредельные с Россией государства. Во время августовской войны на Кавказе вопрос о военном вмешательстве США в нее рассматривался в Вашингтоне на самом высоком уровне. Американское руководство тогда воздержалось от прямого участия в конфликте, но направило военные корабли в Черное море, что остановило российское наступление на Тбилиси. Но никто не может гарантировать, что в следующий раз удастся избежать эскалации конфликта, особенно если объектом военного давления станут государства-члены НАТО.

Одним из наиболее вероятных театров такого конфликта является балтийский регион. Можно предположить, что в российском Генеральном штабе готовят планы военного вторжения в прибалтийские страны или жесткого силового давления на них, под предлогом, например, защиты русского этнического меньшинства. Цель этого заключается

Ы
В
Р
О
С
С
И
Е
Л
О
П
Х
Ы
В
О
Р
У
Ш
И

в том, чтобы радикально ослабить НАТО. Действительно, военно-политический кризис в Южной Прибалтике поставит НАТО перед дилеммой: либо закрыть глаза на российскую агрессию против Латвии, Литвы или Эстонии и не выполнить обязательства по статье 5 Вашингтонского договора, либо пойти на военное столкновение с Россией, которое, скорее всего, перерастет в конфликт с ограниченным применением тактического ядерного оружия.

Уклонившись от защиты Прибалтики, НАТО будет полностью дискредитировано как реальная военная и политическая сила. А в случае эскалации вооруженного противостояния экспедиционный корпус Альянса может потерпеть поражение. Девять дивизий, предназначенных по плану Eagle Guardian для защиты Прибалтики, могут просто не успеть десантироваться и занять боевые позиции и окажутся под угрозой ударов тактического ядерного оружия. Задача российских вооруженных сил при таком сценарии заключается в том, чтобы не допустить массированного применения американских высокоточных вооружений по военным объектам и центрам управления на территории России. Для этого как раз и требуется ядерный паритет с США. Иными словами, суть в том, чтобы, угрожая НАТО применением тактического ядерного оружия в локальном вооруженном конфликте в балтийской зоне, заставить Альянс отступить, принять российские условия и тем самым доказать собственную импотентность.

Военное противостояние России и НАТО настолько опасно, что может показаться абсолютно фантастическим. Однако оно полностью вписывается в логику российской политики, поскольку дискредитация и ослабление НАТО является ее долгосрочной стратегической целью. Это, действительно, приведет к кардинальному изменению соотношения сил в восточной части Европы в пользу России. Есть также свидетельства, что в Москве отнюдь не исключают реализацию таких сценариев на практике.

Крупномасштабные учения всегда показывают, к каким войнам и в каких районах готовятся войска соответствующих государств. В противном случае они бессмысленны. Начиная с 1999 г. российские вооруженные силы регулярно, раз в несколько лет, проводят крупномасштабные военные учения в прибалтийской зоне. В некоторых из них, в том числе в учениях *Союзная безопасность-2004*, *Щит союза-2006*, *Запад-2009* и *Ладога-2009*, отрабатывались действия войск в условиях применения тактического ядерного оружия. Во всяком случае, российское военное командование ни разу не опровергло соответствующую информацию в прессе.

Осенью 2009 г. были приняты поправки в российский Закон об обороне, позволяющие, в частности, «оперативно использовать» вооруженные силы за пределами территории России «для защиты граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации от вооруженного нападения на них». Это положение противоречит международному праву, но главное – в другом. Поправка к Закону об обороне не конкретизирует, что именно является «вооруженным нападением»; какое количество граждан России должно подвергнуться такому нападению, чтобы дать повод для военного вторжения; насколько эффективны или неэффективны меры по защите граждан России, принимаемые властями государства, где такое нападение произошло; должна ли Россия получить санкцию Совета Безопасности ООН, прежде чем «оперативно использовать» свои вооруженные силы за рубежом и так далее. На деле, нынешний Закон об обороне дает возможность Кремлю направить в другую страну любое количество войск в случае, например, драки российских туристов с местным населением, в которой использовались кастеты или бейсбольные биты. Последние вполне могут быть истолкованы как оружие.

Вблизи Прибалтики разворачиваются современные ракетные комплексы *Искандер-М*, способные доставлять как обычные, так и ядерные боезаряды к целям на расстоянии до 500 км. Данные комплексы первыми появились вблизи именно западной границы России, хотя их развертывание на Дальнем Востоке выглядело бы куда более логичным. Это подтверждает, что сделанные в октябре 2009 г. шокирующие заявления секретаря Совета безопасности Н.П. Патрушева относительно применения Россией ядерного оружия превентивным образом в локальных конфликтах никак не случайны. Скорее всего, они более точно отражают планы российского военного командования, чем офи-

циально утвержденная военная доктрина. Заметим, что ни сам Патрушев, ни военно-политическое руководство России никак не объяснило принципиальные расхождения между позицией, изложенной секретарем Совета безопасности России в его интервью *Известиям* и *Российской Газете* поздней осенью 2009 г., и текстом военной доктрины, утвержденной в начале 2010 г.

Москва блокирует сокращение и ограничение тактического ядерного оружия в Европе, либо выдвигая заведомо неприемлемые для НАТО предварительные условия начала таких переговоров, либо вообще отказываясь обсуждать эту проблему. Выступая в декабре 2010 г. в Государственной Думе по случаю ратификации нового Договора о СНВ, С.В. Лавров посчитал «целесообразным подчеркнуть, что наш абсолютный приоритет заключается в том, что сначала надо выполнить обсуждаемый сегодня договор, а далее среди наших приоритетов будет задача понять, как развивается ситуация вокруг противоракетной обороны, как решаются вопросы обычных вооружений в Европе и, конечно же, удастся ли решить проблему предотвращения вывода оружия в космос»⁶. Иными словами, министр иностранных дел России, во-первых, отодвинул начало возможных переговоров по тактическому ядерному оружию на семь-восемь лет, а во-вторых, обусловил согласие на такие переговоры принятием российских требований по европейской ПРО, обычным вооружениям и вопросам, связанным с военными космическими системами.

В 2010 г. был создан Западный военный округ, граничащий с государствами Прибалтики, Польшей, Украиной, Белоруссией, Финляндией и Норвегией. Поскольку в обозримое время войн с Украиной, Белоруссией и, скорее всего, с Финляндией не ожидается, можно предположить, что основные силы этого округа предназначены для вооруженного противоборства с НАТО, прежде всего с Польшей, Латвией, Литвой и Эстонией именно в зоне Южной Прибалтики. В состав этого округа, по официально неподтвержденным сообщениям российской прессы, вошли не менее десяти танковых и мотострелковых бригад, три ракетные бригады, пять бригад РСЗО и артиллерии, в том числе большой мощности, несколько бригад ПВО, две бригады спецназначения, бригады связи, радиоэлектронной борьбы, инженерно-саперные и тыловые части обеспечения, а также три дивизии воздушно-десантных войск⁷. И хотя боеспособность российских вооруженных сил часто и обоснованно ставится под сомнение, войска Западного военного округа заведомо превосходят армии прибалтийских государств.

И ОПЯТЬ ПРО...

В ноябре 2010 г. на военном параде в Пхеньяне были продемонстрированы северокорейские баллистические ракеты средней дальности, известные как *ВМ-25*, или *Мусидан*. Это должно поставить точку в длительном споре относительно того, существуют такие ракеты или нет. Обрывки информации, появлявшейся в разное время в СМИ, складываются в следующую картину. Предполагается, что в середине 1990-х гг. северокорейские власти предложили миасскому ГРЦ им. Макеева, ведущему российскому ракетному конструкторскому бюро, возможно, группе ведущих специалистов этого бюро, разработать для КНДР баллистическую ракету средней дальности на основе бывшей советской БРПЛ *P-27*, известной также как *SS-N-6*. Утверждается, что такая ракета была создана. В отличие от исходной *P-27*, она несет вместо трех одну боеголовку массой 1000 кг, приспособлена для запуска с мобильной наземной платформы и имеет дальность от 3 до 4 тыс. км. Американские разведывательные службы настаивают, что КНДР передала Ирану технологии производства этих ракет и их основные компоненты. Российские военные эксперты отрицают, по крайней мере, отрицали до ноября 2010 г. само существование ракет *ВМ-25*, ссылаясь на то, что никто и никогда их не видел⁸. Если Иран действительно получил такие ракеты или технологии их производства, то ракетно-ядерная угроза Европе приобретает вполне реальные очертания. А создание эффективной защиты европейского театра от иранских ракет становится все более актуальной задачей.

Однако к началу 2011 г. противоречия относительно европейской ПРО в очередной раз вышли на первый план в отношениях России и Запада. США и НАТО, предлагая России сотрудничать в защите Европы от ракетно-ядерного нападения, исходят из того, что ев-

Д
В
А
О
С
С
С
Е
Д
О
А
П
Х
Д
В
О
А
И
М

ропейская и российская системы ПРО должны быть независимы, но *скоординированы*. Хотя детали того, что именно имеется в виду под *координацией*, пока неизвестны, речь, видимо, идет об обмене информацией между российскими и европейскими системами предупреждения о ракетном нападении. Практическая ценность такой *координации* для НАТО вызывает сомнения. Похоже, что предложение о сотрудничестве с Россией в области ПРО было сделано руководством Североатлантического альянса и администрацией Обамы до того, как была сформулирована более или менее внятная концепция такого сотрудничества.

Российская позиция более прозрачна. По словам представителя России в НАТО Д.О. Рогозина, «нас создание двух отдельных систем не устраивает. По сути, это должна быть единая технически интегрированная система. [...] Создание двух систем – это уже не ЕвроПРО. Это будет вести к сдерживанию нашего стратегического потенциала, а мы этого допустить не можем, поскольку ядерное оружие – это гарантия нашего суверенитета». Рогозин также объявил, что Москва требует *двойной ключ*, то есть совместного принятия решений о сбивании ракет, а также чтобы за Россией был закреплен определенный сектор *ответственности*⁹. Похожую точку зрения, хотя и более расплывчато, высказал С.В. Лавров, выступая в феврале 2011 г. на Мюнхенской конференции по проблемам безопасности. Он говорил о *совместной ЕвроПРО*, основанной «на принципах равноправия, сопряжения имеющихся у России и стран НАТО потенциалов, без создания каких-либо проблем друг для друга, на основе взаимного учета интересов и необходимости коллективного противодействия общим вызовам в области ракетного распространения», которая «станет тестом на искренность деклараций о готовности к *партнерству*»¹⁰. Если отвлечься от внешне привлекательной риторики относительно «взаимного учета интересов» и тому подобного, то идея совместной ПРО, основанной на принципах *равноправия* и *двойного ключа*, подразумевает, что Россия имеет решающий голос в определении структуры и характера будущей системы, а также принятии решений о ее использовании. Такой подход для НАТО и США заведомо неприемлем.

Другая идея, предлагаемая Москвой, предполагает создание так называемой *секторальной ПРО*. На первый взгляд, она менее одиозна, чем идея *совместной системы*. Суть в том, что Россия и НАТО создают единый периметр безопасности с элементами ПРО и ПВО, обращенными вовне. Иными словами, не развертываются радары и противоракеты, направленные друг против друга. Каждая сторона берет на себя ответственность за безопасность определенного сектора в рамках этого единого контура, то есть будет сбивать ракеты над зоной своей ответственности. Эти зоны могут пересекаться и выходить за рамки государственных границ. Такая схема взаимодействия России и НАТО не предполагает создания некоей *единой ПРО*, основанной на принципе *двойного ключа*, чего добивается российский МИД, скорее всего, под давлением Министерства обороны. Но для того, чтобы идея *секторальной ПРО* была принята НАТО, последняя должна быть полностью уверена в способности России уничтожить иранские ракеты, летящие над ее территорией и, главным образом, над территориями Украины, Белоруссии и Молдавии. Однако у России таких возможностей нет и неизвестно, появятся ли они вообще.

Иранские ракеты дальностью 2–3 тыс. км будут пролетать над территорией России на высотах от 200 до 600 км, тогда как имеющиеся российские противоракетные системы *C-300* и *C-400* имеют боевой потолок не более 30 км. Противоракеты *51Т6 Азов (SH-11 Gorgon)*, развернутые в свое время вокруг Москвы, могли поражать баллистические цели на высоте около 120 км, однако имели крайне малую точность и потому были оснащены термоядерными боеголовками мощностью в одну мегатонну. Их использование чревато тяжелыми последствиями для территорий, над которыми произойдет взрыв боевой *части*¹¹. По сообщениям российской прессы, эти ракеты выведены из боевого состава. Перспективы создания в России современных высокоточных противоракет с боевыми потолками, существенно превышающими 30–40 км, аналогичных американским ракетам *Standard Missile-3*, *THAAD* и *GBI* (ground based interceptor), остаются весьма туманными.

Таблица 1. Примерные параметры траектории баллистических ракет¹²

Дальность (км)	Высота траектории в апогее (км)	Скорость в конце активного участка (м/с)	Время полета (мин)
1000	260	3100	9
2000	460	4000	12
3000	650	4800	15
4000	820	5400	18
5000	970	5900	21
6000	1100	6300	24
7000	1190	6600	26
8000	1270	6850	29
9000	1300	7100	31
10 000	1320	7300	33
12 000	1370	7500	36

Кроме того, реализация *секторальной ПРО* предполагает, что российские противоракетные комплексы должны быть развернуты на территории Украины и, возможно, Белоруссии или, как минимум, иметь право сбивать ракеты, летящие над территориями этих государств. Следовательно, обсуждать эту идею с самого начала необходимо с участием Киева и Минска, причем нет никаких гарантий, что украинские и белорусские власти согласятся с появлением российских вооруженных сил на своей территории.

В свете этого сотрудничество между Россией и НАТО или Россией и США может заключаться только в обмене информацией, получаемой российскими и американскими (или натовскими) системами предупреждения о ракетном нападении. В России в связи с этим часто упоминается находящаяся в районе Мингечаура РЛС типа *Дарьял*, поставленная на боевое дежурство в 1988 г. Российские эксперты подчеркивают уникальную роль этой РЛС в обнаружении запусков иранских ракет. «При испытательных запусках иранских ракет с северного полигона по трассе в юго-восточном направлении радар в Мингечауре обнаруживает их примерно на 110-й секунде полета, а при боевых пусках в северо-западном направлении еще раньше, что недоступно никаким радарам американской СПРЯУ», отмечал, например, видный российский специалист В.З. Дворкин¹³. Однако РЛС в Мингечауре является азербайджанской станцией, арендуемой российскими военными за символическую сумму 7 млн долл. в год, причем срок аренды кончается в 2012 г. И поэтому, если НАТО заинтересована в использовании информации, поступающей с этой РЛС, то Брюсселю разумней договариваться непосредственно с Баку, чем с Москвой.

Дело, однако, не столько в тактико-технических характеристиках и государственной принадлежности российских и бывших советских РЛС СПРН, которые теоретически можно использовать в целях противоракетной обороны Европы, сколько в том, насколько НАТО может доверять поступающей от них информации. В частности, НАТО или США должны получать информацию от российских РЛС в режиме реального времени, иметь убедительные гарантии, что никакой *фильтрации* этой информации не проводится, а также что эти РЛС способны обнаружить иранские или какие-то иные ракеты, угрожающие Европе. Иными словами, НАТО должна постоянно получать достаточно полную информацию о текущем техническом состоянии и характеристиках российской системы СПРН. Нетрудно предположить, что российское военное руководство заблокирует передачу *потенциальному противнику* любых сведений такого рода. Именно отказ российских военных предоставлять информацию в режиме реального времени погубил проект Центра по обмену данными о пусках ракет, о котором Кремль и Белый дом договорились в самом начале прошлого десятилетия.

Б
Р
О
С
С
И
Я
И
Н
Т
О
П
О
Р
Т
А
И
С
Ш
А

В политическом плане наиболее интересно, почему, выдвигая заведомо неприемлемые для НАТО и США проекты *единой* или *секторальной* ПРО (надеясь, что НАТО примет эти предложения, может только наивный или совсем уж малограмотный человек), российское руководство одновременно в ультимативном тоне заявляет, что если эти проекты не будут приняты, то Россия начнет новую гонку вооружений. Как выразился в ноябре 2010 г. президент Медведев, «или мы достигнем согласия по противоракетной обороне и создадим полноценный совместный механизм сотрудничества, или же (если нам не удастся выйти на конструктивную договоренность) начнется новый виток гонки вооружений. И нам придется принимать решение о размещении новых ударных средств»¹⁴. Объяснение может быть двояким: Кремль либо переоценивает заинтересованность Запада в сохранении нормальных отношений с Россией, либо сознательно провоцирует новый кризис в отношениях с НАТО.

ТУНИССКИЙ СИНДРОМ

Падение авторитарного режима в Тунисе, последовавшие за этим свержение президента Мубарака в Египте, беспорядки в других странах арабского мира и в Иране ставят несколько важных вопросов и позволяют сделать, как минимум, два вывода. Во-первых, произошли события, считавшиеся крайне маловероятными. Разумеется, эксперты-ближневосточники доходчиво, хотя и *post factum*, объяснили, что их причины кроются в неудовлетворенности образованной молодежи и отсутствии у нее жизненных перспектив; в разрыве между общественными ожиданиями и возможностями; в низком уровне жизни; в коррумпированности властей; в отвращении к режимам, правящим страной десятки лет. Не менее правильным, хотя столь же банальным, было указание на то, что современные информационные технологии позволяют мобилизовать разочарованное и раздраженное население на противоборство с властями даже в условиях тотальной цензуры или отключения средств массовой информации.

Однако эксперты не смогли вразумительно ответить на ключевой вопрос: как и при каких условиях формируется некая *критическая масса*, способная трансформировать недовольство в политическое действие, какова природа этой массы и что может являться *спусковым крючком*, приводящим в действие малопонятный в деталях механизм лавинообразного падения авторитарных режимов, казавшихся образцами стабильности?

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива – по электронной почте из Дубаи: Волна антиправительственных демонстраций на Ближнем Востоке однозначно дестабилизирует ситуацию в регионе, но скорее будет иметь значение в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Беспокоит то, что ведущие мировые державы так и не осознали всю глубину и возможные последствия произошедшего. В результате им приходится подстраивать собственную политику под резко меняющуюся ситуацию в регионе. США и ЕС пересматривают стратегические отношения со многими странами Ближнего Востока для того, чтобы быть уверенными, что ситуация находится под их контролем. В дни египетского кризиса много писали и говорили о роли *Facebook*, *Twitter* и других социальных сетей в организации переворота. Но я бы не стал переоценивать их значение. Современные информационные технологии, несомненно, разрушили монополию государства на информацию и расширили возможности для связи между различными группами. Но сами по себе они остаются лишь инструментами влияния в руках определенных политических сил.

Единственное утешение состоит в том, что ответы на такие вопросы не удавалось найти никому и никогда. Уинстон Черчилль, например, писал в начале XX в.:

«Исследователь событий, меняющих ход истории, всегда сталкивается с огромными трудностями, пытаясь выявить и проследить малозаметные и трудноразличимые воздействия, которые во всех сообществах предшествуют вспышкам насилия и восстаниям и прокладывая для них дорогу. Он может обнаружить и надлежащим образом описать множество причин таких событий, но он всегда чувствует, что другие причины ускользнули от его внимания. Изменчивые волны общественного мнения, подспудные токи интересов, соучастия и изменчивых настроений, водовороты алогичных эмоций и невежественных предрассудков порождают силы столь сложные и многочисленные, что заметить, различить и оценить их вклад в надвигающийся шторм является задачей, недоступной интеллекту и способностям человека»¹³.

Иными словами, первый вывод состоит в том, что случаются и будут случаться события, считавшиеся до их наступления настолько малореальными, что их никто не принимал во внимание.

Другой вывод, менее философского, но более практического свойства, можно сформулировать следующим образом: если число активных противников режима, выходящих на улицы и площади столицы с требованиями смены власти, превышает некий критический уровень, скажем, от 50 до 100 тыс. человек, полиция и силы безопасности не могут им противостоять. А армия оказывается перед тяжелым выбором: либо пролить реки крови и подать массовые протесты, либо, сохранив нейтралитет или присоединившись к протестующим, окончательно решить судьбу падающего режима. История недавнего прошлого знает примеры и того, и другого. Так, в 1989 г. танковая дивизия по приказу ЦК КПК в полном смысле слова вдавила в асфальт тысячи студентов, собравшихся на площади Тяньаньмэнь, и спасла тем самым китайский коммунистический режим. В том же самом году армии восточноевропейских союзников СССР остались в казармах и обеспечили, таким образом, успех бархатных революций.

Но многие вопросы, вызванные событиями на Ближнем Востоке, остаются открытыми. Какую роль в них играли организации исламских фундаменталистов? Какие политические силы в конечном итоге придут к власти в странах, освободившихся от бывших властителей? Изменится ли геополитическая ситуация на Ближнем Востоке или новые власти сохранят прежний внешнеполитический курс? И хотя ответов на эти и другие, не менее важные вопросы пока нет, нельзя исключать, что Ближний Восток оказался на пороге кардинальных перемен, последствия которых мы пока оценить не в состоянии.

Естественно, что происходящее на Ближнем Востоке немедленно инициировало дискуссию о том, может ли нечто подобное произойти в России. Аргументы, выдвигаемые в ходе этой дискуссии, очевидны. Противники режима видят в ближневосточных событиях пример своего рода *оранжевой революции*, жизненно необходимой для демократических преобразований в России. Сторонники нынешней власти считают, что это приведет к длительному хаосу и развалу страны. Наиболее изощренные из них призывают к некой *революции сверху*, призванной сохранить режим, сменив персональный состав правящей верхушки. «Запас прочности Вертикали сейчас равен только запасу равнодушия общества. Цемент Вертикали – болотная жижа окружающей среды. Стоит этой жиже колыхнуться – ничтожно, совсем ничтожно – и все... – пишет, например, Л.А. Радзиковский. – Власть может отказаться от своей незыблемости только по одной реальной причине – со страху (почтительное название – «чувство ответственности»). ... Если у власти есть ощущение «выдержим, только без паники» – они на это не пойдут. И, в случае, если они ошибаются, – получат личную и национальную катастрофу. Обычно чувство «не выдержим» приходит слишком *поздно*»¹⁶. Но об этом мы подробнее поговорим в следующий раз. Важно, однако, что и сторонники нынешнего российского режима, и его противники исходят из того, что между Египтом при Мубараке и сегодняшней Россией немало сходства.

Ы
В
Р
О
С
С
У
Б
Е
Д
О
А
П
Х
Ы
В
О
А
И
М

ТЩЕТА И ЛОВЛЯ ВЕТРА

Возникает искушение завершить обзор цитатой из Екклесиаста: все – тщета и ловля ветра. Действительно, умножаются свидетельства того, что политические элиты и России, и Европы, и США не в состоянии выйти за пределы установившихся представлений и стратегических формул, все менее отвечающих меняющимся реальностям мировой политики. А изменения нарастают и приобретают угрожающий характер. В частности, эксперты уверены, и, скорее всего, вполне обоснованно, что *центр* международной системы перемещается в Азию. Это вызывает в памяти одно из наиболее темных мест «Преступления и наказания», известное как *сон Раскольникова*:

«Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. ...Все и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше».

Ох, и непростой человек был Федор Михайлович! Ведь не азиатский же грипп он имел в виду.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ХРОНИКА ОБЪЯВЛЕННЫХ СМЕРТЕЙ

Итак, началось. Теперь уже вряд ли кто-то будет спорить, что наконец-то начался обещанный *новый мировой беспорядок*. Начался, как обычно начинаются наши исторические эпохи, внезапно. Просто пружина, годами накапливавшая напряжение, внезапно распрямилась.

О минувших четырех-пяти месяцах писать и легко, и сложно. Легко потому, что не вызывают сомнения ключевые, формо- и системообразующие события рассматриваемого периода. Бесспорно, это и начало процесса открытой нестабильности на Ближнем Востоке, и несколько новая геополитическая ситуация на Дальнем Востоке, которая напрямую затрагивает интересы и безопасность России, существенное, если не сказать – резкое, осложнение политической ситуации в нашей стране и введение в действие договора о сокращении стратегических наступательных вооружений. Эти события лежат на поверхности, они многократно и с различной степенью глубины откомментированы, их последствия проанализированы. И все, что остается нам, – это попытаться понять, с одной стороны, контекст, в котором произошли эти знаковые события, а с другой, попытаться понять логику происходящего.

КОНЕЦ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА, ИЛИ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЭПОХИ WIKILEAKS

Однако есть нечто, мимо чего пройти невозможно в принципе. Думаю, будет почти банальностью сказать, что скандал вокруг утечек с сайта *WikiLeaks* показал всему миру, что такое мировая дипломатия времен интернета и глобализации. Нет, конечно, все профессионалы неплохо представляли себе степень транспарентности – в плохом смысле этого слова – дипломатических и в целом внешнеполитических процессов. Для этого не нужны были *WikiLeaks* – достаточно было читать новости, когда чуть не каждый день сообщают об утечках информации, хакерах, кражах или потерях компьютеров с секретными данными и тому подобных событиях.

Комментаторы вдоволь потоптались над американской дипломатией, американскими партнерами, союзниками и противниками, читая выложенные *WikiLeaks* документы. Досталось всем. Говорилось, что интеллектуальный уровень донесений крайне невысок, а оценки неглубоки, и это было чистой правдой. Американцев обвиняли в том, что они делают крупные внешнеполитические выводы на основании *кухонных* разговоров, слухов и сплетен, что тоже соответствует действительности. В вину Госдепу (и только ли Госдепу) вменялись грубость и цинизм по отношению к партнерам и союзникам, чего действительно в *утечках* хватает.

Все так, но мне кажется, что в этом мусоре комментаторы проглядели два важных обстоятельства: во-первых, системность, с которой действуют американцы, изучая ситуацию в других странах. Да, конечно, *записки о золотом пистолете* Рамзана Кадырова могут веселить, но мы же не думаем, что это все, что американские дипломаты и *искусствоведы в штатском* передавали в Вашингтон. Американцы собирают всю информацию о стране, которую могут добыть, от всех источников, которые могут достать. Они явно не ограничиваются скачиванием из интернета разного рода *аналитики*, которая потом препарируется и подается как *сведения, полученные от источника, близкого к близким к информированным*. Отнюдь – люди работают *в поле*, и работают весьма интенсивно. И это вызывает большое уважение.

Второе и, наверное, главное обстоятельство – а в каких, собственно, оценках ситуации, что в России, что в других странах, американские дипломаты ошиблись? Вообще-то – и об этом очень удобно судить, поскольку мы обсуждаем оценки, сделанные некоторое время назад – подавляющее большинство оценок были абсолютно точные. В них не было прозрений и озарений, но это и не задача *линейного* дипломата. Но после утечек *WikiLeaks* как-то язык не поворачивается рассуждать о том, что американцы что-то представляют себе *неадекватно*. Они все, во всяком случае, на постсоветском пространстве, да, видимо, и в арабском мире, представляют себе адекватно. Достаточно почитать их оценки *мощи* российской оппозиции.

Напоследок задам один вопрос: никому не показалось, что набор информации, который порциями сливает на нас *WikiLeaks*, тщательно подобран, отредактирован и, что называется, *подготовлен к печати* с учетом внешнего контекста? И кстати, действительно ли ЦРУ, имеющее по всему миру десятки, если не сотни тайных тюрем и пыточных, не могло *решить проблему с неуловимым Джо* Джулианом Ассанжем в Великобритании, которая, конечно, суверенное государство, но с некоторыми особенностями.

Но главное в другом. Если приложить ту картину мира, которой нас одарила история с *WikiLeaks*, к сегодняшним событиям, то становится однозначно понятно, что вообще-то США еще некоторое время назад (вероятно, года полтора назад) вновь стали играть в мировой политике *первым номером*. И делают это под убаюкивающие рассуждения о том, что после мирового финансового кризиса они уже не оправятся. И именно поэтому в нынешнем обзоре нам волей-неволей придется оценивать мировую ситуацию сквозь призму этой пресловутой *игры первым номером* со стороны США. И, надо сказать, интересные обнаруживаются детали.

ЭТОТ БУРЛЯЩИЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Так, кажется, называлась очень сильная книга известного советского арабиста Леонида Медведко, очень неожиданная по своей остроте для тогдашнего ортодоксального времени. *Неожиданные* события на Ближнем Востоке – только на первый взгляд неожиданные. О том, что светские – в рамках традиционной классификации *националистические* – режимы в большинстве ближневосточных стран находятся в предкризисном состоянии, в действительности говорилось много и правильно, в том числе и на страницах *Индекса Безопасности*. Поэтому говорить о внезапности произошедших событий было бы несправедливо. Скорее надо говорить о поучительности.

А все-таки, почему не очень заботящиеся о своем народе лидеры, такие как Хосни Мубарак, Муаммар Каддафи и Зин Абидин бен-Али, правили в свое удовольствие по 20–30–

Ъ
В
Р
О
С
С
С
Е
Г
О
Р
П
Х
Ъ
В
О
Р
Н
М

40 лет, причем львиная доля правления пришлась на период, когда в Вашингтоне только и делали, что рассуждали о демократизации (и даже о силовом экспорте демократии) и правах человека? Почему Ближний Восток превратился в некий заповедник, в котором правители – особенно это видно на примере бен-Али – потеряли всякую связь с реальностью и всякое понятие о том, что нужно вообще-то обращать внимание не только на то, что говорят партнеры по разным международным организациям и клубам, а на то, что думает общество?

Не надо хорошо знать историю соответствующих стран, чтобы понять, что все три государства, которые оказались затронуты народными волнениями в первую очередь (и пока не ясно, как и где эта волна закончится), являлись важнейшими союзниками США в регионе (Тунис, конечно, выглядит некоторым исключением, но только на первый взгляд). А их лидеры царствовали в свое удовольствие исключительно при поддержке США и с их благословения. И именно с их благословения все вопросы, связанные с необходимостью хотя бы для приличия поменять отдельные фигуры во власти и соблюдать стандарты демократии, оставались без ответа. А зря. Еще пять-шесть лет назад у Мубарака была возможность уйти красиво, сохранив за собой образ *отца египетского экономического чуда* – в египетской экономике в годы правления Мубарака произошел очевидный рывок, и страна развивалась вполне успешно, во всяком случае, до конца 1990-х гг. А его семья вполне могла сохранить и после его ухода значимые позиции в национальной политике и экономике. Стоило только намекнуть из Вашингтона. Теперь же из Вашингтона не просто намекают, а прямо указывают, что пора передавать власть кому-то другому. На финальных стадиях процесса выталкивание Вашингтоном Мубарака со своего поста приобрело уже откровенно неприличные формы. Ну и конечно, весело было наблюдать за Лондоном и Парижем, которые, несмотря на все политические изменения, как и раньше, бегут впереди американского *паровоза*. А еще более развеселило то, как в случае с Ливией они попытались вылезти *вперед батьки* и как жестко им было указано их место.

 Дайан Джаятиллека (Шри-Ланка), Посол Шри-Ланки во Франции, постоянный представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, профессор – по электронной почте из Парижа: Набирающие силу антиправительственные демонстрации в арабо-мусульманском мире, независимо от исхода, приведут к изменениям геополитической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке. Но не следует расценивать развитие ситуации лишь с точки зрения негативного сценария. Безопасность в регионе – это динамичный поступательный процесс, а не некое замороженное состояние *статус-кво*. Понятие *безопасность* сегодня включает в себя происходящие в обществе социальные преобразования, чаяния и ожидания народа. Правительства ряда арабских стран зачастую игнорируют эти новые факторы, что ведет к росту недовольства среди населения. Отставка президента Египта Хосни Мубарака – это не гарантия стабилизации ситуации в Египте. В то же время дальнейшее пребывание у власти в арабских государствах правителей, подобных Мубараку, грозит усилением радикальных настроений в обществе. Региону крайне важно разработать стратегию по *мягкому* выходу из сложившегося политического кризиса. Важно, чтобы главными принципами этой стратегии стали проведение открытых, демократических выборов, создание многопартийной системы и консолидация воинских сил. Реализация подобного плана может привести к возникновению абсолютно нового феномена в арабских странах, в некоторых чертах, возможно, схожего с турецкой моделью *перестройки* общества.

Что показательно: никто из серьезных аналитиков даже не пытался говорить, что события в Тунисе и Йемене носят стихийный характер. Попытки свержения правящих режимов в Алжире, Сирии и Иордании вообще носили *заранее объявленный характер*. В Египте элемент стихийности внешне, конечно, был существенно больше, но дело тут, вероятно, в том, что события стали происходить быстрее, нежели ожидали организаторы. Но, так или иначе, за всеми этими событиями явственно маячит могучий силуэт США, которые после скандала с *WikiLeaks* должны, по логике вещей, пребывать в полном унынии. Дело не в том, чтобы осудить американцев за презрение к национальному суверенитету других стран. Они, в конечном счете, решают внешнеполитические задачи своего государства более успешно и по-хорошему агрессивно, нежели кто-то еще в мире. И дело здесь не только в деньгах. Дело в политической воле и системности действий. Да, для интервенции в Ливию и захвата под видом гуманитарной интервенции не столько крупнейшего, сколько ключевого поставщика нефти в страны ЕС и Китай политической воли не хватило. Но и, по правде сказать, сама *попытка интервенции* выглядела экспромтом. Думается, в США, равно как и в большинстве крупных игроков, оказались просто не готовы к тому, что Муаммар Каддафи станет так активно сопротивляться, несмотря на почти полную изоляцию. Но и здесь США проявили недюжинную мудрость и отказались лезть в ловушку, которую им услужливо готовили европейцы – понятно, что в случае военной интервенции именно США понесли бы наиболее значимый политический ущерб.

Что же подвигло американцев на то, чтобы попытаться сменить людей, которые и дальше верой и правдой были готовы служить американским интересам? Вероятно, мы можем и должны предположить, что в США просчитали какую-то такую тенденцию развития ситуации на Ближнем Востоке, при которой превентивная смена дружественного, союзного режима даже с элементами хаоса и гражданской войны (что не является проблемой: в США никогда не считались с жертвами среди *туземцев*) будет выглядеть позитивным вариантом. Что это за развитие событий? Вероятнее всего, в США просчитали, что еще 2–3 года правления прежних режимов, и к власти реально смогут прийти радикальные исламисты. И последствия этого США контролировать уже не смогут. А пока все более-менее управляемо. И что интересно: за исключением некоторой нестабильности в Иордании, революции на арабском Востоке не затронули ни один из режимов, которые считаются *оплотом* американского присутствия: ни Саудовскую Аравию, ни Катар, ни Кувейт, ни ОАЭ. Видимо, с точки зрения хозяев *Facebook* и *Аль-Джазире*, с демократией там все в порядке.

При сегодняшнем раскладе у США есть возможность для маневра, и вполне приличная. Я бы не стал полностью сбрасывать со счетов потенциал нового поколения светских националистов, тем более в руках демонстрантов в Каире было много портретов Г.А. Насера. Вообще, вынужден не согласиться с мнением Е.Я. Сатановского (с которым вообще-то согласен в 90% случаев), что в конце каждой революции в арабском мире маячит фигура бородача с автоматом Калашникова и зеленой повязкой на лбу. История арабских стран все же не столь однозначна, и вариант возникновения в Египте военно-полицейского режима с известными издержками с точки зрения прав человека мне представляется существенно более вероятным. В конечном счете, *демократическая революция* в Египте на 15 февраля 2011 г. закончилась классическим военным переворотом, а впереди уже маячит жесткое завинчивание гаек. Поэтому провозглашать, что США собираются покинуть Ближний Восток и оставить его на попечение *Твиттера*, в принципе пока, думаю, преждевременно.

Что касается Ливии, то развитие ситуации там оказалось во многом для меня неожиданным. Казалось, что Каддафи действительно превратился в политический труп, причем не с началом революции, а лет пятнадцать назад, и что шансов у него нет в принципе. Тем не менее, события пошли несколько по иному сценарию. Думается, дело тут не столько в наемниках из Чада и Нигера, которые, конечно, были, но не они сыграли основную роль в той сече, которую ливийский полковник и его родственники устроили в Триполитании и Киренаике. Было бы ошибкой отрицать то, что значительная часть ливийского общества в той или иной степени после полутора недель колебаний стала

Ы
В
Р
О
С
С
З
С
Б
Е
О
Д
О
Р
П
Х
З
В
О
А
И
И

на сторону своего экзальтированного многолетнего руководителя. И дело тут не только в отсутствии у противников Каддафи лидера, и не в том, что на ливийцев угнетающе мог подействовать пример Туниса и Египта, которые после десятилетий относительного порядка погружаются постепенно в хаос. Дело тут в том, что *революции социальных сетей*, во всяком случае, в арабской трактовке, не рассчитаны на то, что им будут активно, тем более с оружием в руках сопротивляться. Иными словами, виртуальная реальность побеждает до тех пор, пока не наткнется на броню танка или свинец крупнокалиберного снаряда. И дальше ситуация развивается по классическим законам жанра, описанным заметным российским политологом начала прошлого века В. Ульяновым в работе «Государство и революция».

Кто выиграл в данной ситуации? Помимо США – давайте признаем, что этот раунд ближневосточной дипломатии пока остался безоговорочно за Вашингтоном, – следует назвать Иран. Да, именно Иран, поскольку идея светского *умеренного* (в том числе и по отношению к Израилю) национализма в арабском мире, вероятно, дискредитирована на десятилетия. Да и тактически в возникающем хаосе иранскому руководству при всей его прямолинейности и негибкости будет гораздо проще маневрировать, причем уже не только в целях выживания, но и для расширения своего влияния. Конечно, весь этот позитив реализуется, только если современному иранскому руководству удастся удержать под контролем внутренние процессы, а главное – сделать более вменяемой внутреннюю социально-экономическую модель развития. И тут кроется главная загвоздка, как бы сказала *поколение Facebook, засада*: если США не удастся если не *свалить* нынешний иранский режим, то хотя бы заместить его коалицией, где спонсируемые ими силы будут солидно представлены, тактический выигрыш Вашингтона может очень быстро превратиться в стратегический проигрыш.

Иран, оставшись в состоянии отсутствия идейной конкуренции со стороны арабских стран (согласимся, о лидерстве какой-либо из них в исламском мире надо забыть очень надолго), получает не просто дополнительную свободу маневра. Иран получает возможность идейной экспансии, которой он не имел с конца 1980-х гг., когда первичный импульс исламской революции выдохся, а вернее, был бездарно утрачен в ходе войны с Ираком и противостояния с СССР в Афганистане. Отсюда, кстати, вопрос: если американцы понимают эту угрозу, а в том, что они ее понимают, можно не сомневаться, не попытаются ли они канализировать импульс иранской идейной экспансии на север – в Центральную Азию? Благо подтолкнуть новоявленных региональных союзников к антииранским заявлениям – проще простого. Собственно, как они и сделали сразу же после исламской революции 1979 г. Тогда Советский Союз этот маневр проглядел. Интересно, насколько поумнели с тех пор наши политики?

Кто проиграл, причем уже сейчас? Многие аналитики говорят, что Израиль. Возможно, однако, в главном, стратегическом проигрыше окажется Европейский Союз. В конечном счете, США – даже с учетом существенных изменений в составе и настроениях американской элиты – не могут себе позволить ослабить поддержку Израиля. А вот Европейский Союз оказывается в крайне тяжелом состоянии, близком к стратегической изоляции. Но об этом поговорим ниже и несколько более подробно.

Но главный урок не в этом. Сила американской внешней политики заключается в том, что США просчитывают свою внешнюю политику на годы вперед, а не от одной *тусовки восьмерки* до другой. И в том, что США всегда готовы с выгодой для себя *сдать* любого союзника. И показателем здесь является не столько Мубарак, который проявлял порой некие вольности, но Первез Мушарраф, ибо не было более верного *пса* у Вашингтона в Азии, чем он, а теперь насквозь проамериканское правительство явно при одобрении Вашингтона отдает его под суд. То, что происходит сейчас в Египте и по всему Ближнему Востоку, – это большой намек постсоветским элитам Центральной Азии. Если кто-то надеется, что Вашингтон выполнит однажды взятые на себя обязательства, то делает он это совсем зря.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ВООРУЖЕНИЯ: *THE DAY AFTER*

Договоримся о следующем: заключение последнего в череде Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений закрывает страницу истории под названием – *военно-стратегический паритет*. Хорошо это для безопасности России или плохо – судить потомкам, однако нынешнему поколению политиков и политологов понятно, что это было неизбежно. Причем неизбежно не только в силу объективного ослабления России и ее неспособности поддерживать группировку стратегических ядерных сил в состоянии, достаточном для паритета с США хотя бы и в контрценностном обмене. Это случилось лет десять тому назад, а контрсилевой потенциал был утрачен еще в начале 1990-х гг. Закат эпохи стратегического паритета связан объективно, прежде всего, с фундаментальным изменением статуса ядерного оружия в современном мире. Военно-стратегический паритет, основанный на паритете негативных возможностей стратегических ядерных сил, уже не может играть какой-либо значимой роли в современной системе международных отношений. В этом смысле от военно-стратегического паритета отказалась не только Россия, но и США, хотя для России этот процесс сопровождался куда более сильными *фантомными болями*.

Однако уход в историю военно-стратегического паритета объективно оставляет значительный вакуум в сфере безопасности, который пока не создает угроз для России, но явно обозначает контуры вызовов безопасности и международным возможностям нашей страны. В конечном счете, слишком многое в российской стратегии в сфере безопасности, да и вообще во внешней политике, было построено в расчете на доставшийся России потенциал стратегических вооружений. И теперь время думать, как двигаться дальше, чем обеспечивать свои претензии на влияние, но, что гораздо более значимо в стратегической перспективе, зачем, как и в какой форме Россия в дальнейшем сможет использовать свое ядерное оружие.

И в связи с этим будет резонно поставить на обсуждение несколько простых вопросов:

- Продолжает ли ядерное оружие оставаться (как это было в период холодной войны) гарантией от военного поражения? Допускаем ли мы, что в определенных условиях будет более политически рентабельно в межгосударственном конфликте признать свое поражение и поступиться не только политическим престижем, но и территориями, нежели прибегать к применению ядерного оружия?
- Насколько в принципе убедительным в современных условиях будет являться угроза применения ядерного оружия в конфликтах, где речь пока еще не идет о выживании страны? Насколько сам факт наличия у России ядерного оружия и даже потенциала его боевого применения может рассматриваться в качестве средства сдерживания в новой системе угроз и военно-политических отношений, в которые Россия будет втянута?
- Насколько стратегические ядерные вооружения сохраняют значение реально-го военного инструмента, или же они становятся некими символами статуса? Если это всего лишь символ статуса, то тогда, может быть, России действительно необходима новая ядерная стратегия, стратегия минимального ядерного сдерживания, основанная на принципиально иных типах стратегических ракет и боевых блоков?
- Насколько современная группировка сил и средств российских СЯС позволяет осуществить дозированное, стадийное и в целом ограниченное применение ядерных сил с целью не столько стереть противника с лица земли, сколько ограничить его политические и военные притязания?
- Насколько справедливо мнение о расширении спектра потенциального применения тактического ядерного оружия, а значит, и усиления его значимости как военного инструмента? (Забегая вперед, скажу, что мне это мнение кажется очень сильным преувеличением и неким лукавством: в конечном счете, количество ситуаций, в которых ТЯО может быть Россией применено по сравнению

Ъ
В
Р
О
С
С
И
Е
О
Г
О
Р
П
Х
Ъ
В
О
Р
И
И

с холодной войной, не увеличилось – ими остаются военное поражение в конфликте с НАТО и наступление китайских войск на Дальнем Востоке).

Напомню, что практически во всех документах, так или иначе связанных с российской военной политикой (о существовании какой-то интегральной *военной доктрины*, боюсь, на обозримую перспективу придется забыть, да и нужна ли она – большой вопрос), всемерно подчеркивается роль ядерного оружия и стратегического потенциала как основы российской военной политики. Если же мы приходим к нехитрой мысли о том, что роль ядерного оружия существенно меняется в современном мире и применительно к России, прежде всего, то тогда наша уверенность в наличии абсолютных гарантий безопасности страны начинает выглядеть несколько наивно, если не сказать убого.

ПОЛЕ БИТВЫ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ?

Любимое занятие военного аналитика – читать обновленный документ по американской военной политике и выискивать новые нюансы. В новой «Американской военной политике», которую в самом начале 2011 г. представили в Вашингтоне, много интересного и забавного, в частности, вызвавший восторг российских либералов пассаж о партнерстве с Россией. А также возмущивший российских патриотов тезис о готовности применять военную силу в одностороннем режиме. Можно подумать, раньше все было как-то по-иному. Но почему-то взгляд выхватывает из нового документа (кстати, надо отметить, сравнительно качественного и внутренне непротиворечивого) не это, а то, что *де-факто* ключевым для будущего США регионом становится Центральная Азия.

Удивительно, но никто не решается задать вопрос – а зачем США публично декларируют стремление к прямому политическому (а значит, возможно, и военному) контролю над регионом, который, казалось бы, лежит сравнительно вдалеке от ключевых зон интересов *великих держав*? Зачем США декларировать свою готовность инвестировать в союзников в регионе десятки миллиардов долларов (понятно, что на основе *общих демократических ценностей* партнерства с региональными элитами не построишь) в этот регион? Причем если раньше стратегический характер присутствия в регионе мог объясняться необходимостью обеспечения американского военного контингента в Аф-

 Фарход Толипов (Узбекистан), независимый политолог – по электронной почте из Ташкента: События на Ближнем и Среднем Востоке в форме осторожных обсуждений, как на уровне простых граждан, так и в *верхах*, оказывают некоторое влияние на ситуацию в государствах Центральной Азии. Некоторые вполне естественные экстраполяции и ассоциации имеют место в этих обсуждениях. Для этого имеется достаточно схожих черт в политических системах арабских стран и центральноазиатских режимах. Не исключено, что ситуация вокруг досрочных президентских выборов в Казахстане складывается под воздействием событий в арабских странах. То есть казахские власти стремятся действовать на *опережение* событий для придания большей легитимности президенту. С другой стороны, досрочные выборы – это часть задуманного Назарбаевым и его сторонниками сценария по реформулировке все той же сохраняющейся идеи референдума о продлении срока президентства до 2020 г. Неуклюжая попытка придания этому демократического антуража ведет, по сути, к тому же результату – лидер нации остается у власти до 2018 г. Но во всем этом прослеживается некий не совсем ясный пока план, задуманный окружением президента по реструктуризации политической системы страны.

ганистане, то теперь, на фоне разговоров о том, что контингент этот пора из региона выводить, тема несколько повисает в воздухе.

А ведь если отбросить подозрение о том, что американцы подбрасывают всему миру дезинформацию, получается, что США серьезно намерились сделать эту стратегическую инвестицию. Понятно, что региональным элитам дадут на прокорм *пустые* деньги, которых Вашингтон может напечатать практически неограниченный объем. При этом стратегическое партнерство со странами Центральной Азии будет означать принятие на себя определенных обязательств перед ними, а что самое главное, – перед их правящими элитами. Конечно, в отношении *великих сердаров* можно потом будет вести себя так, как повели себя Соединенные Штаты с Хосни Мубараком (и так оно и будет). Но это потом, а пока придется исполнять *ритуальные танцы* перед теми, кого в интернете без обиняков именуют *коррупцированными мясниками*. И если для республиканской элиты во главе с Диком Чейни это было бы нормально, то для либералов из Белого Дома такой маневр неизбежно будет сопряжен не только с моральными издержками, но публичными проблемами. И, тем не менее, США эту позицию декларируют, а значит, они эту ставку должны сделать. И сделать в тот момент, когда вопрос преимущества власти острее всего стоит во всех странах региона, исключая, конечно, Киргизию, где власти в центральноазиатском понимании этого термина нет в принципе, и Туркмению, где режим Бердымухаммедова при всех издержках демонстрирует признаки устойчивости.

Остается только выяснить – зачем. Наверное, не только для того, чтобы *насолить* Москве, хотя и этот мотив, вероятно, присутствует. Способность Москвы управлять потоками ресурсов и основными транспортными коммуникациями как по линии так называемого *Великого шелкового пути*, так и меридиональными, как это ни странно, оказывается тем фактором, который дает право Москве говорить о том, что она имеет существенное влияние на постсоветском пространстве. Без позиций в Центральной Азии Россия – это всего лишь большое, рыхлое государство с отсталой инфраструктурой. Идея контроля над углеводородными запасами региона имеет право на существование, но только как элемент общей картины – в конечном счете, величина этих запасов (за исключением туркменского газа, конечно) и политическая рискованность и затратность любых углеводородных проектов таковы, что нужны иные, более веские основания для того, чтобы декларировать такую мощную ставку.

Есть как минимум три причины, по которым регион становится исключительно важным.

Первое. Как бы мы ни относились к этому факту и ни спорили по цифрам, именно околокаспийские территории (как центральноазиатские, так и закавказские) будут в XXI в. тем резервным (по отношению к Ближнему Востоку) источником нефти, который США могут контролировать. А значит – управлять экономическим ростом и в Европе, и, что самое важное, – в Китае, который, несмотря на усилия по развитию атомной энергетики, останется на обозримую перспективу зависимым от классических углеводородов. Дело не в абсолютном объеме запасов – дело в том, что у Европы и Китая других не будет. Да, остается еще и Россия, но эта ставка еще более рискованна, во всяком случае, пока.

Второе. Из первого пункта, в действительности, вытекает простое суждение, что без контроля – прежде всего, военно-политического – над Центральной Азией становится невозможной реализация транспортных проектов. За эти проекты брались европейцы, которые уповали на *рыночные механизмы* и провалились. Свидетельством тому – бездарное состояние в действительности довольно неглупого проекта *Набукко*. Американцы, вероятно, поняли главное – в этом регионе не экономика рождает политику, а сила порождает власть, которая порождает, в свою очередь, экономику.

Третье, о чем все как-то забыли. Не будем забывать, что Египет был центральной точкой для развертывания американского контингента в случае крупномасштабного конфликта и на Ближнем, и что еще более важно, на Среднем Востоке (инфраструктура для чего была многократно апробирована и в 1980-е, и в 1990-е гг., а также в ходе двух войн против Ирака). Теперь перед американцами совершенно очевидно встает проблема выбора пока еще не альтернативной, но уже резервной точки развертывания военной инфраструктуры, на случай, если событиями на Ближнем Востоке не удастся управлять

Ы
В
Р
О
С
О
С
С
Е
Е
О
Г
О
Р
П
Х
Ы
В
О
Р
И
И

в полной мере. И, если посмотреть на карту, с удивлением понимаешь, что более удобного места, нежели Центральная Азия, просто нет. В определенном смысле она более удобна, нежели Ближний Восток, поскольку дает возможность при необходимости если не открыть, то обозначить *второй фронт* в отношении Китая.

Итак, вместо того, чтобы восторгаться пассажирами о стремлении США к партнерству с Россией, нужно понять, что новая американская стратегия является очень серьезным вызовом для России. Не угрозой, а именно вызовом, – вызовом для ее геополитической состоятельности, для умения выстраивать стратегию на ключевом направлении. Но хорошо бы для начала понять, что является для современной России ключевым направлением.

РОССИЯ И НОВЫЙ МИР: ЗАЧЕМ СПЯЩИЙ ПРОСНУЛСЯ

Глубокое недоумение вызывает активность наших властей по противодействию росту межнациональной напряженности в России. Даже не столько сама активность, сколько пожарный порядок, с которым действия предпринимаются. Какая неожиданность – в России стали расти националистические настроения, в особенности среди молодежи!!! Будто никто не знал о том, что этот процесс исподволь нарастал еще с конца 1990-х гг. Надо сказать, что наша власть многое сделала, чтобы молодая Россия проснулась. Причем с бейсбольной битой в руках и весьма специфическими представлениями о том, как надо вести дела в сфере межнациональных отношений. То, что развитие ситуации в России добром не кончится, умным наблюдателям стало ясно еще ранней осенью, когда вместо вздохов облегчения после безумного лета и дежурной радости по поводу выхода из экономического кризиса российские власти стали встречать урюмое молчание провинции и косые взгляды столицы.

А всего-то надо было еще лет пять назад жестко и однозначно пресечь джигитскую вольницу с лезгинками и автопробегами, о которой знали в стране, пожалуй, все. Надо было жестко пресечь превращение милиции в еще одну преступную группировку, сращенную накрепко с кавказским криминалом, контуры чего стали очевидны еще году в 2002. Но не хотелось отвлекаться от наслаждения *нефтегазовым гламуром*. А теперь нужно будет прикладывать титанические усилия для того, чтобы стратегически опасная, но не совсем беспочвенная и бессмысленная, идея *отделения Кавказа*, как говорится, не овладела массами. И успех тут отнюдь не гарантирован.

Прежде чем делать какие-то выводы о последствиях *пробуждения* для проблематики безопасности, зададим несколько крайне простых вопросов для того, чтобы понять новый контекст нашего существования:

- ❑ Сколько крупных инфраструктурных проектов в настоящее время осуществляется в России, помимо бесконечной саги об Олимпийских Играх в Сочи, еще не начавшегося плача о чемпионате мира по футболу и обросшей многочисленными коррупционными скандалами истории с саммитом АТЭС в 2012 г. во Владивостоке? Ни одного, если не считать пресловутого *Салсана*, но к экономике это, как мы понимаем, имеет весьма отдаленное отношение.
- ❑ Сколько крупных промышленных проектов, стоимостью более 3 млрд долл. каждый, было построено в России за последний десяток лет всех областей промышленности? Ни одного. Не считать же таковым *Сколково*. Проекты величинной в миллиард были, хотя и штучные, однако по-настоящему крупной инвестиции, стратегической инвестиции в российскую экономику, которую еще надо долго *отбивать*, не стал делать никто. Ни российский бизнес, ни зарубежный.
- ❑ Сколько значимых в международном плане брендов было создано за последнее время? Я знаю один – ГК *Росатом*, и еще очень большой вопрос, кто его создал – С.В. Кириенко (при всем бесспорном уважении к нему как к менеджеру) или Л.П. Берия. Этого мало, особенно учитывая то, что целый ряд брендов, которые могли бы стать международными, утратили свою самостоятельность, будучи поглощенными крупными зарубежными компаниями (и наиболее све-

жий пример – *Вимм-Билль-Данн*). Фактически последние 10 лет стали периодом содержательной деградации российской экономики.

- Сколько яхт длиной более 50 м купили за последние 10 лет наши бизнесмены и крупные чиновники? Не счесть.

А теперь попробуйте ответить на те же самые вопросы применительно к Китаю, Бразилии, Малайзии и Индии. И почувствуйте разницу.

И ответив на поставленные выше вопросы, легко можно подобраться к главному: почему на протяжении последних пяти-семи лет по мере роста экономики реальное влияние России в мире в действительности падает? И это уже не могут заслонить апелляции к патриотизму (за которыми скрывается почти конфуцианская идея покорности и почитания режима, сама по себе неплохая, но снимающая с повестки дня вопрос об ответственности режима перед обществом) и великодержавности. Ответ простой: модель развития страны рассчитана на внешние источники роста. Иными словами, живя надеждой на углубление кризиса в США, который сделает американцев податливыми и более сговорчивыми в том, что касается внутривнутриполитических художеств, наша элита, кажется, вообще перестала обращать внимание на то, что творится у нее в стране. Это и неудивительно, если учесть, какая доля наших *героев эпохи гламура* имеет за рубежом уже не только недвижимость, но и паспорта иностранных государств. А кто не имеет, тот очень хочет его получить, о чем свидетельствует пример некоторых наших вроде бы в прошлом *патриотических* политиков.

Конечно, внутреннее *расстройство* в современной России есть проблема внешнеполитическая, а в перспективе и военно-политическая, так как неумное хождение с битой внутри страны рано или поздно приведет к обострению отношений с соседями. Хотя, конечно, кое-кому из наших соседей уже пора стукнуть слегка по темечку, как бы напоминая о нашем существовании...

Продолжая разговор о вопросах безопасности и внешней политики, скажем, что очень симптоматично, что ежегодная февральская конференция в Мюнхене, которая, казалось бы, должна была свидетельствовать о новом статусе нашей страны – как-никак, ее признал публично за партнера Вашингтон, – прошла, причем впервые за много лет, при минимальном интересе к России. Несмотря на помпезность, с которой было обставлено введение в действие Договора СНВ, в реальности на данном знаменитом мероприятии обсуждалось что угодно, только не роль России в мире. И что симптоматично, на прошедшем несколько раньше форуме в Давосе наша страна тоже как-то не звучала, хотя цены на нефть и приличные темпы экономического роста должны были этому способствовать. А главное, Дмитрий Медведев, хоть и в скомканном формате, но озвучил то, что от него хотела услышать мировая либеральная общественность. А в ответ – тишина...

Мне кажется, пора задать вопрос – почему? Потому что серьезные люди на Западе, наблюдая за российской действительностью, сделали вывод, что, несмотря на бодрые рапорты о *всеобщей поддержке* и экономическом росте, нашу страну ждет очень жесткий системный кризис, и что если о чем-то договариваться с Россией на будущее, то делать это надо с людьми, которые переживут этот кризис, и с учетом обстановки, которую этот кризис создаст.

Можно, конечно, по этому поводу начать заламывать руки и *истерить*, горюя по поводу неслучившегося партнерства с Западом. Можно начать проводить аналогии с Египтом: если режим Мубарака продержался 18 дней, то сколько это будет по-русски... Можно рассуждать по этому поводу на либеральных радиостанциях. А можно попытаться сделать выводы, главный из которых должен, вероятно, звучать следующим образом: необходима *девиртуализация* российской политики. Нет, я не к тому, что нужно прекратить писать в *Твиттер*. Я к тому, что виртуальным можно сделать многое. Экономический рост и политику, культуру и здравоохранение. Даже борьбу с терроризмом. Но только на очень короткое время и с печальными последствиями. Для нас это время, вероятно, вышло. Пришло время практических дел.

А вы говорите – стабилизация.

Ъ
В
Р
О
С
С
И
Е
Л
О
А
П
Х
Ъ
В
О
Р
И
И

МОЗАИКА НОВОГО МИРА

Итак, думаю, никто уже не будет спорить, что мы присутствуем при рождении нового мира. И это именно тот мир, который рожден мировым экономическим кризисом. Почему-то все думали, что этот новый мир родится в США, которые мировой кризис задел сильнее всего. Причем родится, если не через распад, то, как минимум, через серьезный катаклизм. И основания так думать были, достаточно было посмотреть на объективные экономические показатели. Однако все произошло несколько по-другому: США, даже учитывая странные флуктуации рейтинга Барака Обамы, являют миру завидную стабильность и отсутствие признаков грядущих катаклизмов. Понятно, что стратегические проблемы американской экономики и политики не решены, но то, что США добились значимых тактических успехов, – бесспорный факт.

Чего нельзя сказать о наших европейских друзьях. За последние пять лет ЕС сделал все, чтобы оказаться в ситуации стратегической изоляции. Уповав на свою экономическую мощь (оказавшуюся *при вскрытии* экономической мощью одной страны – Германии, с небольшим довеском в виде Франции), европейцы умудрились не только втянуться в затяжной экономический кризис, закончившийся кризисом идентичности, но и проглядеть начало весьма неблагоприятных процессов на своей периферии. Кажется, европейцы в своей риторике о демократии и правах человека даже не поняли, какую шутку с ними сыграли их американские друзья, раскачивая репрессивный, однако же стабильный режим Мубарака и вполне сибаритское правительство бен Али. Я уже не говорю о среднесрочных последствиях нестабильности в Тунисе, Ливии и Алжире. Иными словами, Европейский Союз получил в своем *подбрюшье* долгосрочный очаг нестабильности, который будет занудно, но постоянно высасывать из Европы финансовые ресурсы, которые еще останутся после попыток спасти социальное государство. И то, что сейчас происходит на пересылке на итальянском острове Лампедуза, – еще цветочки.

И тут самое время вспомнить, что и на восточном и северо-восточном фланге ЕС ситуация для европейцев складывается самая неблагоприятная: зачем нужно было так грубо и по-снобски отталкивать от себя Турцию и превращать вопрос о визах для России в способ ее постоянного унижения? Вспомнить и понять, что стратегическое положение ЕС, мягко говоря, не свидетельствует о наличии хоть какого-то потенциала глобальной конкурентоспособности. Единственным осмысленным маневром европейцев была попытка стратегического партнерства с Китаем, причем именно попытка – до практической реализации концепции *оси Брюссель–Пекин* дело, кажется, не дошло.

И что самое интересное, европейские политики и политологи, увлеченные самолюбованием, даже не понимают сложности стратегического положения ЕС. Отсюда вопрос – насколько России стоит делать какую-то долгосрочную ставку на политическую систему, которая утратила способность к долгосрочному видению и начинает утрачивать инстинкт самосохранения?

Не менее показательные события происходят на Дальнем Востоке. И тут не приходит на ум ничего лучше, чем чеканная и применимая почти к любой ситуации формула советского агитпропа *два мира – две морали*. Это к тому, что нельзя не отдать должное мудрости северокорейского руководства и не подивиться отсутствию таковой у японского.

Согласитесь, то, как КНДР (подчеркну, не посредники, не США, не Китай, а именно КНДР) *разрушила* почти предвоенную ситуацию на Корейском полуострове, говорит о том, что страной руководят очень умные и прозорливые люди. Вообще, отматывая эту историю назад, почему-то никак не удается избавиться от ощущения, что Южная Корея, по-простому говоря, *нарывалась* на войну или, как минимум, на серьезный конфликт. Действительно, надо быть крайне наивным, чтобы не понимать элементарного: в ситуации неоднозначных внутривнутриполитических процессов, связанных с передачей власти, северокорейское руководство просто не имеет других вариантов ответа на южнокорейские провокации, нежели удвоенный ответный удар. Зачем это понадобилось Сеулу –

большой вопрос, но, вероятно, там посчитали, что только так они смогут актуализировать понимание в США своей роли в грядущем противостоянии – даже не с Пхеньяном, а скорее с Пекином. Почему Пхеньян повел себя в данной ситуации максимально гибко, несмотря на воинственные заявления, остается вопросом открытым. Вероятно, в Пхеньяне четко поняли суть происходящего в мире и решили, что не время сейчас выходить *под софиты*. В конечном счете, вопрос не в том, чтобы уметь пугать мировое сообщество ядерной войной. Вопрос в том, чтобы вовремя давать ему надежду на мир. И Пхеньян вовремя эту надежду подарил.

На фоне этого поведение наших японских соседей не может вызывать ничего, кроме удивления и недоумения. Проблема не в том, что Токио не бросился после визита российского президента признавать суверенитет Москвы над Курилами. И не в том, что военный потенциал Токио, в особенности в военно-морских вооружениях, достаточен для того, чтобы создавать серьезную угрозу российскому Дальнему Востоку. В конечном счете, нынешняя японская политическая элита за последние пять лет привела свою страну к грани полной геополитической изоляции: впервые за всю послевоенную историю Япония имеет неблагоприятные политические отношения со всеми государствами региона. Проблема в том, что своими неумными истериками (и последствия разрушительного землетрясения в данном случае вторичны, хотя и существенны) Токио доказал, что Японию нельзя рассматривать как потенциального партнера России в розыгрыше *ей дальневосточной карты*. По крайней мере, в следующие лет 10. Это существенно усложняет положение России в регионе, который – если, конечно, у нашего руководства хватит мудрости – должен стать источником возрождения российской государственности и укрепления российской экономики.

В целом, надо, присмотревшись к *новому миру*, и к фундаментальным его процессам, и к кажущейся пока несущественной *мозаике*, понять, что не только Евросоюз, но и Россия начинает жить в принципиально новой и не всегда благоприятной геополитической ситуации. Ситуации, когда вновь, как и 15 лет назад, ключевые угрозы безопасности и внешнеполитическим возможностям исходят для нашей страны изнутри, а отнюдь не извне, при всем понимании цинизма целей наших партнеров. И когда будущий международный статус нашей страны зависит не столько от нашей дипломатии, сколько от элементарной способности наконец выработать какую-то осмысленную внешнюю политику. А если это удастся, – порадоваться тому *внезапному озарению*, что объективно единственным направлением, по которому у нашей страны остается серьезная свобода маневра, оказывается, как это ни странно, юго-восток. То есть наша нелюбимая Центральная Азия, которую, боюсь, наша политическая элита куршавельского разлива представляет себе в виде массового скопления Равшанов и Джемшутов. А зря.

Однако если посмотреть внимательно на все те темы, проблемы, реальные и потенциальные конфликты, которые стали актуальны за последние 4–5 месяцев и которым посвящен этот обзор, с удивлением понимаешь, что так или иначе вся геополитическая игра США направлена на то, чтобы подготовить геополитическое пространство к решительному противостоянию Китаю. Во всяком случае, практически все события последнего времени имеют к Китаю самое непосредственное отношение: и стратегическая изоляция Европы, и имитация примирения США с Россией, и нацеленность на Центральную Азию, и волновая дестабилизация на Ближнем Востоке, случившаяся как раз тогда, когда Пекин стал проявлять к региону интерес.

Главный вопрос – крайне простой: смогут ли США управлять всеми инициированными ими процессами, или же уверовавший в свое мастерство повар не справится и побьет тарелки? В конечном счете, ставка слишком высока: речь идет уже не столько о глобальном могуществе Америки, сколько о ее способности поддерживать для себя такие внешнеэкономические условия, при которых состояние внутренней экономики хоть и будет оставаться проблемой, но уже далеко не смертельной. Речь идет о *выживании единственной сверхдержавы*.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

- ¹ Активное участие, современная оборона. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического договора. Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. 2010, 21 ноября. http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_68580.htm (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ² Выступление С.В. Лаврова на 47-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Мюнхен. 2011, 5 февраля. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/f1631eb48c8fa55cc325782e004eba9e?OpenDocument (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ³ Bolton John. Surrender is not an option. Simon & Shuster Inc. 2008. P. 55. Дословный перевод на русский язык выражения «arms control theologians» практически невозможен. По смыслу, хотя и не очень удачно, его можно перевести как «звездочеты от разоружения».
- ⁴ Resolution of advice and consent to ratification agreed to as amended in Senate by Yea-Nay Vote. 71 – 26. Record Vote Number: 298.
- ⁵ Блог Константина Косачева. <http://www.echo.msk.ru/blog/kosachev/739946-echo/> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ⁶ О проекте федерального закона «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений». Стенограмма N 203 (1176). 2010, 24 декабря. <http://transcript.duma.gov.ru/node/3294/?full> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ⁷ <http://www.argumenti.ru/army/n259/80257> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ⁸ U.S.-Russia Joint Threat Assessment Talks. 2009, December. <http://www.wikileaks.ch/cable/2010/02/10STATE17263.html> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ⁹ Габуев Александр. Россия берет ударные обязательства. *Коммерсантъ*. 2011, 25 января.
- ¹⁰ Выступление С.В. Лаврова на 47-й Мюнхенской конференции.
- ¹¹ Грек Александр. Восьмое чудо света: российский радар. <http://www.popmech.ru/article/4954-vostmoe-chudo-sveta/> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ¹² Молчанов Анатолий. Новейшая система ПВО *Триумфатор-М* появится к 2015 году. <http://www.newsinfo.ru/articles/2010-04-30/triumf/730992/> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ¹³ Дворкин Владимир. Либо будет совместная ПРО, либо... *Военно-Промышленный Курьер*. 2011, 9 февраля. <http://vpk-news.ru/articles/7073#article> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ¹⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 2010, 30 ноября. <http://www.president.kremlin.ru/news/9637> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).
- ¹⁵ Churchill Winston S. The Story of the Malakand Field Forces. An Episode of Frontier War. Arc-Manor, Rockville, Maryland. 2008. P. 17
- ¹⁶ Блог Леонида Радзиховского. <http://www.echo.msk.ru/blog/radzihovski/751533-echo/> (последнее посещение – 1 марта 2011 г.).

Алексей Обухов

СЕКРЕТЫ ДИПЛОМАТА-ПЕРЕГОВОРЩИКА

Чем дальше уходит от нас время первых советско-американских переговоров об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), тем бывает интереснее вспомнить, как работала делегация СССР сначала попеременно в Хельсинки и в Вене, а потом – в Женеве в контактах с делегацией США по подготовке проектов соглашений, сыгравших без преувеличения историческую роль в мировой политике и дипломатии.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Переговоры делегаций стартовали в Хельсинки в ненастные сумрачные ноябрьские дни 1969 г. Им предшествовали несколько попыток сторон приступить к делу, но в 1968 г., например, этому помешали августовские события в Чехословакии, вызвавшие вооруженное советское вмешательство. Президент Линдон Джонсон, собиравшийся прибыть в Ленинград, чтобы положить начало переговорному процессу, был вынужден отказаться от поездки. Переговоры начались при вновь избранном американском президенте – Ричарде Никсоне.

Холодная война наряду с политическим и идеологическим противостоянием породила гигантское советско-американское соперничество в области ядерного оружия. Процесс лихорадочного накапливания ядерного оружия и средств его доставки, подхлестываемый доктриной взаимного ядерного сдерживания, которой фактически придерживались обе сверхдержавы, продолжался, приблизившись, а потом и превзойдя порог *сверхубийства*. Гром грянул в октябре 1962 г. – ракетный кризис вокруг Кубы заставил политическое и военное руководство в Москве и в Вашингтоне заглянуть в бездну глобальной ядерной катастрофы и в последний момент, подчинившись воле разума, отступить от края.

Было найдено взаимоприемлемое решение о выходе из кризиса вокруг Кубы, включавшее, в частности, вывод советских ракет с кубинской территории и американских – из Турции. Заключенные некоторое время спустя Договор о запрете ядерных испытаний в атмосфере, под водой и в космосе и Договор о нераспространении ядерного оружия помогли обеспечить импульс для того, чтобы попытаться повернуть вспять ядерную гонку.

В Москве и в Вашингтоне советско-американским переговорам по ОСВ придавалось особое значение. В СССР в орбиту переговоров были вовлечены ведущие силы – Военно-промышленная комиссия, МИД, Минобороны, КГБ, Академия наук. Их руководители во главе с А.А. Громыко образовали *пятерку*, которая о своих предложениях по переговорам докладывала в Политбюро, где принимались окончательные решения. На рабочем уровне под руководством начальника Генерального штаба действовала *малая пятерка*. В рамках МИДа непосредственно переговоры курировал Г.М. Корниенко – начальник Отдела США, а потом первый замминистра. Корниенко контролировал

Ы
Ц
Н
Р
Н
О
Т
А
С
Т
М
С

сложившуюся двухканальную систему переговоров, которая состояла из открытой, официальной части и засекреченного конфиденциального канала Добрынин–Киссинджер.

В этой структуре степень ответственности, ложившаяся на плечи делегации СССР, была весьма высокой. По своему составу она представляла собой, по существу, зеркальное отражение большой и малой *пятерок* и включала видных представителей соответствующих ведомств. При всем том особая роль в направлении и организации работы делегации принадлежала ее первому руководителю – Владимиру Семеновичу Семенову.

Проведший почти всю сознательную жизнь в дипломатии на германском участке, Семенов был назначен на переговоры с США случайно. На этот пост планировался первый замминистра В.В. Кузнецов, который в последний момент был переназначен на переговоры с Китаем, вооруженные пограничные стычки с которым требовали первостепенного внимания и урегулирования.

Встав у руля делегации, В.С. Семенов, возможно, острее других уловил и прочувствовал историческую и политическую значимость переговоров по стратегическим вооружениям и повел линию на то, чтобы поднять переговорный процесс *над рутинной* Комитета по разоружению.

Подход Семенова нашел отражение в стилистике и тональности заявлений делегации СССР на переговорах. Подобно чувствительному барометру, они фиксировали положение по тому или иному аспекту на каждом отрезке переговорного процесса. Нередко в наших заявлениях разрабатывалась какая-либо одна сквозная тема принципиальной важности.

Речь шла не об отвлеченном теоретизировании – изложение общего подхода напрямую увязывалось с решением конкретных проблем, возникших на пути к согласованным формулировкам.

СТАВИТЬ В ЦЕНТР ЛОГИКУ

Стоит освежить в памяти некоторые приемы, с помощью которых Семенов добивался от своих помощников, отвечавших за подготовку проектов заявлений делегации СССР, доказательного, творческого настроя в работе.

Разумеется, все должно строго укладываться в имеющиеся директивы, и вместе с тем никакой *канцелярщины*. Недопустимо, чтобы текст речи, подчеркивал Семенов, напоминал *жвачку*, которую лениво пережевывает корова, улегшись на лугу и разомлев под лучами летнего солнца. Во избежание *жвачки* и в интересах свежести языка и стиля Семенов советовал молодым дипломатам оттачивать приемы полемики, пригодные для переговорной практики. Если на начальном отрезке внутриделегационного обсуждения проекта, говорил он, обнаружится излишняя полемическая заостренность – не беда: «Всегда будет возможность пригасить фары». Так оно и происходило – после доработки первоначальных проектов свет *фар* не бил в глаза.

При этом Семенов никогда не обнаруживал склонности к газетной крикливости. Ни малейшего намека на *сленг* в письменной или устной речи. В официальной дипломатии, да и в политике действуют неписанные правила обихода и этикета. Главное оружие в переговорном споре – строгая доказательность, логика рассуждений. По способности последовательно и всесторонне обосновать на бумаге заданный тезис можно безошибочно судить о готовности специалиста к своеобразному и ответственному роду деятельности – дипломатическим переговорам. На переговорах о твердости ваших намерений контрагент судит не по несдержанности, размашистости высказываний в его адрес. Веские и спокойные доводы убеждают сильнее, заставляют *береговую команду* в столице, куда поступают отчеты о состоявшихся прениях, совершенствовать собственную позицию, изыскивать пути к преодолению возникших препятствий.

Отбор аргументации – важная часть аналитической работы делегации. Нередко приходится отказываться от использования, казалось бы, выигрышного полемического хода, если взвешивание всех «за» и «против» показывает, что этот довод может быть пере-

адресован партнером для подрыва вашей собственной позиции. Оттеснить оппонента его же аргументом – редкая, но большая удача для участника переговорного процесса.

Идеология переговоров всегда оставалась в центре внимания ВС (Вэ-Эс), как за глаза для краткости в стенографических целях именовали Владимира Семеновича Семеновича делегации. (В советском МИДе это была распространенная практика: Василия Васильевича Кузнецова называли Вас-Вас, Георгия Марковича Корниенко – Гэ-Эм. Громыко в просторечии был известен как «Гром».) Ключевое место занимал принцип равенства и одинаковой безопасности. Фактически он воплощал объективный фактор принципиального значения – достижение Советским Союзом к концу 60-х – началу 70-х гг. примерного паритета с США в области ядерных вооружений. Вашингтону, который в течение короткого времени – с 1945-го по 1949 г. – обладал монополией на атомную бомбу, пришлось расстаться с претензиями на военное превосходство. На переговорах, однако, постоянно присутствовала потребность вновь и вновь показывать необходимость строгого соблюдения указанного принципа при выработке конкретных договоренностей. Принцип равенства и одинаковой безопасности – это оселок, который должен определять всю конструкцию будущей договоренности.

Касаясь бережного отношения к идеологии переговоров, Семенов на внутренних совещаниях не раз вспоминал о популярном в СССР руководстве по дипломатической практике английского исследователя Эрнеста Сатоу, в котором выработка такой идеологии вменяется в качестве первоочередной задачи. В подтверждение своей мысли Сатоу в свою очередь приводит наблюдение Кальера – автора вышедшего в Париже в 1716 г. трактата «О методе ведения переговоров с монархами»: «Одним из самых больших секретов искусства вести переговоры является [...] умение внушить своим партнерам, так сказать, капля за каплей те концепции, которые преследуют интересы представляемого посредником [т.е. переговорщиком – А. О.] государства»¹.

Агитацию в пользу достижения равноправной и эффективной договоренности с США с целью обуздать гонку ядерных вооружений ВС осуществлял не только в контактах с американскими представителями. Помню, как в поезде, возвращаясь в Москву с раунда переговоров в Хельсинки, Семенов в течение полутора часов разъяснял представителю *ближних соседей* в делегации П.А. Скопцову благотворные последствия такой договоренности для советской экономики. Те, кто выступают за продолжение гонки, повторяют авантюризм Троцкого, проявившийся в период борьбы за заключение Брестского мира. Нам нужна передышка от сверхрасходов на вооружение. Все это говорилось не столько для Скопцова, сколько в расчете, что приводимые аргументы будут доложены его шефу, Ю.В. Андропову, и сыграют свою роль в формировании настроения в советском руководстве в пользу договоренности с США. В подобных ситуациях ВС умел быть весьма красноречивым. Тезис о Брестском мире был знаком и понятен советской элите.

НЕ ПРЕНЕБРЕГАТЬ СТИЛЕМ

При рассмотрении на переговорах базовых вопросов, развивал свою мысль ВС, не следует гнущаться повторами, воспроизведением уже использованных эффективных и доходчивых аргументов. Повторы – неотъемлемая особенность и красота стилистики библейских текстов, напоминал ВС.

По Семенову, тщательная отработка проектов официальных заявлений на пленарных заседаниях не должна была иметь ничего общего с гладкописью. Прилизанный, выскобленный, бесполой текст нечитабелен. Не оставляет зазубрин в сознании. Он как дистиллированная вода – пресный. Не за что уцепиться. С видимым удовольствием ВС ссылался на авторитет Пушкина: «Как уст румяных без улыбки – без грамматической ошибки я русской речи не люблю». Неожиданный, выпадающий из общего рисунка оборот речи провоцирует мысль и внимание. Текст не улечувивается, а отпечатывается в памяти. Это относится и к телеграфной переписке послов с Центром, делился своим опытом Семенов. Но во всем нужна мера. Литературными *провокациями* злоупотреблять противопоказано, чтобы не перейти черту, за которой начинается развязность или того хуже – жонглирование вульгаризмами. Одна, максимум две *неправильности* в виде соч-

Ы
Ц
И
Н
О
А
Т
С
И

ного слова или выражения на документ в несколько страниц. Не более. Фамильярность в дипломатии непростительна. Составляя донесение, свои эмоции держите в узде. Все определяет врожденный и благоприобретенный вкус пишущего и, в равной степени, читающего.

Кстати, цитируемый Эрнестом Сатоу старый француз Кальер по этому поводу пишет: «Стиль депеш должен быть ясным и сжатым; не следует употреблять в них лишние слов, но и не следует упускать ничего, что помогает ясности речи; в них должна царить благородная простота, равно далекая как от тщеславной погони за ученостью и остроумием, так и от небрежности и грубости; их слог должен быть равно свободен как от некоторых новых искусственных оборотов речи, так и от слов вульгарных, не употребляемых в хорошем обществе»². Сегодня это звучит как своевременное предупреждение против увлечения изысками постмодернистской прозы.

Ссылался Семенов и на метод работы Александры Коллонтай, под руководством которой в годы войны он трудился в советском посольстве в Стокгольме. Коллонтай считала, что телеграммы надлежит составлять предельно прозрачным, почти детским языком. Если есть возможность, лучше дать документу немного отлежаться. Для этого Коллонтай, если позволяла обстановка, запирала готовый текст в стол, чтобы отправить на следующий день или еще позже, внося надлежащие коррективы.

Конечно, новые времена – иные веяния, но прежний дипломатический опыт не теряет в цене. Он – не догма, а собеседник и подсказка.

Семенов предостерегал от употребления в дипломатических бумагах определений, призванных, на первый взгляд, педалировать излагаемый тезис. «В действительности определение отнюдь не усиливает», – говорил ВС. И в этом немаловажном стилистическом аспекте он был солидарен с Сатоу, который поучал: «Никогда не ставьте имя прилагательное перед существительным, если можно обойтись без этого; это только ослабляет впечатление, производимое откровенным заявлением»³. В самом деле: попробуйте удалить из порученного проекта все возможные «весьма», или «очень», или «особо» – и вы увидите, как текст *заиграет*.

Работа над стилем официальных заявлений делегации, конечно, не превращалась в самоцель. На каком-то этапе сочувственно озвучивался извинительный тезис: в смысле красоты стиля нам ведь не угнаться за Львом Толстым. Текст проекта заявления, получивший одобрение после долгих внутриделегационных дискуссий, носил следы компромисса.

МЕНЯТЬ ЯБЛОКИ НА АПЕЛЬСИНЫ

Официальные заявления на пленарных заседаниях содержали не только разъяснения по принципиальным узлам подходов сторон – в рамках заявлений делегации вносили конкретные предложения для включения в проект подготавливаемого договорного документа. Акт внесения делегация СССР обставляла с особой торжественностью. Указывалось, что оно осуществляется по прямому поручению руководства страны. Приводилась развернутая аргументация, разъясняющая, что предлагаемое решение в полной мере отвечает принципу равенства и одинаковой безопасности, учитывает соображения, высказывавшиеся другой стороной, и обеспечивает, тем самым, продвижение на переговорах. Перед внесением проводилась скрупулезная внутриделегационная работа по переводу предписаний директивной установки в юридическую формулу – в виде статьи или пункта статьи – для включения в текст будущего договора. Содержался призыв к американским партнерам со всем вниманием отнестись к советской инициативе и дать на нее позитивный ответ.

В силу переговорной динамики, особенно на начальном этапе обсуждений, вносимые предложения были далеки от подхода американской стороны. Но по установившемуся этикету выражение несогласия, а тем более отклонение с ходу только что изложенной новой инициативы считалось недопустимым. Если в пылу полемики это все-таки происходило, следовал твердый реприманд: «Не можем принять столь поспешной негативной реакции на предложение СССР. Исходим из того, что оно будет передано в Вашингтон,

внимательно проанализировано и на него будет дан обстоятельный ответ в духе конструктивности».

С течением времени, однако, этой или подобной фразой дело не ограничивалось. Руководители делегации США стали инициировать дискуссию уже за столом пленарного заседания – не дожидаясь более удобных послепленарных бесед *тет-а-тет*. На высказывания с американской стороны приходилось реагировать. В результате каждый стремился оставить последнее слово за собой, чтобы не выглядеть *слабаком*, в том числе в глазах бдительных коллег из собственной делегации. Эта пикировка в зале для пленарных встреч – пресловутая борьба за обладание последним словом – больше походила на перепалку, чем на продуктивный диалог. Потребовалось время, чтобы постепенно отойти от этого неудачного обихода.

Внесение нового предложения на заседании делегаций было первым шагом. Оно автоматически передавалось в рабочую группу, возглавлявшуюся с каждой стороны ведущим дипломатом, которому помогали два-три сотрудника из числа военных специалистов. В рабочей группе активнейшим образом использовалась техника заключения пока несогласованных элементов текста подготавливаемого документа в квадратные скобки, которые подлежали удалению по мере сближения позиций и достижения согласия. Работа по снятию квадратных скобок велась под непосредственным контролем со стороны делегаций.

При внесении нового предложения, содержащего подвижку навстречу американской позиции, ВС не упускал случая увязать этот шаг с принятием американской стороной наших ранее представленных инициатив по другим аспектам переговоров. Порою на новое предложение оказывались *навешанными* привязки по двум-трем другим вопросам. По правде говоря, многие такие увязки после неоднократных, в значительной степени ритуальных подтверждений в конце концов отпадали. И все же этот тактический прием помогал стимулировать дискуссию по широкому фронту проблем, оживлял переговорный ландшафт, заставлял не забывать, не откладывать в долгий ящик нерешенные вопросы. В процессе переговоров все такие вопросы должны быть на плаву – в поле зрения делегации, как у искусного жонглера подброшены в воздух не один и не два, а несколько шаров. При определении тактической линии на том или ином отрезке столь многопроблемных дискуссий, как переговоры по ОСВ, ВС частенько обращался к этой аналогии с искусством жонглера.

С этим связан еще один характерный семеновский прием. Переговорный процесс ВС рассматривал как живой организм, а не как собрание засушенных бюрократов с заранее готовыми рецептами, которые, однако, никуда не продвигают. Чтобы развиваться, живой организм нуждается в поддержке. На переговорах, считал Семенов, не зазорно вести себя как на восточном базаре, где, как известно, нередки сделки по обмену совершенно разнородными, не похожими друг на друга товарами. *Размен яблок на апельсины* применим и в деятельности делегаций: одна сторона делает уступку в какой-то области и получает встречную подвижку по совершенно другому аспекту переговоров. Ради чего затевать подобную, на первый взгляд, нелогичную торговлю? Ради продвижения вперед. Для преодоления тупика. В противном случае в диалоге со множеством неизвестных застойные ситуации неизбежны.

Если, по нашей оценке, с американской стороны в ответ на конструктивный советский ход достаточного встречного движения не происходило, наша инициатива становилась *фишкой в кармане* для использования в дальнейших дискуссиях. Американцам в любой момент можно было напомнить: «За вами должок. Мы свой отрезок пути по данному аспекту переговоров прошли». Таким образом, ничто не пропадало зря.

БЕРЕЧЬ ПАТРОНЫ

В дипломатии переговоров ВС был убежденным рационалистом. И с недоверием относился к абстрактным, напыщенным формулам типа *оптимизации политики мирного сосуществования*. ВС нацеливал на точный анализ проблем переговоров с точки зрения здравого смысла – в интересах поиска путей к договоренности. Конкретные цели

Ы
Ц
Н
Р
Н
О
А
Т
С
Т
М

на очередной раунд определялись директивами, а также дополнительными указаниями, получившими у сотрудников делегации шутовское прозвище *долуков*. Эти документы были той *печкой*, вокруг которой выстраивалась стратегия и тактика действий делегации СССР. Тактические приемы служили выполнению задачи наиболее эффективной реализации директивных установок.

На первом этапе проект директив готовился в Москве самой делегацией. В кабинете В.С. Семенова на седьмом этаже высотки на Смоленской проходили многочасовые дискуссии с участием гражданских и военных чинов и сотрудников делегации. Непривычные для гражданского учреждения генеральские и полковничьи мундиры представителей Генштаба в коридорах МИДа не могли оставить равнодушными окружающих. Пробегая мимо, известный китаист и тоже заммининдел М.С. Капица, сверкая белозубой улыбочкой, при виде вышедших на перекур участников переговоров по стратегическим вооружениям с высоты своей монументальной фигуры бросил явно заранее припасенную шутку: «пещерные стратеги». Семеновцев уважали и одновременно, надо полагать, им завидовали за принадлежность к магистральному направлению глобальной политики. Отсюда – мидовский фольклор и острословие.

С течением времени регулярные обсуждения проекта директив для делегации переместились в здание Минобороны – в офис начальника Генерального штаба или его замов, а затем – начальника Договорно-правового управления Генштаба.

При реализации на переговорах полученных указаний Семенов держал себя как строгий и бережливый хозяин. Директивный материал расходовался экономно, под строгим контролем руководителя делегации. *Забегание вперед* было запрещено. Обязательной дисциплиной никто не тяготился – это считалось само собой разумеющимся. По ключевым позициям активно применялась тактика поэтапной реализации, когда, в интересах зондажа, партнера знакомили поначалу не со всей новой позицией, а с какой-то ее частью. Делался намек. На жаргоне участников переговоров – показывали *хвостик* позиции. Такой глубоко эшелонированный образ действий В.С. Семенов называл развертыванием нового предложения *по унциям и серунциям*, то есть понемногу, не спеша, осмотрительно, сообразуясь с реакцией американцев и темпом общей дискуссии.

Оставление до поры до времени в резерве *главного командования* неизрасходованных позиций – это по-военному называлось *беречь патроны* – придавало уверенности в ведении дел, гарантировало от выдвижения раздражающих Центр слезных просьб подослать – по издержании переговорного материала – новые дополнительные инструкции, позволяло вплоть до завершения очередного раунда сохранять инициативу на переговорах.

На внутриделегационных совещаниях, когда решался вопрос о том, чтобы поберечь на будущее ту или иную часть имеющейся директивной позиции (следует признать, что с инициативой пускать в дело новые подходы, как правило, выступала дипломатическая часть – военная часть была консервативнее), ВС, светло-голубыми глазами озорно, поверх очков оглядывая лица делегатов, не раз в порядке завершения дискуссии напоминал стихотворные строки: «Запас карман не трет / Он пить и есть не просит...» Пожилой и интеллигентный академик А.Н. Щукин, специалист в области радиолокации, при этом всегда смотрел в стол, словно опасаясь непечатного продолжения стиха. Этот текст, впрочем, никогда не озвучивался.

Словесные вкрапления от ВС на внутренних совещаниях служили своеобразным стимулирующим допингом для усилий тех, кому поручались проекты официальных заявлений.

ВЫЧЕРКНУТОЕ ОШИБКИ НЕ СОДЕРЖИТ

В делегации СССР сформировался и действовал оглашенный ритуал по подготовке и редактированию главного документа для очередного пленарного заседания – официального заявления руководителя. Обычно укладывались в шесть–восемь страниц. Иногда повествование разрасталось страниц до 11–12, но не более. Набор вопросов для освещения в заявлении определяло руководство делегации с учетом итогов последнего

заседания. Рассмотрение первого варианта проекта назначалось на среду, часов на 11. Вторая половина вторника и вечер для составителей были временем напряженного труда. В поте лица работало машбюро – в ту пору использовались традиционные пишущие машинки на электрической тяге. Никаких компьютеров. Лучшие машинистки МИДа демонстрировали высочайшее качество и производительность.

Первое чтение проекта, как правило, проходило рутинно, спокойно. В итоге, однако, ВС, не удовлетворенный заезженной бесконфликтностью сюжета, нередко высказывал желание коренным образом перекроить текст. «Тема остается прежней. Но попробуйте вывернуть написанное наизнанку. Как перчатку, – обращался он к авторам. – Времени для доработки достаточно. Следует поискать свежие подходы в доказательствах». *Речелисцы*, полагавшие, что они уже достаточно *выложились*, досадовали и между собою чертыхались вслух. А некоторые другие сотрудники втихомолку злорадствовали – предписанная загадочная операция *выворачивания наизнанку* представленного проекта и творческие мучения, связанные с ее реализацией, их непосредственно не затрагивали.

Второе чтение проекта заявления – вечером в среду или в четверг утром – было уже полноформатным. Высказывались развернутые рекомендации по тексту. Сам Семенов и ведущие делегаты от военных предлагали на полях текстуральные добавления. Коррективы умнейшего генерала К.А. Трусова были хорошо заметны на бумаге – он наносил их округлым почерком шариковой ручкой с зелеными чернилами.

Случалось, что в ходе второго чтения вывернутая *перчатка* проекта заявления возвращалась в исходное положение или около того. Это заносилось в графу неизбежных издержек творческого процесса. *Без обид*. Происходило уточнение замысла предстоящей речи.

Нередко возникали споры по поводу адекватности некоторых ключевых положений проекта духу и букве директивных указаний. Внутриделегационные бдения по проектам речей не протоколировались, между тем наряду с записями встреч с американскими партнерами обмен мнениями фактически по тем же вопросам внутри делегации послужил бы любопытнейшей подсветкой для дотошного исследования переговорного процесса. Но чего нет – того нет.

В острых ситуациях ВС, не желая оскорбить чувства никого из спорящих, прибегал к соломону решению: «Все мнения высказаны или записаны на бумаге. Их довольно много. Алексей [т.е. автор этих строк, в течение ряда лет отвечавший в делегации СССР за составление проектов заявлений – А.О.] – человек справедливый, поручим ему воплотить все это в проекте для третьего чтения сегодня к вечеру». Во избежание нового всплеска эмоций мы поступали просто: формулировки, вокруг которых были особенно жаркие разногласия, изымались из текста. По возможности, без ущерба для спорящих сторон. Еще один способ пригасить страсти, к которому прибегал ВС, состоял в том, чтобы прекратить дискуссию фразой: «С учетом обмена мнениями». После чего исполнители приступали к доработке проекта, держа в уме задание главы делегации – учесть высказанные соображения.

Что бы ни говорилось о коллективности творчества при работе над документами, существовали конкретные авторы – как самих текстов, так и поправок к ним. Соответственно возникали разочарования, если та или иная формулировка, представляющаяся удачной находкой, по ряду причин забраковывалась. Чтобы не гасить творческий порыв жесткой критикой, Семенов нередко останавливал дискуссию по какому-либо неординарному пассажиру спасительной сентенцией: «Думаю, мы поступим верно, если данное положение сэкономим». Не выкинем, не выбросим, а именно – сэкономим, то есть отложим до лучших времен, как бы в запас. Закипевшие было страсти стихали. Ничья творческая душа не была посрамлена поражением. Хотя, надо признать, из *сэкономленного* редко что-то вновь извлекалось на свет божий для использования в практической работе. По сути, находило подтверждение первоначальное сомнение, но без шума и споров.

Другой, иронический способ не допустить чрезмерного накала эмоций заключала семантическая сентенция: «Вычеркнутое ошибки не содержит». Это правило направлено, конечно, не на то, чтобы реабилитировать путем вычеркивания какое-то глупое суждение.

Ы
Ц
И
Н
О
А
Т
Р
С
И
С

Если какая-то внешне привлекательная формулировка представляется все же сомнительной по существу, ее лучше вычеркнуть, не объявляя во всеуслышание вредной или грубо ошибочной. Важно то, что оставшийся текст гарантирован от возможной ошибки. Много позже я использовал эту фразу на переговорах с литовцами по делимитации и демаркации государственной границы. Кажется, литовские партнеры оценили ту долю серьезной шутки, которая содержится в этом изречении.

Некоторые дискуссионные пассажи в предлагаемом проекте заявления представлялись интересными, но их трудно было с ходу отвергнуть или принять. В этом случае ВС, желая уберечь новацию от преждевременного забвения, говорил: «Будем считать, что нам запустили блоху в ухо. Давайте переспим ночь с этой блохой, а там посмотрим. Утром, которое вечера мудренее, примем решение». Против *блохи*, запущенной на ночь в ухо, чтобы тебить сознание и не давать забыть о новом повороте мысли, было трудно возразить.

Через много лет после ухода Семенова из делегации, перелистывая научный комментарий к роману Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», обнаружил, что французская поговорка «У меня блоха в ухе» означает «томиться любовным жаром»⁴. Полагаю, ВС шел не от французского словоупотребления – контекст переговоров по ОСВ вынудил существенно переосмыслить это выражение. Но образность осталась. И я по собственному переговорному опыту знаю, что поговорка с успехом может быть использована не в романтическом, а семеновском звучании.

Один из самых внимательных и квалифицированных читателей и критиков делегационных проектов генерал Трусов имел ключевое слово для отвода не понравившихся пассажей. Сталкиваясь с многословием в тексте или излишней, уводящей в сторону аргументацией, генерал, поблескивая очками с тонированными линзами, говорил: «Предлагаю опустить эти волнующие подробности». И зеленой шариковой ручкой ставил жирный *минус* напротив злополучного абзаца. Добрая ирония без единой озвученной скабрёзности помогала авторам пережить очередное обрезание текста.

Процесс обсуждения проекта был подчеркнута демократическим. Правом предложить коррективы обладал каждый из примерно двадцати участников дискуссии. Порою претензии военных к проектам речей, которые согласно распределению обязанностей готовили дипломаты, казались излишними – больше похожими на придирки. Конечно, требования о замене «но» на «однако» удовлетворялись безболезненно. Вместе с тем стремление занять позу цензора над деятельностью гражданской части, выразившееся, в частности, в проведении сепаратных совещаний военных специалистов под председательством генерала, не могло быть принято. Мы исходили из того, что работники, назначенные в делегацию, несут равную ответственность, и делегация призвана действовать как единый организм. Делегационное руководство вяло ворчанию дипломатических низов, и *напряженка* в отношениях развития не получила.

Надо отдать должное последовательности Семенова. Вопреки препятствиям и подводным течениям он, как руководитель делегации, неизменно и изобретательно нацеливал всю работу на главный ориентир – на достижение взаимоприемлемой эффективной договоренности, которая служила бы обузданию бесконтрольной гонки ядерных вооружений. Это умение «гнать шар в одну лузу» – тоже одна из серьезно-шутливых фраз Семенова – ярко проявлялось и в многосложных усилиях по подготовке официальных заявлений на пленарных заседаниях. Как по крупным, так и частным аспектам повестки дня.

Работа над текстом проекта заявления продолжалась до последней минуты – на заседании делегации утром во вторник или в пятницу, то есть непосредственно перед встречей с американцами, начинавшейся в одиннадцать часов, вносилась финальная правка. Иногда она оказывалась существенной – за ночь набегали плодотворные мысли.

Наконец, проект готов к произнесению. По выражению ВС, текст прошел через все *слябинги* и *блюминги* в делегации, то есть был надежно, придирчиво и с пристрастием выверен в результате трех- или даже четырехраундового внутреннего обсуждения.

На каждого участника рассмотрения проекта приходился персональный экземпляр документа. К концу рабочего дня экземпляров проекта с рукописными поправками нака-

пливался целый мешок, предназначенный для сбора черновиков – на тщательную утилизацию.

Официальный статус заявлений, которые произносили главы обеих делегаций, подчеркивался тем фактом, что по завершении заседания производился обмен их текстами в сопровождении неофициального перевода на английский и русский соответственно.

ПРАВИЛА И ПРАКТИКА

По сути, на переговорах по ОСВ шел непрерывный торг, перетягивание каната. Без скандалов и брани – но с желанием непременно продвинуть свою позицию. Атмосфера соревнования накладывала отпечаток на работу по аналитическому разбору новых инициатив и предложений партнера. Все позитивные, компромиссные элементы в позиции американской стороны надежно фиксировались. Если же в советской делегации отмечали, что американские партнеры незаслуженно преувеличивают значение сделанного ими скромного конструктивного *телодвижения* в стремлении получить в качестве платы непомерные встречные уступки, Семенов на внутреннем совещании резюмировал: «Известный ход: делают из мухи слона, чтобы торговать слоновой костью». Впрочем, это, как представляется, весьма распространенный прием в переговорной практике.

Тактические хитрости американцев тоже не оставались без должной оценки. Как правило, цель, которую ставит на переговорах та или иная сторона, может быть достигнута разными способами. Если противная сторона, для которой эта цель неприемлема, отводит один из способов ее достижения, наступает черед новых попыток, но менее откровенных, замаскированных. Подобные поползновения *супостата*, как мы во внутриделегационном обиходе, шутя и слегка пародируя официальную пропаганду, нередко именовали американскую делегацию, Семенов определял емкой фразой: «Ворота открыты, а он в подворотню лезет». То есть – хитрит, в который раз стремится пропихнуть неприемлемое.

О том, как американскими коллегами воспринимаются некоторые особенности нашей переговорной публицистики, я узнал из разговора с руководителем делегации США – Ральфом Эрлом. Однажды субботним утром у дверей супермаркета МИГРО на улице Паки в Женеве я поджидал супругу, которая задержалась с покупками. И вдруг заметил посла Эрла с магазинной тележкой, заполненной провиантом. Он тоже кого-то ждал. Мы коротко поговорили. «Я слышал, вы в делегации СССР занимаетесь подготовкой проектов речей для министра Семенова, – сказал Эрл. – Должен заметить, когда в начале его заявления я слышу фразу, открывающуюся словами «как известно», я готовлюсь к лекции на тему о воплощении принципа одинаковой безопасности, или о дестабилизирующем воздействии американских ядерных средств передового базирования, или о взаимосвязи стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Вы говорите «as it is known», намекая, что это известно всем и каждому, а в действительности излагаете оценки и представления советской стороны». Мы вскоре расстались – каждый по своим маршрутам. В своей уличной ремарке Эрл не особо передергивал – мы в первую очередь заботились о том, чтобы изложить и обосновать советскую точку зрения, но привлекая, по возможности, и конструктивные элементы из американской позиции – в интересах сближения подходов сторон.

Примечательно, что другой глава делегации США генерал Эдвард Рауни (1981–1984) в порядке несогласия с нашими критическими замечаниями в адрес американских предложений пользовался формулой: «It is in the eye of the beholder». В примерном переводе это означает: «Вы вольны так думать» или «Это ваша субъективная оценка». После этого дальнейший обмен мнениями становился затруднительным. Спор умирал сам собой. Собеседники переходили к другому вопросу. Рауни, надо полагать, считал это находкой в плане демонстрации американской твердости.

К тактическому маневрированию Семенову приходилось прибегать не только в отношениях с американцами. Постоянно надо было держать в поле зрения настроения тех военных представителей внутри делегации СССР, которые противились реализации любых компромиссных шагов с нашей стороны под тем предлогом, что США не отвечают

Ы
Ц
Н
Р
Н
О
А
Т
С
Т
Н

взаимностью. Для обоснования пассажей в своих заявлениях, в которых мы не только критиковали американские подходы, но и приглашали партнеров к поиску компромисса, Семенов, предвидя нервную реакцию со стороны *ястребов*, замечал: «Любить и обещать – дорого не стоит». Иначе говоря – наши интересы вне опасности. И добавлял: «Душить в мягких объятиях – испытанное средство в дипломатии». Одной лишь словесной жесткостью многого не достигнешь.

В редкие, совсем редкие, минуты ВС позволял себе пофилософствовать – говорил о «всей целокупности переговорных явлений», о необходимости посмотреть на ситуацию на переговорах с *верхней точки зрения*. Эти заходы развития не получали, если не считать небольшими аллюзией к древнегреческой философии в после пленарных беседах с американцами. Для этого заготовок от советников ВСу не требовалось – он действовал по собственному наитию.

Выше уже говорилось, насколько ответственным является акт внесения на переговорах нового важного предложения, которое, как правило, оформлялось в виде юридической формулы для включения в проект вырабатываемого договора. Если этот шаг предпринимался американской стороной, то с ходу задавались два-три вопроса по уточнению содержания новой инициативы. Затем в домашних условиях она подвергалась анализу и по ней ставили уже целый ряд продуманных и особо каверзных вопросов. Такому же вопросу подвергались и наши предложения со стороны американцев. Это – нормальная переговорная процедура. Порой довольно болезненная для того, кому задаются вопросы. На действительно вездливые вопросы не стоит спешить с ответом – лучше взять их на проработку и ответить позднее. Но в принципе с учетом хода дискуссии на переговорах большинство наиболее характерных вопросов можно предвидеть заранее и подготовиться к ним. Нередко вопросы, задаваемые партнерам, помогают глубже понять собственную позицию, вскрывают имеющиеся бреши в ней, которые необходимо *подремонтировать*, и, в конечном счете, работают на продвижение к договоренности.

Одна из *вечных* тем на переговорах по ОСВ – наше требование об учете в ядерном балансе между СССР и США американских ядерных средств передового базирования (ЯСПБ) по причине досягаемости ими целей на советской территории. В распоряжении СССР аналогичных ядерных средств, которые могли бы угрожать территории США (за исключением Аляски), не было. Американцы возражали, заявляя, что не допустят вовлечения в двусторонний переговорный контекст проблем взаимоотношений Вашингтона со своими союзниками. Если говорить о ЯСПБ, утверждали наши партнеры, то не избежать рассмотрения ядерной угрозы со стороны СССР в отношении союзников США, расположенных вдоль его рубежей. В свою очередь мы показывали, что без учета ЯСПБ невозможно адекватно оценить соотношение советских и американских ядерных сил. Толковать о паритете, выводя ЯСПБ за скобки, это все равно, что утверждать: «Дважды два – пять». Используя метод доведения позиции оппонента до абсурда, ВС в том числе с помощью такой аргументации критиковал доводы американской стороны в беседах с послом Алексисом Джонсоном. Кажется, это было одобрительно встречено цековскими кураторами. В конечном счете, тематика ЯСПБ в значительной степени вошла в канву советско-американских переговоров по ядерным средствам средней дальности.

Волею дипломатических судеб Семенов оказался у истоков диалога с США на уровне делегаций по вопросам ограничения стратегических вооружений. Совершенно новая и чувствительная область. Он подошел к выполнению возложенной на него миссии в первую очередь как дипломат-политик. Тогда о конкретных типах ядерных вооружений в прессе говорилось скупо. Рассуждали преимущественно об их видах – межконтинентальных баллистических ракетах (МБР), баллистических ракетах подводных лодок (БРПЛ), тяжелых бомбардировщиках (ТБ), системах ПРО. Судя по всему, на начальных этапах в рамках делегации СССР имел место запрет на любое упоминание того или иного типа советских стратегических ракет. Доходило до абсурда. Однажды в начале женевского этапа переговоров в проекте заготовки для беседы Семенова с американским партнером я использовал цитату из предыдущих высказываний представителей США, в которых была упомянута ракета *СС-18* (натовское обозначение нашей тяжелой МБР), последовало замечание от представителя *ближних соседей* в делегации. Об инциденте пришлось доложить Семёнову – дело было улажено.

Но *правила игры* ВС соблюдал свято – в детали военной техники не погружался принципиально, оставляя эту сферу представителям Минобороны, а также – в пределах их компетенции – ведущим дипломатам, в разное время работавшим в делегации – Р.М. Тимербаеву, О.А. Гриневскому, В.Г. Комплектову, В.П. Карпову, В.В. Смолину. Под свой полный и безраздельный контроль Семенов брал политическую, стратегическую, дипломатическую сторону переговоров. Тут его авторитет был бесспорным и подавляющим. Этот свой стиль поведения ВС время от времени не без кокетства обозначал на внутриделегационных заседаниях перед военными, на плечах которых блестели полковничьи и генеральские звезды, ироничной фразой: «Я всего лишь рядовой – необученный». Тем самым ВС давал ясно понять, что эффективно определять стратегическую и тактическую линию делегации на переговорах можно и не располагая самому специальными знаниями в области ракетной или авиационной техники. Обеспечить необходимую информацию на этот счет – обязанность советников и экспертов. Военные понимали, что, говоря о своей *необученности*, ВС лукавит – в ткани переговоров он разбирался абсолютно.

Для начальных лет переговоров подход Семенова был, по-видимому, оптимальным. Генерал Н.Н. Дединов, многие годы проработавший в аппарате Совмина, ЦК, а потом и в делегации, свидетельствовал, с каким обостренным вниманием относились к телеграфным донесениям Семенова в Кремле и на Старой площади: «Ловили каждый нюанс, стремясь вникнуть в позицию Вашингтона».

ОСВ-2 ПОДПИСАН

С течением времени, однако, характер обсуждений менялся. Политика осталась – без нее никуда. Но неизбежно она стала обогащаться технической составляющей. Переговоры все дальше идут вглубь проблем ядерных вооружений и интрузивного контроля над их ограничениями. Если бы офицеру по безопасности, который в начале 1970-х выговаривал мне за процитированное из американского заявления упоминание советской МБР *СС-18*, удалось почитать публикации газеты *Независимого Военного Обозрения* конца нулевых годов по вопросам замены Договора СНВ-1 на новое соглашение, можно не сомневаться, его реакция была бы драматичной. За 40 лет пройдена огромная дистанция – свершилась настоящая информационная революция. Рамки допустимой информации на переговорах раздвинулись радикально. Переговоры развиваются в атмосфере транспарентности. По-видимому, ко второй половине 1970-х гг. и отстраненность самого ВС от сугубо военно-технической конкретики стала ощущаться как недостаток.

Надо сказать, что и нас, рядовых дипломатов, никакой предварительной технической информацией о вооружениях, являющихся предметом переговоров, не обеспечивали. Полезные знания приходили постепенно сами по себе. О том, как выглядят шахтные пусковые установки (ШПУ) МБР, мы узнавали по фотографиям в американских журналах. Вблизи баллистические ракеты можно было увидеть на военных парадах в Москве. Такое положение обеспечивало рядовым работникам-дипломатам и, я уверен, Семенову внутреннее спокойствие – никаких военных секретов мы не знали. Ненароком коснуться запретной темы в контактах с *сулостатом* были просто не в состоянии. ВС хорошо усвоил предупреждение, полученное им от Л.И. Брежнева во время инструктажа перед началом переговоров в Хельсинки. Если случится прокол по части секретности, наемнул советский лидер, то виновным не миновать решетки, и он выразительно изобразил ее, наложив одну на другую ладони с широко расставленными пальцами.

Нарушению нашей технологической *невинности* в ядерных вопросах способствовала американская сторона. Помнится, большой переполох вызвала официально переданная нам в рабочей группе в качестве иллюстративного материала обобщенная схема головной части баллистической ракеты с РГЧ индивидуального наведения. Долго бились над термином «shroud». Он оказался многозначным. Допустимо перевести на русский как «саван». На этот счет в делегации было запущено много шуток в стиле *черного юмора*. Как выяснилось, речь шла об обтекателе ракеты. Сейчас, в начале XXI в. в открытой печати обсуждаются куда более *интимные* подробности, касающиеся устройства ракетно-ядерных систем.

Ы
Ц
И
Р
Н
О
А
Т
С
И
С

Сплав дипломатии и военной экспертизы исправно работал и в советской делегации. С самого начала переговоров был согласован принцип использования национальных технических средств (то есть разведывательных спутников) для контроля за выполнением устанавливаемых обязательств. При подготовке договора ОСВ-2 встал вопрос о под-уровне на МБР и разделяющиеся головные части (РГЧ) индивидуального наведения. Но как с помощью НТСК отличить пусковые установки таких ракет? Генерал Трусов показал, что пусковые установки МБР с РГЧ ИН имеют наблюдаемые отличительные признаки. Помнится, эксперты-дипломаты вместе с полковниками Салтыковым, Куклевым и Колтуновым трудились несколько дней, чтобы подготовить выверенный проект советского подхода по данной проблеме.

Другой пример плодотворного сотрудничества дипломатов и военных в делегации – выработка проекта определения ТБ, оснащенных и не оснащенных крылатыми ракетами большой дальности – для договора ОСВ-2.

Помимо проекта заявления, на пленарном заседании для ВСа составлялись также тезисы для использования в послепленарной беседе с руководителем делегации США. Они печатались на бумаге желтого цвета сорта *верже* – на половинке обычного листа. Семенов забирал *половинки* с собой, положив в карманы пиджака. Заготовки к беседам также обсуждались и утверждались на делегации. Они содержали комментарий на возможные вопросы с американской стороны, а также на соображения в развитие тезисов, которые легли в основу нашего официального заявления на заседании. В ходе беседы ВС нередко отходил от текста *половинок* и, напротив, многие заготовки реализовывал в полном объеме. Составление реплик для послепленарных бесед также ложилось на плечи речеписцев. Времени, чтобы перевести дух, оставалось в обрез, если учесть, что нередко главы делегаций условливались о внеочередных встречах в середине недели – в среду или четверг.

В наши дни принятая в делегации СССР процедура подготовки документов кому-то может показаться громоздкой, но с такой оценкой согласиться невозможно. По-другому, особенно на первом этапе переговоров об ОСВ, действовать было нельзя, чтобы не вызвать межведомственных раздоров. Фактически делегации СССР и США по численности, по уровню экспертизы, по оснащенности техническим персоналом, по длительности раундов весьма напоминали самостоятельные посольства. Это были *фабрики* по производству *строительного материала* – текстов, статей, пунктов и подпунктов, согласованных заявлений, протоколов и т.п. – для будущих договоров. Прежде чем удавалось снять скобки вокруг спорных моментов и добиться согласия по всем аспектам обсуждаемой проблемы, проходили месяцы напряженного труда на всех уровнях, включая рабочую группу. Активное непосредственное участие в этой работе развивало в дипломатах, пристраившихся к переговорам, вкус к политике, дипломатической полемике – жесткой, но начисто лишенной сквернословия – и к филигранной точности юридических формулировок. В этом смысле переговоры по ОСВ были уникальной школой дипломатии, причем функционировавшей в условиях холодной войны. Адресуясь к исполнителям, Семенов не устал подчеркивать, что подготовленные в делегации официальные тексты, включая юридические формулы, должны быть «безукоризненными – точными и отчеканенными, как денежный знак». Ни малейшего изъяна.

Конечно, каждому овощу свое время. Постепенно нарастала потребность в более мобильных, раскрепощенных обсуждениях на переговорах, нацеленных на результат. Горбачев потребовал избавиться от *нафталина* на переговорах, т.е. от бесплодных дискуссий. На переговорах по ядерным космическим вооружениям в 1987 г. при Ю.М. Воронцове, когда Семенов был уже на пенсии, от частых пленарных заседаний отказались – их заменили менее официальные рабочие встречи и беседы, на которых шел интенсивный поиск договоренностей. Но даже эта радикальная смена переговорного ритма показалась недостаточной для новой волны политиков, пришедших во властные структуры России в конце 1991 – начале 1992 г.

И все же объективно оценить стиль ведения переговоров можно, лишь сообразуясь с особенностями эпохи. Вклад в советскую и мировую дипломатию со стороны В.С. Семенова, руководившего делегацией СССР при выработке Договора по ПРО и Временного соглашения 1972 г., а также в значительной мере Договора ОСВ-1, подписанного

в 1979 г., неоспорим и весом. Семенов был человеком творческим и жаждо созидания, новаторства умел влить в сердца своих сотрудников.

На заключительном этапе президентства Никсона были сделаны новые шаги, направленные на обуздание ядерной гонки. Москва и Вашингтон договорились об уменьшении до двух – по одному для каждой из сторон – разрешенных районов размещения средств ПРО. В 1974 г. в Москве был подписан пороговый Договор об ограничении подземных ядерных испытаний. Однако работа над Договором ОСВ-2 столкнулась с серьезными трудностями. На встрече Л.И. Брежнева и президента Джеральда Форда в 1974 г. во Владивостоке переговорам был придан солидный импульс, но потом опять дело не заладилось. Победивший на выборах новый президент США Джимми Картер не сразу сделал переговоры по ОСВ своим приоритетом. Политика разрядки, достигшая пика на московском *саммите* 1972 г., шла на убыль.

Семенов с повышенным вниманием вглядывался в колебания политической конъюнктуры. С американской стороны фактор неопределенности усиливался из-за быстрых перемен в Белом доме. Они следовали одна за другой: Никсон – Форд – Картер...

Одна из любимых фраз Семенова: «Тьма сгущается перед рассветом». Это когда споры вокруг какой-то застарелой проблемы достигают апогея, взаимное раздражение участников переговоров плещет через край, перспектива неразличима – в общем, сплошной мрак. И вдруг – наступает развязка. Проблема за счет взаимных усилий оказывается решенной. В случае с Договором ОСВ-2 *рассвет* для Семенова так и не наступил. Доработку в значительной мере продвинутого документа завершал его преемник.

На партийном собрании в Отделе США, в котором я принял участие, находясь в Москве в перерыве между женевскими сессиями, с докладом выступил заммининдел Г.М. Корниенко. Ответственность за низкую продуктивность в решении спорных вопросов на переговорах он возложил на делегацию. Зная о мучениях делегации, которой приходилось работать, не получая свежей директивной подпитки, в своем выступлении я позволил себе вступить в вежливый спор с заместителем министра: «Делегация до конца использовала весь директивный запас, в буквальном смысле дошла до костей наших переговорных позиций. Необходимы допуски».

Надо полагать, Корниенко сетовал на то, что руководство делегации не проявляет должной инициативы в постановке перед Москвой вопросов, направленных на преодоление возникших тупиков. Вместе с Семеновым я побывал на одном из заседаний *малой пятерки* в кабинете первого заместителя начальника Генштаба М.М. Козлова, на котором слушалась информация руководителя делегации о положении дел на переговорах в Женеве. Меня удивила скованность шефа, вяло реагировавшего на поставленные вопросы. Разительный контраст с тем, как он настраивал делегацию в Женеве – на борьбу, на удержание инициативы. «Не тяни, а дергай», – любил повторять ВС, требуя активной работы с партнером по продвижению нашей линии.

На сей раз я наблюдал другого, *сдувшегося* Семенова. Ему что-то сильно и реально мешало. Не думаю, что все сводилось к изначальной склонности поручать дискуссию по конкретным техническим аспектам ближайшим дипломатическим и военным советникам. Партийная критика со стороны Корниенко, близкого к министру, послужила еще одной неблагоприятной меткой, которую Семенов не мог не зафиксировать. И, надо полагать, решил не идти *против ветра*, не ломиться в закрытую дверь. И не рисковать, требуя новых указаний.

ВС знал, что на пост нового главы делегации претендует В.П. Карпов. Его высокий профессионализм и переговорный опыт были известны. Начался давно назревавший внутриделегационный кризис. Его исход оказался непредсказуемым. Летом 1978 г. Карпова срочно вызвали в Москву. Примерно через месяц Карпов вернулся в Женеву. Одновременно пришла телеграмма о его назначении главой делегации и о переводе Семенова в Бонн – послом СССР на замену отъезжавшему В.М. Фалину. По случаю отбытия Семенова для сотрудников делегации был устроен прием. Все тепло говорили о ВС. Грустили о его отъезде. Рушились привычные связи, уклад, устоявшийся за почти 10 лет его руководства. Семенов решительно отвел похоронные настроения: «Впереди новая

Ы
Ц
И
Н
О
А
Т
С
И

жизнь, новая большая работа. Резона вешать нос нет и не будет». В делегации состоялась смена поколений.

Карпов оправдал возложенные на него надежды – совместными усилиями с послом Р. Эрлом ему удалось согласовать формулировки о запрете на шифрование телеметрической информации при испытательных пусках ракет. В июле 1979 г. Договор ОСВ-2 был подписан Л.И. Брежневым и Джимми Картером в венском дворце Хофбург.

Посольскую должность в Бонне Семенов занимал вплоть до 1986 г., когда вышел на пенсию. Мне довелось увидеться с ВС в 1990 г. на ужине у посла СССР в Вене Г.С. Шикина, его зятя. В должности замминистра я сопровождал Э.А. Шеварднадзе на переговорах с госсекретарем США Джеймсом Бейкером. Семенов был стар и нездоров, ходил с клюшкой. Я поднял тост в честь своего учителя и наставника в дипломатии. И просто – умного человека, единомышленника в политике и в искусстве. Семенов слушал мой тост, поднявшись на ноги и как-то по-военному вытянувшись. В его глазах блестели слезы.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...В 2007 г. в ПИР-Центре проходил семинар по вопросу о перспективах разоружения. Участвовавшие видные специалисты в этой области говорили о насущной необходимости условиться о заключении новой российско-американской договоренности взамен Договору СНВ-1, срок действия которого истекал в декабре 2009 г. Напоминали о непреодолимых трудностях, коренящихся в непомерной усложненности Договора СНВ-1, необходимость сохранения преемственности с которым, однако, не подлежала сомнению. Скептики говорили и об опасности развала разоруженческого процесса вообще.

На семинаре присутствовала Роуз Геттемюллер, тогдашний руководитель отделения Центра Карнеги. В отличие от скептиков, в своем выступлении в пользу новой содержательной договоренности с США по вопросам СНВ я напомнил излюбленную семеновскую сентенцию о тьме, которая сгущается перед рассветом. Несмотря на *цейтнот* и целый сонм трудных проблем, при наличии с обеих сторон политической воли решение может быть найдено. Роуз Геттемюллер, как мне показалось, оценила реминисценцию из истории переговоров по ОСВ, изучением которых она занималась еще в 1970-е гг. в качестве исследователя в рамках корпорации РЭНД⁵. В 2009 г. Роуз возглавила делегацию США на переговорах с Россией по подготовке проекта документа. Переговоры, кстати говоря, прошли в Женеве. В апреле 2010 г. в Праге новый Договор между Россией и США о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) был подписан в ходе встречи президентов Д.А. Медведева и Барака Обамы, а в феврале 2011 г. – введен в силу.

Полагаю, что рассвет и на семеновской улице все же состоялся.

Внешний блеск дипломатической карьеры обманчив. Его и нет, этого блеска. Его целиком скрадывает каждодневный тяжелый труд. Школа дипломатии сурова, порой – жестока. Стойкость характера – одно из непреходящих качеств и главный секрет дипломата. 📖

Примечания

¹ Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. Изд. Ин-та международных отношений. М., 1961. С. 97.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 103.

⁴ Рабле Франсуа. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 678.

⁵ Research and Development, RAND – первый в мире центр, занимающийся стратегическими политическими исследованиями, который стали называть *think-tank*.

АСИММЕТРИЧНЫЙ КОНФЛИКТ КАК НЕМАТЕМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 284 с.

Рецензия – Екатерина Степанова

Теоретическое изучение асимметричного насилия сосредоточено на исследовании разных видов вооруженного противостояния более слабых оппонентов значительно более сильным. Катализатором таких исследований стала собственно **теория асимметричного конфликта**, формально ведущая отсчет с работы Э. Мака¹, публикация которой совпала с бесславным окончанием американского военного вмешательства во Вьетнаме (1975 г.).

При всей важности таких проблем, как поиск причин и условий, при которых слабые игроки вступают в противостояние с более сильными, а также попытки объяснить тот или иной *исход, результат* асимметричного конфликта, они носят, скорее, второстепенный характер по сравнению с первичными, базовыми вопросами, связанными с понятием асимметрии в вооруженном конфликте. Наибольшее внимания заслуживают как минимум три таких вопроса, которые отталкиваются от уже накопленного объема знаний об асимметричных конфликтах, но в которых, несмотря на то, что теория асимметричного конфликта развивается уже четвертое десятилетие, до сих пор нет ясности.

Первый вопрос: кто основные участники асимметричного конфликта и как состав участников таких конфликтов менялся во времени – по крайней мере, в период с окончания Второй мировой войны вплоть до наших дней? Классическая литература по асимметричным конфликтам (Э. Мак, Т. Пол, Р. Томпсон, И. Аррегин-Тофт, Дж. Рекорд) долгое время была сосредоточена на войнах между государствами и на крупных антиколониальных войнах, которые в основном завершились к концу 1970-х гг.² И это несмотря на то, что асимметричные конфликты с участием негосударственных акторов, не связанных с антиколониальной борьбой, уже в 1980-е гг. были не менее распространены, чем асимметричные конфликты других типов, а в 1990-е–2000-е гг. стали абсолютно преобладать. Лишь в начале XXI в. природа асимметрии в конфликтах с участием негосударственных игроков стала привлекать повышенное внимание, в том числе со стороны военных аналитиков (Дж. Нагл, Д. Петрэус)³. Хотя это не значит, что конфликты такого рода до этого не изучались, теоретики *конфликтов низкой интенсивности, партизанских войн* и т.д., для которых конфликты с участием повстанческих формирований всегда были главным объектом исследования, не обязательно ставили во главу угла проблему асимметрии. О том, что состав участников асимметричного конфликта продолжает *обновляться* и в XXI в., свидетельствует, например, новый феномен транснациональных сетевых движений, противостоящих, в том числе вооруженным путем, государствам, объединениям государств и т.д.

Второй вопрос связан с тем, что стартовая, традиционная трактовка асимметрии как значительного военно-силового превосходства одной из противоборствующих сторон, конечно, далеко не полно отражает суть любого асимметричного конфликта. Она особенно не адекватна абсолютно преобладающему в начале XXI в. типу асимметричного конфликта – противостоянию между государством (группой государств) и негосудар-

ственной группировкой (в том числе транснациональной сетью). Попытки свести такую асимметрию к военно-силовым и вообще исключительно к исчисляемым параметрам и количественным показателям малоудовлетворительны, а попытки дополнить силовую асимметрию нормативно-правовой (наличием или отсутствием государственного статуса) недостаточны. Если бы дело было только в этом, то ничто не мешало бы качественно превосходящей в военном отношении стороне, особенно если она еще и обладает международно признанным политико-правовым статусом, в пух и прах разгромить более слабого оппонента. Между тем, многие асимметричные конфликты носят затяжной характер без видимых признаков военного разгрома, а некоторые даже приводят к парадоксальному поражению более сильной стороны. Отсюда вопрос: какие другие критерии, помимо военно-силового и статусного, характеризуют и определяют асимметрию в конфликте?

Наконец, **третий вопрос** отчасти связан с растущим признанием, вслед за практиками от Мао Цзэдуна до стратегов противостояния коммунистическим повстанцам в Британской Малайе Х. Бриггса и Дж. Темплера в 1950-е гг., решающего значения *фактора поддержки со стороны местного населения* для победы более слабой стороны в асимметричном конфликте. Этот фактор приобрел особую актуальность в контексте интернационализированных конфликтов последнего десятилетия с участием вооруженных сил иностранных государств, особенно на фоне провалов контрповстанческой стратегии США в Ираке и Афганистане. Осознание решающей роли этого фактора легло в основу целого ряда контрповстанческих стратегий и доктрин, от подрыва социальной базы повстанцев за счет приоритета правоохранительного подхода над военными решениями и завоевания «сердец и умов» (Р. Томпсон)⁴ до стратегии «защиты населения» как одной из основ американской контрповстанческой доктрины начала XXI в. («доктрины Петрэуса») ⁵. Однако если нет сомнения в том, что массовая поддержка со стороны населения является обязательным и даже решающим условием *победы* более слабой стороны в асимметричном конфликте, то развязывание и/или продолжение такой стороной асимметричной конфронтации, в том числе в течение длительного времени, возможно и без *значительной социальной поддержки* его целей и программы. Соответственно, даже те государственные стратегии участия в асимметричных конфликтах, которые предполагают широкий набор мер с целью лишить повстанческие силы поддержки со стороны населения, могут помочь не допустить их победы в конфликте, но совершенно не гарантируют прекращения асимметричного противостояния как такового. Соответственно, важно не только определиться с участниками асимметричного конфликта и критериями асимметрии в конфликте, но и найти ответ на третий вопрос: какие характеристики и условия позволяют даже тем вооруженным акторам, которые *не имеют* преобладающей, массовой поддержки среди населения, бесконечно долго вести асимметричное вооруженное противостояние в отсутствие решающего исхода?

Любая современная концепция асимметричного конфликта, претендующая на его самостоятельную теоретическую интерпретацию, должна внятно ответить хотя бы на эти три базовых вопроса. Это позволит дать содержательную трактовку асимметрии в конфликте и выявить сравнительные преимущества не только (и не столько) более сильной, но и *более слабой*, в смысле военно-силового потенциала, стороны.

В российской академической литературе проблематика, связанная с теорией асимметричного конфликта, освещена довольно слабо. Тем большее внимание на этом фоне заслуживает первое в отечественной исторической науке исследование в этой области, опубликованное томским историком Ларисой Дериглазовой в 2009 г. – «Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными». Уподобление соотношения противоборствующих сторон в асимметричном конфликте *уравнению* как сугубо математической категории – а тем более вынесение этой аналогии в название книги – логически подразумевает приоритет рациональных и преимущественно исчисляемых параметров асимметрии. Однако круг реально затронутых в книге вопросов и интерпретаций асимметричного конфликта шире этих искусственных рамок.

В том, что касается теории асимметричного конфликта, наиболее сильная сторона книги и ее главная ценность – это тщательно проведенное, а во многом даже образцовое историографическое исследование (см. главы 1 и 3). При обилии обзорных исследований

по асимметричным конфликтам в зарубежной, особенно англоязычной, литературе последних лет, в отечественной науке это первый серьезный историографический анализ концепций и теорий по этой проблематике. Работа содержит вдумчивый и критический обзор пусть и не всех, но основных направлений в литературе (преимущественно англоязычной и отчасти российской/советской) по тематике, связанной с разными типами конфликтов второй половины XX в. Эти типы конфликтов объединены тем, что в них участвуют разные по «статусу, ресурсам, интересам, применяемым стратегиям и тактикам» (с. 61) противники. Из комплекса проанализированной автором литературы отмечу работы по причинам и общим тенденциям в развитии вооруженных конфликтов в послевоенный период (§1.1), выборочный, но достаточно репрезентативный обзор трудов по теории асимметричного конфликта (§1.2) и критический анализ предлагаемых в этих трудах признаков и интерпретаций асимметрии в рамках силового, парадоксального, статусного (политико-правового) и тактико-стратегического подходов (§1.3), которые, следует добавить, нередко сочетаются в работах одних и тех же авторов (например, И. Аррегина-Тофта). Интересен и краткий, но емкий обзор научной и специальной литературы по партизанским войнам в третьей главе (с. 196–216).

Подробный обзор литературы, однако, не избавляет автора от логического противоречия в избранном тематическом фокусе и понятийном аппарате книги. Это противоречие состоит в том, что автор, с одной стороны, подробно рассматривает литературу и статистику по максимально широкому спектру асимметричных конфликтов – так, как они в основном определяются в современной литературе, т.е. с учетом статусной и военно-стратегической асимметрии (и связанным с ней несоответствием ресурсов, тактик и стратегий). Это конфликты с разным составом участников и разным исходом, включая как те, в которых одерживает верх более сильная сторона, так и те, где победа оказывается на стороне более слабого противника (к ним можно добавить асимметричные конфликты, которые могут длиться бесконечно долго без выраженной тенденции к победе или поражению одной из сторон). С другой стороны, автор одновременно пытается искусственно ограничить определение (!) и спектр асимметричных конфликтов только теми, в которых: а) участвуют *великие державы* (т.е. ведущие западные страны и, надо понимать, крупные региональные державы) и б) эти державы непременно проигрывают более слабым игрокам (с. 23 и далее). При этом термин «асимметричный конфликт» одновременно применяется в работе и ко всем конфликтам первого типа, и более узко – к конфликтам второго типа, что вносит элемент сумятицы и не облегчает, а затрудняет концептуализацию изучаемого феномена.

Общепозитивистский настрой автора диктует не только использование ею данных статистики, но и достаточно высокую степень доверия к ним. Особо следует отметить краткий обзор баз данных по конфликтам при основном внимании к базам данных по конфликтам Уппсальского и Гейдельбергского университетов (с. 50–70), а также сводную таблицу конфликтов за 1945–2006 гг. в приложении 3 (с. 270–282), составленную на основе этих двух баз данных. Эти материалы весьма полезны, хотя это не является первым в российской литературе обращением к статистике ведущих баз данных по конфликтам, а Уппсальская программа данных о конфликтах (УПДК) известна отечественным специалистам достаточно давно, в том числе по обновляемым выборкам данных, ежегодно переводимым на русский язык⁶.

Нельзя сказать, что автор некритично подходит к используемой статистике и ждет от нее слишком много. Она, например, признает, что формальный анализ статистики не позволяет сделать вывод о том, как использование асимметричных стратегий борьбы влияет на ее конечный исход (с. 85). Автор понимает, что работа с базами данных «может быть только начальным этапом для проведения исследования с использованием качественных и количественных методов», дабы «избежать ошибок [...] и необоснованных обобщений» (с. 102), подчеркивая, как «трудно «ухватить» проявление феномена [асимметрии] через фиксацию его однообразных проявлений в базах данных» (с. 217). Тем не менее, работа со статистикой в книге иллюстрирует некоторые проблемы, которые связаны не только с абсолютизацией и неполным использованием баз данных, но и с проблемами в методологии самих баз данных. Приведу два примера.

Автор, в частности, тратит много сил на статистическое доказательство того, что асимметричные конфликты в послевоенный период вплоть до 2009 г. преобладали над симметричными (§2.2). Справедливости ради отмечу, что такое преобладание очевидно всякому, кто хотя бы минимально знаком с базовой статистикой по конфликтам с участием государства: для этого достаточно даже беглого взгляда всего на один, многократно растиражированный график Уппсальской программы, показывающий явное преобладание внутригосударственных конфликтов над межгосударственными во второй половине XX – начале XXI в.⁷. Так как в тех внутригосударственных конфликтах, которые учитывает эта база данных, государству всегда противостоит негосударственный актор, такие конфликты асимметричны по статусу (и, как правило, по ресурсам).

Степени корректности этого вывода для периода 2000-х гг. хорошо иллюстрирует следующее. Если ограничиться данными УПДК и других баз данных только по конфликтам с обязательным участием государства (любого государства, а не только более или менее *великой* державы) в качестве хотя бы одной из сторон, то почти все конфликты последнего десятилетия – асимметричные (так как носили внутригосударственный характер). Показательно, что, когда те же uppsalskie специалисты решили посчитать конфликты между негосударственными игроками *без участия государства* (создав отдельную базу данных, для начала для 2000-х гг.), выяснилось, что число таких конфликтов в мире в начале XXI в. было вполне сравнимо с числом конфликтов с участием государства⁸. Такие негосударственные конфликты в основном носят *симметричный* характер (по статусу и, в большинстве случаев, по ресурсам). Если их учесть, то реальная итоговая картина о соотношении асимметричных и симметричных конфликтов, по крайней мере, в 2000-е гг. будет *существенно* скорректирована. То, что данные по таким конфликтам не собирались в послевоенный период, не прибавляет точности статистическим выводам, составленным без их учета.

Упрощенный и выборочный подход к работе со статистикой сказывается и на подсчете автором соотношения использования террористических методов и конфликтов за послевоенный период. В отсутствие качественной статистики по терроризму за период до 1970 г. вряд ли кто-либо вообще может рассчитывать получить корректное соотношение терроризма и асимметричных конфликтов для периода с 1945 г. до наших дней. При этом, хотя используемая автором база данных УПДК по конфликтам не выделяет акты и кампании терроризма (с. 78), в последние три десятилетия XX в. теракты достаточно подробно учитывались в специализированных базах данных по терроризму, а крупные теракты и террористические кампании присутствуют и в статистике УПДК – только не в выборке по конфликтам, а в базе данных по одностороннему насилию против гражданского населения за два последних десятилетия. Анализ этих данных УПДК показывает как раз чрезвычайно высокий уровень корреляции конфликтов и насилия, первичной мишенью которого являются некомбатанты, в том числе терроризма (88% всех кампаний одностороннего насилия против гражданского населения и 99% убитых в результате такого насилия за период с 1989 г. пришлось на зоны конфликтов)⁹.

Эти примеры лишь бегло иллюстрируют то, что, с одной стороны, работать с базами данных, конечно, надо – а если речь идет о глобальных тенденциях, то это единственный способ выявить такие тенденции на мало-мальски научной основе, – но делать это следует предельно осторожно, ясно понимая связанные с ними ограничения¹⁰. Например, не следует рассчитывать на универсальность и убедительность выводов и сопоставлений, сделанных на основе анализа менее качественной статистики просто потому, что, например, более качественная статистика недоступна для всего выбранного автором исследования периода (хотя и существенно меняет представление о более поздних этапах этого периода).

Главная слабость рецензируемой книги – в какой-то мере обратная сторона ее основной сильной стороны – состоит в отсутствии концептуальной четкости и в слабости и приглушенности собственных содержательных выводов автора относительно *сущности* изучаемой проблемы, а не просто существующей академической и специальной литературы по разным ее аспектам. Собственно, реальный исследовательский вклад автора сводится к некоторым выводам о количественных параметрах асимметричных конфликтов на базе статистики. При этом значительная часть таких выводов либо предельно баналь-

на (например, о «преобладании асимметричных конфликтов над симметричными» или о том, что слабой стороне чаще удается достичь победы в асимметричном конфликте, когда на ее стороне – вооруженное вмешательство великих держав (с. 86)), либо «не выявляет общей закономерности» (с. 101), что, кстати, бесполезно (отсутствие закономерности – тоже вывод). Выбранные автором для качественного исторического анализа в главе 3 *case-studies* (распад Британской империи и война в Ираке 2003–2009 гг.), скорее, отражают традиционный описательный подход, чем содержательное исследование природы и проблемы асимметрии между противоборствующими сторонами (даже если предельно сузить спектр асимметричных конфликтов, ограничив его только теми, в которых так называемые великие державы противостоят более слабым противникам).

Если вернуться к трем базовым вопросам о сути асимметрии в конфликте, которые заданы мной в начале этой статьи, то, например, на основе первой и отчасти третьей глав книги вполне можно составить беглое представление о некоторых вариантах ответов на эти вопросы в существующей научной и военно-стратегической литературе. Однако сам автор рецензируемой книги не дает логичного, самостоятельного и инновационного ответа ни на один из них. В частности, в вопросе о том, какие критерии асимметрии выходят за рамки военно-стратегических (ресурсов, тактик и т.д.) и статусных параметров, автор ограничивается повторением того, к чему мировая научная и военная мысль пришла, мягко говоря, уже некоторое время назад – то есть тезисом о необходимости перейти к более многофакторному анализу асимметрии (с. 216). Очередное фиксирование того, что асимметричные конфликты – это «уравнение со многими неизвестными», по-своему полезно, особенно для российского читателя. Однако сама по себе такая констатация не нова и не дотягивает до самостоятельной, содержательной *аналитической модели* асимметричного конфликта.

Как отмечалось выше, автору не удалось избежать и путаницы в теоретической постановке проблемы и трактовке асимметричных конфликтов, что ставит ряд дополнительных вопросов, например, по поводу интерпретации автором такой базовой категории, как «международный конфликт». Налицо противоречие между изначально декларируемым в книге пониманием асимметричных конфликтов как проблемы сугубо из области *международных отношений* и только с участием *великих держав* – и широким обращением автора к литературе и статистике по разным асимметричным конфликтам, включая не-международные, а также ко всему комплексу литературы по партизанским войнам. Партизанские войны асимметричны по определению, однако вовсе не обязательно имеют отношение к *международным* конфликтам, то есть к заявленному тематическому фокусу книги. Значительное число партизанских кампаний ведутся в рамках конфликтов, которые не только не являются *международными* в межгосударственном смысле, но даже не включают интернационализацию внутривнутриполитического конфликта (вмешательство иностранных государств в ход внутреннего конфликта на стороне одного из комбатантов).

Проводя обзор литературы, автор также нередко смешивает и использует как почти взаимозаменяемые понятия «асимметричный конфликт», «малая война» и «гражданская война». Повторю, что хотя большинство гражданских войн носят характер партизанской войны, *далеко не все конфликты внутри государства асимметричны*. Автор признает, что конфликт между равными по статусу игроками может быть симметричным, но почему-то только для конфликтов между государствами (с. 73). Между тем в послевоенной истории существуют примеры даже очень масштабных гражданских войн, которые, при крайней условности статусного критерия, активно оспариваемого противниками, были вполне симметричны по военно-силовому потенциалу сторон (например, вооруженный конфликт между коммунистами и Гоминьданом в Китае). И это не говоря уже о конфликтах внутри государства, но без участия государства или в отсутствие функционального правительства (например, между конкурирующими группировками моджахедов в Афганистане первой половины 1990-х гг. или между различными вооруженными группировками в Дарфуре (Судан) или в Сомали в 2000-е гг.).

Недостатки работы, впрочем, никак не умаляют ее бесспорной научной, прежде всего, историографической ценности. Книга Л. Дериглазовой свидетельствует не только о том, что степень знакомства с мировой научной литературой, военно-политической мыслью

и статистикой в российской университетской среде, в том числе в *ведущих провинциальных университетах*, может быть весьма высока. Не менее, а более важна продемонстрированная Л. Дериглазовой способность к трезвому критическому разбору, а не просто суммированию или популяризации западной научной, прикладной и специальной литературы. В солидной историографической и статистической основе работы заключается и ее главная новизна для российского читателя. В этом смысле, при том, что книга, очевидно, замыслена и написана как монография, она представляет собой ценное учебное пособие, которое я рекомендовала бы не только вниманию гражданских, в том числе академических, коллег, но и для использования в учебных курсах в военных академиях и в системе подготовки специалистов для работы в структурах безопасности. 🐘

Примечания

¹ Mack A. Why big nations loose small wars: the politics of asymmetric conflict. *World Politics*. 1975. V. 27. № 2. P. 175–200.

² В рамках основных баз данных по конфликтам антиколониальные войны обычно не относят ни к строго межгосударственным, ни к внутривнутриполитическим конфликтам (гражданским войнам) и выделяют их в особую категорию. См., например, UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook. Version 4–2007. Uppsala; Oslo: UCDP/PRIO. 2007. P. 10.

³ Командующий войсками США в Ираке (январь 2007 г. – сентябрь 2008 г.) и в Афганистане (с июля 2010 г.) Д. Петрэуз является основным автором новой версии контрповстанческой стратегии США: *The U.S. Army–Marine Corps Counterinsurgency Field Manual*. Chicago: The University of Chicago Press. 2007. См. также Nagl J. *Learning to Eat Soup with a Knife: Counterinsurgency Lessons from Malaya and Vietnam*. Chicago: The University of Chicago Press. 2002.

⁴ Thompson R. Op. cit. Альтернативой этой стратегии является апологетика жестко милитаризованного подхода, включающего карательные меры против населения, поддерживающего противника. См. Trinquier P. Op. cit.

⁵ *The U.S. Army–Marine Corps Counterinsurgency Field Manual*. Op. cit.

⁶ Прежде всего, данных УПК/СИПРИ по крупным вооруженным конфликтам в главах по конфликтам в русскоязычном издании Ежегодника Стокгольмского международного института проблема мира (СИПРИ) – партнера Уппсальской программы данных по конфликтам.

⁷ См. график: *Armed conflicts by type, 1946–2009*. UCDP. http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/20/20864_conflict_types_2009.pdf (последнее посещение – 12 марта 2011 г.).

⁸ *Non-State Conflict Dataset, 2002–2007* / UCDP. http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/datasets+_archive/ (последнее посещение – 12 марта 2011 г.); готовится обновление и добавление данных за период с 1989 по 2008 гг.: см. http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/41/41526_non_state_region_2008.pdf (последнее посещение – 12 марта 2011 г.); UCDP *Non-State Actor Dataset Codebook. Version 1–2009*. Uppsala: UCDP. 2009; Harbom L., Wallensteen P. *Patterns of major armed conflicts, 1998–2007*. *SIPRI Yearbook 2008*. Oxford: Oxford University Press. 2008. P. 79.

⁹ UCDP *One-sided Violence Dataset v 1.3–2010, 1989–2008* http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/datasets+_archive/ (последнее посещение – 12 марта 2011 г.); Sundberg, *Revisiting One-Sided Violence: A Global and Regional Analysis*. Uppsala Conflict Data Program (UCDP) Paper no. 3. Uppsala: UCDP. 2009. P. 14; Eck, Hultman. Eck K., Hultman L. *One-sided violence against civilians in war: insights from new fatality data*. *Journal of Peace Research*. March 2007. V. 44. № 2. P. 237.

¹⁰ Подробнее обзор и критику баз данных по конфликтам и другим формам вооруженного насилия см., например: Степанова Е.А. *Государство и человек в современных конфликтах. Международные Процессы*. 2008. № 1. С. 29–40; Степанова Е.А. *Глобальные тенденции в развитии современных вооруженных конфликтов. Union Magazine* (спецвыпуск к Ярославскому саммиту по глобальной безопасности). 2009. № 1. С. 40–53.

ОТКРОВЕННО О ПОЛИТИКЕ?

В.Н. Рябцев. Современный иранский кризис как объект геополитического анализа: региональный и глобальный контекст. – Ростов-на-Дону, 2008. – 576 с.

Рецензия – Максим Братерский

В последние годы Иран прочно занял первое место в заголовках мировых новостей, посвященных международной жизни. Большинство экономически развитых стран мира – сначала США, а теперь и большинство европейцев – подозревают Иран в работах по созданию ядерного оружия (ЯО).

Как иранскую ситуацию видит Россия?

Безусловно, России совершенно не нужно еще одно ядерное государство у ее южных границ, которое к тому же обладает средствами доставки ЯО и находится в очень сложных отношениях не только с США, но и с Израилем, Пакистаном, соседними арабскими государствами.

Да и сами отношения между Россией и Ираном далеко не безоблачны. Существуют противоречия по вопросу о разделе каспийского шельфа, стороны недовольны друг другом в вопросе выполнения контракта по строительству Бушерской АЭС, Россия не солидарна с Ираном в его антиизраильской линии. Вместе с тем, обе страны проявляют сдержанность во взаимоотношениях: например, Иран не поддался на искушение усилить свои позиции на Южном Кавказе в 1990-х гг. за счет России. Россия и Иран находятся в одном клубе стран-экспортеров нефти и газа, Россия рассматривает Иран как важный рынок для экспорта продукции своего машиностроения, в том числе оружия и оборудования для атомной энергетики. Обе страны объединяет неприятие доминирующей роли США в мире, обе страны являются объектами критики Запада по вопросу о демократии, и Россия, и Иран упорно пытаются обеспечить свой суверенитет, что в современном мире очень нелегко.

Можно констатировать, что в целом Россия поддерживает оценки, которые даются на Западе по отношению к *иранской проблеме* (о чем свидетельствует поддержка Россией санкций СБ ООН). Однако в отношении вопроса, как эту проблему решать, что делать и как далеко Россия готова идти, существует множество нюансов.

В отличие от американцев, а в последнее время и западноевропейцев, Россия не испытывает иррационального ужаса перед иранским теократическим режимом. С точки зрения Запада, основная опасность для *цивилизованного мира* исходит не столько от самого факта обладания Ираном ядерным оружием, сколько от характера режима, который это оружие будет контролировать. Именно поэтому Запад мирится с наличием ядерного оружия у Израиля и Индии и опасается ядерных программ Северной Кореи, Пакистана и Ирана.

Россия по-другому ощущает угрозы своей безопасности. В отличие от США, которые в течение веков были полностью защищены от внешней угрозы, у России *абсолютного страхового полиса* никогда не было. В обеспечении своей безопасности Россия при-

выкла полагаться на множество инструментов, в том числе и на хорошие отношения с соседями.

В отличие от американцев и европейцев, Россия останется соседом Ирана навсегда, в том числе и после разрешения данного кризиса. В случае неудачи силовой акции против Ирана, если она будет, американцы сядут на свои корабли и уплывут домой. У России такой возможности не будет, поэтому она действует с гораздо большей оглядкой на возможные последствия.

При этом российские политики склонны видеть в антииранской политике Запада не только обеспокоенность его ядерной программой, но и политический инструмент для выдавливания России из Ирана и региона Персидского залива.

В этом контексте интересно обратиться к книге В.Н. Рябцева, в которой предпринята попытка комплексного анализа иранского кризиса и политического контекста, в котором этот кризис развивается. Работа подкупает широтой охвата проблематики, в ней задействовано огромное количество материала, она очень скрупулезно написана. В своей работе В.Н. Рябцев детально рассматривает комплекс взаимоотношений между Ираном и его непосредственными соседями, между Ираном и внешними для региона державами, а также взаимодействия между глобальными и региональными стратегиями крупных мировых игроков, оказывающими влияние на развитие иранской проблематики. Важное место в книге занимает анализ внешнеполитической стратегии собственно Ирана (с. 115–149), где автор приводит весомые аргументы в пользу признания за Ираном статуса региональной державы Персидского залива и Каспийского региона, с соответствующими политическими амбициями.

Особой ценностью для читателя обладает раздел 7 работы, посвященный анализу взаимодействия разнообразных сил и их комбинаций в регионе Персидского залива и Большой Средней Азии. Автор подробно останавливается на интересах и практических шагах США, России, КНР, ЕС, НАТО, ОДКБ в реализации ими своих интересов и стратегий как в отношении добычи и транспортировки энергоресурсов, так и в вопросах национальной безопасности.

Несмотря на общее положительное впечатление от масштаба замысла автора, нельзя не отметить несколько слабостей работы, которые, на наш взгляд, размывают ее значение.

Первое. На содержание и построение монографии слишком сильно повлиял период, в течение которого автор над ней работал, а именно период нахождения в Белом доме администрации Джорджа Буша-младшего. Своими многочисленными филиппиками в адрес Буша и его политики автор не оставляет сомнения в своем отношении к этому президенту и США в целом, но порой сужает свою точку зрения исключительно до действий ненавистного ему политика и его администрации, не оглядываясь на более широкий стратегический и временной контекст. В результате примитивизаций и искажений читателю предъясняется упрощенная схема как иранского кризиса как такового, так и американской политики в его отношении.

Схема кризиса в изложении В.Н. Рябцева выглядит следующим образом: Ближний и Средний Восток богат энергоресурсами, а в мире обостряется энергетический кризис (раздел 1); администрация США воспользовалась поводом 11 сентября для взятия под контроль энергетических ресурсов исламского мира (раздел 2); Иран – единственное государство региона, которое мешает осуществлению планов США (раздел 3); главная и единственная причина проведения Соединенными Штатами определенной политики в отношении Ирана и его соседей состоит в желании США покорить Иран своей воле и консолидировать свой контроль над энергоресурсами региона (разделы 4–7).

Трудно спорить с автором, что перечисленные мотивы в политике США присутствуют, но исчерпывается ли дело лишь ими? Можно ли полагать, что США остерегаются появления у Ирана ядерного оружия лишь из-за перспективы потери контроля над нефтяными потоками (да и где тот контроль)? Можно ли считать, что вмешательство Ирана в ливанские и арабо-израильские дела рассматривается в Вашингтоне лишь как угроза

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра вы можете ознакомиться в разделе «Библиотечные новинки» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/library>

уже отмененным, похоже, планам построения *Великого Ближнего Востока* (цит. по В.Н. Рябцеву, так он переводит Greater Middle East)², но существенный нюанс в том, что это не Great, а Greater Middle East, то есть Расширенный Ближний Восток, и от этого происходит существенное смысловое искажение. Стоит ли в анализе мотивов адми-

нистрации Буша вставать на сверхреалистичные, рациональные позиции, напрочь отменяя идеалистический, идеологический компонент, который, по словам самого автора (с. 82), являлся для *неоконов* чуть ли не центральным?

Если говорить прямым текстом, то основная причина неприятия Соединенными Штатами современного Ирана состоит не в нефтяной проблематике, а в том, что мусульманский теократический режим олицетворяет для США непредсказуемость, неприемлемую систему ценностей, в своей внешней и внутренней политике действует вопреки существующим правилам и, следовательно, непонятен и опасен. Никто в США всерьез не беспокоится по поводу военной ядерной программы Индии или Израиля, потому что мотивы действий этих стран понятны, понятен и механизм принятия решений их руководством. Другое дело – Иран. Иранская политика США выросла не на пустом месте, она определяется тем, как Соединенные Штаты видели и продолжают видеть окружающий мир и свою роль в нем.

Администрация Буша действовала в рамках внешнеполитической идеологии, разработанной еще при администрации Билла Клинтона, которая, в свою очередь, продолжила развитие обозначившейся во внешней политике США линии на более активное вмешательство во внутренние процессы, происходившие в зарубежных странах.

После терактов 11 сентября 2001 г. общественное мнение США предсказуемо качнулось в сторону силовых методов ведения внешней политики. Американцы выступили за то, чтобы наказать не только самих террористов, но и страны, которые их поддерживают и укрывают. Лозунг войны с терроризмом дал Вашингтону уникальную возможность увязать антитеррористическую кампанию, полностью поддерживаемую американцами, с широким кругом внешнеполитических приоритетов, выдвигаемых самой администрацией. Высший приоритет обеспечения безопасности национальной территории США соединили с необходимостью проведения глобальной антитеррористической кампании. Государства, дающие приют террористам (часто против своей воли), были предупреждены, что их может постигнуть судьба *Талибана* в Афганистане. Усиливая связку между антитеррористической борьбой и обеспечением других интересов США за рубежом, Буш заявил, что глобальная борьба с терроризмом предоставляет прекрасную возможность «повести все страны к ценностям, которые обеспечат длительный мир»³. По мнению американской администрации, те страны, которые не уважают эти ценности, одновременно пытаются получить доступ к оружию массового уничтожения. Буш объединил их в категорию стран *оси зла* (изначально Иран, Ирак, Северная Корея, позже – также Сирия и одно время – Ливия и Судан) и предупредил, что эти страны несут угрозу миру и конкретно США, так как они «могут предоставить такое оружие террористам и тем самым дать им средства, соответствующие степени их ненависти. Они могут напасть на наших союзников или попытаться шантажировать Соединенные Штаты»⁴.

Буш не остановился на идентификации новой глобальной угрозы Соединенным Штатам, а пошел дальше и сформулировал доктрину *превентивной войны*: «Я не буду ожидать развития событий, в то время как угрозы нарастают. Я не буду оставаться безучастным, в то время как опасность становится все ближе». Кондолиза Райс в заявлении перед сенатским комитетом по международным делам в связи с утверждением ее в должности госсекретаря определила три направления американской политики: «Во-первых, мы пригласим демократическое сообщество построить международную систему, которая будет основываться на наших общих ценностях и праве закона. Во-вторых, мы укрепим демократическое сообщество для противостояния угрозам нашей общей безопасности и для

ликвидации ощущения безнадежности, которая питает страх. И, в-третьих, мы распространим свободу и демократию по всему земному шару»⁵.

Данное видение мира послужило основой становления стратегии США в отношении *стран-изгоев*. Эта стратегия была сформулирована советником президента по национальной безопасности в администрации Клинтона Энтони Лейком как *доктрина сдерживания* для новой эпохи. Для достижения поставленных целей Соединенным Штатам были предложены два инструмента: *нейтрализация* и *трансформация*. Сдерживание предполагает международную изоляцию *страны-изгоя* путем создания международных политических коалиций, экономических санкций и военных инструментов с целью, во-первых, *держать страну в клетке* и не позволить ей совершить новые преступные действия, и во-вторых – заставить ее силой модифицировать свое поведение в соответствии с общепринятыми правилами. Крайним вариантом сдерживания может стать *стратегия отбрасывания (rollback)*, когда преследуется цель изменить природу правящего режима путем поддержки внутренней оппозиции, спецопераций и прямой военной интервенции. Стратегия вовлечения преследует те же цели, но предполагает достичь их вовлечением режима в международную торговлю, развитием культурных связей и туризма, включением страны в сеть международных организаций и договоров.

В результате, как предполагается, для сохранения получаемых преимуществ и благ *страна-изгой* будет делать все больше мелких уступок, отказываться от наиболее одиозных планов и постепенно трансформируется в *нормальную страну*. Последним серьезным шагом в развитии понимания Соединенными Штатами природы угроз, исходящих от *стран-изгоев*, стало принятие в 2002 г. новой Стратегии национальной безопасности США. Мировой терроризм и поддерживающие его режимы (в американском понимании – *страны-изгои*) были признаны в этом документе главной и непосредственной угрозой безопасности Соединенных Штатов; были уточнены признаки, по которым США причисляют страны к категории *изгоев*. Это те страны, которые:

- ❑ жестоко обращаются со своим собственным народом и расточительно тратят национальные ресурсы в личных интересах правящей верхушки;
- ❑ демонстрируют неуважение к международному праву, угрожают своим соседям и грубо нарушают подписанные ими договоры;
- ❑ настойчиво пытаются овладеть оружием массового уничтожения и современными военными технологиями с тем, чтобы использовать их для угроз и агрессии в процессе достижения своих целей;
- ❑ поддерживают терроризм по всему миру;
- ❑ отвергают основные человеческие ценности, ненавидят США и все, что они представляют.

Основные угрозы своим национальным интересам Соединенные Штаты и сегодня видят в действиях репрессивных режимов, которые пытаются повысить свой международный статус силовыми методами, добиваются доступа к оружию массового уничтожения, грабят свои народы для личного обогащения, развертывания новых военных программ и осуществления внешнеполитических авантур. В условиях роста глобальной взаимозависимости США теперь рассматривают как угрозу международной стабильности, а следовательно, своим интересам, также потерю управляемости внутренними процессами в отдельных странах мира, что превращает последние в рассадник терроризма и преступности, приводит к внутренним конфликтам, генерирует гуманитарные катастрофы.

Как нам представляется – именно эти соображения стоят в основе политики США в отношении Ирана, хотя энергетический фактор, без сомнения, тоже присутствует.

Второе. Очевидной слабостью работы является попытка сведения анализа методов весьма сложного комплекса проблем к методам геополитики. Эти методы, безусловно, обладают определенной ценностью и весьма уважаемы, однако методы исследования международных отношений к ним не сводятся. Как показано на одном из примеров выше, сознательное сужение инструментария исследования автором привело к упрощению

аналитической модели, представленной в работе, и построению *черно-белой* картины кризиса. То же самое можно сказать и о списке цитирования – многие источники, задействованные в теоретической части работы, представляются случайными, да и собственно теоретическая часть (вводный раздел, раздел 8) представляются в работе лишними.

Последнее замечание, или вопрос, состоит в определении жанра работы. С одной стороны, у книги есть определенные признаки научной монографии, с другой – размытость методологии, излишняя эмоциональность и пространные рассуждения *от себя* заставляют отнести книгу В.Н. Рябцева к жанру публицистики, пусть весьма профессиональной и талантливой. Не совсем понятно, правда, кому эта публицистика адресована. Если целевой аудиторией являются профессионалы в области международных отношений, то много нового они для себя из этой работы не почерпнут, за исключением, возможно, некоторой интересной фактуры. Если целевой аудиторией полагается студенческая и политически активная молодежь, интересующаяся международной проблематикой, то есть опасения, что она получит достаточно однобокую картину ситуации вокруг Ирана. Автор весьма критически разбирает политику США в этом вопросе – и имеет на это полное право. Но давайте тогда не останавливаться и столь же откровенно поговорим о политике собственно Ирана, России, КНР и ЕС!

Каждый из внешних игроков в иранском кризисе, как минимум, ищет свою выгоду, а частенько еще старается навредить соседу. Иран и США действуют принципиально, пусть нам и не нравятся их принципы. Остальные – своекорыстно, что правильно с точки зрения *Realpolitik*, но довольно уязвимо с моральной точки зрения. 🐘

Примечания

¹ Рябцев В.Н. Современный иранский кризис как объект геополитического анализа: региональный и глобальный контекст. Ростов-на-Дону, 2008. С. 88.

² См., например, Игнатенко Александр. Расширенный Ближний Восток: не «возвращение религии», а конфликт секуляризации и клерикализации. *Доклад на заседании Дискуссионного клуба «Валдай»*. 2007, 11 сентября.

³ Bush G.W. State of the Union address. 2002, 29 January. <http://edition.cnn.com/2002/ALLPOLITICS/01/29/bush.speech.txt/> (последнее посещение – 14 февраля 2011 г.).

⁴ Ibid.

⁵ The Nomination of Dr. Condoleezza Rice to be Secretary of State. *Senate Congressional Report*. 109th Congress, 2005–2006.

Damian Grenfell, Paul James. Rethinking Insecurity, War and Violence: Beyond Savage Globalization? Routledge, 2009. 233 p.

Польза или вред процессов глобализации для развития человечества, вызовы, которые она несет в себе, что угрожает самим процессам глобализации – все эти вопросы на протяжении долгого времени занимают умы исследователей международных отношений. Именно эти и многие другие вопросы подняты в монографии *«Переосмысление небезопасности, войны и насилия: за пределами дикой глобализации»*, выпущенной издательством *Routledge*.

Монография под редакцией австралийских исследователей международных отношений Дэмиана Гренфелла и Пола Джеймса – это сборник эссе, основной идеей которых является многогранность и сложность связи процессов глобализации и конфликтного потенциала в отдельных регионах мира. Авторы рассматриваемой монографии отмечают, что зачастую анализ взаимосвязи глобализации и угроз безопасности сводится к простой модели: «глобализация вызывает к жизни новые угрозы» и «традиционалистские государства выступают против глобализации, что ведет к конфликту». Тем не менее, эта взаимосвязь не всегда так однозначна. Традиционалистские государства могут с успехом приспособиться к глобализации, используя угрозы безопасности, чтобы защитить свой режим – так в монографии рассматривают примеры Сингапура и Малайзии. Государства могут, несмотря на процессы глобализации, остаться наедине со своими проблемами, если остальной мир – *западный мир* – не видит в этих проблемах угрозы для своей национальной безопасности и демонстрирует, по сути, колониальный подход. Это пример Демократической Республики Конго, сухие цифры об уровне насилия и распространения ВИЧ в которой были отражены в *Time Magazine* за 2007 г. буквально на одной странице с цифрами количества посещений *Википедии* японскими госслужащими.

Первый раздел монографии посвящен теоретическим аспектам, анализу существующих концепций безопасности. Здесь можно выделить две основные идеи – локализация транснациональных конфликтов и двустороннее движение в противостоянии «традиционалистское–модернистское» или «традиционные государства против глобализации». Интересной представляется критика концепций Сэмюэля Хантингтона (*«Столкновение цивилизаций»*) и Бэнджамина Барбера (*«Джихад против МакМира»*), которые, с точки зрения авторов, представляют мир в одной плоскости – в простой модели столкновения цивилизаций либо столкновения двух миров – исламского и западного, в то время как современный мир гораздо более многогранен. Таким образом, авторы не утверждают, что глобализация напрямую способствует увеличению числа конфликтов, однако, способствуя перестройке политико-социальной реальности и различным изменениям в гуманитарной безопасности, глобализация может являться косвенной причиной повышения конфликтности в некоторых зонах мира.

Е
З
Ы
К
Н
Ж
В
О
И

Но и война может стать глобализующей силой. Авторы говорят о том, что именно для использования войны как инструмента глобализации возникла и активно применяется Соединенными Штатами концепция гуманитарных интервенций. Идея об использовании гуманитарных интервенций продолжена и во втором разделе. Как пишет Майкл Хемфри в своей главе, война с глобальным терроризмом позволила США утвердить новую *парадигму терапевтической войны*, и «в борьбе с терроризмом война [...] инкорпорировалась в более широкий нарратив государственной мифологии». Между тем, по мнению Кирсти Бэст, несмотря на серьезный контроль за проведением антитеррористических операций, не установлена четкая связь с аудиторией (населением стран) через СМИ, что приводит к неприятию военных акций. Если анализировать мнения, высказанные экспертами, то мы получаем ситуацию, когда военные средства уже достаточно сильно укрепились в государственной мифологии, но все же война не всегда принимается даже гражданами США в качестве средства принуждения к миру и разрешения конфликтных ситуаций.

В подобной ситуации мы можем предположить два пути развития. Первый – в условиях нагнетания обстановки и гонки за обеспечение национальной и глобальной безопасности может произойти окончательное принятие не только политиками и военными, но и общественностью военных средств как способа разрешения любого конфликта. Второй – в случае нарастания сопротивления подобным идеям – разрушение *парадигмы терапевтических войн* и необходимость перестройки внешней политики США.

Третий раздел представляет региональный срез, или *case studies*. В нем приводится интересный пример того, как авторитарные и во многом традиционалистские государства не только успешно существуют в глобализирующемся мире, но и используют некоторые угрозы безопасности для своего укрепления. В данном случае речь идет о Сингапуре и Малайзии, поддержку авторитарным режимам которых осуществляли, в том числе, и США в ходе кампании по борьбе с терроризмом. Четвертый раздел монографии рассматривает вопросы постконфликтного урегулирования.

В целом, можно сказать, что практически все авторы данной монографии придерживаются критического взгляда на существующие теории и концепции безопасности. Однако нужно понимать, что это вечная ловушка критической теории, когда критика существующего не всегда дает позитивные результаты в плане представления неких принципиально новых концепций либо их реального переосмысления.

Между тем, интерес представляет подборка материалов, цитат и данных по вопросам глобализации, локальных конфликтов, развития отдельных регионов, а также сопоставление мнений различных исследователей по вопросам безопасности – все эти материалы можно найти в представленных эссе. Материалы, равно как и размышления авторов, могут служить хорошей базой для более глубокого изучения вопросов, связанных не только с глобализацией, но и, например, с внешнеполитической стратегией США, новыми вызовами и угрозами безопасности.

Юлия Крячкина

Туляганова Н.У. Афганский фактор в современных международных отношениях в Центральной Азии. 2-е изд. Т.: Фан, 2010. 230 с.

О том, что Афганистану необходимо помочь вернуться к нормальной жизни, с высоких трибун твердит все мировое сообщество. Но эти *декларации* нередко напоминают разговор доктора и тяжелобольного пациента. Доктор похлопывает пациента по плечу, желает скорейшего выздоровления, обещает выписать самое чудодейственное средство. Но то ли средство неэффективное, то ли доктор выписывает его в недостаточном количестве, то ли сам не верит, что такому *тяжелому* пациенту вообще можно помочь... Создается *патовая* ситуация, когда от больного не могут отказаться из-за того, что тот может доставить множество неприятностей окружающим, но и оказать полноценную помощь также никто не в состоянии. В силу региональной близости государства Центральной Азии первыми ощущают на себе пагубное воздействие афганской затяжной *болезни*.

Результаты Лойя Джирги в 2002, 2004 г. показали, что при формировании переходного правительства не удалось сбалансировать интересы всех этнических и политических группировок, присутствующих на политической арене. Весьма шаткое образование из полевых командиров, их ставленников, поддержанных исламскими группировками, продемонстрировало свою несостоятельность. Недооценка этнического фактора может привести к идентичному сценарию развития событий и сегодня.

По мнению автора, для поиска хоть какого-то выхода из сложной внутривнутриполитической ситуации в Афганистане мировому сообществу следует признать Афганистан многоэтнической страной. Это не приведет к ее фрагментации, но сохранит единство, обеспечив всем национальным группам равное участие в государственных делах на всех уровнях. Не менее интересной представляется идея исследователя о переходе в Афганистане к федеративной структуре управления. «Федеративная структура способна предоставить всем национальным группам полное самоуправление, тем самым сохранив единство страны, и способствовать уменьшению раздоров между этими группами», – заключает автор. После прочтения книги начинаешь лучше понимать современные реалии в Афганистане, *подводные камни*, препятствующие успеху сил международной коалиции на нынешнем витке военной кампании, и те меры, которые – не исключено – помогут найти выход из афганского тупика. 🐼

Галия Ибрагимова

Loretta Napoleoni. Terrorism and the Economy: How the War on Terror Is Bankrupting the World. Seven Stories Press, NY, 2010. 170 p.

Назовите две наиболее обсуждаемых темы в мировых СМИ за последние 10 лет? Терроризм и экономика – так их формулирует для себя и для читателя Лоретта Наполеони, автор книг «*Terror Incorporated: Tracing the Dollars Behind the Terror Networks*» и «*Rogue Economics: Capitalism's New Reality*». Лоретту Наполеони называют одной из первых, кто начал изучать *экономику терроризма*. Востребованность в ней как в эксперте резко возросла после 11 сентября 2001 г. Последняя опубликованная книга Наполеони получила название «*Экономика и терроризм: как война с террором банкротит мир*».

В своей работе автор постаралась комплексно рассмотреть влияние борьбы с терроризмом на мировую экономику и наоборот – как экономические тенденции изменяют облик современного террориста. Наполеони считает, что своей недальновидной политикой США усилили ближневосточные страны, образовав ряд новых мировых экономических центров, как это стало, например, с Дубаи.

События в книге посвящены первому десятилетию XXI в. Несмотря на то, что автор периодически делает отсылки к предыдущему опыту США, все же основное содержание посвящено тем вызовам, с которыми столкнулись Соединенные Штаты с момента 9/11. Вся книга выстраивается в хронологическом порядке – мы становимся свидетелями того, как развитие внутренней ситуации в США влияло на мировые рынки по отмыванию денег.

Наполеони критикует меры, принятые после событий 11 сентября, называя их крайне неэффективными. В качестве примера она приводит историю с банком *Аль-Таква* (Al Taqwa). В 2001 г. по подозрению в том, что банк использовался *Аль-Каидой* для перевода денежных средств, в отношении банка началось расследование. Банк имел представительства в ряде европейских стран. Инициатором расследования выступили США, которые, однако, не стали сотрудничать с представителями стран, где были расположены филиалы банка. Отсутствие координации между государствами привело к тому, что совет директоров *Аль-Таква* имел возможность ликвидировать все документы. Ликвидация проходила в Лихтенштейне, однако власти страны не получили уведомлений от США о том, что в отношении банка ведется расследование и он находится в списке потенциальных террористических организаций. В настоящее время невозможно достоверно установить, имел ли банк отношение к финансированию *Аль-Каиды*. Проведенное силами США расследование ни к чему не привело.

Автор называет период после 11 сентября 2001 г. временем упущенных возможностей. По ее мнению, существовало достаточно возможностей для отслеживания финансовых операций. США времени президентства Джорджа Буша-младшего, однако, свели к нулю любое сотрудничество с другими странами, потеряв тем самым шансы вскрыть финансовую сеть *Аль-Каиды*. Наполеони задается вопросом – почему не была реализована, возможно, одна из наиболее эффективных мер по нейтрализации угрозы *Аль-Каиды* – преследование банкиров Бен Ладена?

Говоря о современной политике Вашингтона, Наполеони критикует Обаму, называя его лидером страны, проигрывающей две войны одновременно, погрязшей в экономической кризисе, где уровень безработицы составил свыше 10%. Наполеони утверждает, что США сами создали мыльный пузырь экономики, приведший к глобальному экономическому кризису 2008 г. Ответом Вашингтона на события 11 сентября 2001 г. стали дефляционная политика, появление новых рынков, сопряженных с большими финансовыми рисками, перетекание западных денежных средств в исламские банки, процветающее исламское и европейское сокрытие налогов и аннулирование ключевых финансовых законов. Недаром заключительная часть книги называется «*Падение всемирного карточного домика*».

Книга не изобилует ссылками и научным аппаратом. Автор доказывает ту точку зрения, которой она придерживается сама. В главе, посвященной «Патриотическому акту», который Наполеони называет «раной, нанесенной США самими себе», она сознательно опускает упоминания любых контртеррористических достижений этого закона. Упор делается только на негативные моменты. Свое мнение Наполеони доказывает, не анализируя плюсы и минусы, а подавая выводы в готовом виде. Кого-то это подтолкнет к более глубокому анализу проблемы, у кого-то вызовет скепсис. Однако желанию читать дальше это не вредит.

В целом работа Наполеони не претендует на звание чисто научного труда и зачастую перестит эмоциональными оценками происходящего. Однако стоит отметить ее уникальность и тот факт, что на русском языке сегодня нельзя найти что-то по схожей теме. 🐘

Иван Трушкин

Научные школы Военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого: история развития. Под ред. д-ра воен. наук, проф. генерал-полковника Н.Е. Соловцова. // *Летописи Военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого. Т. 5. М.: ВА РВСН им. Петра Великого, 2010.*

Россия, как страна, обладающая уникальным военным наследием и практикой военного дела, имеет давнюю историю развития военной науки и военного образования. При этом следует отметить, что в XX в. военная наука в большой степени отошла от изучения и развития фундаментальных основ военного дела, сделав очевидный крен в сторону развития прикладных и видовых его разделов. Сегодня военное академическое образование стало играть важную роль в развитии научной и технической мысли в широком спектре политехнического образования.

Яркий пример подобного военно-инженерного политехнического вуза – Военная академия ракетных войск стратегического назначения (ВА РВСН) имени Петра Великого, которая на протяжении вот уже почти двух веков своей истории (начавшейся с открытия в 1820 г. офицерского отделения Артиллерийского училища), благодаря активной работе и тесному взаимодействию десятков своих научных школ, непрерывно расширяет научные горизонты и позволяет достигать более эффективных результатов в различных областях военной науки и техники.

Изданная в 2010 г. книга «Научные школы Военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого: история развития» была подготовлена к 190-летию Академии и является уже девятой в ряду изданий, приуроченных к ее годовщинам (в частности, первая из книг была издана к 75-летию Академии). Само из-

Е
Ы
И
Ж
В
О
И

дание книги стало возможным благодаря финансовой поддержке руководителя редакционной коллегии Н.Е. Соловцова и ведущего научного сотрудника Академии В.Ф. Латы.

Отличие нового тома, как подчеркивает руководитель авторского коллектива, доцент, полковник в отставке В.И. Углов, – в реконструкции целостной картины создания и функционирования научных школ Академии, определяющих вклад ее ученых в развитие военной науки и техники. В прошлых изданиях, отмечает В.И. Углов, научная и педагогическая деятельность Академии была представлена скорее рассредоточенной по отдельным периодам и личностям.

В рассматриваемом издании присутствуют исторические хроники научной и педагогической работы различных кафедр Академии, их составы в разные периоды существования и заслуги наиболее значимых сотрудников, обзоры преподаваемых в разные годы дисциплин и сложившихся на кафедрах направлений научной специализации; есть краткие профессиональные биографические очерки; есть указания на особые авторские методы преподавания, если они имели место; есть, наконец, хроники создания, развития и функционирования научных школ по предметным отраслям и специальным наукам. В книге, таким образом, приведены множественные персоналии и хроника многолетней педагогической и научной деятельности вуза, структурированная по принципу выделения кафедр и/или предметных отраслей. В частности, присутствуют девять разделов, соответствующих крупным блокам тематической организации научных исследований и преподавания: военное искусство, вооружение ракетных и космических войск, другие виды оружия, школы специальных военных наук, школы общенаучные и общеинженерные; двумя отдельными разделами в книге представлены организационно-методическое обеспечение научной деятельности и научно-педагогические школы филиалов Академии.

Количество сделанных сотрудниками Академии прорывов в военной науке и технике, произведенных научных изысканий и испытаний, авторских методов преподавания и т. п. впечатляет. Что важно, в книге показана практическая реализация наработок различных научных школ и отдельных ученых (основателей научных школ и их последователей). Мы видим, что воспитанники Академии становились всемирно известными конструкторами оружия и боевой техники, академиками и лауреатами премий и высших наград, изобретателями и заслуженными деятелями науки и техники. Страницы книги изобилуют фотографиями разных лет, по ходу изложения можно также отследить наиболее значимые в жизни Академии события.

Но порою, читая книгу, хочется увидеть в ней нечто большее. Издание не лишено, наверное, всех классических для подобного рода всеобъемлющих *летописей* издержек: сухость, а порой и обрывистость изложения, перечисления зачастую превалируют над описаниями, а описания чересчур сжаты. Множественные профессиональные биографии (пожалуй, наберется не одна сотня на книгу), кропотливое перечисление научных разработок и заслуг сотен ученых и десятков научных коллективов, и все это мелким шрифтом на более чем шестистах страницах – однозначно, книга не для *занимательного чтения*, но, скорее, одно из тех изданий, которые, что называется, предназначены для удовлетворения *внутренних нужд* и имеют интерес почти исключительно для представителей того научно-академического сообщества, к которому принадлежит вуз. Смазывают позитивное впечатление от прочтения также частые и досадные огрехи в технической редакции текста (не оправданы они даже тем предположением, что издание не предполагалось быть вынесенным в широкую общественность, для которой оно по определению не может быть жанрово привлекательным).

Тем не менее, нельзя не признать, что такого рода издания, несомненно, нужны и важны. Важны для прославления заслуг вуза, давшего России плеяду талантливых конструкторов и военных, для подкрепления отечественного и международного имиджа Академии, наконец, для сохранения в умах и сердцах памяти об истоках, продолжения научных традиций славного прошлого и строительства не менее славного будущего одного из старейших российских вузов. 🐼

Александр Колбин

Главному редактору:

Меня как постоянного читателя *Индекса Безопасности* – журнала, посвященного различным аспектам безопасности – удивляет, насколько мало внимания уделяется вопросам национальной безопасности, базирующимся на конфликтах в сфере социальной безопасности, а также угрозам непосредственно обществу. Одна из таких проблем – это проблема наркомании.

Начну с того, что задам простой вопрос: каким образом наркомания влияет на безопасность России?

Во-первых, наркомания как явление влечет за собой повышение криминальной опасности. Незаконный оборот наркотиков обуславливает связь части общества с криминальным миром и, что более опасно, фактически финансирует криминальный мир. Эти деньги могут расходоваться на разные цели – закупки оружия, финансирование терроризма и другие.

Во-вторых, демографические риски, и так присутствующие в российском обществе, усугубляются проблемой наркомании. В отличие от алкоголизма, имеющего определенную инерционность, возрастное покрытие населения наркомании и интенсивность деградации гораздо более *опасные*. Основной процент наркоманов составляют люди возраста 15–35 лет, а это – возраст максимального потенциала человека, как в области репродуктивной, так и творческой. Это возраст, когда молодые люди должны служить в армии, защищать безопасность своей страны. Это возраст, когда формируется молодая семья, а семья – это основа общества. Наркозависимые люди, количество которых неуклонно растет, становятся социально пассивными. Ухудшение демографической ситуации также является одной из ключевых угроз национальной безопасности.

В-третьих, социальные проблемы влекут за собой проблемы экономического развития, вызывают снижение экономического потенциала страны. Экономике нашей страны для обеспечения сбалансированного развития необходимы колоссальные прорывы, а прорывы достижимы двумя путями – осознанный, мотивированный труд и модернизация. Ни то, ни другое невозможно в обществе, отягощенном балластом *больных*, пассивных людей.

Становится очевидным, что проблема наркомании напрямую связана с вопросами национальной безопасности России. Каким образом возможно ответить на этот вызов, который может серьезно сказаться на будущем нашей страны?

Можно выделить три направления, на которых возможно принятие мер по противодействию распространению угрозы наркомании. Это профилактика наркомании, пресечение наркотрафика, а также реабилитация наркозависимых людей. Таким образом, очевидно, что борьба с наркоугрозой должна вестись в двух измерениях – *внешнем* (борьба с трансграничным наркотрафиком) и *внутреннем* (профилактика наркомании и вопросы лечения и реабилитации). В России, при наличии определенных успехов на поле пресечения наркотрафика, внутреннее измерение, к сожалению, остается без должного

го внимания, в то время как в международной практике мерам профилактики и работы с наркозависимыми придается большое значение. Это связано, прежде всего, с задачей ликвидации покупательной базы для наркоторговли.

В *Нидерландах* большое значение имеет информационно-просветительский компонент. В рамках этого направления действуют Информационная система по алкоголю и наркотикам (LADIS), Институт Тримбоса, Фонд общественного здравоохранения СТИВОРО и другие учреждения. LADIS представляет собой национальную базу данных о наркоманах, а также об основных тенденциях в работе с наркозависимыми. Институт Тримбоса – национальный центр передового опыта в области охраны психического здоровья, наркомании, ухода и социальной работы. Одной из основных его задач является мониторинг ситуации с психическими проблемами, в том числе связанными с наркоманией. Фонд общественного здравоохранения СТИВОРО осуществляет реализацию антинаркотических просветительских программ, создание контакта с молодежью, направленного на предотвращение наркопотребления. Кроме того, фонд сотрудничает с аналогичными организациями за рубежом.

Для оценки угрозы *немецкие специалисты* в своих выводах используют цифры косвенного ущерба, приносимого обществу употреблением алкоголя и наркотиков. При определении вреда анализируется статистика правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Изучение употребления психоактивных веществ в сочетании с культурными традициями, а также внедрение гендерных технологий позволяют повысить эффективность профилактики и лечения наркозависимости.

В *странах Латинской Америки* существуют программы поддержки сельского хозяйства (как группы риска в целях профилактики) и программы реабилитации наркозависимых – проекты по трудоустройству, когда человек помещается в профилакторий, где проходит лечение и трудится. Средства на его содержание при этом выручаются как раз за счет его труда.

В России же приоритетом остается *физическое устранение угрозы*, то есть попытка избавиться от наркотических веществ в принципе. Однако важно помнить, что пока существует спрос на продукцию наркоиндустрии, то будут изыскиваться и пути ее доставки. Поэтому на деле отсутствие мер по профилактике и реабилитации подрывает усилия по пресечению наркотрафика, а тот ущерб, который несет российское общество прямо или косвенно, намного превышает размер тех затрат, которые требуются для проведения профилактических мер.

Очевидно, что работа по противодействию наркомании на *внутреннем* направлении необходима. Также очевидно, что усилиями исключительно государственных структур столь серьезную проблему решить невозможно. Государство, имея социальные обязательства по преодолению проблемы наркомании и наркотиков, обязано определить конкретные меры защиты своих граждан. Однако государство также должно поддерживать те инициативы, которые идут *снизу* – тот потенциал, который существует на сегодняшний день – прежде всего благотворительные и религиозные, православные и мусульманские, организации, – попросту не используется.

Эффективная организация работы по профилактике и преодолению наркомании требует создания в России единого консультативно-организационного центра, объединяющего накопленный научный потенциал как государственных, так и общественных организаций. Его централизация может носить методологический и вспомогательно-организационный характер, обеспечивая поддержку и определенную свободу инициатив на местах. Необходимым элементом должна быть возможность работы с иностранным опытом. Деятельность такого центра может иметь постоянный характер и регулироваться положениями комплексных программ, принимаемых на федеральном уровне. Однако ключевым аспектом все же считаю признание наркомании угрозой безопасности России и *понимание* необходимости принятия мер не только трансграничного, но и внутреннего характера. 🐾

Юрий Гусев
Советник Председателя правления Мираф-банка
Президент фонда «Преодоление»
poliprof@yandex.ru

F R O M T H E E D I T O R

- 7 **Searching for the Right Path:** «It seems that the new developments unfolding in the world, the things that affect people's minds, are not finding any response. Or if they are, the response is superficial; it does not take into account the seriousness of the transformations. The question is, how to bring together the new and the traditional? How to find the right path, in state policy and editorial policy alike?» – writes **Irina Mironova**, assistant to the editor-in-chief of *Security Index*.

I N T E R V I E W

- 11 **Anatoly Antonov:** «The situation with missile defense is the litmus test that will soon demonstrate whether the sides are ready for effective cooperation» – If we accept that the *Reset* in Russian-US relations has been completed, does that mean that the irritants and differences in our military-political relations have disappeared? The answer is that the differences still remain. Anatoly Antonov is Russian Deputy Minister of Defense.
Key words: *New START treaty, nuclear disarmament, high-precision weapons, missile defense in Europe, Russia–NATO.*

- 15 **Rose Gottemoeller:** «The New START Treaty – a continuation of successful history and a victory for both sides» – the New START treaty has clearly become a new stage in the development of relations between the United States and Russia. What is the main difference between the new treaty and its predecessors? What are the nuances of the ratification procedure? We have put these questions to US Assistant Secretary of State Rose Gottemoeller.
Key words: *ratification of the New START Treaty, history of US–Russian arms control talks.*

A N A L Y S I S

- 21 **Anatoly Anin, Rodion Ayumov. CFE – Yesterday, Today... Tomorrow?...** – The year 2010 saw increased efforts to find a way out of the continued crisis with the Conventional Forces in Europe Treaty. Europe and Russia need a new conventional arms control regime in equal measure. Arms control experts offer an analysis of Russian and NATO approaches to the CFE regime and some conclusions about its prospects.
Key words: *history of CFE talks.*

- 37 **Victor Sumsky. Why Russia Was Not a Member of EAS, and Why It Is Now Being Invited to Join** – Why, despite all the contraindications, are we still being invited to join the East Asia Summit, along with the United States, which had until recently expressed no interest in membership? The director of the ASEAN Centre in MGIMO analyses this question.
Key words: *East-Asian regionalism, ASEAN, China, United States, Russia and East Asia region.*
- 45 **Yuliya Nikitina. The CSTO and the SCO as Models of Regional Security Cooperation** – Many nations pursue the strategy of participating in regional organizations and cooperation platforms whose objectives and membership are very similar. That enables them to conduct a diversified foreign policy of balancing between the interests of the great regional powers. Yuliya Nikitina is a researcher at the Center for Postsoviet Studies and a professor at MGIMO.
Key words: *regional security, CSTO–SCO.*
- 55 **Svetlana Klyuchanskaya. Prospects for Strategic Cooperation Between Russia and Southeast Asian Countries** – Cooperation between Russia and Southeast Asian countries in areas such as arms trade, nuclear energy, space and nanotechnologies plays a very important role. Given the right approach, relations with countries in the region could not only bring Russia financial gain, but also spur the development of its science and technology. The author is a researcher at Tomsk State University.
Key words: *Southeast Asian countries, Russia, military and technical cooperation, nuclear energy, space, nanotechnologies.*

R O U N D T A B L E

- 87 **Kirill Barsky, Alexey Borodavkin, Mikhail Galuzin, Aleksander Lukin, Vyacheslav Nikonov, Armen Oganesyanyan, Vladimir Orlov, Alexander Panov, Vadim Pestov, Victor Sumsky, Georgy Toloraya, Alexander Vorontsov. Russia's Foreign Policy in the Pacific** – What are the outcomes of Russia's policy of integration into the Asia Pacific region in 2010? What is preventing Russia's integration into the regional context, and what are the problems that need to be resolved to facilitate productive cooperation with countries in the region? These and other issues were discussed at a round table hosted by PIR Center in cooperation with the *International Affairs* journal.
Key words: *Russia, Asia Pacific, regional problems.*

C O M M E N T A R Y

- 105 **Alexander Nikitin. Russia's Participation in International Peacekeeping and Prospects for Its Reform** – There are several increasingly divergent models of international intervention during conflicts. This is having a serious impact on Russia's participation in peacekeeping operations. Aleksander Nikitin is the director of the Center for Political and International Studies and a professor at MGIMO.
Key words: *collective operations, intervention by regional organizations, narrow and broad definition of peacekeeping.*
- 113 **Vadim Kozyulin, Galiya Ibragimova. Afghanistan: What Lies Ahead and What It Means for Russia** – The United States and the EU are now completely mired in Iraq and Afghanistan. The two countries are gobbling up enormous resources, producing fresh examples of mind-boggling waste and leaving next to no hope of any constructive new projects being launched. Meanwhile, Barak Obama has already set the date for the beginning of the

pullout of coalition troops from Afghanistan: July 2011. Vadim Kozyulin is the director of the Conventional Arms Project at PIR Center; Galiya Ibragimova is a researcher at the University of International Economics and Diplomacy in Tashkent, Uzbekistan.

Key words: *pullout of coalition troops, Al Qaeda, the Taliban.*

REVIEWS OF RECENT WORLD EVENTS

- 121 **Galiya Ibragimova. *iSi* Index in January-March 2011: *Winter of Change*** – The International Security Index fell in response to turmoil in the Middle East and North Africa, which has led to a serious deterioration in the regional and global security situation. Terrorist attacks were on the rise in Pakistan, Iraq and Afghanistan. Earthquakes in New Zealand and Japan, and the ongoing crisis at Japan's *Fukushima-1* nuclear power plant also weighed the *iSi* index down.
Key words: *natural and manmade disasters, Middle East, Korean peninsula, strategic stability and nuclear safety.*
- 126 **Yury Fedorov. *A View by a Russian Liberal: Everything is Back to Normal*** – Only two years ago it seemed that the world was on the brink of fundamental changes, whose nature and consequences would be difficult to analyze or predict. But nothing dramatic has actually happened. The world politics is once again back to normal.
Key words: *NATO Strategic Concept, New START treaty, missile defense.*
- 140 **Dmitry Evstafyev. *A View by a Russian Conservative: Chronicles of Announced Deaths*** – And so it has begun. Hardly anyone will now deny the fact that the long-promised new world dis-order has finally arrived. It came suddenly, just as every new historical era comes. The spring that had been accumulating tensions for years has sprung.
Key words: *WikiLeaks, Middle East, New START treaty, Central Asia, new world order.*

PAGES OF HISTORY

- 153 **Aleksey Obukhov. *Secrets of a True Negotiator*** – Both Moscow and Washington saw the special significance of the strategic arms limitation talks. The burden of responsibility shouldered by the Soviet delegation was very heavy. A special role in directing and organizing the work of the delegation belonged to its first chairman, Vladimir Semenov. Aleksey Obukhov is a participant of Soviet-American negotiations on strategic arms limitations and reductions.
Key words: *V.S. Semenov, history of arms limitation talks, work of the Soviet delegation.*

LIBRARY

- 167 **Ekaterina Stepanova. *Asymmetric Conflict as a Non-Mathematical Category*** – Who takes part in asymmetric conflicts, and how has the list of participants changed over time? What are the criteria of asymmetry, apart from military power and status? What exactly enables the armed adversary who does not enjoy widespread support among the local population to continue asymmetric armed confrontation indefinitely? Every modern concept of asymmetric conflict must provide definitive answers to these three basic questions. Ekaterina Stepanova is a leading researcher at the Institute of World Economy and International Relations, the Russian Academy of Sciences.
Key words: *theory of asymmetric conflict.*

173	Maksim Bratersky. Honestly About Politics? – Unlike the Americans or Europeans, Russia will forever remain Iran’s neighbor. If military action against Iran fails, the Americans will board their ships and go home. Russia will not have that opportunity, so it is much more mindful of the possible consequences. The author is the deputy head of the Chair of World Politics at State University – the Higher School of Economics. <i>Key words:</i> <i>Iranian crisis, US policy on Iran, Russian policy on Iran.</i>
	<u>L E T T E R T O T H E E D I T O R</u>
185	Yury Gusev. Drugs: Another Threat to Russia’s Security.
187	<u>S U M M A R Y</u>
191	<u>A B O U T T H E A U T H O R S</u>
196	<u>P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D</u>
199	<u>S U S T A I N A B L E P A R T N E R S H I P W I T H R U S S I A G R O U P</u>
200	<u>I N T E R N A T I O N A L E X P E R T G R O U P</u>
	<u>F I N A L Q U O T E S</u>
Cov.III	On the Qualities of Mind

Анин Анатолий – независимый эксперт, участник российско-американских переговоров по ДОВСЕ и СНВ.

Антонов Анатолий Иванович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, кандидат экономических наук, заместитель министра обороны РФ. Более 30 лет работал в системе Министерства иностранных дел Советского Союза и Российской Федерации на различных должностях в центральном аппарате и за рубежом. С 2004 г. – директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения Министерства иностранных дел РФ. Был руководителем ряда российских правительственных делегаций, в том числе на переговорах со странами *Группы восьми*; по Договору о нераспространении ядерного оружия; по обзору действия Конвенции о «негуманном» оружии; о запрещении химического оружия, о запрещении биологического оружия на переговорах по многосторонним механизмам экспортного контроля. Являлся руководителем российской делегации на переговорах с США по новому Договору о стратегических наступательных вооружениях. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, член СУПР.

Аюмов Родион – независимый эксперт.

Барский Кирилл Михайлович – заместитель директора Департамента азиатско-тихоокеанского сотрудничества МИД РФ, кандидат исторических наук. Ранее – советник-посланник в Посольстве России в Индонезии.

Бородавкин Алексей Николаевич – заместитель министра иностранных дел России. Курирует отношения со странами Азии, вопросы многостороннего сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На дипломатической службе с 1975 г. Занимал различные дипломатические должности в центральном аппарате и за рубежом (Таиланд, Словакия, Австрия). В 1999–2002 гг. директор Четвертого департамента стран СНГ. В 2002–2004 гг. Посол России в Словацкой Республике. В 2004–2008 гг. Постоянный представитель Российской Федерации при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Вене, Австрия. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Братерский Максим Владимирович – профессор, заведующий кафедрой мировой политики ГУ ВШЭ, доктор политических наук. Закончил Санкт-Петербургский университет как востоковед-филолог, в 1980-х гг. работал переводчиком-синхронистом, затем исследователем в Институте США и Канады Академии наук. 1993–2004 гг. – директор российской программы и преподаватель Стэнфордского университета. В ГУ ВШЭ – с 2004 г. В 2004–2008 гг. – исполнительный директор Школы российских исследований, с 2008 г. – профессор. Специализируется в области изучения внешней политики России, внешней политики США, международных отношений

в Азиатском регионе, международной политической экономики. Адрес электронной почты: bratersky@gmail.com

Воронцов Александр Валентинович – заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук. Адрес электронной почты: okm@ivran.ru

Галузин Михаил Юрьевич – директор Третьего департамента Азии МИД РФ, в 2001–2008 гг. работал в должности советника-посланника Посольства Российской Федерации в Японии. Адрес электронной почты: datr@mid.ru

Готтемюллер Роуз – заместитель Госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями. Ранее – директор Московского центра Карнеги, ведущий научный сотрудник Фонда Карнеги за международный мир (Вашингтон, США). До октября 2000 г. была заместителем министра энергетики США по вопросам ядерного нераспространения. С ноября 1997 г. работала в Министерстве энергетики в качестве директора департамента по нераспространению ОМУ и национальной безопасности. В 1994–1997 гг. – заместитель директора Международного института стратегических исследований (Лондон, Великобритания). В 1993–1994 гг. – директор по делам России, Украины и Евразии Совета национальной безопасности США. Сфера научных интересов – вопросы нераспространения ядерного оружия и стратегической стабильности. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич – директор департамента стратегии коммуникаций *ТНК-ВР*. Окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ в 1989 г., работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. защитил диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее – старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. В 2001–2006 гг. работал в ЗАО *Компания развития общественных связей (КРОС)*, а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*. Позже работал заместителем генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*.

Ибрагимова Галия Ринатовна – консультант ПИР-Центра, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Ташкенте. Научный сотрудник Университета мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан). Выпускница магистратуры отделения международной журналистики факультета международных отношений УМЭД. В 2008–2009 гг. прошла интенсивный курс по программе MBA в Узбекско-японском центре развития людских ресурсов с присвоением международной степени Project Management Professional (PMP). Участница ряда конференций по проблемам региональной безопасности в Центральной Азии. Выпускница Международной летней школы по проблемам международной безопасности (2008). Адрес электронной почты: ibragimova@pircenter.org

Ключанская Светлана Александровна – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета. Выпускница факультета международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления по специальности «регионоведение». Участвовала в российских и международных конференциях, посвященных проблемам ядерного нераспространения, будущего атомной энергетики, безопасности. Участница Международных летних школ по нераспространению Томского государственного университета в 2008–2010 гг. В январе–августе 2010 г. прошла стажировку в ПИР-Центре, выпускница Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности (2010). Адрес электронной почты: babianna@mail.ru

Козюлин Вадим Борисович – директор проекта по обычным вооружениям ПИР-Центра. Научный сотрудник ПИР-Центра с 1994 г. Профессор Академии военных наук. В 1990 г. окончил МГИМО МИД СССР. В 2002 г. окончил Всероссийскую академию внешней торговли по специальности «Управление военно-техническим сотрудничеством». Работал

в МИД СССР/РФ, затем в отделе эксклюзивной информации газеты *Московские Новости*, был представителем РГП *Казспецэкспорт* в России. Сотрудничает с компаниями-специалистами стран СНГ и дальнего зарубежья. Адрес электронной почты: kozyulin@pircenter.org

Лукин Александр Владимирович – директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У) МИД РФ. Работал в МИД СССР, Посольстве СССР в КНР, Институте востоковедения АН СССР. В 1990 г. избран депутатом Моссовета, возглавлял подкомиссию по межрегиональным связям. В 1997 г. получил степень доктора философии по специальности «политика» в Оксфордском университете (Великобритания), в 2007 г. – доктора исторических наук в Дипломатической академии МИД России. Работал в Гарвардском университете и Институте им. Брукинса (США), в 1999–2007 гг. – доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У), в 2000–2006 гг. – ассоциированный исследователь Института европейских, российских и евразийских исследований Университета им. Дж. Вашингтона (США). Член Российского национального комитета Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ). Адрес электронной почты: a.lukin@inno.mgimo.ru

Никитин Александр Иванович – директор Центра политических и международных исследований. Профессор кафедры МГИМО (У) МИД РФ, профессор Академии военных наук РФ. Ранее – сотрудник Института США и Канады РАН, представительства СССР при ООН. Сфера научных интересов – проблемы международной безопасности, политика в области ядерного разоружения, проблемы урегулирования региональных конфликтов. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: an@inno.mgimo.ru

Никитина Юлия Александровна – научный сотрудник Центра постсоветских исследований, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД РФ. В 1998–2002 гг. училась на факультете международных отношений МГИМО (У), отделение «политология». В 2004 г. окончила Российско-французское отделение магистратуры по направлению «международные отношения» (программа «Мировая политика») МГИМО (У) МИД РФ – Институт политических наук, Париж (Institut d'Études Politiques). Адрес электронной почты: y.nikitina@inno.mgimo.ru

Никонов Вячеслав Алексеевич – исполнительный директор правления Фонда «Русский Мир», и.о. декана факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Доктор исторических наук, политический аналитик, общественный деятель. Президент фондов «Политика», «Единство во имя России», главный редактор журнала *Стратегия России*, председатель Российского национального комитета Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (РНК АТССБ). С 1997 по 2001 г. – член политического консультативного Совета при Президенте РФ, Комиссии по правам человека при Президенте РФ, экспертного совета Комиссии при Президенте РФ по противодействию политическому экстремизму. В 2005–2007 гг. – член Общественной палаты Российской Федерации, Председатель комиссии Общественной палаты по международному сотрудничеству и общественной дипломатии. Член Centre russe d'études politiques – Европейского отделения ПИР-Центра.

Обухов Алексей Александрович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, в 1990–1992 гг. – заместитель министра иностранных дел СССР/России. С 1971 г. – участник советско-американских переговоров по вопросам ограничения и сокращения стратегических вооружений (переговоры по ОССВ, СНВ-1, СНВ-2) и о запрещении ядерных испытаний. Являлся главой советской делегации на переговорах с США по ограничению и сокращению ядерных вооружений в 1987 г. 1992–1996 гг. – посол России в Дании. С 1997 г. – Посол по особым поручениям МИД РФ. В 1997–2003 гг. – глава официальной государственной делегации России на российско-литовских переговорах о российско-литовской государственной границе.

Оганесян Армен Гарникович – главный редактор журнала *Международная Жизнь*. Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1983 по 1990 г. – главный редактор радиовещания на Великобританию и Ирландию Международного московского

радио. С 1987 г. – корреспондент Гостелерадио СССР в Лондоне. С 1990 по 1992 г. – генеральный директор объединения «Астра» РТРК «Останкино». С 1992 по 1994 г. – руководитель Международного московского радио. С апреля 1993 г. по 23 октября 2008 г. – председатель Российской государственной радиовещательной компании «Голос России». Внештатный советник министра иностранных дел РФ.

Орлов Владимир Андреевич – основатель и президент ПИР-Центра. Помимо руководства ПИР-Центром в Москве, также возглавляет его Европейское отделение в Женеве – *Centre russe d'études politiques*. Является членом Совета ПИР-Центра. С 1994 г. – главный редактор журнала *Индекс Безопасности* (до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*). Член Общественного совета при Министерстве обороны РФ. Член российской делегации на Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2010. Член Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН. Член Монтерейской группы по разработке стратегии в области нераспространения. Член Редакционной коллегии журнала *Washington Quarterly*. Член Международного клуба *Триалог*. Ассоциированный научный сотрудник Женевского центра политики безопасности (GCSP). Кандидат политических наук. Занимается активной преподавательской и просветительской деятельностью в России и за рубежом. Под его редакцией был издан учебник *Ядерное нераспространение*. Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

Панов Александр Николаевич – ректор Дипломатической академии МИД РФ (до декабря 2010 г.). Доктор политических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Заслуженный работник дипломатической службы. В разное время занимал должности Посла Российской Федерации в Республике Корея, Японии, Норвегии. Адрес электронной почты: Alexander.Panov@dipacademy.ru

Пестов Вадим Александрович – главный специалист департамента международного сотрудничества государственной корпорации по атомной энергии *Росатом*. Адрес электронной почты: VAPestov@rosatom.ru

Степанова Екатерина Андреевна – ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, руководитель группы по исследованию проблем мира и конфликтов. Кандидат исторических наук. Специалист по проблемам международных конфликтов и терроризма, транснациональной преступности, сетевым структурам. В 1995–2000 гг. работала координатором программ и исследователем по проблемам внешней политики и безопасности в Московском центре Фонда Карнеги за международный мир. В 2001–2009 гг. работала в Центре международной безопасности ИМЭМО старшим научным сотрудником, руководителем группы по нетрадиционным угрозам. В 2007–2009 гг. руководила Программой по вооруженным конфликтам и регулированию конфликтов СИПРИ. Автор более 100 научных публикаций, включая шесть авторских монографий на русском, английском и испанском языках. Входит в состав редколлегий рецензируемых журналов *Terrorism and Political Violence*, *The International Journal on Conflicts and Violence* и *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: stepanova@imemo.ru

Сумский Виктор Владимирович – директор Центра АСЕАН при МГИМО, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, доктор исторических наук. В 1975 г. окончил МГИМО. Работал в МИДе, Институте Востоковедения РАН, ИМЭМО РАН. Специализируется в области внутренней политики стран ЮВА, международных отношений в Восточной Азии, истории и современности развития АСЕАН. Адрес электронной почты: victor.sumsky@gmail.com

Толорая Георгий Давидович – вице-президент фонда «Единство во имя России», директор корейских программ Института экономики РАН. Доктор экономических наук, профессор востоковедения. В 1978 г. окончил МГИМО МИД СССР. С 1978 по 1980 г. и с 1984 по 1987 г. работал в качестве сотрудника Торгового представительства СССР в КНДР. В период с 1980 по 1990 г. был младшим научным сотрудником и научным сотрудником ИЭМСС АН СССР. С 1981 г. преподавал в МГИМО. В 1990–1991 гг. ответственный секретарь Советско-Южнокорейского совета по экономическому сотрудничеству Торгово-промышленной палаты СССР. С 1991 г. работал заведующим отделом Кореи МИД РФ (1991–1993), советником-посланником Посольства РФ в Республике Ко-

рея (1993–1998), заместителем директора Первого департамента Азии МИД РФ (1998–2003), генеральным консулом РФ в Сиднее (2003–2007). Адрес электронной почты: rusmirasaf@yandex.ru

Федоров Юрий Евгеньевич – научный сотрудник Королевского института международных отношений (Великобритания). Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. С сентября 1998 г. – заведующий сектором, а с декабря 2000 г. – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. – заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. – заместитель директора Института прикладных международных исследований. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: yufedorov@rambler.ru

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 10 апреля 2011 г.)

Айнхорн Роберт, Старший советник госсекретаря США, Госдепартамент, Вашингтон, США

Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизия

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий лабораторией, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., заместитель министра, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корреспондент РАН, руководитель центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Пало-Альто, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., основатель Центра международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, начальник Международно-договорного управления – заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (2002–2009 гг.), Москва, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., директор, Департамент общеевропейского сотрудничества, МИД РФ, Москва, Россия

Геттемюллер Роуз, заместитель госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями, Вашингтон, США

Данапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, Коломбо, Шри-Ланка

Данилов Дмитрий Александрович, заведующий, отдел европейской безопасности Института Европы РАН, Москва, Россия

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Джонсон Ребекка, д-р, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., директор департамента стратегии коммуникаций, управление общественных связей, *ТНК-ВР*, Москва, Россия

Елеуенов Дастан Шериазданович, к.ф.-м.н., советник, посольство Республики Казахстан в США, Вашингтон, США

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель центра, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Кожокин Евгений Михайлович, д.и.н., ректор, Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиаационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия

Лукьянов Федор Александрович, главный редактор, журнал *Россия в Глобальной Политике*, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Льюис Патриция, д-р, заместитель директора, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Людекинг Рюдигер, постоянный представитель Германии при ООН и других международных организациях, Вена, Австрия

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Международная Жизнь, журнал, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Мурогов Виктор Михайлович, профессор, Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия

Мурсанков Сергей Геннадьевич, заместитель директора, Аналитический центр, ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация», Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, Москва, Россия

Радчук Александр Васильевич, советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия

Решетников Леонид Петрович, генерал-лейтенант, директор, Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Москва, Россия

РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Центр по изучению проблем разоружения, МФТИ, Москва, Россия

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., старший советник Постоянного представительства РФ при НАТО, Брюссель, Бельгия

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Соков Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Тимербаев Роланд Михайлович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., профессор, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Трубников Вячеслав Иванович, генерал армии, член дирекции, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., старший сотрудник, департамент по ядерной безопасности, МАГАТЭ, Вена, Австрия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., эксперт Службы внешней разведки, Москва, Россия

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности (NPSGlobal), Буэнос-Айрес, Аргентина

Хлопков Антон Викторович, директор, Центр энергетики и безопасности, Москва, Россия

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР

Шлык Виталий Васильевич, председатель, Комиссия Общественного Совета при Министерстве обороны РФ по политике безопасности и проведению общественной экспертизы проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов, разрабатываемых в Минобороны России, Москва, Россия

Эггерт Константин фон, член Королевского института международных отношений, Москва, Россия

СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

(по состоянию на 10 апреля 2011 г.)

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, к.э.н., заместитель министра, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, начальник Международного договорного управления – заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (2002 – 2009 гг.), Москва, Россия

Ганкин Леонид Эммануилович, заведующий отделом, отдел внешней политики, газета *Коммерсант*, Москва, Россия

Зевелев Игорь Александрович, д.п.н., директор Московского филиала, Фонд МакАртуров, Москва, Россия

Орлов Владимир Андреевич, к.п.н., президент, ПИР-Центр, Москва, Россия

Пайфер Стивен, посол, старший научный сотрудник, Институт Брукингса, Вашингтон, США

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Скуазони Шэрон, директор, старший научный сотрудник, Программа по предотвращению распространения, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Спасский Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, заместитель генерального директора, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Холловэй Дэвид, д-р, проф., член Совета директоров, Фонд Плаушерс, Сан-Франциско, США

Хоффман Дэвид, редактор международного отдела газеты *Вашингтон Пост* (2001–2009 гг.), Вашингтон, США

Эллеман Майкл, старший научный сотрудник, Международный институт стратегических исследований, Вашингтон, США

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

(по состоянию на 10 апреля 2011 г.)

Аргуэльо Ирма, основатель и руководитель, Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, начальник Международного договорного управления – заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (2002 – 2009 г.), Москва, Россия

Джаятиллека Дайан, посол Шри-Ланки во Франции, представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, Париж, Франция

Дунай Пал, руководитель программы по международной безопасности, Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Поттер Уильям, проф., директор, Центр исследования проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Рамальо Антонио, профессор международных отношений, Университет Бразилиа, Бразилиа, Бразилия

Сагер Абдулазиз, основатель и председатель, Исследовательский Центр Залива, президент Sager Group Holding, Дубай, ОАЭ

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Толипов Фарход Фазилович, политолог, Ташкент, Узбекистан

Унникришнан Нандан, директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник, исследовательский фонда *Observer*, Дели, Индия

Эггерт Константин фон, член Королевского института международных отношений, Москва, Россия